L. rel. 2629 f

19135

№ 526 / 2446 ч/69

Семибальскаго двухклассного приходскаго училища.—

О ЗНАЧЕНІИ

ФОРМЪ РУССКАГО ГЛАГОЛА.

СОЧИНЕНІЕ

[ikolaja Petrovića]

Н. НЕКРАСОВА.

(*Посвящается Ѳ. И. Буслаеву.*)

Северная Краевая Научная Библиотека

13710

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи и литографіи І. Паульсона и Ко.

1865.

Северная Краевая Научная Библиотека

A170/917

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5-го Февраля 1865 года.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Ѳеодоръ Ивановичъ!

Книга, посвящаемая Вамъ, содержитъ много несогласнаго съ тѣмъ, что находится въ Вашемъ почтенномъ трудѣ «Исторической Грамматикѣ Русскаго языка». Сознавая вполнѣ многія достоинства Вашей книги, я однако расхожусь съ нею относительно теоретической ея части; ибо здѣсь вы слѣдовали по большей части принятой уже теоріи, которая нашла для себя въ Вашемъ трудѣ только полнѣйшее и лучшее изложеніе. Впрочемъ, множество замѣчательнѣйшихъ примѣровъ и любопытнѣйшихъ примѣчаній въ Вашей книгѣ неопровержимо свидѣтельствуетъ о разладѣ, который испытывали Вы Сами, сравнивая данныя языка съ подробно, но невѣрно, развившеюся его теоріею. Поэтому, сознавая, можетъ быть, болѣе, чѣмъ кто-либо, несостоятельность этой послѣдней, Вы желали примирить ее, по возможности, съ богатствомъ собраннаго Вами матеріала. Но примиреніе оказалось невозможнымъ даже и подъ перомъ Вашимъ. Оттого въ Исторической Грамматикѣ яснѣе обнаружилась несостоятельность существующей теоріи, чѣмъ въ другихъ грамматикахъ, въ которыхъ языкъ на-

сильственно, прямо подводился подъ извѣстную систему теоріи. Въ этомъ отношеніи Вашъ почтенный трудъ имѣлъ для меня особенное достоинство. Внимательное изученіе какъ сильной, такъ и слабой его стороны, въ связи съ народною словесностью, навело меня на нѣкоторыя, смѣю сказать, новыя мысли относительно духа русскаго языка и послужило поводомъ къ изданію въ свѣтъ моего сочиненія. Вотъ почему, не смотря на разногласіе моихъ мнѣній съ существующей въ Вашей книгѣ теоріею, я считаю за честь признать свое сочиненіе обязаннымъ вліянію Вашего труда и посвятить его съ глубокимъ уваженіемъ Вашему имени, надѣясь, что, не смотря на свои недостатки, оно заслужитъ Вашего лестнаго для меня вниманія.

Н. Некрасовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніе . 1

Гл. I. Значеніе глагола, какъ особаго разряда словъ въ русскомъ языкѣ, и значеніе его въ живомъ употребленіи, т. е. въ рѣчи. Грамматическіе залоги. Смыслъ русской частицы *ся* при глаголахъ. Дѣленіе русскихъ глаголовъ на два разряда 25

Гл. II. О формахъ русскаго глагола: существительной и личной . . . 85

Гл. III. Объ отсутствіи формъ въ Русскомъ языкѣ для обозначенія временъ глагола 117

Гл. IV. О степеняхъ Русскаго глагола 140

Гл. V. О глаголахъ, сложныхъ съ предлогами 175

Гл. VI. О прилагательныхъ формахъ русскаго глагола 247

Гл. VII. Какимъ образомъ выражаются времена въ Русскомъ глаголѣ? . . 297

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ВВЕДЕНІЕ.

Наша русская грамматика пользуется весьма незавидною славою. Вотъ что говоритъ о ней знатокъ русскаго народнаго языка, В. И. Даль, въ IV выпускѣ своего полезнаго труда (я разумѣю «Толковый словарь живаго великорусскаго языка» (вып. IV, стр. IV): «составитель словаря искони былъ въ какомъ то разладѣ (съ грамматикою), не умѣя примѣнить ее къ нашему языку и чуждаясь ее, не столько по разсудку, сколько по какому то темному чувству опасенія, чтобы она не сбила его съ толку, не ошколярила, не стѣснила свободы пониманья, не обузила бы взгляда. Недовѣрчивость эта основана была на томъ, что онъ всюду встрѣчалъ въ русской грамматикѣ латинскую и нѣмецкую, а русской не находилъ.» Дѣйствительно, наша грамматика изобилуетъ схоластикою и вовсе непримѣнима къ пониманію родного языка. Время наложило на нее тяжелымъ гнетомъ общіе сухіе пріемы и взгляды, отъ которыхъ невольно станешь въ тупикъ при изученіи живой рѣчи. Стоитъ сравнить новые и старые учебники, чтобы вполнѣ убѣдиться въ справедливости сказанной мысли. Почти всюду тѣже пріемы, тѣже способы изложенія. Вездѣ вѣетъ однимъ и тѣмъ же тлетворнымъ духомъ правилъ и исключеній. Вездѣ языкъ разсматривается, какъ трупъ не смотря на предисловія, въ которыхъ авторы обѣщаютъ обращаться съ языкомъ, какъ съ живымъ организмомъ. Если встрѣчается различіе въ изложеніи и пріемахъ, то оно заключается лишь во внѣшности ихъ. Въ одномъ учебникѣ напр. насчитывается болѣе, въ другомъ менѣе частей рѣчи. Въ одномъ грамматика дѣлится на четыре части: этимологію, синтаксисъ, орѳографію и просодію; въ другомъ на двѣ: этимологію и синтаксисъ. Въ одномъ прежде говорится о глаголѣ, въ другомъ грамматика начинается съ имени существительнаго. Въ иныхъ учебникахъ правила предшествуютъ примѣрамъ, въ другихъ — при-

мѣры правиламъ и т. п. Но теорія оставалась во всѣхъ одна и таже. Она вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь нашихъ учебниковъ. Отъ ея вліянія не свободенъ самый послѣдній и самый замѣчательный трудъ, я разумѣю «Историческую Грамматику» профессора Ѳ. И. Буслаева. Историческая почва, внесенная въ изученіе русскаго языка, рѣзко отличаетъ ее отъ всѣхъ бывшихъ прежде грамматикъ съ однимъ теоретическимъ изложеніемъ. Одно это дѣло уже представляетъ весьма важную услугу, которую почтенный авторъ оказалъ русской грамматикѣ, какъ наукѣ. Но кромѣ того въ его книгѣ есть и другое не менѣе важное достоинство: авторъ постоянно обращаетъ вниманіе на различіе между языкомъ книжнымъ, и живымъ народнымъ. Такимъ образомъ онъ первый указалъ въ своей грамматикѣ на эти, такъ сказать, три струи, бѣгущія по руслу развитія нашего языка: историческую, книжную и живую народную. Фактическая сторона по этимъ тремъ направленіямъ развитія языка указана авторомъ въ возможно полномъ объемѣ. Все это дѣлаетъ его книгу необходимою для каждаго, занимающагося изученіемъ русскаго языка. Но при всѣхъ важныхъ и неоспоримыхъ достоинствахъ она имѣетъ и свою слабую сторону въ теоретическомъ отношеніи. Факты, взятые изъ исторіи языка, изъ его устнаго народнаго и книжнаго употребленія не связаны между собою органически. Авторъ почти во всемъ въ сущности остался вѣрнымъ тому же теоретическому взгляду на разработку ихъ, который существовалъ до его книги. Вліяніе теоріи, предписывающей правила языку, необходимо должно было ограничить ученую разработку собраннаго авторомъ богатаго матеріала дѣятельностію троякаго рода: одно онъ долженъ былъ отбрасывать, другое — замѣнять, третье — прибавлять, но все это дѣлать въ духѣ прежнихъ правилъ и исключеній. Поэтому хотя теоретическая часть труда профессора въ сущности отличается тѣмъ же направленіемъ, какое было и прежде, но она излагается съ такою точностію и ясностію, до какой можетъ достигнуть полное и добросовѣстное изученіе языка съ точки зрѣнія установившейся уже теоріи. Но именно это-то послѣднее достоинство — достоинство изложенія — и служитъ объясненіемъ того, что въ «Исторической Грамматикѣ» передъ лицомъ фактовъ языка отразилась, какъ въ зеркалѣ, несостоятельность принятой авторомъ теоріи. Какъ бы то ни было книга профессора Буслаева имѣетъ для науки два весьма важныхъ значенія: съ

одной стороны она представляетъ замѣчательный и обильный матеріалъ для изученія языка; съ другой — полную теорію нашихъ грамматикъ, изложенную съ большею ясностію и знаніемъ дѣла. Читая ее, мы увидѣли, что идти далѣе по тому же пути въ изложеніи теоріи нѣкуда; а между тѣмъ множество фактовъ въ языкѣ остаются безъ надлежащаго объясненія. Вотъ почему мы пользуемся исключительно этою книгою для возраженій противъ существующей теоріи русской грамматики, и, несмотря на несогласіе нашихъ выводовъ съ нею, считаемъ долгомъ быть признательными ей, какъ труду, наведшему насъ своею фактическою стороною на новыя мысли о русскомъ глаголѣ.

Вернемся теперь нѣсколько назадъ къ вопросу о теоріи принятой вообще въ нашихъ грамматикахъ и постараемся объяснить вкратцѣ причины ея несостоятельности. Было уже замѣчено, что главный, существенный недостатокъ состоитъ въ *непримѣнимости* ея къ языку русскому. Но откуда же эта *непримѣнимость*, когда вся забота авторовъ грамматикъ и состояла въ томъ, чтобы примѣнять ту или другую теорію къ нашему языку? Изъ того ложнаго метода, отъ котораго въ нашъ вѣкъ всѣ науки освобождаются мало по малу. Теперь не мысль повѣряется фактомъ, а изъ фактовъ дѣлаются непосредственныя выводы. Ни къ чему въ настоящее время нельзя подходить съ самодовольнымъ чувствомъ знатока и съ готовою мыслію, выработанною заранѣе чрезъ знакомство съ разными отвлеченными теоріями. Необходимо прежде всего приступить къ разсматриванію и изученію фактовъ и явленій природы и жизни. Въ настоящее время какъ-то неприлично стало смотрѣть на нихъ свысока, ставить науку на высшую подставку въ сравненіи съ природой и жизнію и рядиться въ докторскую мантію ученаго Вагнера, надменнаго своею ученостію. Пришло время сознанія, что вся наша вѣковая ученость — ничто въ сравненіи съ безконечнымъ разнообразіемъ силъ и законовъ, проявляющихся въ явленіяхъ природы и жизни, что не они зависятъ отъ нашихъ знаній, а наши знанія зависятъ отъ ихъ благосклонности предстать предъ испытующимъ умомъ въ болѣе или менѣе доступной, ясной формѣ; что вся наука живетъ не гдѣ-нибудь на сторонѣ, а именно внутри, въ самыхъ явленіяхъ природы и жизни, и что, наконецъ, пора уже бросить важно драпироваться въ ученую мантію и обратить ее въ мѣшокъ для сбора фактовъ. Теперь наука извлекается не изъ головы, а изъ нѣдръ самой жизни и при-

роды. Такъ ли дѣлается въ нашей грамматикѣ? Слѣдуетъ ли изученіе русскаго языка этому плодотворному методу, методу индуктивному? пока нигдѣ этого не видно. До сихъ поръ дѣло дѣлалось такимъ образомъ: бралась готовая теорія и прилагалась прямо къ русскому языку. Основою для всей грамматической школы служили грамматики латинскія и нѣмецкія. Иногда же къ русскому языку примѣнялись выводы общей философской грамматики. Но въ томъ и другомъ случаѣ, очевидно, методъ былъ совершенно противуположный тому, которому слѣдуютъ въ настоящее время другія науки. Понятно, что примѣнимость теоріи къ языку могла быть лишь формальная, которою довольствовались до извѣстнаго времени, а потомъ, въ виду господства индуктивнаго метода, ложь формальной примѣнимости теоріи къ языку явилась предъ современными живыми интересами науки со всею очевидностью.

Извѣстно, что наука интересна тогда, когда въ ней видна жизнь, когда задача и стремленія ея ясны для каждаго, когда польза ея очевидна. Было время, когда всѣ безусловно вѣрили, что грамматика учитъ правильно говорить и писать, когда, слѣдовательно, практическая польза ея, какъ науки, была ясна для каждаго. Тогда никто не сомнѣвался въ необходимости ея изученія, и всѣ ея правила и исключенія заучивались съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ. Но это время прошло. Опытъ доказалъ, что грамматика не научаетъ говорить и писать правильно, что и то и другое гораздо легче пріобрѣтается навыкомъ, практикою. Къ чему же стало трудиться надъ скучнымъ, безжизненнымъ заучиваніемъ правилъ и исключеній? Явилось разочарованіе въ истинно научномъ значеніи грамматики и началось общее броженіе относительно пользы ея въ преподаваніи. Одни старались отстоять то, съ чѣмъ сжились впродолженіе многихъ лѣтъ; другіе, напротивъ, мало по малу доходили до полнаго отрицанія необходимости ея преподаванія. Послѣ сочиненія В. Гумбольдта: *Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwickelung des Menschengeschlechts* 1836 г. *). (О различіи строенія языковъ и его вліяніи

*) Я привелъ заглавіе книги В. Гумбольдта по нѣмецки, не смотря на то, что она переведена г. П. Билярскимъ на русскій языкъ, потому что, по моему мнѣнію, оно въ переводѣ передано не точно; а именно такъ: «О различіи *организмовъ* человѣческаго языка и т. д.» В. Гумбольдтъ вовсе не смотритъ на отдѣльные языки, какъ на особые организмы языка въ томъ смыслѣ, въ какомъ

на духовное развитіе человѣческаго рода), и книги Беккера: «Organism der Sprache» 1841 г. пошла въ ходъ новая мысль о языкѣ, какъ о живомъ организмѣ. Тогда увидѣли, что существующая теорія не представляетъ въ себѣ ничего живаго. Книга Беккера очаровала всѣхъ ясностью и систематическою послѣдовательностью логической постройки. Не многіе видѣли въ ней ту отвлеченность пониманія языка, отъ которой далекъ былъ В. Гумбольдтъ. Успѣхъ книги Беккера былъ значительнѣе успѣха сочиненія Гумбольдта, особенно у насъ въ Россіи. Отвлеченное построеніе теоріи языка мы приняли за лучшую исходную точку для изученія и своего родного языка, тоже въ смыслѣ живаго организма, и отвлеченную теорію ученаго нѣмца стали прилагать къ языку русскому. Явилась замѣчательная брошюра г. Басистова: «Система Синтаксиса», написанная подъ непосредственнымъ вліяніемъ книги Беккера. Брошюра была встрѣчена многими похвальными отзывами. Дѣйствительно, никто лучше г. Басистова не представилъ другаго примѣненія теоріи нѣмецкаго ученаго къ языку русскому. Она до сихъ поръ не потеряла значенія для преподаванія такого синтаксиса русскаго языка, который долженъ быть основанъ на общихъ логическихъ началахъ языка. Но дѣло въ томъ, что ни нѣмецкій ученый, ни его русскій послѣдователь вовсе не представили языка въ томъ смыслѣ, въ какомъ желали. Читая книгу Беккера и систему синтаксиса г. Басистова, языкъ представляется скорѣе въ образѣ скелета, изсушеннаго логическимъ отвлеченіемъ и отчищеннаго систематическимъ изложеніемъ, чѣмъ въ образѣ живаго организма, въ которомъ жизнь обнаруживается безпрерывнымъ движеніемъ и игрою красокъ. Оттого взглядъ на языкъ, какъ на живой организмъ, остался до сихъ поръ въ русской грамматикѣ, или, вообще, въ примѣненіи его къ изученію русскаго языка, не болѣе, какъ звучною фразою. Обыкновенно съ понятіемъ о языкѣ, какъ о живомъ организмѣ, соединяется представленіе о чемъ-то цѣльномъ, подобномъ животному. Такое представленіе, какъ ни пластично само въ себѣ, не имѣетъ однако истиннаго смысла. Оно-то именно и ведетъ къ построенію изъ данныхъ теорій цѣленькихъ системъ въ родѣ брошюры

принимаетъ организмъ языка другой нѣм. ученый Беккеръ. Выраженіе *der menschliche Sprachbau* не равняется выраженію: *der menschliche Sprachorganism*. Иначе В. Гумбольдтъ назвалъ бы свое сочиненіе такимъ образомъ: *Ueber die Verschiedenheit der menschlichen Sprachorganismen u s. w.*

г. Басистова. Подчинять живое развитіе языка цѣльной, замкнутой системѣ, основанной на логическихъ отвлеченныхъ началахъ, не значитъ признавать живую сторону языка, какъ организма, за содержаніе, достойное науки. Со взглядомъ на языкъ, какъ на живой организмъ, слѣдуетъ обходиться въ примѣненіи его къ дѣлу осторожнѣе. Языкъ не есть животное. Слѣдовательно, подъ организмомъ языка нельзя разумѣть тоже, что разумѣютъ подъ организмомъ животнаго. Послѣдній, дѣйствительно, представляетъ цѣлое, ограниченное тѣло, части котораго служатъ для всѣхъ тѣхъ отправленій, которыми опредѣляется полная жизнь организма. Но языкъ не есть опредѣленное цѣлое, замкнутое въ своей индивидуальности. Онъ въ самыхъ малѣйшихъ своихъ частяхъ является открытымъ со всѣхъ сторонъ къ воспріятію и творчеству въ одно и тоже время. Все то, что обязано своимъ бытіемъ животному, становится бытіемъ внѣшнимъ въ отношеніи къ послѣднему; напротивъ, все то, что создано и воспринято языкомъ, становится достояніемъ его же внутренняго содержанія, входитъ въ его же объемъ. Языкъ въ мірѣ мысли почти то же, что воздухъ въ мірѣ вещества. Какъ воздухъ проникаетъ и обнимаетъ собою предметы вещественной природы, такъ языкъ проникаетъ и обнимаетъ собою умственный міръ человѣка. Поэтому языку приличнѣе свойство *единства*, нежели свойство *цѣлости*. И съ этой точки зрѣнія онъ скорѣе представляется, какъ *единый органъ*, нежели, какъ *цѣлый организмъ*. Припомнимъ, что В. Гумбольдтъ опредѣляетъ языкъ не образовательнымъ организмомъ мысли, а образовательнымъ органомъ мысли. Die Sprache ist der bildende Organ des Gedankens, говоритъ онъ, (языкъ есть образующій органъ мысли), т. е., что мысль человѣческая находитъ въ языкѣ средство получить соотвѣтственный (хотя и не торжественный) опредѣленный образъ. И такъ языкъ, понимаемый въ смыслѣ средства, дарованнаго человѣку Богомъ для выраженія мысли, не представляетъ собою цѣльнаго организма, а напротивъ, скорѣе долженъ быть понимаемъ, какъ единый органъ. Но разсматриваемый съ звуковой стороны, т. е. какъ рѣчь, слово, звукъ, онъ имѣетъ въ этихъ отдѣльныхъ частяхъ множество другихъ органовъ, служащихъ къ отправленіямъ его жизни, и потому съ этой точки зрѣнія можетъ быть названъ организмомъ. А такъ какъ жизнь языка, разсматриваемая съ звуковой его стороны, есть ничто иное, какъ безпрерывное раз-

витіе, совершающееся въ отдѣльныхъ его частяхъ посредствомъ живой рѣчи, то языкъ, понимаемый въ смыслѣ живаго организма, хотя представляется чѣмъ-то сложнымъ изъ частей и подчиненнымъ въ своихъ частяхъ закону разнообразія и развитія, однако все же — не цѣлымъ и замкнутымъ, какъ организмъ животнаго.

Посмотримъ теперь, какимъ образомъ этотъ взглядъ можетъ быть примѣненъ къ дѣлу. Извѣстно, что языкъ каждаго человѣка есть выраженіе его личнаго міросозерцанія, а языкъ отдѣльнаго народа есть выраженіе міросозерцанія этого народа. Извѣстно также, что какъ одинъ человѣкъ отличается множествомъ признаковъ отъ другихъ людей, такъ точно и каждый народъ имѣетъ множество признаковъ, отличающихъ его отъ другихъ народовъ. Это разнообразіе дробится до такой безконечности, что становится способнымъ ускользать отъ наблюденія. Дѣйствительно, мы прежде всего замѣчаемъ сходныя признаки именно потому, что ихъ находится менѣе въ подобныхъ предметахъ. Они первые бросаются намъ въ глаза своими крупными чертами. Между тѣмъ ясно, что не въ сходствѣ заключается жизнь не только народа, человѣка, но и каждаго предмета, какъ существа отдѣльнаго, — а въ тѣхъ почти неуловимыхъ отличительныхъ признакахъ, которые требуютъ особенно тщательнаго и строгаго наблюденія надъ собою. Указать на тѣ предѣлы, въ которыхъ можетъ развиваться законъ разнообразія въ данномъ предметѣ, значитъ опредѣлить то, въ чемъ заключается жизненная сторона его, значитъ провести тѣ типическія черты, которыя съ одной стороны отличатъ его отъ другихъ подобныхъ предметовъ; съ другой,— дадутъ возможность понять все то разнообразіе признаковъ, которое только можетъ быть свойственно данному предмету. Въ этомъ случаѣ самые полезные примѣры подаютъ намъ лучшіе поэты, которые именно такимъ образомъ поступаютъ въ очертаніи характеровъ своихъ личностей. Они не высчитываютъ всѣхъ малѣйшихъ подробностей, отличающихъ характеръ одного лица отъ другого, а намѣчаютъ только тѣ черты, которыя необходимы для выраженія его индивидуальности; но дѣлаютъ это такъ, что все остальное легко дополняется воображеніемъ читателя, или зрителя. Лицо, художественно изображенное поэтомъ въ его произведеніи, живетъ полною жизнію и можетъ быть всегда отличено отъ тысячи другихъ подобныхъ же личностей. Оно влечетъ къ себѣ

каждаго, умѣющаго цѣнить истинное и прекрасное, не потому что оно добродѣтельно, а потому что естественно, вѣрно правдѣ жизни, слѣдовательно, живо. Почему бы точно такимъ же образомъ не поступать и каждой частной грамматикѣ въ дѣлѣ изученія языка какого либо народа? Мы думаемъ, что дѣло частной грамматики именно состоитъ въ томъ, чтобы указать на тѣ типическія черты и стороны языка, которыми онъ съ одной стороны отличается отъ другихъ языковъ, съ другой открываетъ обширное поле своихъ до безконечности разнообразныхъ признаковъ. Если мы будемъ изучать природный нашъ русскій языкъ, отыскивая въ немъ то, въ чемъ онъ сходствуетъ съ другими языками, то, по нашему мнѣнію, мы никогда не будемъ въ состояніи понять его собственной индивидуальности, никогда онъ не предстанетъ для насъ въ своемъ живомъ образѣ — и въ русской грамматикѣ никогда не будетъ пахнуть русскимъ духомъ. Указывать же въ ней на однѣ только формы и звуки, отличающія русскій языкъ отъ другихъ, все равно, что отличать одного человѣка отъ другаго только по платью да по бородѣ. Но чтобы отыскивать типическія черты русскаго языка, нужно имѣть дѣло непосредственно съ самими фактами, и отказаться отъ всякой предвзятой теоріи, а главное, отъ ложнаго ея права предписывать языку правила и громоздить подъ ними исключенія. Само собою разумѣется, что въ такой теоріи, которая думаетъ, что она, а не самый языкъ, научаетъ говорить (даже говорить!) и писать правильно, могутъ быть всякія правила и всякія исключенія. Въ сущности все это — ничто иное, какъ произволъ, внесенный въ науку; ибо въ языкѣ нѣтъ и не можетъ быть исключеній. Вотъ прекрасныя слова покойнаго К. С. Аксакова, котораго общій взглядъ на изученіе русскаго языка мы вполнѣ раздѣляемъ: «на языкъ надобно смотрѣть иначе, надо взглянуть въ него глубже, понять внутренній смыслъ употребленія, внутренній законъ жизни, и тогда всякое дѣйствіе языка получитъ стройность и разумъ, исключенія исчезнутъ сами собою; ихъ въ сущности и нѣтъ; они — порожденія неловкихъ грамматикъ, которыя приходятъ къ языку съ внѣшними правилами, съ наружными мѣрками, и, стараясь подвести подъ нихъ все, что не подходитъ (а при такомъ наружномъ способѣ постиженія, — разумѣется, неподдающихся явленій множество), относятъ все неподходящее къ исключеніямъ, изъ которыхъ являются новыя исключенія и т. д. Грамматика такая вся наполнена множествомъ внѣш-

нихъ правилъ съ безчисленными исключеніями, и все таки не схватываетъ языка даже и наружно, а о духѣ языка, о разумѣ его, безъ котораго нѣтъ истиннаго пониманія, уже и говорить нечего. Такой взглядъ на грамматику вообще ложенъ, но онъ становится вдвое ложнымъ въ отношеніи къ нашему языку, когда правила иностранныхъ грамматикъ, совершенно чуждыя нашему языку, насильственно къ нему прилагаются и искажаютъ его до крайности» (Опытъ русской грамматики. Ч. I, в. 1, стр. 142. Москва 1860).

Однимъ изъ самыхъ важныхъ препятствій въ примѣненіи этого живаго взгляда на языкъ къ изученію послѣдняго служитъ застарѣвшая привычка брать для частной грамматики начала изъ общей теоріи языка, или изъ общей философской грамматики, въ которую входитъ сравнительно-историческій методъ. Отъ этой привычки страдаетъ живой интересъ изученія языка не только въ нашей русской грамматикѣ, но, сколько мнѣ извѣстно, и въ грамматикахъ другихъ языковъ. Оттого каждая изъ нихъ изобилуетъ кучами исключеній. Причина заключается, кажется, въ томъ, что съ одной стороны все *общее*, основанное на сходствѣ, усвоивается легче; съ другой стороны въ томъ, что грамматики обыкновенно пишутся прежде, чѣмъ изучается языкъ въ его полномъ живомъ употребленіи. Берется книжный языкъ, по немъ составляются правила, сообразно съ общими понятіями о языкѣ; эти правила приводятся въ научную систему, и такимъ образомъ изготовляется учебникъ, или грамматика, въ которой теорія языка постоянно находится въ борьбѣ съ живою рѣчью. Общее, отвлеченное, родовое пониманіе никакъ не мирится съ частнымъ, единичнымъ живымъ явленіемъ въ языкѣ. Остюда съ одной стороны улетучивается истинность, дѣйствительность, полная конкретность значенія объясняемаго явленія въ изучаемомъ языкѣ, съ другой — является безпрестанная сбивчивость въ самой теоріи. Объяснимъ то и другое примѣрами. Глаголъ, говоритъ русская грамматика, выражаетъ *дѣйствіе:* таково значеніе его во всѣхъ языкахъ. Но это значеніе есть общее, родовое понятіе о глаголѣ, которое получается логическимъ отвлеченіемъ однихъ сходныхъ признаковъ и отбрасываніемъ всѣхъ тѣхъ, которыми глаголъ одного языка отличается отъ глагола въ другомъ языкѣ — и русская грамматика, довольствуясь такимъ опредѣленіемъ, нисколько не объясняетъ того живаго, конкретнаго значенія, которое глаголъ имѣетъ

въ русскомъ языкѣ. Оттого это общее опредѣленіе остается мертвымъ, безжизненнымъ по отношенію къ языку русскому въ русской грамматикѣ. Стало быть, чтобы получить понятіе о русскомъ глаголѣ, какъ объ особомъ разрядѣ словъ въ русскомъ языкѣ, слѣдовало бы внести въ содержаніе общаго опредѣленія тѣ отличительныя признаки, какіе глаголъ имѣетъ въ русскомъ языкѣ. Тогда общее отвлеченное понятіе о глаголѣ станетъ единичнымъ, конкретнымъ, которое познакомитъ съ русскимъ глаголомъ въ томъ живомъ значеніи, въ которомъ онъ употребляется у русскаго народа. Находясь подъ вліяніемъ общаго, отвлеченнаго взгляда на русскій глаголъ, нѣтъ возможности объяснить въ немъ: — ни развитія свойственныхъ ему формъ въ языкѣ, ни ихъ значенія безъ того, чтобы не подчинить того и другаго новымъ общимъ выводамъ, непосредственно истекающимъ не изъ его сущности, а изъ того же отвлеченнаго понятія о глаголѣ. Такъ, принявъ, что глаголъ есть дѣйствіе, можно легко приписать русскому глаголу такія формы, которыя могутъ быть присущи ему только по идеѣ, какъ дѣйствію, но которыхъ у него нѣтъ въ дѣйствительности, какъ у дѣйствія русскаго глагола. Извѣстно, что дѣйствіе въ отвлеченномъ смыслѣ, ничто иное, какъ мыслимое движеніе во времени; стало быть, всякому дѣйствію, какъ дѣйствію, должно быть свойственно время. Замѣтивъ свойство времени въ понятіи о дѣйствіи и способность многихъ языковъ выражать время дѣйствія особыми формами, какъ не приписать и русскому глаголу той же способности выражать время особыми формами? Особенно, если къ этому еще примѣшивается чувство патріотизма какого-то страннаго рода. Чтобы не говорить бездоказательно, мы укажемъ на сочиненіе г. Шафранова: «о видахъ русскихъ глаголовъ» 1852 г. Авторъ знатокъ греческаго языка и, разумѣется, любитъ свое отечество. Все это прекрасно и достойно въ немъ уваженія; но дѣло въ томъ, что какъ его ученость, такъ и патріотизмъ послужили не къ добру въ изслѣдованіи о видахъ русскихъ глаголовъ. За теоріей греческаго языка онъ вовсе не видитъ и не хочетъ видѣть такой особенности русскаго глагола, которую могли замѣтить даже нѣмцы Фатеръ и Таппе, и доказываетъ, что русскій глаголъ имѣетъ тѣже свойства, какъ и глаголъ греческаго языка; а чувство патріотизма заставило его доказывать, что русскій глаголъ имѣетъ столько же формъ для временъ, сколько и языкъ греческій, извѣстный по своему бо-

гатству въ этомъ отношеніи. Мы не менѣе любимъ свое отечество, но рѣшительно не можемъ ни въ чемъ согласиться съ авторомъ относительно его пониманія русскаго глагола. Для насъ его сочиненіе важно, какъ предостереженіе, — не писать изслѣдованій по русскому языку на основаніи параллели и сходства съ какимъ либо другимъ языкомъ. Если такую опасность представляетъ сравнительное изученіе языка съ однимъ или двумя (греч. и нѣмецкимъ, какъ г. Шафранова) языками, то чего можно ожидать отъ такого изученія, которое основано на сравненіи съ общею теоріею языка? Не всякій языкъ по своимъ формамъ подходитъ подъ общіе выводы теоріи. Если общая теорія имѣетъ право толковать о временахъ глагола, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы каждый языкъ, какъ бы онъ богатъ ни былъ по формамъ, непремѣнно имѣетъ формы для выраженія этихъ временъ глагола. Если она говоритъ о значеніи падежей, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, что во всякомъ языкѣ есть падежныя формы для выраженія извѣстныхъ отношеній. Очевидно, что каждый языкъ развивается относительно своихъ формъ сообразно не съ общимъ понятіемъ о какой нибудь части рѣчи въ языкѣ вообще, а съ тѣмъ единичнымъ понятіемъ, которое она получаетъ въ живомъ употребленіи своего языка. Такъ изъ общаго понятія о глаголѣ, какъ о дѣйствіи, нельзя объяснить напр. въ русскомъ языкѣ — *степеней* глагола и того круга формъ, которымъ онъ ограничивается въ живомъ употребленіи точно также нельзя объяснить и отсутствія въ немъ иныхъ формъ, какъ напр. формъ для временъ и наклоненій. Но кромѣ того частная грамматика, заимствующая свои начала изъ общей, представляетъ безпрестанную сбивчивость въ собственной теоріи, какъ наукѣ. Особенно эта сбивчивость проявляется тамъ, гдѣ приходится дѣлить какое нибудь родовое понятіе на его виды. Въ этомъ случаѣ основаніе дѣленія въ русской грамматикѣ постоянно двоится между формою и живымъ значеніемъ. Напримѣръ: нашли родовое понятіе въ глаголѣ — залогъ (genus). Спрашивается: какіе его виды? Сейчасъ грамматика русская отвѣчаетъ: дѣйствительный, страдательный, средній, возвратный, взаимный, общій. Прекрасно! Почему залогъ именно такъ дѣлится на свои виды? Выходитъ, — и по *формѣ* и по *значенію*. Это особенно видно изъ опредѣленія *общаго* залога. Грамматика опредѣляетъ его такимъ образомъ: общій залогъ имѣетъ значеніе средняго, а форму — возвратнаго. Еще примѣръ. Есть, гово-

рятъ, въ русскомъ глаголѣ *наклоненія* (modi). Наклоненіе (modus) — родовое понятіе. Какіе же его виды? — Слѣдующіе: въ русскомъ глаголѣ, учитъ грамматика, собственно три наклоненія (хотя ей хотѣлось бы иногда насчитывать ихъ до пяти). Какія же? Неокончательное или неопредѣленное (modus infinitivus); изъявительное (indicativus) и повелительное (imperativus). Иногда же къ этимъ прибавляютъ желательное (optativus), условное или сослагательное (conjunctivus). Оставимъ эти два послѣднія: довольно и трехъ первыхъ, чтобы замѣтить сбивчивость въ основаніи дѣленія. Чтожъ они значатъ? *Неопредѣленное* — не опредѣляетъ ни лица, ни числа, ни времени. *Изъявительное* выражаетъ и лицо, и число, и время. *Повелительное* же, говорятъ, выражаетъ *повелѣніе*. Развѣ можно ставить грамматическія формы лица, числа, времени въ одинъ разрядъ съ понятіемъ о *повелѣніи*? Въ другихъ языкахъ наклоненіе есть способъ представленія дѣйствія, который собственно бываетъ трояка̀го рода: дѣйствіе представляется *дѣйствительнымъ*, т. е. совершающимся на самомъ дѣлѣ, *возможнымъ* т. е. совершающимся надъ условіемъ возможности, и *необходимымъ* т. е. долженствующимъ совершиться непремѣнно. Поэтому насчитывается три наклоненія: *изъявительное*, *сослагательное* и *повелительное*. Но кромѣ этого бываютъ еще: *условное* и *желательное*, кот. также относятся къ категоріи возможности и могутъ быть разсматриваемы, какъ виды наклоненія *сослагательнаго*. Такое дѣленіе основано на логическихъ категоріяхъ мышленія. Но сюда уже не входитъ наклоненіе *неопредѣленное*. Очевидно, грамматика, какъ наука, не должна терпѣть подобной сбивчивости; потому что никакая наука не можетъ отказаться отъ строгаго соблюденія логическихъ законовъ мышленія.

Эта сбивчивость въ частной грамматикѣ языка происходитъ оттого, что она не ясно опредѣляетъ свои отношенія къ грамматикѣ общей. Она слишкомъ увлекается системою послѣдней и гоняется за тѣмъ, чтобы какъ можно ближе подойдти къ ней въ своихъ выводахъ — и тамъ, гдѣ это бываетъ особенно трудно, беретъ прямо изъ нея все, что нужно, и насильно подводитъ подъ ея взгляды живые факты языка. Такимъ образомъ, частная грамматика представляетъ не самостоятельное научное изученіе, а насильственное подчиненіе языка чуждой ему теоріи.

Чтобы избѣжать этого страшнаго недостатка, уронившаго всякую достовѣрность русской грамматики, нужно прежде всего

уяснить себѣ отношеніе частной грамматики къ общей. Во-первыхъ, общая грамматика ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть основаніемъ для частной. Послѣдняя должна быть вполнѣ свободна отъ ея выводовъ. Дѣло частной грамматики — замѣчать, изслѣдовать и дѣлать выводы въ кругу данныхъ изучаемаго языка. Чѣмъ сосредоточеннѣе она будетъ относиться къ нему, тѣмъ выводы ея будутъ живѣе, оригинальнѣе; а слѣдовательно и вся система этихъ выводовъ будетъ яснѣе выражать особенности и духъ своего языка. Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о значеніи сравнительно-историческаго метода въ частной грамматикѣ. Приведемъ слова замѣчательнаго русскаго филолога К. С. Аксакова. Вотъ что говоритъ онъ объ историкосравнительномъ способѣ изученія нашего языка («Русская Бесѣда» 1859 г. № 5, стр. 153): «мудрено себѣ представить, чтобы кто-нибудь вздумалъ отвергать важность исторической грамматики. Важность грамматики сравнительно-исторической (какъ полнѣйшей) еще очевиднѣе. Но надо замѣтить, что сравнительный способъ, самъ по себѣ, можетъ легко производить увлеченіе въ ученомъ, даже и тогда, когда способъ этотъ въ связи съ историческимъ способомъ. Возможность этого увлеченія весьма опасна въ дѣлѣ науки. Сравнительный же способъ представляетъ такое обширное поприще для догадки и остроумія, для легкаго добыванія результатовъ и поверхностной учености, что при немъ должно наложить на себя строгое воздержаніе и оградиться трезвымъ, истинно-научнымъ воззрѣніемъ отъ искушеній и соблазновъ, представляющихся на каждомъ шагу и развращающихъ ученую дѣятельность. Словообразованіе — съ корнями, окончаніями и разными приставками слова — въ особенности можетъ заманить въ сторону, сбить съ пути и избаловать легкостью умственной работы пытливую мысль.» Мы прибавимъ, особенно онъ опасенъ въ примѣненіи къ нашему языку, для котораго не существуетъ еще никакого основательнаго изученія. Прежде, чѣмъ бросаться на всякія сравненія и дѣлать разные выводы, слѣдуетъ познакомиться ближе съ самимъ языкомъ, схватить пониманіемъ его собственный духъ, смыслъ, разумъ, — чего, конечно, нельзя сдѣлать, расползаясь безпрестанно мыслію по буквамъ, корнямъ, темамъ, приставкамъ, суффиксамъ, флексіямъ слова. Но отсюда однако не слѣдуетъ безусловно отрицать значеніе сравнительнаго и историческаго способа въ частной грамматикѣ. По нашему мнѣнію, сравнитель-

ный методъ можетъ быть допущенъ въ частную грамматику лишь на столько, на сколько онъ можетъ уяснять не сходство, а особенность языка при видимомъ сходствѣ его съ другими языками. Такъ напримѣръ: повидимому форма русскихъ глаголовъ на *ся* соотвѣтствуетъ вполнѣ формѣ возвратныхъ глаголовъ нѣмецкаго и французскаго языковъ съ мѣстоименіями: *sich* и se; но, по тщательномъ сравненіи этого сходства, между русскимъ языкомъ и вышесказанными иностранными языками находится большое различіе, уясняющее особенность нашихъ глаголовъ. Въ такомъ случаѣ сравненіе въ русской грамматикѣ необходимо. Точно также и историческій методъ можетъ быть допущенъ въ нее тамъ, гдѣ онъ служитъ подтвержденіемъ той или другой особенности живаго языка, выступившей въ немъ вслѣдствіе историческаго развитія съ особенною ясностію. Напримѣръ, особенность русскаго глагола состоитъ въ томъ, что онъ не терпитъ формъ для обозначенія временъ, и эта особенность проявилась яснѣе въ исторіи языка тѣмъ историческимъ фактомъ, что онъ прежде отбросилъ формы будущаго времени, образовавшіяся посредствомъ звука *с*; — потомъ — и формы прошедшаго времени на *хъ*. Вотъ нѣкоторыя формы будущаго времени съ звукомъ *с*, относящіяся къ древнѣйшей эпохѣ языка: *измиш*ѫ (tabescam — зачахну) отъ корня: *ми*; *обръ*снѫ (tondebo) обрѣю отъ корня: *бри*; *въскопы*снѫ (calcitrabo) вскопаю отъ корня: *коп.*; *пла*снѫ (ardebo) сгорю, воспламенюсь, отъ корня: *пла*; *тъкы*снѫ (tangam) отъ *тък.*: ткну, коснусь; *бѣга*сѭ (curso) побѣгу, отъ корня: *бѣг*. Формы же прошедшаго на *хъ* такъ извѣстны въ славянскомъ языкѣ (*рехъ*, *ре-ко-хъ*, *читахъ*), что приводить ихъ не считаю нужнымъ. Ясно, что русскій языкъ исторически отрицаетъ формы для обозначенія временъ. Такое свидѣтельство исторіи языка можетъ быть допущено въ частную грамматику. Иначе, какъ сравнительный, такъ и историческій методъ, допущенный въ частную грамматику не съ цѣлію уяснять особенности изучаемаго языка, а съ цѣлію отыскивать сходство съ другими языками и фактами, существовавшими въ разные періоды развитія языка, могутъ только увлечь въ совершенно противуположную сторону отъ пониманія свойствъ даннаго языка и окончательно сбить его частную теорію на колею обще-сравнительной. И такъ частная грамматика должна, какъ можно, быть свободнѣе отъ вліянія тѣхъ началъ, которыя входятъ въ общую, какъ необходимыя. Это, какъ сказали мы,

во-первыхъ; а во-вторыхъ, общая грамматика должна вырабатывать свои выводы на основанiи частныхъ грамматикъ. Чѣмъ вѣрнѣе частная грамматика выражаетъ и объясняетъ свойства своего языка, тѣмъ правдивѣе будетъ общая грамматика относиться къ языку вообще. Тутъ уже сравнительно-историческiй методъ составляетъ главную основу для общихъ научныхъ выводовъ о языкѣ. Стало быть, отношенiе общей грамматики къ частной точно такое же, какое между частною грамматикою и какимъ либо языкомъ. Частная грамматика изучаетъ непосредственно языкъ какого-либо народа и дѣлаетъ, на основанiи фактовъ, выводы, объясняющiе духъ, смыслъ извѣстнаго языка; общая же изучаетъ непосредственно уже выводы частныхъ грамматикъ и дѣлаетъ, на основанiи ихъ, выводы, объясняющiе смыслъ языка вообще, какъ дара выражать духовную дѣятельность человѣка посредствомъ слова. Какъ языкъ служитъ непосредственною основою для выводовъ частной грамматики, такъ выводы частныхъ грамматикъ служатъ непосредственною основою для высшихъ выводовъ общей. Отсюда ясно, въ какомъ заблужденiи были тѣ, которые думали грамматику русскаго языка основать не на самомъ языкѣ, а на какой-либо теорiи, взятой извнѣ. Къ сожалѣнiю, исторiя русской грамматики вполнѣ подтверждаетъ, что она дѣйствительно обязана своимъ происхожденiемъ и развитiемъ этому заблужденiю. Впрочемъ оно не принадлежитъ исключительно одной русской грамматикѣ. Какъ бы то ни было, но дѣло русской грамматики должно быть начато снова. Эта необходимость сознается всѣми. Откажемся на время отъ заманчивыхъ сравненiй корней, флексiй и т. д. нашего языка съ другими, и обратимся непосредственно къ самимъ фактамъ языка и ихъ изученiю. Вникнемъ глубже въ духъ роднаго языка; постараемся изучить его сначала такъ, какъ онъ есть теперь; потомъ обратимся къ его исторiи и сравненiю съ другими языками. Тогда мы получимъ, дѣйствительно, твердый научный взглядъ на свой родной языкъ, и грамматика наша будетъ не безплодна, какъ наука. Она раскроетъ намъ многое изъ духовной жизни нашего народа и дастъ крѣпкую путеводную нить въ область его мышленiя. Она не только будетъ въ состоянiи тогда пролить свѣтъ на многiе историческiе факты изъ жизни народной; но и укажетъ, думаемъ, на сѣмена будущей русской философiи, свойственной русскому уму, русской жизни.

Вотъ та точка зрѣнiя на изученiе русскаго языка, которую

мы приняли въ своемъ изслѣдованіи о глаголѣ. Чтобы удержать эту точку зрѣнія на отечественный языкъ, какъ на звуковое опредѣленіе народнаго мышленія и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на живой организмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ его, необходимо стать на нови, обратиться къ изученію языка въ его простомъ, безыскусственномъ, живомъ употребленіи. Теперь, кажется, всѣми понято, что не въ заносчивыхъ теоріяхъ и не въ пышныхъ салонахъ, а въ самой жизни и въ самомъ народѣ заключается сила самопознанія. Теперь по мимо книжной словесности стали изучать ту словесность, которая цѣлые вѣка хранилась въ памяти народной. Пѣсни, сказки, былины, пословицы и пр. открыли цѣлый міръ словесности, который своимъ происхожденіемъ и существованіемъ обязанъ непосредственно самой жизни. Это, разумѣется, не романсы, не поэмы, не рондо, не тріолеты и не мадригалы. Предъ нами богатый источникъ для изученія языка въ томъ видѣ, въ какомъ онъ творился и развивался самостоятельно по требованію условій и обстоятельствъ жизни. Тутъ нѣтъ того наноснаго сора, который состоитъ изъ словъ и выраженій, составленныхъ въ средѣ полуиностранныхъ гостиныхъ. Знакомясь съ народными пѣснями, сказками, пословицами, мы какъ будто впервые встрѣчаемся съ русскимъ складомъ ума, родною мыслію и роднымъ языкомъ. Отъ нихъ вѣетъ тою свѣжестью, отъ которой мы уже давно отвыкли.

Установивъ общую точку зрѣнія на изученіе русскаго языка, считаю необходимымъ прежде, нежели приступить къ самому изслѣдованію, представить нѣкоторыя объясненія, относящіяся исключительно къ нашему труду, предлагаемому на судъ внимательнаго читателя.

Мы сказали выше, что дѣло русской грамматики должно быть начато снова. Съ чего же начать? Мы начали съ глагола, во-первыхъ потому что глаголъ въ каждомъ языкѣ, а особенно въ русскомъ, представляетъ очевидную основу какъ для образованія другихъ разрядовъ словъ, такъ и для строенія цѣлой рѣчи; во-вторыхъ потому что въ русскомъ языкѣ онъ подвергается до сихъ поръ вліянію наибольшаго произвола со стороны нашей грамматической теоріи. Оно такъ и должно быть: если въ грамматикѣ оказывается насильственное подчиненіе русскаго языка теоріи; то разумѣется, вся тяжесть этого насилія должна давить собою преимущественно на глаголъ,

какъ на основную часть рѣчи въ языкѣ. Вотъ двѣ главныя причины, заставившія насъ начать дѣло съ изслѣдованія формъ и свойствъ русскаго глагола. Скажемъ о каждой изъ нихъ нѣсколько подробнѣе.

Глаголъ, сказали мы служитъ очевидною основою для образованія другихъ разрядовъ словъ въ языкѣ и для строенія рѣчи. Дѣйствительно, русскій глаголъ, (не говоря уже о томъ общемъ его свойствѣ съ глаголами другихъ языковъ, по которому корни знаменательныхъ частей рѣчи по большой части признаются сами по себѣ глаголами), выражаетъ свою связь съ другими частями рѣчи въ тѣхъ же формахъ, въ которыхъ самъ употребляется. Укажемъ на эту родственную, дружественную связь русскаго глагола съ другими частями рѣчи на примѣрахъ. Такъ форма его на *ть* не только можетъ употребляться, *какъ* существительное имя съ отвлеченнымъ значеніемъ понятія о дѣйствіи; напр. въ предложеніи: *читать для меня необходимо*, въ смыслѣ: *чтеніе* для меня необходимо (Das Lesen ist mir unentbehrlich); но переходитъ прямо въ существительное съ предметнымъ значеніемъ, которое бываетъ отвлеченное и вещественное; напр. *честь* — имя существительное, имѣющее отвлеченное предметное значеніе, но въ сущности есть глаголъ: *честь* — *чту*, какъ это видно изъ сложныхъ: *счесть* — *сочту*, *почесть* — *почту*, *причесть* и т. д. *власть* — имя существительное, но въ сущности глаголъ: *влад-ѣ-ть* съ опущеніемъ зв. *ѣ*, *д* передъ *т* переходитъ въ *с*: *влад-ть* — *влас-ть*. *Печь* — имя существительное, имѣющее вещественное значеніе (*печь* — извѣстный предметъ для топки, для нагрѣванія), въ сущности есть глаголъ: *печь* — пеку. *Течь* — имя существительное, въ сущности глаголъ. *Течь* — пропускъ жидкости тамъ, гдѣ бы онъ не долженъ быть. *Течь* — теку. *Знать* — глаголъ и имя существительное въ значеніи высшаго сословія. *Стать* — глаголъ и имя существительное въ смыслѣ того, что идетъ къ чему (*съ какой стати?*), строеніе предмета: *у этой лошади хорошая стать*. *Быть* въ словѣ *побыть* (Арх. г.) — горе, печаль: «легка побыть на людѣ». *Мочь* — глаголъ: могу, — и существительное въ значеніи: *сила*; *не въ мочь ему это дѣло*, т. е. не подъ силу. *Напасть*, *пропасть* — глаголы. Въ пословицѣ: «*Придетъ напасть, такъ будетъ и пропасть*» — имена существительныя. *Есть* — глаголъ. «*По естю старецъ келью строитъ*» — *есть* — имя существительное, въ значеніи имѣнія, имущества. «*Въ естяхъ* столько-то оказалось, *въ нѣ-*

тяхъ — столько-то». *Ести* — люди на лицо. Выраженіе часто встрѣчающееся въ старинныхъ граматахъ. Едва ли такъ называемое неопредѣленное наклоненіе въ другихъ языкахъ имѣетъ такую же свободу перехода изъ глагольнаго значенія въ предметное въ живомъ употребленіи языка. Это — вовсе не недостатокъ творчества языка, а свидѣтельство того свойства, по которому онъ при переводѣ глагола въ существительное стремится отвлеченному понятію дѣйствія сообщить живое, конкретное значеніе предмета. Нашъ языкъ вообще не любитъ отвлеченщины, какъ въ этомъ мы убѣдимся при изученіи самыхъ формъ глагола. Мы знаемъ, что и въ другихъ языкахъ неопредѣленное наклоненіе можетъ употребляться, кака существительное; только дѣло-то въ томъ, что и въ существительномъ значеніи оно сохраняетъ прежнюю отвлеченность. Употребленіе неопредѣленнаго наклоненія въ другихъ языкахъ, какъ имени существительнаго, отражается не такими живыми красками въ рѣчи, какими форма русскаго глагола на *ть*, принимающая предметное значеніе.

Отъ этой формы на *ть* образуются существительныя съ собирательнымъ значеніемъ, отъ *пѣть—пѣтье*, *четь—четье*, *быть—бытье*, *жить — житье, трясть — трястье*. Примѣры: *каково твое житье-бытье?* Слово: *бытье* имѣетъ болѣе вещественное значеніе, чѣмъ отвлеченное, какое видимъ въ словѣ: *бытіе* — существованіе. Развѣ это не есть доказательство богатства жизни въ употребленіи слова, богатства его красокъ въ значеніи? *Быть—бытіе—бытье,* каждое изъ этихъ словъ имѣетъ разный оттѣнокъ въ значеніи, не смотря почти на одну и туже форму.

Штобъ умѣла русскую грамату
И *четью-пѣтью* церковному.

Четье-пѣтье не то же, что *чтеніе* и *пѣніе*. Первая форма имѣетъ смыслъ болѣе вещественный, собирательный, вторая — болѣе отвлеченный.

«Счастье, что *трястье:* на кого захочетъ, на того и нападетъ.»

Какъ ни выразительно здѣсь слово: *трястье,* придавшее своею формою понятію о дѣйствіи *трясти* собирательность, вещественность смысла, однако едва-ли кто изъ людей образованныхъ на книжной выдохшейся рѣчи съумѣлъ бы употребить въ дѣло эту форму такъ, какъ мы находимъ ее въ рѣчи народной,

свѣжей, благоухающей духомъ роднаго языка. Да, не знаемъ мы силы и богатства своего языка!

Если обратимся къ производству именъ существительныхъ отъ корней глагола, то передъ нами откроется необозримое поле словъ въ языкѣ, происшедшихъ отъ глаголовъ. Особенно, если мы будемъ разбирать это словообразованіе существительныхъ по всѣмъ образующимъ окончаніямъ существительнаго имени. Но это мы оставимъ въ сторонѣ. Замѣтимъ только образованія такихъ существительныхъ, которыя подходятъ ближе къ формамъ самого глагола; напр. имена существительныя, происходящія отъ прилагательныхъ формъ глаголовъ. Кромѣ существительныхъ на *ніе, тіе,* образующихся отъ прилагательныхъ формъ на *нъ* и *тъ*, напр. *учить — ученъ — ученіе; открыть—открытъ—открытіе; открывать — откровенъ — откровеніе*, для насъ особенно здѣсь важна форма именъ существительныхъ средняго рода на *ло*, происходящая непосредственно отъ той прилагательной формы глагола, которая прежде имѣла смыслъ причастія втораго прошедшаго времени, а теперь въ нашихъ грамматикахъ получила значеніе изъявительнаго наклоненія прошедшаго времени. Замѣчательно, что существительное имя, происходящее отъ этой формы глагола, всегда имѣетъ вещественное значеніе орудія для совершенія дѣйствія, напр. отъ *шить*— прилаг. ф. *шилъ*, *а*, *о* отсюда сущ. *шило* — то, чѣмъ шьютъ. *Мыть* прилагат. ф. *мылъ*, *а*, *о* — сущ. *мыло* — то, чѣмъ моютъ. *Жить* — прилагат. ф. *жилъ*, *а*, *о* — сущ. *жило* — то, въ чемъ живутъ.

Зимой, ранехонько, близъ *жила*,
Лиса у проруби пила въ большой морозъ.

(Крыловъ)

Живой не безъ *жила*, мертвый не безъ могилы.

(Послов. Даль, стр. 99).

Вотъ еще примѣры:

Ѣхало не ѣдетъ и *ну* не везетъ.

(Даль, стр. 29).

Пропало бабье *трепало.*

(Ibid. стр. 36).

Стоитъ расоха, на расохѣ бебень, на бебени *махало*, на махалѣ *зѣвало*, на зѣвалѣ *чихало*, на чихалѣ *мигало*, на мигалѣ островъ (лѣсъ), на острову звѣри. (Человѣкъ).

Такъ свободно формы русскаго глагола переходятъ въ суще-

ствительныя имена! Живая, конкретная связь глагола съ существительнымъ именемъ видна особенно изъ употребленія слова: *жаль*.

«Безсовѣстный! когда тебѣ меня не *жаль*,
Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы ужасны,
И все, чѣмъ странствія опасны.»
(Два голубя. Крыловъ).

Здѣсь *жаль*, очевидно, имѣетъ значеніе глагола.

Жалью моря не переѣдешь, вѣку не изживешь.
(Послов. Даль, стр. 39).

Отъ *жали* не плакать стать.
(Ibid. стр. 111).

Въ этихъ примѣрахъ слово: *жаль* имѣетъ значеніе существительнаго имени.

Кажется достаточно этихъ примѣровъ, чтобы понять живую связь формъ русскаго глагола съ существительнымъ именемъ и свободу его перехода изъ значенія дѣйствія въ значеніе предмета.

Еще легче русскій глаголъ переходитъ въ имя прилагательное, принимая прилагательныя формы: краткія и полныя; напр. *жить* — прилаг. ф. *жилъ*, *жила*, *жило*, полная прилаг. ф. *жилой*, *жилая*, *жилое*, прилаг. усѣч. *живъ*, *живши*—полное: *живый*, *ая*, *ое*, *жившій*, *ая*, *ее*. *Житъ*—житый (прожитый) и т. д. *Уйдти* — *ушелъ*, *а*, *о* — полн. ф. *ушлый*, *ая*, *ое*.

По *ушломъ* не гоняютъ (т. е. времени).
(Послов. Даля, стр. 281).

Горѣть — *горящій*, *горячій*, *горючій*, *горѣлый* и пр. *любить* — *любящій*, *любимый*, *любилъ*, *а*, *о* и пр. О прилагательныхъ отглагольныхъ формахъ и связи ихъ съ прилагательными именами мы будемъ говорить подробно въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь замѣтимъ еще, что, какъ слово: *жаль* указываетъ на живую связь глагола съ именемъ существительнымъ въ употребленіи, такъ слово: *радъ*, *рада*, *радо*, *рады* указываетъ на живую связь глагола съ прилагательнымъ именемъ.

Черезъ формы именъ существительныхъ и прилагательныхъ, происшедшихъ отъ глагола, образуются нарѣчія; напр. «кидай сюда *броскóмъ*». Слово: *броскóмъ* — нарѣчіе отъ существит. *бросокъ*, образующагося отъ глаг. *бросать*.

«Не гляди на меня комомъ, гляди *розсыпью*.»

Слово: *розсыпью* — нарѣчіе чрезъ сущ. *розсыпь* отъ глагола: *сыпать*.

Бѣжма бѣжитъ. *Лежма* лежитъ. *Стойма* стоитъ. *Течма* течетъ. *Ливма* льетъ.

(Послов. Даль, стр. 559).

Но для насъ особенно важны нарѣчія и союзы, имѣющіе туже форму, въ которой употребляется самъ глаголъ; напр.

Ты, *знать*, забылъ свою заповѣдь.

Слово: *знать* — нарѣчіе.

«И всѣ на пиру *пріутихли* — сидятъ.»

Ф. *пріутихли* имѣетъ здѣсь значеніе нарѣчіе.

Слова: *хотя*, *пожалуй*, *пусть*, *пускай* и др. давно извѣстны за союзы, а происходятъ, очевидно, отъ формъ глагольныхъ *).

Эта ширь, эта свобода употребленія глагольныхъ формъ въ значеніи другихъ частей рѣчи даетъ большой просторъ оборотамъ и вообще строенію рѣчи. Если присоединить къ этому еще то замѣчательное свойство русскаго глагола, что онъ можетъ имѣть въ ней самостоятельное значеніе, т. е. представляться нашему сознанію такимъ же самостоятельнымъ понятіемъ въ рѣчи, какимъ представляется намъ существительное имя на мѣстѣ подлежащаго; то не трудно понять, какимъ просторомъ обязанъ русскій языкъ своему глаголу въ этимологическомъ и синтаксическомъ отношеніяхъ, и — почему мы начинаемъ теоретическое изученіе русскаго языка съ глагола.

Если русской глаголъ можно по справедливости считать глав-

*) Что касается до мѣстоименій, то связь образованія ихъ съ личными окончаніями глагола, доказывается вполнѣ сравнительною грамматикою. Она видна и въ русскомъ глаголѣ. Дѣйствительно, личныя древнѣйшія окончанія: *мь*, *си*, *ть*, *мъі*, *те*, *ть* или ѫ, ѭ; *си* или *ши*, *ть* или *тъ* и др. суть ничто иное, какъ мѣстоименія личныя: я, ты, онъ или тотъ (древн. *тъ* съ удвоеніемъ: *тътъ* = *тотъ*).

ѥс — мь = я.	да - мь	да - ѭ	да - *ю* = *я*.
ѥ(с) — си = ты.	да - ши	да - ѥ - *ши*	да - е - *шь* = *ты*.
ѥс — ть = тъ, онъ	да - с - ть	да - ѥ - *ть*	да - е - *тъ* = *тъ*, *онъ*.
ѥс — мы = мы.	да - ди - мъ	да - ѥ - *тъ*	да - е - *мъ* = *мы*.
ѥс — те = вы.	да - ди - те	да - ѥ - *те*	да - е - *те* = *вы*.
сѫ — ть = тѣ, они.	да - дѫ - ть	да - ѭ - *ть*	да - ю - *тъ* = *тѣ*, *они*

При помощи вопросительныхъ звуковъ: *к*, *ч* (ч = кь = кj) и указательныхъ: *с* и *т* (сь = сей; тъ = тотъ) и нѣкоторыхъ окончаній, — легко объясняется образованіе всѣхъ мѣстоименій въ русскомъ языкѣ. Но мѣстоименія образуются изъ окончаній глагола, изъ его флексій, и относятся къ словамъ относительнымъ, а не знаменательнымъ, и потому въ нихъ выражается та общая лишь связь глагола съ мѣстоименіями, которая принадлежитъ всѣмъ языкамъ. Мы упомянули здѣсь о ней лишь для полноты доказательства высказанной выше мысли.

нымъ виновникомъ свободы и простора въ употребленіи формъ и оборотовъ русской живой рѣчи, то не трудно себѣ представить, въ какомъ ладу онъ долженъ находиться съ узкою теоріею нашихъ грамматикъ. Въ лоскутья рвется она на немъ отъ его свободныхъ и сильныхъ размаховъ—и никакими заплатами нельзя починить ея дыры. Отъ этихъ починокъ образовалась въ теоріи глагола такая путаница, отъ которой мутится умъ у всякаго, кто только вздумаетъ распутывать ее, не отказавшись напередъ безусловно отъ всѣхъ правилъ русской грамматики. Доказательствомъ этого могутъ служить слѣдующія слова того же К. С. Аксакова, котораго взглядъ на изученіе языка отличается вообще живостію и ясностью пониманія. Въ нихъ мы увидимъ съ одной стороны вѣрное пониманіе жизни русскаго глагола, съ другой — вліяніе еще того общаго взгляда на теорію, который, къ сожалѣнію, остался въ свѣтлой головѣ автора. Онъ говоритъ: (Рус. Бесѣда. 1859 г. кн. 5, стр. 96) «жизнь нашего глагола съ его *видами* (отчего же не *степенями*, какъ авторъ очень вѣрно называлъ ихъ въ своей брошюрѣ» о русскихъ глаголахъ 1855 г?) и всѣми оттѣнками до того повидимому произвольна, такъ своеобразна, такъ разнообразна, что *очень трудно поддается установленію правилъ и вообще объясненію*. Нашъ глаголъ, самъ по себѣ, требуетъ отдѣльнаго полнаго сочиненія, полной монографіи.» На послѣднія слова отвѣтомъ можетъ служить наше изслѣдованіе, хотя далеко не въ такомъ полномъ объемѣ, какого требуетъ предметъ изслѣдованія: но все лучше имѣть «синицу въ рукѣ, чѣмъ журавля въ небѣ». На первыя же слова К. С. Аксакова мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія. Правда, нашъ глаголъ очень трудно поддается установленію правилъ и вообще объясненію; по установленію какихъ правилъ и какому объясненію? Установленію правилъ поддается очень трудно все живое, если эти правила захотятъ подчинить себѣ жизнь; да и какая это жизнь по опредѣленной мѣркѣ, по однажды навсегда установленнымъ правиламъ? Намъ нужны не правила, если хотимъ понимать, или знать жизнь чего либо, а тѣ общія начала, на основаніи которыхъ становится возможнымъ пониманіе жизни въ ея безконечно разнообразномъ проявленіи. Боже насъ избави отъ установленія правилъ для живаго языка. Это надменная и пустая претензія, отъ которой самъ авторъ, безъ сомнѣнія, отказался бы въ силу своего же собственнаго взгляда на дѣло. Изъ правилъ нельзя понять и узнать

жизни, нельзя уловить, учуять, такъ сказать, ея духа. Они мертвятъ жизнь и заставляютъ ее отзываться не тѣмъ, чѣмъ она отзывается сама въ себѣ. Мы желали бы не установленія правилъ, а, согласно съ авторомъ вышеприведенныхъ словъ, пониманія живаго смысла русскаго глагола, его духа; другими словами, желали бы уловить въ немъ тѣ общія начала, которыми объясняется жизнь и развитіе его. Эти начала не устанавливаются нами, а находятся въ самомъ глаголѣ русскомъ и обнаруживаются въ самой его жизни. Они не предписываютъ ему, какъ онъ долженъ вести себя въ томъ или другомъ случаѣ, а только указываютъ на общій смыслъ той или другой формы, того или другого употребленія ея въ живой рѣчи. Правила — надменны. Они деспотически обходятся со всѣмъ, что не подходитъ подъ ихъ объясненія, — отталкиваютъ отъ себя все, нельстящее имъ, въ среду такъ называемыхъ исключеній, какъ бы отверженныхъ, отлученныхъ явленій въ языкѣ, несмотря на то, что въ нихъ-то часто и скрывается тайна его особеннаго развитія. Напротивъ общія начала, стремящіяся къ объясненію духа языка — смиренны и вполнѣ безпристрастны. Они скорѣе способны отказаться отъ своего объясненія, какъ скоро замѣчаютъ, что многія явленія не объясняются ими, и обратиться съ вопросомъ къ самимъ себѣ: справедливы ли мы, или нѣтъ? нѣтъ ли лжи въ насъ самихъ? — чѣмъ рѣшатся оттолкнуть отъ себя какое бы ни было повидимому странное явленіе.

Правда также, что нашъ глаголъ не легко поддается вообще объясненію; но какому объясненію? Если такому, какое принято въ нашихъ грамматикахъ вообще, то, конечно, онъ не только не легко поддается, но вовсе не поддается. Но вникнемъ въ характеристику грамматическаго объясненія, какъ объясненія вообще. Правильно ли оно само въ себѣ? Сущность каждаго почти грамматическаго объясненія состоитъ въ смѣшеніи формы съ значеніемъ, или смысломъ всего понятія. Такъ почти всѣ формы русскаго глагола въ грамматикахъ объясняются по смыслу того значенія, которое принадлежитъ понятію всего слова. Доказывать это примѣрами здѣсь мы не будемъ: это завело бы насъ слишкомъ далеко; а главное, на этотъ существенный недостатокъ грамматическихъ объясненій мы постоянно указываемъ въ нашемъ изслѣдованіи. Дѣйствительно, объясненія, основанныя на смѣшеніи формы съ значеніемъ понятія, какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніи, ведутъ

только къ безпрерывной путаницѣ. Стало быть, чтобы избавиться отъ нея, необходимо въ объясненіяхъ формъ ограничиваться лишь смысломъ ихъ самихъ т. е. формъ, и никоимъ образомъ не дозволять себѣ объяснять ихъ посредствомъ тѣхъ случайныхъ значеній слова, которыя оно можетъ принимать въ живой рѣчи. При этомъ условіи въ объясненіяхъ формы русскаго глагола получатъ въ теоріи свой истинный смыслъ, который не только не нарушитъ ни въ чемъ свободы жизни русскаго глагола въ употребленіи, но, напротивъ, дастъ полную возможность уразумѣть все разнообразіе значеній, съ какимъ та или другая форма является въ живой рѣчи. Дѣло въ томъ, что объяснить жизнь нашего глагола возможно только тогда, когда прежде достаточно объяснятся всѣ тѣ формы, въ которыхъ онъ употребляется, какъ глаголъ. Объяснять же формы можно и должно только изъ нихъ самихъ, а не изъ чего либо другаго. Прежде нужно умѣть вникнуть въ ихъ собственное значеніе, раскрыть ихъ собственный смыслъ; потомъ не трудно уже будетъ добраться и до пониманія того разнообразія значеній, съ которыми онѣ появляются въ рѣчи. По нашему мнѣнію, только такимъ путемъ можно мало по малу представить рядъ объясненій всей жизни русскаго глагола и понять кажущійся произволъ ея и своеобразность. Повторимъ: *отъ значенія формы должно доходить до значенія ея разнообразнаго употребленія* — вотъ методъ, которому мы слѣдуемъ въ рѣшеніи каждаго вопроса. Но такъ какъ для ясности необходимо сравнивать наши выводы съ общепринятыми въ русской грамматикѣ и основывать, какъ повѣрку существующей уже теоріи русскаго глагола, такъ и наши собственныя объясненія, на фактахъ языка; то, поэтому, въ рѣшеніе каждаго вопроса принятый нами методъ проходитъ чрезъ разборъ существующей теоріи, чрезъ примѣры, взятые преимущественно изъ языка народнаго, и заканчивается нашимъ объясненіемъ. Вотъ все, что мы сочли нужнымъ предпослать нашему изслѣдованію.

I.

Значеніе глагола, какъ особаго разряда словъ въ Русскомъ языкѣ, и значеніе его въ живомъ употребленіи, т. е. въ рѣчи. Грамматическіе залоги. Смыслъ русской частицы СЯ при глаголахъ. Дѣленіе русскихъ глаголовъ на два разряда.

Глаголъ во всѣхъ языкахъ выражаетъ дѣйствіе, котораго значеніе видоизмѣняется сообразно съ духомъ каждаго языка, взятаго отдѣльно. Чтобы понять дѣйствіе, выражаемое глаголомъ въ русскомъ языкѣ, необходимо вникнуть въ особенности главныхъ типическихъ формъ, въ которыхъ осаждаются такъ сказать, и кристаллизируются типическія особенности русскаго глагола, приводимыя въ безпрерывное броженіе живою рѣчью. Такихъ формъ у русскаго глагола три: 1. *существительная* на *ть;* напр. читать-читывать, ходить, печь (пек+ть) и т. п. 2. *Личная*, имѣющая слѣдующія окончанія: для 1-го лица: *мь* — есмь, *мъ* — да*мъ*, *у* — бер*у*, *ю* — твор*ю*; для 2-го: *си* — е*си*, *шь* — да*шь*, бере*шь*; для 3-го *ть* — ес*ть*, *тъ* — твори*тъ;* для 1-го лица множественнаго числа: *мы* — ес*мы*, *мъ* — дѣлае*мъ;* для 2-го лица: *те* — ес*те;* люби*те;* для 3-го: *ть* — су*ть*, *тъ* — сидя*тъ*. Это первый разрядъ личныхъ формъ; 2-й — имѣетъ окончанія: *и* — хо*ди* послѣ согласныхъ, или *ь: бросъ*, *кинь*, и *й* (послѣ гласныхъ): *гуляй*. Сложная ф. *мте:* пойде*мте*. 3. *Прилагательная*, имѣющая слѣдующія окончанія: *а* — леж*а*, *я* — чит*ая*, *чи* — ожидаю*чи*, *ъ* — шед*ъ*, *ши* — нес*ши*, *въ* — ходи*въ*. Этотъ разрядъ окончаній прилагательной формы глагола отъ времени почти потерялъ свое прилагательное значеніе. Далѣе: *щій*, *щая*, *щее* — дѣлаю*щій*, горя*щая*, бѣгу*щее; чій, чая, чее* — *ходячій*, *чая*, *чее;* шій, *шая*, *шее* — писав*шій*, играв*шая*, плакав*шее*; *лый*, *лая*, *лое* — бы*лый*, бы*лая*, бы*лое*; *мый*, *мая*, *мое*, — люби*мый*, — *мая*, — *мое; ный*, *ная*, *ное*, — писан*ный*,

ая, ое; тый, тая, тое — снят*ый*, снят*ая*, снят*ое*. Каждое изъ этихъ полныхъ окончаній имѣетъ свое неполное: *щъ* — бѣгу*щъ*; *чъ* — ходя*чъ*, а, е; *шъ, ша, ше* — упав*шъ*, упав*ша*, упав*ше*; *лъ, ла, ло:* жи*лъ* — жи*ла*, жи*ло*; бы*лъ*, бы*ла*, бы*ло*; *мъ, ма, мо* — люби*мъ*, люби*ма*, люби*мо*; *нъ, на, но* — чита*нъ* чита*на*, чита*но*, *тъ, та, то* — сня*тъ*, сня*та*, сня*то*. — Изъ этихъ трехъ формъ самая богатая, какъ видно, по разнообразію окончаній — форма *прилагательная*. За ней слѣдуетъ *личная*, потомъ — *существительная*. Преимущественное развитіе прилагательной формы указываетъ на ближайшую связь русскаго глагола съ прилагательнымъ именемъ, т. е. на связь между значеніемъ дѣйствія и значеніемъ качества въ русскомъ языкѣ. Мы будемъ имѣть случай не разъ встрѣтиться впослѣдствіи съ такими фактами, которые положительно говорятъ, что русскимъ глаголомъ выражается не просто дѣйствіе, какъ отвлеченное движеніе предмета во времени, но дѣйствіе какъ проявленіе качественности предмета, подъ условіемъ продолжительности. Здѣсь самъ собою рождается вопросъ: чѣмъ же качество, выражаемое русскимъ глаголомъ, отличается отъ качества, выражаемаго прилагательнымъ именемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ остальныя двѣ формы глагола: *личная* и *существительная*. Личная форма указываетъ на связь качества, выражаемаго глаголомъ, съ предметомъ, не какъ съ предметомъ просто, а какъ съ лицомъ, или какъ съ предметомъ дѣйствующимъ, т. е. проявляющимъ или непроявляющимъ свое качество. Стало быть, качество выражаемое русскимъ глаголомъ, отличается отъ качества, выражаемаго собственно прилагательнымъ именемъ, тѣмъ, что оно представляется признакомъ, не сопровождающимъ предметъ постоянно, а зависящимъ въ своемъ проявленіи отъ лица. Оно можетъ проявляться и нѣтъ, смотря по волѣ предмета дѣйствующаго. Проявленіе качества есть въ тоже время обнаруженіе воли. Слѣдовательно, качество — глаголъ имѣетъ само по себѣ, такъ сказать, реально-нравственное значеніе, какъ проявленіе воли. Въ личной формѣ качество становится дѣйствіемъ лица; русскій глаголъ возвышается до общаго значенія глагола, какъ дѣйствія. Но имѣя свое особенное реальное значеніе, какъ качество, оно необходимо имѣетъ и свое самостоятельное бытіе; а потому можетъ обнаруживаться независимо отъ воли предмета. Въ этомъ заключается существенное отличіе русскаго глагола, какъ качества, отъ глагола вообще, какъ дѣйствія. Выраженія:

живется, можется, спалось не дурно и т. п. должны быть причислены къ самымъ замѣчательнымъ особенностямъ значенія русскаго глагола: въ нихъ самостоятельность качества выражается самымъ оригинальнымъ образомъ. Поэтому качество, выражаемое русскимъ глаголомъ, съ одной стороны, возвышаясь въ личной формѣ (собственно въ 1-мъ и 2-мъ лицѣ: 3-е лицо въ строгомъ смыслѣ не есть лицо) до общаго значенія глагола, какъ дѣйствія, представляется нашему сознанію *зависящимъ* въ своемъ проявленіи отъ воли лица; съ другой, имѣя, по своему реальному значенію, самостоятельное бытіе, какъ качество, является въ своемъ проявленіи *самостоятельнымъ* т. е. зависящимъ не отъ воли лица, а отъ энергіи и силы своего собственнаго бытія. Эта энергія качества обнаруживается, какъ увидимъ, весьма замѣчательнымъ образомъ въ существительной формѣ русскаго глагола. Но какъ бы ни проявлялось качество, выражаемое русскимъ глаголамъ въ личной формѣ, — самостоятельно, или несамостоятельно, — въ томъ и другомъ случаѣ обнаруживается воля, или присутствіе общаго закона природы, закона инерціи. Качество остается въ покоѣ скрытымъ, сосредоточеннымъ само въ себѣ до тѣхъ поръ, пока не воздѣйствуетъ на него посторонняя, или собственная сила, и продолжаетъ свое проявленіе до тѣхъ поръ, пока не смѣняется другимъ качествомъ. Такое значеніе имѣетъ глаголъ въ личной формѣ. Но здѣсь нельзя не обратить вниманія на то свойство личной формы русскаго глагола, что она никогда не соединяется съ формою времени. Послѣдняя совершенно отвергнута русскимъ глаголомъ, можно сказать, въ пользу формы личной. Напримѣръ:

Латинск.	Франц.	Русск.
am-*o*	j'aim*e*	любл-*ю*
ama-*s*	tu aime*s*	люби-*шь*
ama-*t*	il aim*e*	люби-*тъ*
ama-*mus*	nous aimon*s*	люби-*мъ*
ama-*tis*	vous aime*z*	люби-*те*
ama-*nt*	ils aim*ent*.	любя-*тъ*

Личная форма во французскомъ яз. и въ лат. сливается съ формою времени, напр.: imperfectum, преходящее время.

ama-*ba*-*m*	j' aim*ais*
ama-*ba*-*s*	tu aim*ais*
ama-*ba*-*t* и т. д.	il aim*ait* и пр.

Ничего подобнаго въ русскомъ языкѣ нѣтъ. Ясно, что личная форма русскаго глагола отрицаетъ форму времени. Въ этомъ отрицательномъ свойствѣ заключается особенность личной формы русскаго глагола сравнительно съ таковою же формою глагола въ другихъ языкахъ. На сколько лицо — вещественно, а время — отвлеченно, на столько значеніе глагола въ русскомъ языкѣ должно быть понимаемо вещественнѣе, чѣмъ значеніе его въ другихъ языкахъ.

Наконецъ *существительная форма* въ своемъ видоизмѣненіи представляетъ такую особенность русскаго глагола, которою онъ рѣзко отличается отъ глаголовъ другихъ языковъ. Эта особенность заключается въ *упругости* формы: она сжимается и растягивается, подобно тѣламъ физическимъ; напр. *бы — ть, бы — ва — ть, бы — вы — ва — ть.* Правда эта упругость не всегда такъ наглядна, какъ въ приведенномъ примѣрѣ. Иногда она скрывается въ гласныхъ звукахъ и проявляется лишь въ смѣнѣ однихъ звуковъ другими. Но и здѣсь соблюдается очевидная послѣдовательность звуковъ: краткіе звуки смѣняются долгими, которые требуютъ уже видимаго растяженія посредствомъ цѣлаго новаго слога *ва*, (*в* звукъ вставной для благозвучія). Напр.: 1. *кат — ну — ть* краткая форма: слогъ *ну* состоитъ изъ краткаго по природѣ *у* и носоваго (т. е. самаго шаткаго въ русскомъ языкѣ) придыханія *н*, 2. *катить;* звукъ *и* — сомнительный по природѣ, и потому эта форма болѣе протяжная чѣмъ ф. *кат — ну — ть*: 3. *катать:* (звукъ *и* смѣнился долгимъ *а*) — форма протяжная; и наконецъ, 4. самая протяжная ф. *кат — ы — ва — ть.* Этою особенностью существительной формы русскаго глагола выражается *продолжительность* дѣйствія. Поэтому значеніе русскаго глагола опредѣлится такимъ образомъ: русскій глаголъ выражаетъ такое качество которое проявляется подъ условіемъ продолжительности. Какъ скоро качество представляется внѣ этого условія для нашего сознанія, то оно перестаетъ быть глаголомъ и становится именемъ прилагательнымъ. Вникнемъ въ эту особенность существительной формы нѣсколько подробнѣе. Качество, выражаемое глаголомъ, русскій языкъ осмыслилъ какъ нѣчто самостоятельное, независимо отъ предмета связанное съ этимъ послѣднимъ. Для русскаго человѣка качество, выражаемое глаголомъ, можетъ быть мыслимо самостоятельно. Оттого русскій глаголъ пользуется въ живомъ употребленіи рѣчи самою широкою сво-

бодою. Онъ самъ собою, безъ помощи разныхъ мѣстоименій (какъ въ другихъ языкахъ), стоитъ нерѣдко въ рѣчи, какъ подлежащее и сказуемое вмѣстѣ; напр.: *жилось-заломилось*, худобою въ міръ *пустилось*. Что жилось? что заломилось? что пустилось? Подобные вопросы здѣсь не имѣютъ смысла.

И такъ на основаніи указанныхъ особенностей типическихъ формъ русскаго глагола мы можемъ вывести слѣдующее его опредѣленіе: *русскій глаголъ выражаетъ дѣйствіе не отвлеченное, но реальное, понимаемое въ смыслѣ качества, проявляющагося самостоятельно, или зависимо отъ предмета, подъ условіемъ продолжительности.*

Вещественность значенія русскаго глагола выводится непосредственно изъ развитія его формъ и ихъ особеннаго смысла. Дѣйствительно, сличая формы русскаго глагола съ формами глагола другихъ языковъ, мы замѣчаемъ во 1-хъ, что ихъ въ русскомъ языкѣ менѣе, чѣмъ въ другихъ языкахъ; и во 2-хъ, что между ними нѣтъ ни одной формы, которая бы имѣла отвлеченное значеніе; напр. значеніе времени, предположенія, условія, повелѣнія и т. п. Въ другихъ языкахъ есть формы неопредѣленнаго, изъявительнаго, повелительнаго, сослагательнаго, условнаго наклоненій (modi), (въ греческомъ яз. еще желательнаго); въ русскомъ нѣтъ ни одной подобной формы. Ясно, что въ развитіи глагольныхъ формъ русскій языкъ слѣдовалъ иному пути, чѣмъ другіе языки: онъ отказался отъ образованія глагольныхъ формъ съ отвлеченнымъ значеніемъ, а ограничился развитіемъ только такихъ формъ, въ которыхъ выражается вещественность значенія дѣйствія.

Но, отказавшись отъ формъ отвлеченнаго значенія, русскій языкъ нисколько не утратилъ способности выражать посредствомъ глагольныхъ формъ вещественнаго значенія всѣ возможныя отвлеченныя значенія глагола, какъ дѣйствія, въ живой рѣчи. Такъ, не имѣя формъ для временъ, языкъ выражаетъ однако всѣ оттѣнки времени дѣйствія; не имѣя особыхъ формъ для выраженія условнаго, повелительнаго и т. п. дѣйствія, онъ однако свободно выражаетъ и то и другое.

Оттого формы русскаго глагола въ живой рѣчи отличаются необыкновенною игрою красокъ. Въ другихъ языкахъ форма такъ тѣсно связана съ извѣстнымъ какимъ либо значеніемъ, что нѣтъ возможности употребить ее съ другимъ значеніемъ; въ рус-

скомъ языкѣ напротивъ: одна и таже форма можетъ быть употреблена въ разныхъ значеніяхъ, смотря по смыслу, или обороту рѣчи. Напр. такъ называемое неопредѣленное наклоненіе въ другихъ языкахъ никогда не можетъ быть употреблено вмѣсто изъявительнаго, какъ въ русскомъ существительная форма можетъ быть употреблена вмѣсто личной; напр. *быть бычку на веревочкѣ* (вм. будетъ бычекъ на веревочкѣ). (Нѣкоторые заставляютъ подразумѣвать здѣсь какое либо слово, выражающее *возможность*, *необходимость*, какъ напр. *можно*, *должно*, *необходимо*, и т. п. Мы рѣшительно противъ такихъ хрупкихъ подставокъ. Если позволяется подразумѣвать *можно* и *должно* въ одно и тоже время, то ясно, что въ сущности ни то, ни другое не годится. Если думаютъ, что такими выраженіями обозначается *возможность* и *необходимость* дѣйствія, то почему же нельзя думать, что ими же обозначается и *дѣйствительность*, реальность дѣйствія? *Не видать* Егорью свѣту бѣлаго, т. е. *не увидитъ* Егорій свѣту бѣлаго. Мнѣ не *видать* васъ отсюда, вм. я не вижу васъ отсюда. Разница въ смыслѣ та, что при употребленіи *существительной* формы главное значеніе придается мыслію *дѣйствію*, которое становится въ этомъ случаѣ предметомъ рѣчи; а при употребленіи личной формы — отношенію дѣйствія къ лицу.) Если неопредѣленное наклоненіе въ другихъ языкахъ и употребляется вмѣсто изъявительнаго, то это случается только въ придаточныхъ предложеніяхъ, гдѣ этимъ неопредѣленнымъ наклоненіемъ выражается дополненіе вмѣсто существительнаго имени въ косвенномъ падежѣ; но никогда въ такомъ самостоятельномъ значеніи, въ какомъ употребляется существительная форма русскаго глагола. Понятно, что неопредѣленное наклоненіе имѣетъ болѣе ограниченное значеніе, чѣмъ существит. форма русскихъ глаголовъ. Возьмемъ еще примѣръ. Форму: *молчи* обыкновенно называютъ формою повелительнаго наклоненія, такъ какъ ей соотвѣтствуетъ напр. во фр. яз. *tais toi!* лат. *tace!* Эти двѣ послѣднія формы, дѣйствительно, употребляются всегда съ значеніемъ повелѣнія. Но такъ ли ограниченно значеніе нашей формы: *молчи*, какъ значеніе формъ: *tais toi* и *tace?* Имѣемъ ли мы право утверждать, что нашею формою, подобно вышеприведеннымъ иностраннымъ, выражается *непремѣнно* и *только* повелѣніе? Нѣтъ. Утверждать это, значитъ отказаться отъ пониманія формъ своего языка, сжимать свободу ихъ употребленія въ тѣсныя рамы значенія формъ иностранныхъ

и насильственно навязывать то, что имъ вовсе несвойственно. Русская ф. *молчи,* кромѣ смысла повелѣнія, можетъ имѣть также значеніе условія, напр.: *молчи онъ, я не сталъ бы горячиться*, т. е. еслибы онъ молчалъ. Такого оборота, какъ *молчи онъ* не допускаетъ ни латинская ф. *tace* ни франц. *tais-toi*. Очевидно, значеніе русской формы гораздо шире, а слѣд. она не можетъ подчиниться одному только смыслу повелѣнія, и потому не можетъ быть названа повелительною формою, какъ въ другихъ языкахъ. Отсюда же видно, что форма русскаго глагола получаетъ смыслъ какого либо отвлеченнаго значенія отъ строенія цѣлой рѣчи, отъ смысла цѣлаго предложенія, а не выражаетъ его сама собою, какъ въ другихъ языкахъ. Краски ея зависятъ отъ колорита цѣлой фразы, цѣлой мысли, и потому безпрестанно измѣняются. Въ этомъ заключается живая сторона употребленія глагольной формы въ русскомъ языкѣ. Въ другихъ языкахъ напротивъ каждая глагольная форма имѣетъ свою опредѣленную краску, съ которою постоянно является въ рѣчи, и потому сама рѣчь не отличается тою свободою оборотовъ, которою такъ богатъ языкъ русскій. Изъ того, что одна и таже форма глагола въ русскомъ языкѣ можетъ имѣть множество значеній въ рѣчи, не слѣдуетъ выводить того заключенія, что русскій языкъ страдаетъ недостаткомъ творчества. Если творческая сила языка не тратится въ русскомъ глаголѣ на образованіе формъ отвлеченнаго значенія, то это показываетъ скорѣе особенность духа, разума языка, оригинальность его взгляда на образованіе глагольныхъ формъ и на смыслъ самого глагола, чѣмъ на недостатокъ его творчества; потому что таже сила языка даетъ возможность безъ особенныхъ этимологическихъ формъ выражать все разнообразіе отвлеченныхъ, логическихъ отношеній мысли, посредствомъ образованія разныхъ оборотовъ рѣчи. Каждый языкъ имѣетъ свою экономію, о которой ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать при его изученіи. Если русскій языкъ оказывается скупымъ въ отношеніи къ этимологическимъ формамъ отвлеченнаго значенія, то онъ же является необыкновенно щедрымъ въ отношеніи къ образованію синтаксическихъ формъ рѣчи.

Опредѣливъ значеніе русскаго глагола по его главнымъ типическимъ формамъ, и убѣдившись въ вещественности его значенія, не трудно понять, почему всякое желаніе подчинить русскій глаголъ какому либо отвлеченному взгляду оказывается совершенно напраснымъ. Обыкновенно послѣ опредѣленія глагола,

предлагается дѣленіе его на разряды, именуемые *залогами* (genera), т. е. русскій глаголъ подчиняется той общей отвлеченной системѣ залоговъ, которая выводится очень удобно изъ понятія о дѣйствіи. Но такъ какъ русскій глаголъ, очевидно, не совпадаетъ по своему значенію съ отвлеченнымъ понятіемъ о дѣйствіи, то дѣленіе его на *залоги*, принятые нашею грамматикою, оказывается совершенно неудовлетворительнымъ. Представимъ себѣ всю систему залоговъ въ видѣ зданія, въ которомъ находится нѣсколько отдѣленій: одно съ надписью—*дѣйствительные;* другое — *средніе;* третье — *страдательные;* четвертое — *возвратные;* пятое — *взаимные;* шестое — *общіе.* По всѣмъ этимъ отдѣленіямъ изстари размѣщаются глаголы нашими грамматиками; и что же мы видимъ? Безпрестанно то тотъ, то другой глаголъ вопіетъ противъ несправедливости, — и совершенно основательно. Грамматика чувствуетъ правду его упрека и переводитъ его въ новое отдѣленіе; но тотъ же глаголъ и въ новомъ отдѣленіи остается неудовлетвореннымъ, — и правда опять на его сторонѣ. Нечего дѣлать — нужно снова перетаскивать его куда нибудь. А глаголъ все не унимается... и хорошо еще, еслибы одинъ, два, ну, наконецъ, десятокъ изъ нихъ оказались бы такими неугомонными, а то положительно всѣ недовольны своимъ размѣщеніемъ. Возня съ ними ежеминутная. Вотъ напримѣръ грамматика помѣщаетъ глаголъ *ходить* въ отдѣленіе *среднихъ.* Только-что она посадила его туда: шумъ, крикъ, ссора между всѣми. Является грамматика. Глаголъ *ходить* проситъ ее перемѣстить себя въ другое, болѣе просторное отдѣленіе: «я имѣю, говоритъ онъ, не одно среднее, но и дѣйствительное значеніе; мнѣ нужно и то отдѣленіе, въ которомъ помѣщены мои друзья, знакомые и родственники, — глаголы дѣйствительные. Въ справедливости моихъ показаній можно удостовѣриться, прислушавшись къ языку». Дѣйствительно грамматика слышитъ выраженія: *ходить воду*—выхаживать, качать въ колесѣ; *ходить журавля* — плясать; *хоженое* мѣсто. *Ходилось* какъ-то неудачно весь день!... но не обращаетъ на нихъ особеннаго вниманія: одно кажется ей неважнымъ, потому-что оно свойственно какой-либо мѣстности, другое тоже неважнымъ, потому-что оно рѣдко употребляется. И послѣ такихъ надменныхъ изысканій, грамматика сильно убѣждаетъ глаголъ *ходить* успокоиться въ отдѣленіи среднихъ; иначе, грозитъ его отвести въ самую темную часть зданія съ надписью: *исключенія.* Вотъ грамматика продолжая обозрѣвать подвѣдомственное ей зданіе залоговъ, входитъ

въ отдѣленіи *дѣйствительныхъ* глаголовъ. Таже исторія. Со всѣхъ сторонъ слышны шумъ и крики. «Зачѣмъ вы заперли меня», кричитъ смѣлый глаголъ *бить*: «между одними дѣйствительными? Развѣ я не могу имѣть значенія средняго залога? Прочтите басню Крылова «*Ручей*», тамъ вы найдете слѣдующій стихъ:

«Ручей изъ береговъ *бьетъ* мутною волной,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы» и пр.

Развѣ здѣсь, — продолжаетъ кричать глаголъ *бить*: — я не имѣю значенія вполнѣ средняго залога? Кромѣ того, вамъ извѣстно, что я могу имѣть форму на *ся*, и въ ней прохаживаться по всѣмъ отдѣленіямъ. Развѣ вы никогда не слыхали выраженій: *посуда бьется? я бьюсь съ нимъ объ закладъ? бьется, какъ рыба объ ледъ? сердце бьется?* и др. Развѣ тутъ нѣтъ, по вашему, ни страдательнаго, ни возвратнаго, ни взаимнаго значеній? Зачѣмъ же вы запрятали меня въ какой-то уголъ, когда я имѣю право на все ваше зданіе?...» Грамматика чувствуетъ себя заваленною множествомъ самыхъ справедливыхъ требованій, но не смотря на это, грубо и произвольно обходится со всѣми. Она каждому даетъ одинъ отвѣтъ: «Ты мой любезный, можешь тамъ, гдѣ хочешь, имѣть какое угодно значеніе, да у меня-то ты (обращаясь къ глаголу: *бить)* — глаголъ *дѣйствительный*, а ты (обращаясь къ глаголу: *ходить)* — глаголъ *средній*. Знайте, что иначе я васъ считать не буду во избѣжаніе всякаго рода безпорядковъ въ моемъ зданіи». Что же выходитъ вслѣдствіе такого несогласія между русскими глаголами и русскою грамматикою? То, что представляетъ намъ Академическій Словарь съ Академическою Грамматикою. В. И. Даль въ IV выпускѣ своего «Толковаго словаря» на стр. XXI, приводитъ достаточное количество примѣровъ изъ «Академич. Словаря» для доказательства того, до какой путаницы можно дойдти подчиненіемъ русскаго глагола системѣ залоговъ, заимствованной изъ свойства глаголовъ чужеземныхъ. Дѣло это намъ кажется до того важнымъ и любопытнымъ, что мы выпишемъ примѣры, приведенные В. И. Далемъ. «Тамъ, напримѣръ, (въ Академич. Словарѣ), говоритъ В. И. Даль, названы дѣйствительными глаголы: *аплодировать* кому, *благовѣстить* къ обѣднѣ, *бросать* камнемъ въ кого, *намекать* кому о чемъ, *напоминать* о чемъ, *напылить* гдѣ, чѣмъ, *настаивать* на чемъ *насѣдать* на что; даже: стаканъ *натреснулъ*, ко мнѣ *нашло*

много гостей, я не *дослышу*, тугъ на ухо, онъ ему *норовитъ* и пр. — все это гл. дѣйствительные. *Нашумѣть*, *накричать*, *набалагурить* названы средними, а *насказать*, *наговорить*, *набормотать*, дѣйствительными; *угомониться* — возвратнымъ; а *уходиться* — общимъ; *бѣситься*, *божиться*, *нагнаиваться*, *нашататься* и пр. по словарю возвратные, — прислушайтесь: *божиться* гл. возвратный! *наѣдаться* возвратный же, а *напиваться* — общій.... Если это не острота, не намекъ на *общую* слабость, то что же это такое? Вѣдь тутъ рѣчь не о погрѣшностяхъ и опечаткахъ, въ такомъ видѣ тянется словарь отъ аза до ижицы; я бы могъ привести не сотню, а тысячи примѣровъ. Очевидно, что это не опечатки, не описки, даже не ошибки, по незнанію, или не досмотру, а это путаница, по недоумѣнью, какъ быть съ нашей грамматикой, которая сбила съ толку цѣлое ученое братство, чѣмъ принятыя правила и доказали несостоятельность свою». Мы прибавимъ къ этимъ нѣсколькимъ примѣрамъ еще нѣсколько. Вотъ они: тутъ и примѣры и толкованія изъ того же источника, т. е. изъ «Академическаго Словаря».

Благодарить — глаголъ *дѣйствительный*; значитъ: изъявлять благодарность, *благодарить за одолженіе*.

Благодарствовать — глаголъ *средній* (тоже, что *благодарить*) *благодарствую за посѣщеніе*, *за добрый совѣтъ*.

Если *благодарствовать* имѣетъ тожественное значеніе съ *благодарить*, какъ объясняетъ «Академическій Словарь», то почему же *благодарить* — гл. дѣйствительный, а *благодарствовать* — гл. средній? Точно также:

Благодѣйствовати — гл. дѣйствительный (сравните форму этого глагола съ ф. глагола *благодарствовать*) тоже, что *благодѣяти*.

Благодѣяти — гл. средній,

благодѣлать — тоже гл. средній,

благоразсуждать — гл. средній, а

благоразсуждаться — гл. страдательный.

А въ Общесравнительной Академической Грамматикѣ читаемъ (изд. 1852 г.) § 144 объ образованіи страдательнаго залога слѣдующее: «страдательный залогъ образуется изъ вспомогательнаго глагола *есмь* по всѣмъ временамъ и причастій страдательныхъ настоящаго и прошедшаго времени: есмь, былъ, буду любимъ! есмь былъ, буду тронутъ. Это образованіе (за-

мѣтьте!) относится къ глаголамъ дѣйствительнымъ; потому что *средніе*, *по значенію своему, въ страдательный залогъ не переходятъ.*» Вотъ вамъ и согласіе между словаремъ и грамматикою русскаго языка.

Болтаться — гл. возвратный: *вода болтается въ бочкѣ.* (выходитъ: вода болтаетъ себя въ бочкѣ!)

брыкать — гл. дѣйствительный: *лошадь брыкаетъ.*

брыкаться — гл. общій: *корова брыкается.*

Заглянемъ опять въ Академическую Грамматику. Что такое общій залогъ. § 98. Въ русскомъ языкѣ (замѣтьте: это уже въ русскомъ языкѣ только) различаемъ еще особыя *формы средняго* залога: (здѣсь позволимъ себѣ остановить читателя и предложить ему слѣдующій вопросъ: прочитавши вышеприведенную мысль изъ общесравнительной академической грамматики, чего бы вы, читатель, ожидали вслѣдъ за нею? не правда ли — указанія на эти *особыя формы средняго* залога?.. Ничуть не бывало. Вы читаете далѣе вотъ что, не смотря на двоеточіе:) «взаимное, субъективное дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ лицъ выражается *взаимнымъ* глаголомъ, а *состояніе* лица, выраженное окончаніемъ возвратнаго залога (т. е. *ся*), составляетъ особый залогъ — *общій*: дружусь, сражаюсь, молюсь, пекусь.» Вмѣсто *особыхъ формъ* средняго залога говорится о разныхъ *значеніяхъ*... чего? — формы, или глагольнаго понятія, неизвѣстно. Все такъ смѣшано въ опредѣленіи, что трудно разобрать эту путаницу. Здѣсь *общій залогъ* смѣшанъ съ *возвратнымъ*, по формѣ, и *среднимъ*, по значенію. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно понимать эту путаницу. Для разъясненія обратимся къ Исторической Граматикѣ Ѳ. И. Буслаева. Въ ней на стр. 111 (часть II, § 176. Издан. 1863 г.) читаемъ слѣдующее:

«Къ *возвратнымъ* глаголамъ принадлежатъ:

a) *Взаимный*, означающій взаимное дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ предметовъ; напр.: *ссориться съ кѣмъ? мириться съ кѣмъ?*

b) *Общій*, безъ мѣстоименія *ся*, неупотребляющійся; напр. «*лѣниться, бояться, надѣяться*». Нѣсколько ниже: «*Общими* глаголы называются по внѣшнему своему составу, по значенію же они принадлежатъ къ среднимъ.» Такъ вотъ что такое *общій* залогъ! Онъ принадлежитъ по формѣ къ глаголамъ возвратнымъ, а по значенію къ среднимъ, и безъ мѣстоименія *ся* не употреб-

ляется. Теперь просимъ читателя согласить грамматическое опредѣленіе *общаго* залога съ вышеприведенными примѣрами изъ словаря академическаго: *брыкать* — глаг. дѣйствительный, а *брыкаться* общій!... Не ладно. Согласить ихъ можно развѣ только посредствомъ примѣровъ, остроумно придуманныхъ въ Академическомъ Словарѣ: *брыкаетъ*, *дескать*, *лошадь*, а *брыкается корова*. Еще:

брякать — гл. среднiй. Вотъ и примѣръ изъ словаря для доказательства: *разсердясь, брякнулъ стаканъ о полъ*! а

брякаться — гл. возвратный! (выходитъ опять противорѣчіе съ грамматикою: — отъ средняго глагола можетъ произойти глаголъ возвратный, судя по примѣру — чего грамматика не допускаетъ.) Вотъ еще подобные же примѣры:

бухать — глаголъ среднiй.

бухаться — гл. возвратный.

бѣгать — гл. среднiй.

бѣгаться — гл. взаимный.

Далѣе:

вестися — гл. страдательный. Ведусь, ведешься и т. д. *у насъ такъ ведется*, а

водиться — гл. взаимный, возвратный, страдательный и безличный!

везтися — гл. страдательный, а

возиться — гл. возвратный, взаимный и страдательный!

домышлять — гл. дѣйствительный, а

домышляться — гл. общій.

дочитываться — гл. общій и страдательный.

дразниться — гл. общій и взаимный.

ждать — гл. среднiй, а

желать — гл. дѣйствительный.

жить — гл. среднiй.

житься — гл. общій.

заводиться (хозяйствомъ) — гл. возвратный.

заживать — гл. дѣйствительный, а

заживаться — гл. общій.

Кажется, достаточно этихъ примѣровъ. Читатель, вѣроятно, самъ замѣтилъ, что мы перелистовали словарь только до буквы *з* и то самымъ поверхностнымъ образомъ. Сколько же можно выписать изъ него такихъ диковинокъ, читая и разби-

рая его внимательнѣе? Спрашивается: какое же значеніе можетъ имѣть какъ словарь, такъ и грамматика при изученіи русскаго языка, когда они на каждомъ шагу противорѣчатъ другъ другу не смотря на то, что вышли изъ однѣхъ и тѣхъ же творческихъ рукъ? Впрочемъ, какъ ни безотрадно созерцать всю путаницу, вошедшую въ нашу грамматику искони для распредѣленія глаголовъ по залогамъ, можно однако вывести изъ нея слѣдующее утѣшительное заключеніе, что сквозь эту-то именно сѣть, наброшенную грамматикою на глаголы, можно яснѣе видѣть его живую сторону, — какъ онъ ускользаетъ отъ одной клѣтки до другой и ни подъ одной не останавливается. Эту живую сторону языка въ употребленіи русскаго глагола достаточно сознавали писавшіе русскую грамматику и словарь, когда говорили, что глаголъ, напримѣръ: *возитъ*, *возиться* можетъ быть и дѣйствительнымъ и возвратнымъ, и взаимнымъ и страдательнымъ, и безличнымъ; однако, не смотря на это, не могли отказаться отъ удовольствія гоняться за глаголами, какъ за дикимъ звѣремъ, и ловить его грамматическими тенетами залоговъ. Пора отстать отъ этого безсмысленнаго удовольствія, отъ этой безполезной и неблагодарной охоты. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, усиливаться опредѣлять, что такое дѣйствительный, среднiй, возвратный и пр. залоги, когда нѣтъ возможности опредѣлить прямо, къ которому изъ нихъ должно отнести тотъ, или другой глаголъ. Какой, напримѣръ, глаголъ по грамматикѣ: *повелѣть* или *велѣть?* среднiй? или дѣйствительный? Въ народныхъ пѣсняхъ безпрестанно встрѣчается выраженіе: «*вы дѣлайте дѣло повелѣное.*» Какой глаголъ: *ступитъ* или *ступатъ?* По грамматикѣ среднiй. А вотъ въ этихъ стихахъ какой? (Кор. 2 вып. стр. 85), Добрыня Никитичъ играетъ въ шахматы съ Батыемъ:

Кликнули Добрыню Никитича,
Подернули столы бѣлодубовые,
Раздернули тавлеи вальящеты *).
Первую тавлеюшку царь *ступилъ;*
Другую тавлеюшку Добрыня Никитичъ младъ,
Третью тавлеюшку царь *ступилъ;*

*) *Тавлея* — *tabula, table* — доска, шашка, шахматъ (Двѣ тавлеи Моисея. Безс. вып. 2, стр. 93, ст. 10).
Вальящетый — рѣзной.

70. *Четвертую* Добрыня Никитичъ младъ:
Больше царю ступить некуда;
Та игра была проиграна.

Профессоръ Ѳ. И. Буслаевъ въ своей Исторической Грамматикѣ русскаго языка (Часть 2, Москва 1863 г., стр. 111—123) подробно указываетъ на переходъ и образованіе глаголовъ изъ однихъ залоговъ въ другіе, и приводитъ достаточное количество примѣровъ для того, чтобы вполнѣ можно было убѣдиться, какъ не свойственно русскому глаголу подчиняться извѣстной классификаціи залоговъ. Всѣ параграфы его грамматики, начиная съ § 176 и кончая § 180-мъ включительно, можно принять за твердое основаніе отрицанія залоговъ въ русскомъ глаголѣ. Не смотря однако на это, почтенный авторъ счелъ за нужное остаться при прежнемъ взглядѣ, и въ предшествующемъ 175-мъ параграфѣ излагаетъ ученіе о залогахъ въ русскомъ языкѣ согласно съ ученіемъ въ другихъ языкахъ. Разберемъ его. Прежде всего авторъ дѣлитъ глаголы на *переходящіе* (transitiva) и *непереходящіе* (intransitiva), говоря (стр. 109 ч. 2): «*залогъ* означаетъ дѣятельность предмета, или переходящую на другой предметъ; напр.: «читаю книгу», «привыкаю къ труду»; или непереходящую; напр.: «стою». Глаголы перваго разряда именуются *переходящими*, — послѣдняго: *непереходящими*. Переходящіе глаголы требуютъ послѣ себя дополненія: «книгу» — дополненіе къ «читаю», «къ труду» дополненіе къ «привыкаю». Непереходящіе глаголы дополненія при себѣ не имѣютъ.» Такое дѣленіе можетъ быть допущено подъ тѣмъ условіемъ, что въ русскомъ языкѣ одинъ и тотъ же глаголъ можетъ имѣть и переходящее и непереходящее значеніе. Но никакъ нельзя отдѣлять цѣлый разрядъ глаголовъ подъ названіемъ *переходящихъ* отъ другаго разряда подъ названіемъ *непереходящихъ*. Вотъ почему, намъ кажется, авторъ, оставаясь вѣрнымъ искони принятому дѣленію глаголовъ, по разрядамъ, нашелся однако вынужденнымъ тотчасъ же оговориться слѣдующимъ образомъ: «Впрочемъ, говоритъ онъ, иногда и переходящій глаголъ употребляется въ видѣ непереходящаго, т. е. безъ дополненія; напр.: глаголы *читать* и *спорить* въ предложеніяхъ: «читаетъ книгу», и «споритъ со всѣми» употреблены въ значеніи переходящихъ; а въ предложеніяхъ: «любитъ читать», любитъ спорить» — въ значеніи непереходящихъ.» Далѣе онъ называетъ глаголы съ дополненіями — *опредѣленными*,

безъ дополненій — *неопредѣленными*. Это нововведеніе однако не столько упрощаетъ, сколько усложняетъ дѣло. Отъ этого общаго дѣленія глаголовъ на два разряда, онъ переходитъ къ болѣе подробному. «Какъ переходящіе, такъ и непереходящіе» (можно бы еще прибавить: какъ опредѣленные, такъ и неопредѣленные) «глаголы, по залогамъ, дѣлятся на *дѣйствительные*, *страдательные*, *средніе* и *возвратные*.

1. Переходящіе: a) *дѣйствительные*, b) *страдательные*, c) *средніе*, d) *возвратные*.

2. Непереходящіе: a) *дѣйствительные*, b) *страдательные*, c) *средніе*, d) *возвратные*.

Сравнивая первоначальное дѣленіе глаголовъ на переходящіе и непереходящіе съ только что приведеннымъ дѣленіемъ, кажется, мы не ошибемся, если замѣтимъ, что во 1-хъ, первое общее дѣленіе глаголовъ сдѣлано было также по залогамъ, какъ и второе. Это видно изъ словъ автора: «*залогъ* означаетъ дѣятельность предмета переходящую, или непереходящую и проч.» и потомъ: «какъ переходящіе, такъ и непереходящіе глаголы, *по залогамъ*, дѣлятся на дѣйст. сред. и т. д.» Ясно, что въ опредѣленіи залога существуетъ какая-то сбивчивость. Если *залогъ*, по своему значенію, допускаетъ какое-нибудь дѣленіе, то въ тоже самое время и при томъ же самомъ значеніи онъ не можетъ уже допускать другаго дѣленія. Если глаголы по значенію залога могутъ быть переходящіе и непереходящіе, то по тому же значенію залога они не могутъ уже дѣлиться на дѣйствительные, страдат. и т. д. Что нибудь одно: или *залогъ* можетъ имѣть два разныхъ значенія — что, конечно, допустить трудно; или одно дѣленіе сдѣлано по значенію залога, а другое — по чему либо другому. Во 2-хъ, изъ словъ автора: «Какъ переходящіе, такъ и непереходящіе глаголы, по залогамъ, дѣлятся на дѣйствит.» и т. д., выходитъ, что каждый изъ залоговъ, какъ дѣйствительный, такъ и средній и др. можетъ быть въ тоже время переходящимъ и непереходящимъ. Кажется, это такъ? А между тѣмъ, сравнивая приведенныя слова автора съ опредѣленіемъ каждаго залога въ отдѣльности, встрѣчаемъ опять противорѣчіе. Въ Историч. Грамматикѣ мы читаемъ далѣе: «1) *Дѣйствительный* глаголъ означаетъ дѣйствіе предмета, *переходящее* (стало-быть не означаетъ уже дѣйствія непереходящаго, какъ бы слѣдовало думать на основаніи предыдущаго) на другой предметъ, котораго названіе ставится въ *винительномъ* па-

дежѣ; напр.: «ученикъ читаетъ книгу». Очевидно, что это опредѣленіе дѣйствительнаго залога уже не согласуется съ тѣмъ, что сказано о залогахъ переходящихъ и непереходящихъ, или о глаголахъ опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ. Потомъ читаемъ еще слѣдующую уступку въ пользу дѣйствительнаго залога: «вмѣсто *винительнаго* падежа иногда ставится при дѣйствительномъ глаголѣ *родительный* (§ 243)». Посмотримъ указанный авторомъ параграфъ. Вотъ что говорится въ немъ: «родительный падежъ употребляется при глаголахъ *дѣйствительнаго* залога, обращающихъ свое дѣйствіе на *часть* предмета, или и на весь предметъ, но на *извѣстное* время; напр.: *подать воды*, *посѣять пшеницы*, *одолжить ножа*, *дать взаймы денегъ?* *занять денегъ*, *посулить* кому *лошади*, т. е. не вовсе отдать, но дать на подержаніе, на нѣкоторое время и съ возвратомъ потомъ; а *посулить кому лошадь* — значитъ отдать совсѣмъ, подарить. Такъ какъ *продолженный* видъ, по самому своему значенію, имѣетъ смыслъ постояннаго теченія дѣйствія, и сверхъ того, такъ какъ иногда даетъ дѣйствію значеніе отвлеченное, то, вмѣсто родительнаго, требуетъ въ этомъ случаѣ падежа винительнаго. Напр.: «*сѣять пшеницу*, *занимать деньги*.» Но развѣ нельзя сказать въ непродолженномъ видѣ такимъ образомъ: *посѣять пшеницу*, *занять деньги?*

Говорятъ:	сѣять и посѣять	пшеницу	винительный падежъ.
	занять и занимать	деньги	
		и	
	сѣять и посѣять	пшеницы	родительный падежъ.
	занять и занимать	денегъ	

Такое употребленіе вовсе не объясняется тѣмъ, что приведенные глаголы принадлежатъ къ дѣйствительному залогу, а винит. падежъ вовсе не объясняется тѣмъ, что глаголъ стоитъ въ продолженномъ видѣ. Гораздо проще и вѣрнѣе слѣдующее объясненіе: какъ скоро дѣйствіе представляется имѣющимъ отношеніе къ количеству, то всегда предметъ, мыслимый количе-

ственно, ставится послѣ глагола въ родительномъ падежѣ — чѣмъ бы количественный смыслъ предмета ни обусловливался. Этого требуетъ самое значеніе, смыслъ родительнаго падежа въ языкѣ, а не глаголъ. (Извѣстно, что родительнымъ падежемъ выражается *исключеніе* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Подъ исключеніемъ слѣдуетъ разумѣть и отрицаніе, и принадлежность, и причину и т. п. Объ этомъ должно говориться при объясненіи значенія падежей). Но какъ скоро смыслъ сосредоточивается на дѣйствіи, а предметъ служитъ лишь тою средою, въ которой оно проявляется, или которою дѣйствіе опредѣляется во внѣшнемъ своемъ проявленіи, тогда ставится винительный падежъ. Поэтому-то и послѣ среднихъ глаголовъ ставится винительный падежъ: *трудиться недѣлю*, *спать всю ночь*. Далѣе на 248 стр. «Родительный *отрицанія* при дѣйствительныхъ глаголахъ; напр.: «не читай письма», ничего не дѣлаю». Здѣсь мы замѣтимъ слѣдующее: родительный падежъ ставится послѣ глаголовъ съ отрицаніемъ всегда, когда сила рѣчи сосредоточивается на отрицаніи дѣйствія отъ предмета, его опредѣляющаго; напр.: «*не читать письма*, *ничего не дѣлать, не спать ночей.*» Если же сила рѣчи сосредоточивается болѣе на предметѣ, чѣмъ на отрицаніи отъ него дѣйствія, то употребляется и винительный падежъ: *не читать письма*, *не спать ночи*. Жаль, что въ главѣ объ употребленіи родительнаго падежа въ Исторической Грамматикѣ пропущены глаголы: *бояться*, *опасаться*, *страшиться*, *желать*, *хотѣть*, *ждать*, изъ которыхъ первые три сочиняются всегда съ родительнымъ падежемъ, а послѣдніе три — съ родительнымъ и винительнымъ. Все это объясняется изъ смысла самихъ падежей и ихъ отношеній къ глаголамъ. Какъ бы то ни было, грамматика учитъ насъ, что *дѣйствительные* глаголы сочиняются съ *винительнымъ* и *родительнымъ* падежемъ. Но въ живомъ употребленіи языка съ тѣми же падежами могутъ сочиняться и другіе глаголы, т. е. такіе, которые по грамматикѣ относятся къ другимъ залогамъ; какъ напр.: *ѣхать безъ отдыха двѣ станціи; наѣхало гостей*. Вообще, пора оставить уже объяснять употребленіе падежей посредствомъ такихъ правилъ, которыя нисколько не объясняютъ дѣла, а требуютъ одного механическаго заучиванія. Гораздо полезнѣе было бы прежде объяснить и опредѣлить смыслъ каждаго падежа въ русскомъ языкѣ изъ самого языка, а потомъ уже указывать на случаи употребленія того или другаго падежа,

какъ на слѣдствія, вытекающія изъ его сущности. Сказать, что дѣйствительный глаголъ требуетъ винительнаго падежа, значитъ ровно ничего не объяснить въ языкѣ. Во-первыхъ, что такое дѣйствительный залогъ самъ въ себѣ, безъ всякаго отношенія къ своему дополнительному слову? Во-вторыхъ, почему же онъ требуетъ винительнаго падежа? Въ-третьихъ, что же это за несчастный падежъ такой, который долженъ, по требованію глагола, немедленно становиться передъ нимъ, какъ листъ передъ травой? и т. д. Но пойдемъ далѣе. «Особенный разрядъ глаголовъ дѣйствительныхъ, говорится въ Историч. Грамматикѣ, составляютъ *винословные*, т. е. такіе производные глаголы, которые приписываютъ подлежащему причину, заставляющую кого нибудь производить дѣйствіе, *выраженное* первообразнымъ глаголомъ, отъ котораго винословный происходитъ; напр. *поить кого* (т. е. заставить пить), *вѣшать что* (заставить вѣсить; сдѣлать такъ, чтобы висѣло) и т. п.» Спрашивается: къ чему это? Если *поить* глаголъ дѣйствительный *винословный*, то и *кормить* долженъ быть по смыслу винословнымъ. А между тѣмъ глаг. *кормить* не происходитъ ни отъ какого другаго глагола; не смотря на то, можно и этотъ глаголъ приравнять къ выраженію: *заставить кого ѣсть*. До какихъ странныхъ толкованій языка доходитъ наша грамматика! Вѣдь какъ поить, такъ и кормить можно только того, кто хочетъ пить или ѣсть. Заставлять же пить и ѣсть противъ желанія — дѣло дурное. Да такого значенія собственно глаголъ *поить* и не имѣетъ. Возьмемъ другой глаголъ: *строить*. Будетъ ли онъ винословный или нѣтъ? собственно говоря, тотъ, кто строитъ домъ, строитъ его не самъ, а плотники, каменьщики, столяры, обойщики, и т. д. Хозяинъ же дома выдаетъ деньги — извѣстную плату рабочимъ, за которую они обязались строить. Стало быть, можно также сказать, что глаголъ *строить* значитъ: заставлять кого класть кирпичи, настилать полы и пр., и пр. Но къ чему это? Думаю, что этотъ разрядъ дѣйствительныхъ глаголовъ внесенъ въ систему залоговъ лишь для полноты, по примѣру другихъ грамматикъ, въ которыхъ говорится же *de verbis causalibus*. Я не вижу рѣшительно никакой нужды въ нихъ для русской грамматики и отношу этотъ разрядъ залога дѣйствительнаго къ числу праздныхъ грамматическихъ тонкостей.

Отъ дѣйствительнаго перейдемъ къ *страдательному* залогу. «*Страдательный* глаголъ означаетъ состояніе предмета, про-

изведенное дѣйствіемъ другаго; напр.: «Любимъ отцомъ и матерью.» Точнѣе этого опредѣленія нѣтъ ни въ одной грамматикѣ; а между тѣмъ вдумайтесь въ него и увидите, что оно точно также пусто и праздно, какъ и вся система залоговъ. Дѣйствительно: чѣмъ же выражается состояніе-то предмета, которое производится дѣйствіемъ другаго? Очевидно, состояніе одного предмета и дѣйствіе другаго — не одно и тоже; стало быть, *состояніе одного предмета* должно имѣть для себя особое слово, особое выраженіе; а *дѣйствіе другаго* — другое особое слово, особое выраженіе. Гдѣ же эти два слова въ предложеніи: *любимъ отцомъ и матерью*, изъ которыхъ однимъ выражалось бы *состояніе* предмета, а другимъ то *дѣйствіе* другаго предмета, которымъ произведено это состояніе? Не видно. Въ примѣрѣ: для состоянія одного предмета и для дѣйствія другаго находится одно выраженіе въ словѣ: *любимъ.* Откуда поневолѣ слѣдуетъ заключить, что состояніе одного предмета и дѣйствіе другаго представляютъ тожество и имѣютъ необходимость только въ одномъ словѣ. Спрашивается: неужели это должно быть такъ? Какъ ни поверни, все въ опредѣленіи страдательнаго залога есть что-то неясное, непонятное. Чтобы дать лучшее понятіе о страдательномъ залогѣ, почтенный авторъ обращается къ опредѣленію его по формѣ. «Страдательный залогъ выражается причастіемъ страдательнымъ, произведеннымъ отъ глагола дѣйствительнаго; причемъ дополненіе дѣйствительнаго глагола становится подлежащимъ страдательнаго, а подлежащее дѣйствительнаго — дополненіемъ страдательнаго, которое означается творительнымъ падежемъ; напр.: «отецъ и мать его любятъ» — «онъ любимъ отцомъ и матерью.» Вотъ какая форма страдательнаго залога: по ней отличается онъ отъ другихъ залоговъ. Этого, по крайней мѣрѣ, отличія должно ожидать отъ грамматики, опредѣляющей страдательный глаголъ по формѣ. Но, къ сожалѣнію, грамматика оказывается и тутъ не твердою. Въ выраженіи: «эта книга *читается* мною», глаг. *читается* принимается ею же за глаголъ залога страдательнаго; а между тѣмъ форма его совсѣмъ не подходитъ къ тому, что было о ней сейчасъ сказано. Впрочемъ, о формѣ страдательнаго залога говорится въ грамматикѣ еще много замѣчательнаго. На стр. 120 читаемъ: «Славянскій языкъ, равно какъ и другіе новѣйшіе языки (это выраженіе, разумѣется, не должно понимать такъ, что славянскій языкъ принадлежитъ къ числу новѣйшихъ языковъ), имѣетъ

для *страдательнаго* залога только причастія (§ 88), въ спряженіи же пользуется описательными выраженіями, состоящими изъ причастій съ глаголомъ вспомогательнымъ» (§ 167). Далѣе: «Употребленіе *страдательныхъ причастій*, особенно *прошедшаго времени*, такъ распространено въ нашемъ языкѣ (разумѣется русскомъ, а не славянскомъ?), что они могутъ быть производимы не только отъ дѣйствительныхъ, но и отъ *среднихъ* глаголовъ (§§ 55 и 176); напр. *угасать — (не) угасаемый, бывать — бываемый, сидѣть — сижено*» и пр. Спрашивается: какъ же объясняется эта особенность нашего языка? На это нѣтъ отвѣта въ Исторической Грамматикѣ русскаго языка. Мы знаемъ только, что въ иностранныхъ языкахъ такой свободы въ производствѣ такъ называемыхъ страдательныхъ причастій нѣтъ вовсе, а въ русскомъ живомъ народномъ языкѣ, какъ увидимъ послѣ, эти страдательныя причастія свободно образуются изъ среднихъ глаголовъ. Очевидно, что это производство составляетъ весьма замѣчательную особенность русскаго глагола. На нее-то и слѣдовало бы обратить особенное вниманіе. Какъ отличительный признакъ языка, она должна быть указана и объяснена въ русской грамматикѣ. Къ сожалѣнію, мы не находимъ этого въ Исторической Грамматикѣ. Фактъ заявленъ; объясненія же для него нѣтъ никакого. Мало того, такой крупный фактъ представляется какъ бы чѣмъ-то въ родѣ исключенія въ языкѣ. Всѣ опредѣленія залоговъ красуются на главномъ мѣстѣ, занимаютъ самый видный, первый планъ въ русской грамматикѣ. Имъ отдано все преимущество; а тому, что составляетъ особенность русскаго языка, его типическую черту, отводится мѣсто подальше. Какъ-то прискорбно видѣть это въ Русской Исторической Грамматикѣ, писанной съ такимъ знаніемъ дѣла, съ такою добросовѣстностью и такою ученостію автора. Читатель извинитъ насъ за это небольшое отступленіе. Вернемся къ тому, что относится къ формѣ залога страдательнаго. Чувствуя, что приведеннаго выше опредѣленія страдательной формы весьма недостаточно для русскаго глагола, авторъ Исторической Грамматики прибѣгаетъ къ дѣленію страдательнаго залога на два разряда и говоритъ: «страдательный глаголъ можетъ быть или *опредѣленный*, т. е. при лицѣ дѣйствующемъ, напр.: «любимъ всѣми», или *неопредѣленный*, т. е. безъ означенія лица дѣйствующаго, напр.: «домъ строится». Какая же это форма: *строится?* — Разумѣется, нестрадательная. Выходитъ: страдательный залогъ

выражается въ формѣ нестрадательной. Содержаніе не соотвѣтствуетъ формѣ. Пусть такъ. Кто же виноватъ въ этомъ: языкъ, или грамматика? Разумѣется, языкъ, — можно отвѣчать иронически. Совсѣмъ не иронически однако говорится объ этомъ въ грамматикѣ. Въ ней говорится, что: «*важнѣйшихъ формъ* для выраженія страдательнаго залога въ яз. славянскомъ и русскомъ три». Невольно приходитъ на мысль, что, стало быть, есть еще менѣе важныя формы для выраженія страдательнаго залога и что всѣхъ формъ должно быть больше трехъ. Но какія именно еще существуютъ формы, кромѣ переименованныхъ грамматикою трехъ важнѣйшихъ, этого въ ней не находимъ. Она говоритъ во 1-хъ, о формѣ описательной, во 2-хъ, о формѣ возвратной, которая дополняетъ собою *недостатокъ* самостоятельной страдательной формы. Объ этомъ недостаткѣ говорится такъ: «2. Недостатокъ самостоятельнаго спряженія страдательнаго глагола восполняется у насъ употребленіемъ возвратной формы въ смыслѣ страдательнаго залога (форма въ смыслѣ залога — не ясно); напр.: «домъ строится» вм. «домъ строимъ есть». Чтобы придать болѣе вѣсу такому правилу относительно страдательной формы русскаго глагола, авторъ приводитъ примѣры изъ языковъ иностранныхъ: cela ne s'oublie jamais, ich nenne mich, вм. ich werde genannt. Я *называюсь*, стало быть, глаголъ страдательный; но онъ же есть и возвратный по грамматикѣ. Потомъ представлены примѣры изъ переводовъ св. книгъ съ греческими подлинными выраженіями. Все это, разумѣется, сдѣлано авторомъ для доказательства того, что русскій языкъ не составляетъ исключенія относительно предложеннаго правила, что въ немъ должно искать того же, что есть и въ другихъ языкахъ. По нашему же мнѣнію, все это доказываетъ только силу вліянія иностранныхъ грамматикъ на русскую, и странное желаніе искать объясненія для особенностей русскаго языка не въ немъ самомъ, а въ другихъ языкахъ. Разъ надѣвши добровольно ярмо иностранныхъ языковъ, наша грамматика такъ свыклась съ нимъ, что и не думаетъ о томъ, какъ бы скинуть его съ себя. Нѣтъ спора о томъ, что нашъ языкъ во многомъ можетъ имѣть сходство съ другими; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы то, въ чемъ онъ отличается отъ другихъ языковъ, было для него менѣе важнымъ. Да и почему бы русской грамматикѣ не прокладывать своего пути въ изученіи языка? кромѣ того кто поручится, что все то, что говорится въ иностранныхъ

грамматикахъ о своихъ языкахъ, есть несомнѣнная истина? Можетъ быть система залоговъ и въ иностранныхъ языкахъ предложена грамматикою неудовлетворительно... И такъ, мы узнали изъ грамматики, что страдательный залогъ имѣетъ *недостатокъ* въ самостоятельномъ спряженіи; и что этотъ недостатокъ замѣняется употребленіемъ возвратной формы, которая къ великому удовольствію грамматики, оказывается такою услужливою формою, что является восполнять не одинъ недостатокъ, а нѣсколько недостатковъ. Извѣстно, что возвратною же формою пользуются и средніе залоги, и взаимные, а не одни только страдательные. Почтенный авторъ Ист. Грам. приводитъ весьма любопытныя данныя въ 4 и 5 примѣчаніяхъ относительно страдательной формы. Мы выпишемъ эти замѣчанія вполнѣ. «Примѣч. 4. Въ старинномъ народномъ языкѣ употребляются иногда такія возвратныя формы, въ которыхъ соединяется значеніе *взаимнаго* залога съ *страдательнымъ;* такъ напр.: *вестися* въ слѣдующей пословицѣ XVII в. «слѣпецъ слѣпца *ведутся*, а оба въ яму *впадутся*». Страдательный залогъ смѣшивается не только съ среднимъ и возвратнымъ, но и взаимнымъ! Что же изъ этого слѣдуетъ, какъ не то, что живая сторона языка никакъ не поддается мертвой системѣ залоговъ по значенію и по формѣ? Заставьте же разобрать приведенную пословицу какого угодно знатока нашей грамматики и спросите его: какого залога глаголъ *ведутся?* оказывается двухъ за разъ! Не менѣе любопытно и 5 примѣчаніе: «въ древне-русскомъ иногда опускается *ся* въ возвратныхъ формахъ значенія страдательнаго, напр.: въ Сл. о П. Иг. «Ярославнынъ гласъ *слышитъ* (вм. слышится). Въ Юридич. Акт. «И князь Данило возря въ грамоты, а въ грамотѣ въ даной *пишетъ*» (вм. пишется, т. е. написано) 1485—1505 г. въ Разскащ. «по родословной ихъ въ архивѣ *значитъ* (вм. значится) 189». Къ этому замѣчанію авторъ тотчасъ прилагаетъ сравненіе съ средневѣковыми формулами лат., французскаго и нѣмецкаго языковъ, вѣроятно, для того, чтобы болѣе убѣдить въ возможности подобныхъ же формъ въ языкѣ древнерусскомъ. Но такъ какъ эти французскія и нѣмецкія формулы, употребляемыя въ средніе вѣка, оставлены, подобно нашимъ русскимъ, безъ объясненія этимологическаго и историческаго, то онѣ не имѣютъ для насъ особеннаго значенія. Если средневѣковая формула, употребляемая въ концѣ статей, выражалась дѣйствительною формою explicit вм. страдательной: explicitum

est, подобно нашей: слышитъ вм. слышится; то нужно доказать страдательное значеніе нашей частицы *ся*, которая всюду въ грамматикѣ признается возвратною, чтобы найти полное соотвѣтствіе между: explicit и нашимъ выраженіемъ, напр.: слышитъ, или пишетъ, а равно и между explicitum est и нашимъ слышится, или пишется. Но объ этомъ можно только догадываться и дѣлать предположеніе. Между тѣмъ значеніе нашей частицы *ся*, какъ увидимъ ниже, весьма важно; въ ней выражается замѣчательная особенность русскаго глагола, а потому сходство между приведенными авторомъ нашими выраженіями и формулами взятыми изъ другихъ языковъ не болѣе какъ внѣшнее, кажущееся. Для насъ важно то, что страдательный залогъ можетъ выражаться: 1. описательною формою, 2. возвратною и 3. дѣйствительною. Послѣднюю ф. почтенный авторъ выводитъ слѣдующимъ образомъ: «3. Такъ какъ форма возвратнаго залога можетъ имѣть значеніе и средняго и страдательнаго; напр.: *спастися*, то по сближенію залоговъ страдательнаго съ среднимъ, послѣдній можетъ употребляться въ значеніи перваго, при лицѣ дѣйствующемъ, означенномъ или творительнымъ падежомъ, или предлогомъ *отъ*; напр.: въ Псковск. лѣт. «вся поднебесная *осіяла* молніею» 109. въ Древн. Рус. Стих. «*залегла* та дорога тридцать лѣтъ *отъ* того Соловья разбойника». Изъ всего сказаннаго видно, что съ одной стороны *страдательный* залогъ можетъ имѣть всѣ три формы: и *дѣйствительную* и *возвратную* и *страдательную* (т. е. описательную); съ другой, каждая изъ этихъ формъ можетъ имѣть значеніе залога *дѣйствительнаго*, *средняго*, *возвратнаго* и *страдательнаго*. Такъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ глаголы: *осіяла, залегла* имѣютъ значеніе дѣйствительнаго, средняго и страдательнаго залоговъ. Глаголъ *спастися*, имѣя возвратную форму, совмѣщаетъ въ себѣ значеніе средняго, возвратнаго и страдательнаго залоговъ. Ясно, что формы не соотвѣтствуютъ залогамъ, отъ которыхъ онѣ взяты; а залоги не соотвѣтствуютъ формамъ, по которымъ они опредѣляются. Видя такую путаницу, нельзя не сознаться, что все это не болѣе, какъ неловкое изобрѣтеніе грамматиковъ, чуждое тѣмъ даннымъ, которыя представляетъ языкъ въ своемъ живомъ употребленіи.

Послѣ этого вывода слѣдовало бы остановиться дѣлать выписки изъ Исторической Грамматики Русскаго языка, Ѳ. И. Буслаева; но мы имѣемъ въ виду не только познакомить чита-

теля съ нашимъ взглядомъ, но и дать ему полное понятіе о той системѣ, которая вошла въ нашу грамматику искони и которая такъ отчетливо и подробно изложена въ послѣдней и лучшей грамматикѣ русскаго языка. И потому продолжаемъ выписки.

3. «*Среднiй* глаголъ означаетъ состоянiе или дѣйствiе предмета не переходящее на другой предметъ напр. *спать*, *ходить*.» (Опять здѣсь есть нѣкоторое противорѣчiе съ тѣмъ, что говорилось выше о переходящихъ и непереходящихъ залогахъ).

«Къ среднимъ глаголамъ принадлежитъ существительный или вспомогательный *быть*, какъ одинъ, такъ и въ соединенiи съ именемъ прилагательнымъ, для означенiя сказуемаго, равно какъ и вспомогательный *стать* напр.: «*есть* время» «*есть* деньги». «Онъ долго *былъ боленъ*, а теперь *сталъ здоровъ*».

Замѣтимъ мимоходомъ относительно формы: *былъ боленъ*, *сталъ здоровъ:* видно, что среднiй залогъ можетъ выражаться описательною формою, т. е. такою же формою, какъ и залогъ страдательный по грамматикѣ. Наконецъ ниже читаемъ еще: «Многiе глаголы, оканчивающiеся на *ся*, имѣютъ значенiе *среднихъ;* напр.: *радоваться*, *печалиться*, *молиться*, *стучаться* и мн. друг.» Форма на *ся* есть форма возвратнаго залога, а между тѣмъ она принадлежитъ также и *среднему* залогу. Стало быть, *среднему* залогу принадлежатъ тѣже формы, какiя и залогу *страдательному*. Притомъ глаголы: *радовать-ся, печалить-ся*, *молить-ся* образовались изъ дѣйствительныхъ съ возвратнымъ *ся* — и по грамматикѣ должны имѣть значенiе *возвратныхъ*. Но эта сбивчивость объясняется такимъ образомъ въ Историч. Грамматикѣ (§ 177, стр. 115, 3). «Дѣйствительный глаголъ съ мѣстоименiемъ *ся* теряетъ значенiе возвратнаго залога, когда не показываетъ уже прямаго перехода дѣйствiя на это мѣстоименiе. Такъ напр.: въ глаголѣ *рѣшаться* на что-нибудь, еще замѣтенъ этотъ переходъ: *рѣшать себя* на что-нибудь; но глаголъ: *слушаться* кого — нельзя уже раздѣлить на *слушать себя кого;* точно также *молиться* не значитъ: *молить себя;* не смотря не то, что глаголы *слушать* и *молить* дѣйствительные. На этомъ основанiи въ древнѣйшихъ ц. с. памятникахъ вм. *ся* (сѧ), употребляется *си*; напр.: въ Сп. Упиря: *съжалиси* вм. *съжалисѧ*, т. е. какъ бы *сжалить себя*, сжалиться *для себя*; слич. въ послов. «какъ *постлался*, такъ и выспался», т. е. какъ *постлалъ себя*. Даль 281.» Прекрасно! но что-жъ та-

кое здѣсь *ся?* имѣетъ ли оно смыслъ возвратнаго мѣстоименія? и въ какомъ падежѣ должно считать *ся* напр. въ глаголѣ *слушаться*, который происходитъ отъ дѣйствительнаго: *слушать?* На это обратилъ особенное вниманіе К. С. Аксаковъ въ своей статьѣ на Историческую Грамматику Ѳ. И. Буслаева. («Рус. Бесѣда» 1859 г. № 6). Но объ этомъ подробно будемъ говорить послѣ, при объясненіи частицы *ся* въ русскихъ глаголахъ. Для насъ пока важно то, что средній глаголъ можетъ образоваться изъ дѣйствительнаго посредствомъ возвратнаго мѣстоименія *ся*. Мало того, одно и тоже среднее значеніе можетъ имѣть глаголъ съ мѣстоименіемъ *ся* и безъ него; напр.: *стать* и *статься; свѣтить* и *свѣтиться; синѣть* и *синѣться*. Перейдемъ къ грамматическому опредѣленію возвратнаго залога.

4) «*Возвратный* глаголъ означаетъ дѣйствіе предмета, обращенное на *самого дѣйствователя*, и состоитъ изъ глагола дѣйствительнаго съ мѣстоименіемъ возвратнымъ *ся* (ся), постановленнымъ въ винительномъ падежѣ по требованію этого глагола (припомнимъ: *слушаться*, *драться, браниться*, *кусаться* и др.); напр.: *умываться*, *одѣваться* (т. е. умывать себя, одѣвать себя).» Вовсе не ради остроты мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе на предложенное опредѣленіе возвратнаго залога: всегда ли, въ самомъ дѣлѣ, эти глаголы выражаютъ возвратное дѣйствіе, т. е. такое дѣйствіе, которое исходитъ отъ лица дѣйствующаго и обращается на него же? Есть дѣти и взрослые люди, которые никогда сами ни *умываются*, ни *одѣваются*, а всегда ихъ кто-нибудь умываетъ и одѣваетъ. Въ такомъ случаѣ, по грамматикѣ, глаголы: *одѣваться*, *умываться* получатъ значеніе *страдательнаго* залога; а въ жизни страдаютъ не тѣ, которыхъ умываютъ, или одѣваютъ, но тѣ, которые одѣваютъ или умываютъ. Очевидный разладъ жизни съ наукою, котораго никогда не должно быть между ними.

«Къ возвратнымъ глаголамъ принадлежатъ:

а) *Взаимный*, означающій взаимное дѣйствіе двухъ или нѣсколькихъ предметовъ; напр.: *ссориться съ кѣмъ; мириться съ кѣмъ*».

Относительно формы взаимный глаголъ (см. § 178, стр. 118—119) имѣетъ ихъ двѣ по грамматикѣ: *дѣйствительную* и *возвратную*, изъ которыхъ послѣдняя признана за собственную форму взаимнаго глагола, т. е., что взаимному глаголу свойственнѣе форма на *ся*, чѣмъ какая-либо другая. Мы же дума-

емъ, что и взаимному залогу, подобно среднему и страдательному, могутъ быть приписаны всѣ три формы: *дѣйствительная* (говорить съ кѣмъ, воевать съ кѣмъ); *возвратная* (драться съ кѣмъ, мириться съ кѣмъ) и *страдательная*, или описательная: (быть въ долѣ съ кѣмъ, вступить въ драку съ кѣмъ, быть въ ссорѣ съ кѣмъ, стать близку съ кѣмъ и т. п.)

Кромѣ взаимнаго залога къ возвратнымъ относится еще «б) *общій*, безъ мѣстоименія *ся* не употребляющійся; напр.: *лѣниться, бояться, надѣяться.*» Нужно разумѣть нынѣ не употребляющіеся; потому что на стр. 115 читаемъ: 2) «Даже *глаголы общіе, нынѣ* не употребляющіеся безъ винительнаго *ся*, первоначально, будучи *дѣйствительнаго залога*, могли обходиться безъ этого мѣстоименія.» Кромѣ того читаемъ объ нихъ: «*Общими* глаголы называются по внѣшнему своему составу, по значенію же они принадлежатъ къ среднимъ.» Внѣшній ихъ составъ — *глаголъ дѣйствительный* + *ся*; внутреннее же ихъ значеніе — *залогъ средній*. Поэтому не будутъ ли общими глаголы: *драться*, *ругаться*, *браниться*, *жечься* (крапива жжется), *слушаться* и т. п.? По нашему мнѣнію, этотъ *общій* залогъ представляетъ нѣчто въ родѣ грамматической лазейки, въ которую можно броситься всегда, какъ скоро представится затрудненіе указать на залогъ какого-либо глагола по опредѣленіямъ грамматики. Онъ достойно завершаетъ собою систему залоговъ, являясь необходимымъ слѣдствіемъ ея сбивчивости. Въ самомъ дѣлѣ, познакомясь вполнѣ съ системою залоговъ и ихъ опредѣленіями, мы видимъ ясно, что чрезъ все дѣленіе глаголовъ по залогамъ проходитъ смѣшеніе двухъ понятій въ логическомъ основаніи, — понятія о формѣ и понятія о значеніи. Смѣшеніе это до того конкретно, что нѣтъ возможности отдѣлить одно основаніе дѣленія отъ другаго. Если бы основаніемъ дѣленія служило одно значеніе дѣйствія, то не было бы возможности говорить, что возвратный залогъ оканчивается на *ся*, или что многіе глаголы, оканчивающіеся на ся, имѣютъ значеніе среднихъ, или, наконецъ, что общій залогъ въ возвратной формѣ содержитъ значеніе средняго и т. п. Какое дѣло до формъ глагола, когда залогъ его опредѣляется по смыслу дѣйствія? Кромѣ того, если бы бралось въ расчетъ одно только значеніе понятія о дѣйствіи, то можно было бы предложить еще нѣсколько видовъ глагола; извѣстно, что въ нѣкоторыхъ грамматикахъ говорится о глаголахъ *начинательныхъ:* засинѣть, забѣлѣть, заговорить и

т. п., *учащательныхъ:* почитывать, поговаривать и пр. Да мало ли еще можно создать залоговъ, слѣдя за живымъ значеніемъ русскаго глагола въ рѣчи! Съ другой стороны, если бы основаніемъ дѣленія служила форма, то не зачѣмъ было бы говорить, что дѣйствительный залогъ выражаетъ дѣйствіе переходящее, а средній — непереходящее, что возвратный означаетъ дѣйствіе обращенное на самого дѣйствователя и т. п. Понятно, что въ дѣленіи глаголовъ по залогамъ участвуютъ смыслъ и форма вмѣстѣ, что совершенно несогласно съ строгими логическими требованіями грамматики, какъ науки. Благодаря этой путаницѣ, допущенной въ логическое основаніе дѣленія, и возникъ такъ называемый *общій* залогъ. Взгляните, сколько въ немъ одномъ вмѣщается страннаго. *Общій* залогъ, неимѣющій ни малѣйшаго смысла возвратнаго дѣйствія, отнесенъ грамматикою къ залогу возвратному единственно потому, что имѣетъ окончаніе *ся*, которое, какъ мы уже не разъ имѣли случай убѣдиться, равно принадлежитъ всѣмъ залогамъ, даже дѣйствительному, если онъ, кромѣ винительнаго падежа, можетъ требовать послѣ сего и родительнаго *(желать чего? хотѣть чего? добиваться чего?)* и слѣдов. окончаніе *ся* не можетъ быть важнымъ препятствіемъ отнести общій залогъ къ какому либо другому залогу. Но въ этомъ случаѣ грамматика почему-то отдала предпочтеніе формѣ въ опредѣленіи залога. Почему же такого предпочтенія не заслуживаетъ форма въ опредѣленіи дѣйствительнаго, или средняго залога? Отчего бы не отнести общаго залога къ разряду среднихъ залоговъ; такъ какъ по смыслу онъ дѣйствительно грамматикою относится къ нимъ? Вотъ и поводъ къ безконечнымъ и безплоднымъ спорамъ о томъ, что лучше: отнести ли общій залогъ къ возвратнымъ, или къ среднимъ? Что важнѣе: смыслъ дѣйствія, или его форма? Рѣшеніемъ этого (празднаго) вопроса и занимались со всею важностію, подобающею наукѣ, нѣкоторые теоретики. Но гдѣ причина этого спора? Стоило ли, дѣйствительно, тратить на него трудъ и время? Какая существенная польза для пониманія русскаго языка могла быть отъ рѣшенія подобныхъ вопросовъ? Все это какъ-то не приходило въ голову. Никто не осмѣливался заподозрить пользу и необходимость залоговъ въ русскомъ глаголѣ; никто также не думалъ изслѣдовать самое основаніе дѣленія ихъ, съ цѣлію узнать, не заключается ли въ немъ самомъ какого нибудь логическаго противорѣчія. Сказать, что употребленіе какого нибудь глагола возможно въ значеніи того,

или другаго залога, не значитъ еще доказать ясно пользу и необходимость знанія этого употребленія. Такъ глубоко проникло вліяніе изчужи внесенной системы залоговъ въ теоретическое изученіе русскаго глагола, что безъ нея русская грамматика чувствуетъ себя какъ безъ рукъ, безъ ногъ. Придуманная древними грамматиками система залоговъ стала и для нашей русской чѣмъ-то въ родѣ conditio sine qua non. Нѣтъ сомнѣнія, что почтенный и ученый авторъ Исторической Грамматики вполнѣ понималъ недостаточность и непримѣнимость ея къ языку русскому: мы видимъ доказательство этому въ томъ, что онъ къ одной страницѣ, излагающей систему залоговъ, счелъ нужнымъ прибавить 12 страницъ съ самыми любопытными и замѣчательными примѣрами изъ языка ц.-славянскаго, народнаго и литературнаго, которые не столько поясняютъ, сколько опровергаютъ ее (т. е. систему) въ сущности; но, къ сожалѣнію, онъ остался вѣренъ ей, руководствуясь, можетъ быть, тѣмъ духомъ осторожности, который налагался на него самою задачею сочиненія, какъ руководства къ изученію русскаго языка для учебныхъ заведеній. Впрочемъ, другой ученый филологъ, К. С. Аксаковъ, не стѣсненный никакими иными соображеніями, кромѣ научныхъ, понимающій изученіе языка подъ вліяніемъ болѣе живаго, чѣмъ теоретическаго взгляда на языкъ, и отличающійся правдивою смѣлостію въ своихъ выводахъ, точно также признаетъ ученіе о залогахъ и въ такомъ же видѣ, въ какомъ оно излагается въ Исторической Грамматикѣ. Все несогласіе его съ нею состоитъ лишь въ распредѣленіи самихъ глаголовъ по залогамъ, т. е. тѣ глаголы, которые относятся, положимъ, Историческою Грамматикою Ѳ. И. Буслаева, къ среднимъ, онъ относитъ къ возвратнымъ и т. п. Но ему принадлежитъ попытка объяснить переходъ значеній глаголовъ изъ одного залога въ другой. Эта попытка весьма замѣчательна въ историческомъ отношеніи. Она представляетъ послѣдній шагъ развитія теоріи залоговъ въ русской грамматикѣ, выражая желаніе автора внести живой смыслъ въ мертвую, безплодную ихъ систему. Но, по слову евангельскому: не слѣдуетъ наливать вина новаго въ мѣхи старые, попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ обойдти ее молчаніемъ въ нашемъ изслѣдованіи. Замѣчая переходъ значенія глаголовъ по залогамъ въ живой рѣчи, К. С. Аксаковъ старается дать грамматическимъ залогамъ большую, такъ сказать, крѣпость, поставить ихъ на болѣе твердую ногу. Въ

своей критической статьѣ на Историческую Грамматику русск. языка Ѳ. И. Буслаева, помѣщенной въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 г., №№ 5 и 6, онъ не довольствуется слѣдующею мыслiю Ѳ. И. Буслаева о глаголѣ возвратномъ, что: «только по употребленiю въ предложенiи форма возвратнаго глагола получаетъ различное значенiе, или собственно возвратнаго глагола, или взаимнаго, или средняго, или страдательнаго», и говоритъ: «возвратный глаголъ остается при всякомъ подобномъ употребленiи все возвратнымъ глаголомъ». Послѣ этого онъ переходитъ къ объясненiю лишь того: «какъ могъ онъ (возвратный глаголъ) въ употребленiи принять оттѣнокъ страдательнаго и средняго, какъ могло образоваться изъ него значенiе этихъ залоговъ», такимъ образомъ: «возвратный глаголъ (въ которомъ *ся* есть винительный падежъ, какъ въ глаголѣ: *мажуся)* можетъ принять въ значенiи оттѣнокъ средняго, какъ скоро дѣйствiе изъ прямаго, случайнаго, въ которомъ волю свою осуществляю я самъ, переходитъ въ дѣйствiе отвлеченное, обычное, въ которомъ осуществляется только моя воля. Дѣйствiе отвлеченное, продолжаетъ К. С. Аксаковъ (стр. 19) легко переходитъ въ состоянiе съ участiемъ моей воли на такое состоянiе, напр.: я *наслаждаюсь*. Такимъ образомъ отсюда легко возникаетъ значенiе глагола средняго, которое отличается отъ настоящаго средняго тѣмъ, что здѣсь есть въ глаголѣ участiе собственной воли, или подобiе собственной воли.» Положимъ, что дѣйствiе: *я наслаждаюсь* — отвлеченное. Это не то, что *я мажусь* — дѣйствiе видимое. Положимъ, что въ томъ и другомъ случаѣ присутствiе воли дѣйствующаго лица очевидно, и оба глагола: *наслаждаюсь* и *мажусь*, понимаемые въ отвлеченномъ значенiи, принимаютъ оттѣнокъ среднихъ глаголовъ; тѣмъ не менѣе все же остается непонятнымъ, почему авторъ отказываетъ настоящимъ среднимъ глаголамъ въ волѣ дѣйствующаго лица на извѣстное его состоянiе, говоря, что изъ возвратнаго «легко возникаетъ значенiе средняго глагола, *которое отличается отъ настоящаго средняго* тѣмъ, что здѣсь (т. е. въ возвратныхъ глаголахъ) есть въ глаголѣ участiе собственной воли, или подобiе собственной воли.» Стало быть въ настоящемъ среднемъ глаголѣ не выражается участiя собственной воли лица, или подобiя собственной воли? Развѣ: *я сижу*, *ты идешь* (настоящiе среднiе глаголы по грамматикѣ) не имѣютъ значенiя собственной воли лица, или даже подобiя собственной воли? Развѣ *я сижу* не потому, что хочу си-

дѣть, а потому, что не могу не сидѣть? Неужели здѣсь не выражается даже и подобія собственной воли, какъ въ примѣрѣ, приведенномъ К. С. Аксаковымъ: *онъ теряется,* гдѣ, по его мнѣнію, является только подобіе воли? Въ настоящемъ среднемъ глаголѣ выражается на столько же собственной воли, или подобія воли, насколько и въ глаголѣ *возвратномъ*, имѣй этотъ послѣдній случайное или общее, вещественное или отвлеченное значеніе. Глаголъ: *я думаю*, который можетъ имѣть настоящее среднее значеніе, какъ состояніе лица дѣйствующаго — и притомъ состояніе отвлеченное, подобно: *я наслаждаюсь*, — развѣ не показываетъ участія собственной воли лица, подобно: *я наслаждаюсь?* Очевидно, что отличіе возвратно-средняго глагола отъ настоящаго *средняго*, основанное на волѣ лица дѣйствующаго, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Точно также нельзя объяснить удовлетворительно перехода возвратнаго залога въ возвратный глаголъ съ значеніемъ залога средняго и посредствомъ *отвлеченности* значенія дѣйствія. К. С. Аксаковъ думаетъ, что возвратный залогъ переходитъ въ средній чрезъ *отвлеченность* значенія. Да развѣ всѣ настоящіе-то средніе глаголы непремѣнно должны имѣть отвлеченное значеніе? Глаголы: *сидѣть*, *бѣжать* и др. средніе, но вовсе не отвлеченные по значенію. Стало быть для того, чтобы возвратному глаголу принять оттѣнокъ средняго вовсе нѣтъ надобности въ отвлеченности значенія. Вотъ почему объясненіе перехода залога въ средній намъ кажется неудовлетворительнымъ и мы не можемъ сказать вмѣстѣ съ авторомъ послѣ предложеннаго объясненія, что «переходъ возвратнаго глагола въ разрядъ среднихъ становится понятнымъ.»

Если настоящіе (по грамматикѣ) средніе глаголы выражаютъ *состояніе* предмета, то отсюда не слѣдуетъ, чтобы это состояніе не было въ связи съ волею предмета, находящагося въ извѣстномъ состояніи, или не выражало никакого подобія воли. *Столъ стоитъ*. Столъ, конечно, не имѣетъ воли и не можетъ произвольно измѣнить своего положенія; но имѣетъ подобіе воли, какъ способность, свойство проявлять свое бытіе въ такомъ состояніи. Точно также: *посуда бьется*. Посуда также не имѣетъ воли и не можетъ произвольно бить сама себя, но имѣетъ подобіе воли, какъ способность, свойство проявлять свое бытіе въ такомъ состояніи. Состояніе же предмета можетъ быть чувственное и отвлеченное, можетъ имѣть случайное и общее значеніе;

стало быть объяснять переходъ возвратнаго залога въ средній посредствомъ отвлеченности значенія значитъ вдаваться въ односторонность и потому уходить отъ истины. *Дитя ходитъ.* Глаг. *ходитъ* — средній (по грамматикѣ), но значеніе его можетъ быть и чувственное, и отвлеченное въ этомъ же примѣрѣ, потому что выраженіе: *дитя ходитъ* можно понимать и такъ, что оно находится въ движеніи вотъ сію минуту, передъ глазами. Это значеніе чувственное, или вещественное и частное. А можно понимать и такъ, что дитя начало уже ходить вообще, т. е. что въ немъ проявилась общая способность человѣка къ произвольному движенію. Это уже будетъ значеніе отвлеченное и общее. Но въ томъ и другомъ значеніи глаголъ *ходить* остается тѣмъ же настоящимъ среднимъ глаголомъ по грамматикѣ.

Далѣе авторъ объясняетъ переходъ возвратнаго глагола въ значеніе страдательнаго залога (стр. 19): «тѣ возвратные глаголы, которые принимаютъ значеніе состоянія, но въ то же время удерживаютъ дѣйствительный оттѣнокъ, переходятъ въ значеніе залога страдательнаго; напр.: *онъ уважаетъ себя* — глаголъ возвратный; *онъ уважается* — состояніе, глаголъ средній (т. е. съ точки зрѣнія автора нужно понимать его также возвратнымъ, но съ оттѣнкомъ средняго); но такъ какъ дѣйствительный элементъ опредѣлительно лежитъ въ смыслѣ глагола: *уважать* — надо, чтобъ кто нибудь непремѣнно былъ *уважающій* — то естественно возникаетъ отсюда представленіе, что *уважается кѣмъ нибудь*, и глаголъ получаетъ *оттѣнокъ залога страдательнаго;* напр.: *онъ уважается всѣми.*» Неточность объясненія бросается въ глаза. Спрашивается: въ одно ли и тоже время возвратный глаголъ *уважается* принимаетъ значеніе средняго и страдательнаго, или, чрезъ среднее значеніе, переходитъ въ значеніе страдательное? Мы видимъ у автора слѣдующую постепенность: *онъ уважаетъ себя* — глаголъ возвратный (замѣтьте: цѣлое *себя*, а не *ся;* странно! авторъ говоритъ о глаголахъ на *ся*, что они — возвратные, а приводитъ примѣръ глагола: *уважать себя*, гдѣ уважать не имѣетъ окончанія *ся.* Первая сбивчивость въ объясненіи). *Онъ уважается.* — средній (т. е. возвратно-средній; стало быть все таки не собственно возвратный). Наконецъ *уважается всѣми* — страдательный; но вѣдь авторъ считаетъ глаголъ *уважается* и среднимъ и возвратнымъ. Слѣд. выходитъ, что въ примѣрѣ: *онъ уважается всѣми* — глаголъ: *уважается* будетъ *возвратно-средне-страда-*

тельный! Судя по этой послѣдовательности объясненія, глаголъ возвратный: *уважается* принимаетъ оттѣнокъ страдательнаго значенія въ примѣрѣ: *онъ уважается всѣми* чрезъ посредство оттѣнка средняго значенія. Стало быть, чтобы возвратному глаголу стать страдательнымъ, нужно прежде получить значеніе средняго залога. Если это должно понимать такъ, то спрашивается: на какомъ основаніи выводятся всѣ эти постепенные переходы залоговъ изъ однихъ въ другіе? Неужели въ самомъ дѣлѣ живой языкъ проходитъ всѣ эти ступени образованія возвратнаго, средняго и страдательнаго значеній постепенно, шагъ за шагомъ, какъ этому учитъ объясненіе ученаго автора? Не есть ли это напрасное упражненіе умозрительной способности, неимѣющее ничего общаго съ самою жизнію языка? Но, положимъ, что все это очень важно для пониманія смысла возвратной формы глагола; посмотримъ на самое объясненіе: нѣтъ ли въ немъ самомъ противорѣчія, или не найдется ли въ немъ опроверженія самому себѣ. Пусть въ выраженіи: *онъ уважаетъ себя* — глаголъ: *уважаетъ себя* — возвратный, не смотря на то, что въ этомъ примѣрѣ собственно глаголъ *уважаетъ* не имѣетъ вовсе возвратной формы «*уважаетъ* или *уважать* не = *уважается* или *уважаться*»; а въ выраженіи: *онъ уважается* — глаголъ: *уважается* имѣетъ среднее значеніе (что, по мнѣнію самого же автора, также несправедливо, по крайней мѣрѣ, неточно: потому что самъ авторъ говоритъ на стр. 18: «глаголъ возвратный остается при всякомъ подобномъ употребленіи все возвратнымъ.» Стало быть слѣдовало бы самому автору назвать глаголъ *уважается* (въ примѣрѣ: *онъ уважается*) не среднимъ, а хоть *возвратно-среднимъ*); спрашивается: какъ же отсюда выходитъ оттѣнокъ страдательнаго значенія? Вотъ какъ: «Но такъ какъ, говоритъ авторъ, *дѣйствительный* элементъ (замѣтьте: именно дѣйствительный, а никакой-либо другой) опредѣлительно лежитъ въ смыслѣ глагола: *уважать* — надо, чтобъ кто нибудь непремѣнно былъ *уважающій* — то естественно возникаетъ отсюда представленіе, что *уважается кѣмъ нибудь*, и глаголъ получаетъ оттѣнокъ залога страдательнаго; напр. *онъ уважается всѣми*.» Изъ того, что въ глаголѣ *уважать* лежитъ именно *дѣйствительный* элементъ, никакъ не слѣдуетъ того, чтобы непремѣнно при немъ было лицо дѣйствующее, т. е. кто нибудь *уважающій*; потому что этимъ дѣйствительное значеніе глагола ни на волосъ не отличается отъ средняго, возвратнаго и пр. значеній глагола. Можно также сказать, взявши примѣръ

средняго (по грамматикѣ), глагола: *онъ лежитъ*, и объяснять такимъ же образомъ т. е.. но такъ какъ *средній* элементъ опредѣлительно находится въ смыслѣ глагола: *лежать* — надо, чтобъ кто нибудь непремѣнно былъ *лежащій*, то... и дальше нельзя ровно ничего сказать. Съ этимъ нельзя не согласиться. Но слѣдуетъ ли отсюда, чтобы потому именно глаголъ съ прибавкою *ся* получилъ оттѣнокъ страдательнаго залога, хоть къ глаголу *лежитъ* очень и очень можно прибавить *ся: ему лежится?* Дѣйствительный элементъ (по выраженію автора), или дѣйствительное значеніе глагола не потому считается дѣйствительнымъ, что должно непремѣнно имѣть при себѣ лицо дѣйствующее, а потому, что должно непремѣнно имѣть прямое дополненіе, или предметъ дѣйствія; слѣд. если авторъ упираетъ на *дѣйствительность* значенія глагола — *уважать*, то онъ долженъ былъ бы сказать такимъ образомъ: «Такъ какъ *дѣйствительный* элементъ опредѣлительно лежитъ въ смыслѣ глагола: *уважать* — надо, чтобъ *что нибудь* было непремѣнно предметомъ уваженія...» Но отсюда не придешь къ объясненію въ значеніи оттѣнка страдательнаго. Понятно, что предложенное объясненіе перехода возвратнаго значенія въ страдательное сбивчиво; а потому неясно и не можетъ считаться удовлетворительнымъ. Дѣйствительно, какое ясное понятіе можно составить себѣ изъ слѣдующаго положенія автора: «тѣ *возвратные* глаголы, которые принимаютъ значеніе состоянія (слѣд. значеніе среднее), но въ тоже время удерживаютъ *дѣйствительный* оттѣнокъ, — переходятъ въ значеніе залога *страдательнаго?*» Что же это такое за смѣсь всѣхъ значеній въ одномъ глаголѣ? По возвратной формѣ, глаголъ ex officio долженъ считаться *возвратнымъ*, не имѣя собственно возвратнаго значенія; за то въ тоже время онъ принимаетъ значеніе *средняго* залога и въ тоже время удерживаетъ значеніе *дѣйствительнаго* и въ тоже время становится *страдательнымъ!* Такимъ образомъ, при всемъ знаніи дѣла и остроуміи, почтенный авторъ вмѣсто объясненій предлагаетъ нѣчто въ родѣ метафизической путаницы, показывающей ясно, какъ трудно подчинить живое значеніе русскаго глагола общепринятымъ залогамъ, придуманнымъ искони учеными язычниками. Вотъ вся попытка, сдѣланная К. С. Аксаковымъ — для объясненія переходовъ значеній глагола изъ одного залога въ другой. Она, какъ видите, не можетъ назваться *полною*, потому что ограничивается только желаніемъ объяснить переходъ воз-

вратнаго залога въ средній и страдательный, оставляя въ сторонѣ всѣ другіе залоги и притомъ вызвана другимъ желаніемъ, именно желаніемъ объяснить употребленіе возвратн. мѣстоименія *ся* при русскихъ глаголахъ. При томъ очевидно, подъ авторомъ была не реальная, а теоретическая почва (онъ старался объяснять переходъ значеній русскаго глагола на основаніи уже принятыхъ и опредѣленныхъ теоріею залоговъ) и потому объясненія оказались шаткими, неудовлетворительными. Бѣда въ томъ, что авторъ въ изложеніи своихъ мыслей подчинился уже заранѣе предвзятому взгляду на русскій глаголъ, попалъ въ ту же колею, по которой многіе уже тащили нашу несчастную русскую грамматику. Колея эта такъ глубока, что, попавъ въ нее съ перваго шагу, трудно уже выбраться на всѣхъ послѣдующихъ.

Соображая все сказанное нами о значеніи залоговъ и переходѣ ихъ изъ однихъ въ другіе по самымъ лучшимъ источникамъ, мы вполнѣ соглашаемся съ мнѣніемъ В. И. Даля, который въ IV выпускѣ своего Толковаго словаря, въ напутномъ словѣ на стр. XXI говоритъ: «есть одинъ общій образъ для русскаго глагола, не наполняемый ни однимъ, но могущій пополняться, по частямъ, всѣми. Всякій глаголъ способенъ принять всѣ измѣненія, отвѣчающія разуму, смыслу, значенію его; съумѣйте употребить его, и вы, удачнымъ примѣненьемъ въ новомъ смыслѣ, мигомъ создали цѣлый рядъ новыхъ для него переходовъ. Такъ называемые *залоги* для него дѣло вовсе постороннее, случайное, переходчивое; они могутъ, хотя безъ всякой пользы, примѣняться только къ каждому частному случаю. Окончаніе на *ть* и *чь* общее, коренное, прямое; ему отвѣчаютъ, въ западныхъ языкахъ, глаголы переходящіе или дѣйствительные, и непереходящіе средніе; окончаніе на *ся*, т. е. привѣска сокращеннаго *себя*, образуетъ возвратный, или обратный глаголъ, непрямой, который можетъ быть отнесенъ, если смыслъ рѣчи позволяетъ и ко всѣмъ прочимъ залогамъ. Засимъ очевидно, что распредѣленіе глаголовъ на *залоги* одно школярство, одно изъ тѣхъ путъ, которыя служатъ только для притупленія памяти и понятій учениковъ; на каждый вопросъ о залогѣ глагола ученикъ долженъ отвѣчать: въ какомъ залогѣ вамъ угодно будетъ его употребить, въ такомъ онъ, на сей разъ, и будетъ числиться.» Въ этихъ словахъ весьма вѣрно и мѣтко высказанъ приговоръ грамматическимъ залогамъ. Но

еще важнѣе въ нихъ дѣленіе, предложенное В. И. Далемъ, русскихъ глаголовъ по окончанію. Мы видимъ въ этомъ дѣленіи простой, здравый научный смыслъ русскаго человѣка, не забитаго теоріею и школярствомъ, и мѣткій взглядъ на самую теорію русскаго глагола. В. И. Даль дѣлитъ, какъ мы видѣли, всѣ русскіе глаголы на 2 разряда по ихъ окончанію, или формѣ: 1. глаголы *прямые*, *коренные*, оканчивающіеся на *ть* или *чь*; 2. глаголы *обратные* — оканчивающіеся на *ся*. Не забудемъ, что окончаніе *чь* есть тоже, что *ть*. Въ звукъ *ч* сливаются гортанные звуки *г* и *к* съ *т*: *мочь* изъ *мог—ть*, *печь* изъ *пек—ть*. Стало быть, говоря вообще, глаголы прямые имѣютъ одно окончаніе: *ть* (полное *ти*: везти, нести); глаголы обратные окончаніе *ть—ся*.

Какъ ни справедливо дѣленіе глаголовъ, предложенное В. И. Далемъ въ научномъ отношеніи, однако оно требуетъ объясненія, или, лучше сказать, нѣкотораго оправданія. Противъ него могутъ быть сдѣланы слѣдующія возраженія: во 1-хъ, самъ авторъ считаетъ окончаніе *ся* не болѣе какъ привѣскою къ прямому окончанію глаголовъ *ть*; слѣдовательно, *ся* далеко не имѣетъ того же значенія, которое принадлежитъ окончанію *ть* и потому не можетъ соперничать съ послѣднимъ въ дѣленіи глаголовъ на разряды; во 2-хъ такъ какъ эта привѣска *ся* можетъ быть и не быть при глаголѣ, тогда какъ безъ окончанія *ть* не возможно образованіе ни одного глагола, то смѣшивать ее съ окончаніемъ *ть* не должно, если хотимъ избѣжать новой сбивчивости въ дѣленіи русскихъ глаголовъ. Дѣля глаголы по окончаніямъ *ть* и *ся*, мы вносимъ по прежнему сбивчивость въ самое логическое основаніе для дѣленія; потому что *ть* есть общая этимологическая форма для глагола, привѣска же *сь*, *ся* вовсе не служитъ для образованія глагола, какъ глагола, но для сообщенія глаголу, какъ дѣйствію, новаго значенія, иного смысла; слѣд. *ть* имѣетъ этимологическое значеніе, а *ся* синтаксическое или логическое. Постараемся отвѣтить на эти возраженія. Вопервыхъ слѣдуетъ сказать о самыхъ возраженіяхъ, что они справедливы, если смотрѣть на нихъ съ одной теоретической точки зрѣнія, и не справедливы, если они должны быть основаны на фактахъ языка и выведены изъ его духа. Во вторыхъ, если мы обратимся за доказательствами къ самому языку, то всѣ они будутъ говорить противъ предложенныхъ возраженій. Самое важное опроверженіе русскій языкъ представляетъ

въ томъ несомнѣнномъ фактѣ, что въ немъ нѣтъ ни одного глагола, который не былъ бы способенъ принять формы *ся*; даже глаголъ *быть* можетъ принимать *ся*, какъ видно изъ формы: *будучись*, употребляющейся въ народныхъ пѣсняхъ.

Будучись Садко купецъ, богатый гость,
Подъ славнымъ Новымъ-Городомъ и пр.

(Кир. II, 2. стр. 34).

Поэтому, какъ простое окончаніе *ть* или *ти*, такъ и сложное: *ть—ся* могутъ быть признаваемы одинаково за образовательныя глагольныя формы. Притомъ не должно забывать, что русскій языкъ не любитъ формъ отвлеченныхъ,— и потому не должно окончанію *ти* приписывать какое-то условное, символическое значеніе въ образованіи глагола, какъ особаго разряда словъ въ языкѣ. Оно имѣетъ такое же живое конкретное значеніе, какъ и *ся*, *ти* сокращенная форма глагола *и-ти*, и въ соединеніи съ темою глагола выражаетъ движеніе, дѣятельность того понятія, которое заключается въ самой темѣ. Но эта дѣятельность представляется исходящею изъ значенія темы и стремящеюся вдаль. *Ся* или *сь*, даетъ проявленію дѣятельности возвратное значеніе.

Чтобы понять, какимъ образомъ русскій языкъ осмыслилъ возвратность въ своемъ глаголѣ, необходимо обратить вниманіе на употребленіе при немъ *ся*.

Ѳ. И. Буслаевъ въ Исторической Грамматикѣ Русскаго яз. принимаетъ *ся* за древнѣйшую форму (сѧ) винительнаго падежа возвратнаго мѣстоименія, которая впослѣдствіи замѣнилась формою *себя* — съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться. Авторъ ограничился объясненіемъ формы *ся* самой въ себѣ; замѣтилъ также, что въ иныхъ глаголахъ *ся* теряетъ значеніе винительнаго падежа, напр.: *слушаться* кого, *молиться*, не смотря на то, что стоитъ при такъ называемыхъ дѣйствительныхъ глаголахъ: *слушать*, *молить*. «На этомъ основаніи, говоритъ онъ, въ древнѣйшихъ Ц. С. Памятникахъ вм. *ся*, употребляется *си*: напр. въ сп. Упиря: *съжалиси* вм. *съжалися*, то-есть, какъ бы *сжалить себѣ*, *сжалиться* для себя (но здѣсь два мѣстоименія возвратныхъ), слич. въ послов. «какъ *постлался*, такъ и выспался». т. е. какъ *постлалъ себѣ*». Слѣд. здѣсь *ся* имѣетъ уже значеніе *дательнаго* падежа, судя по толкованію автора, который ясно однако не говоритъ объ этомъ. Далѣе, читаемъ: «Окончательно теряетъ свой смыслъ *винительный* падежъ *ся*,

ся, когда сочиняется съ глаголомъ средняго залога: стать статься; свѣтить свѣтиться, синѣть синѣться». Если уже это *ся* теряетъ смыслъ *винительнаго* падежа, приставляясь къ дѣйствительнымъ глаголамъ, то, разумѣется, при среднихъ, по грамматикѣ, оно и не должно имѣть смысла винительнаго падежа. Тѣмъ не менѣе *ся* въ той же формѣ употребляется при среднихъ равно, какъ и при дѣйствительныхъ глаголахъ. Наконецъ относительно частицы *ся* Ѳ. И. Буслаевъ говоритъ: «Такъ какъ языкъ допустилъ винительный падежъ *ся* при среднемъ глаголѣ, *то не нашелъ затрудненія* употребить оный даже при *нѣкоторыхъ* страдательныхъ; напр.: «какъ *соглашеносъ*, такъ и сдѣлано» «*рѣшеносъ*» и др. (ч. II стр. 117 § 177). Тутъ же и сравненіе съ другими языками: примѣч. 6. «Употребленіе возвратнаго мѣстоименія въ винительномъ падежѣ при глаголахъ среднихъ замѣчается и въ другихъ языкахъ; напр.: въ нѣм. sich erinnern, sich schämen, sich ruhen; во франц. se mefier, se repentir, se taire, se moquer (въ древн. фр. *moquer qqn.* значитъ *moquer* былъ глаголъ дѣйствительный, а не средній? Да едва ли не слѣдуетъ того же сказать о всѣхъ вышеприведенныхъ глаголахъ нѣмецкихъ и французскихъ: такъ отъ Scham — стыдъ schämen — стыдить, sich schämen — стыдиться; die Ruhe — покой ruhen — покоить, sich ruhen покоиться и пр. Но положимъ, что schämen, ruhen, erinnern всегда были средними глаголами.)» Нѣкоторые глаголы употребляются только съ se, напр. se souvenir; другіе то удерживаютъ, то отбрасываютъ это мѣстоименіе; напр: «coucher dans un lit» и «le soleil se couche.» Допустимъ, что въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ мѣстоименія sich, *se* соединяются съ средними глаголами также свободно, какъ въ русскомъ языкѣ — хотя въ сущности допустить этого никакъ нельзя, — и пусть русскій языкъ ничѣмъ не отличается въ этомъ отношеніи отъ вышепоименованныхъ языковъ; но вотъ въ чемъ дѣло: гдѣ же примѣры, которые бы также положительно убѣждали насъ въ свободѣ соединенія мѣстоименій sich и *se* съ *страдательными* глаголами, подобно русскимъ: *рѣшеносъ*, *соглашеносъ*, *боротосъ*, *покрываемося* и т. п., какъ убѣждаютъ приведенные почтеннымъ авторомъ примѣры въ свободѣ соединенія sich *se* съ средними глаголами въ языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ? Если глаголы съ страдательнымъ значеніемъ никогда не соединяются въ нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ съ мѣстоименіемъ sich и *se*, то, очевидно, въ русскомъ языкѣ мѣ-

стоим. *ся*, служащее для образованія глаголовъ страдательныхъ и среднихъ, не имѣетъ тожественнаго значенія съ мѣст. sich и *se*. Поэтому сходство нашего *ся* съ мѣст. sich и *se* только внѣшнее, и сравненіе нашихъ среднихъ и страдательныхъ формъ глагола на *ся* съ глаголами средняго значенія, имѣющими при себѣ, sich и *se*, нисколько не объясняетъ существеннаго значенія нашей частицы *ся*, а даетъ лишь ложное понятіе о сходствѣ нашихъ глаголовъ съ глаголами другихъ языковъ. Изъ приведенныхъ положеній автора Исторической Грамматики о мѣстоименіи *ся* въ соединеніи съ глаголами можно вывести только то, что *ся* есть возвратное мѣстоименіе, сокращенное *себя*, что *ся* есть форма винительнаго падежа, который однако можетъ терять свое значеніе, соединяясь не только съ глаголами средняго, но и дѣйствительнаго залога. Спрашивается: почему же это *ся* можетъ соединяться такъ свободно со всѣми глаголами въ русскомъ языкѣ? Почему оно, сливаясь съ глаголами, можетъ терять значеніе винительнаго падежа? Всѣ эти вопросы остаются безъ всякаго объясненія. Дѣло въ томъ, что мѣст. *ся* въ древней ф. сѧ нашло себѣ объясненіе въ Истор. Грам. только какъ сокращенная форма возвр. мѣст. *себя*, взятая отдѣльно отъ глагола; въ соединеніи же съ нимъ на нее не обращено надлежащаго вниманія, не смотря на то, что въ этомъ-то соединеніи и заключается ея существенное значеніе при глаголахъ. Мы уже сказали, что свойство принимать и отбрасывать *ся* принадлежитъ въ русскомъ языкѣ каждому глаголу (глаголы, нынѣ неупотребительные безъ *ся*, употреблялись прежде безъ *ся* и на оборотъ— это уже дѣло употребленія), если возьмемъ въ расчетъ — что необходимо — не только языкъ литературный, но языкъ разговорный, живущій въ устахъ великорусскаго народа не одной какой либо области, но всѣхъ областей Великой Россіи. Ясно, что эта частица *ся*, или *съ* есть нѣчто существенное въ русскомъ глаголѣ при его живомъ употребленіи. Ставиться же она можетъ и въ концѣ и въ началѣ глагола. Прежде она чаще ставилась въ началѣ, нынѣ — наоборотъ, употребительнѣе въ концѣ. Есть однако поводъ думать, что она и нынѣ въ народномъ языкѣ можетъ употребляться въ началѣ въ видѣ уже слитной приставки, подобно ея употребленію въ концѣ. Напримѣръ:

25. Ѣдётъ старой-отъ путемъ-дорогою,
А стоитъ ту сорокъ тышацъ лихихъ воровъ,

Да стоитъ сорокъ тышацъ разбойниковъ,
Да ише сорокъ тышацъ стоитъ подорожниковъ.
А и *сговорятъ* ту воры-разбойники,
Да *спроговорятъ* ту подорожники:
— Какъ убьемъ ли мы, пограбимъ старого,
— Съ животомъ ли, съ конемъ его розлуцимъ!

(Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ. Вып. I, стр. 87. *Онега*).

Не значитъ ли здѣсь *с* въ ф. *сговорятъ* тоже, что *ся*? ф. *сговорятъ* не равна ли ф. *говорятся*, т. е. говорятъ между собою, какъ въ глаголѣ *драться?* Правда, въ этомъ примѣрѣ значеніе *ся* не такъ ясно. Можно легко признать его и за предлогъ. Но вотъ въ 144 стихѣ, (Московской губ. и уѣзда, деревнѣ Воронки), воспѣвающемъ убіеніе Бориса и Глѣба братомъ ихъ Опорхоломъ, т. е. Святополкомъ, стр. 642 ст. 36:

Опорхолъ на ихъ слова (т. е. на слова Бориса и Глѣба) не *сполегаетъ*,
Бориса ножомъ зарѣзаетъ,
А Глѣба копьемъ закалаетъ;
Въ болота, въ солота ихъ сволокаетъ,
Листомъ, хворостомъ закладаетъ.

Здѣсь уже въ ф. *сполегаетъ* — спологаетъ — сполагаетъ очевидно значеніе приставки *с* вм. *съ*, или *ся* въ концѣ: *не полагается*, на ихъ слова не полагается. Форма же *сговорятъ* весьма замѣчательна еще удареніемъ, которое изъ краткаго дѣйствія дѣлаетъ продолженное. Какъ бы то ни было, значеніе приставки и суффиксѣ *ся* при русскихъ глаголахъ, очевидно, несравненно шире, чѣмъ то, которое приписывается ей нашею грамматикою въ смыслѣ сокращеннаго возвратнаго мѣстоименія *себя*, сходнаго съ такимъ же мѣстоименіемъ въ другихъ языкахъ (*sich* и *se*). Но прежде нежели приступимъ къ объясненію существеннаго значенія этой приставки въ русскихъ глаголахъ, приведемъ мнѣніе о ней другаго русскаго ученаго филолога, К. С. Аксакова. Если авторъ Исторической Грамматики оставилъ безъ вниманія смыслъ частицы *ся*, получаемый ею отъ слiянія съ глаголами, то авторъ критической статьи на Историческую Грамматику, К. С. Аксаковъ, при всемъ желаніи восполнить этотъ недостатокъ, не представилъ однако яснаго вывода относительно ея существеннаго значенія. Находясь подъ вліяніемъ грамматическаго опредѣленія формы *ся*, онъ самъ

сбился съ живаго пути въ объясненіяхъ ея значенія при глаголахъ и, сосредоточивъ все свое вниманіе на опредѣленіи тѣхъ падежей, въ которыхъ *ся* можетъ быть принимаема при тѣхъ или другихъ глаголахъ, попалъ опять на грамматическую колею объясненія, которая, правда, ведетъ къ познанію многихъ грамматическихъ тонкостей употребленія ф. *ся* при русскихъ глаголахъ, но за то нисколько не объясняетъ ея общаго, живаго, существеннаго при нихъ значенія. К. С. Аксаковъ въ своей критикѣ на книгу Ѳ. И. Буслаева развиваетъ подробнѣе только то, на что въ Исторической Грамматикѣ указано вскользь: въ Историч. Грамматикѣ упомянуто о томъ, что *ся*, сливаясь съ глаголами, иногда теряетъ значеніе винительнаго падежа, и предложенъ примѣръ, изъ котораго видно, что это *ся* можетъ принимать значеніе падежа дательнаго. Въ критикѣ К. С. Аксакова эта мысль получила подробное развитіе съ объясненіями. Стало быть, въ сущности нѣтъ различія между взглядомъ того и другаго ученаго на приставку *ся*. Оба они принимаютъ ее за возвратное мѣстоименіе въ формѣ винительнаго падежа. Оба говорятъ, что форма эта можетъ терять значеніе винительнаго падежа и принимать значеніе другихъ падежей. Но здѣсь уже К. С. Аксаковъ одинъ развиваетъ эту мысль и доходитъ до того положенія, что *ся* можетъ имѣть значеніе *винительнаго*, *дательнаго* и *родительнаго* падежей. Взглянемъ на самыя объясненія. Напомнимъ читателю, что они тѣсно связаны съ стремленіемъ автора объяснить переходы глаголовъ изъ однихъ залоговъ въ другіе, о чемъ было говорено выше. Мы видѣли, какимъ образомъ К. С. Аксаковъ объяснялъ переходы чрезъ частицу *ся* глаголовъ возвратныхъ въ средніе и страдательные, и нашли объясненіе неудовлетворительнымъ. Между тѣмъ онъ полагаетъ его достаточно убѣдительнымъ, говоря (стр. 29, «Русск. Бесѣда», 1849 г. № 6): «Гораздо труднѣе объяснить употребленіе *ся* въ глаголахъ другаго рода (т. е. не возвратныхъ), на которые указываетъ и г. Буслаевъ; напр.: *слушаться*, *ругаться*, *драться* (напр.: *онъ никого не слушается*, *онъ сильно ругается*, *онъ дерется)*, когда здѣсь нѣтъ значенія ни *возвратнаго*, ни *страдательнаго,* ни *взаимнаго*. Конечно, глаголы эти относятся къ разряду среднихъ; но не то, что *учиться*, гдѣ сейчасъ видите всю законность *ся* *). Сюда же относятся глаголы: жжется, щип-

*) Разумѣется, законность эта грамматическая только!

лется, бросается, плюется и пр. и пр. Эти-то именно глаголы, въ которыхъ *ся*, какъ винительный падежъ, кажется неумѣстнымъ, въ особенности показываютъ *свойство предмета, постоянную его принадлежность* (чего не имѣютъ въ этой степени и въ этомъ видѣ глаголы средніе, гдѣ *ся* съ перваго взгляда понятно).» По нашему мнѣнію, всякій глаголъ показываетъ свойство предмета, постоянную его принадлежность, но только проявляющуюся подъ условіемъ продолжительности. Поэтому мы сказали бы о вышеприведенныхъ глаголахъ, что они показываютъ скрытое свойство предмета, способное къ самостоятельному проявленію при всякомъ удобномъ случаѣ, или возбужденіи, подъ условіемъ продолжительности, — и этимъ отличили бы ихъ вообще отъ другихъ глаголовъ. Видно, что К. С. Аксаковъ подходитъ близко къ тому опредѣленію глагола, которое должно быть его общимъ значеніемъ, а не исключительнымъ только для этихъ глаголовъ. Мы отличаемъ постоянное свойство предмета, выражаемое именемъ прилагательнымъ, отъ свойства предмета въ смыслѣ дѣйствія. Первое представляется постоянно проявляющимся въ предметѣ, второе проявляющимся лишь подъ условіемъ продолжительности; и потому выраженіе К. С. Аксакова, что приведенные имъ въ примѣрѣ глаголы «показываютъ *свойство* предмета, *постоянную* его принадлежность, считаемъ неточнымъ и не согласны съ объясненіемъ примѣра: «*онъ слушается*» (онъ послушливъ).» По нашему, одно выраженіе не равняется другому; *онъ слушается* не значитъ: *онъ послушливъ*. Послушливый человѣкъ — это уже свойство постоянное, не подверженное случайностямъ проявленія; а *онъ слушается* — значитъ только то, что въ предметѣ проявляется послушаніе. Это проявленіе, очевидно можетъ имѣть мѣсто только, какъ говорится, до поры довремени. Но посмотримъ дальше, что говоритъ авторъ: «Иногда это показываетъ и *состояніе*, опять съ особымъ оттѣнкомъ, которое легко готово перейдти въ *свойство;* напр. *онъ цѣлый день ругается, онъ кидается грязью.*» Неужели: *онъ ругается, кидается грязью* можетъ быть названо *состояніемъ?* Что за состояніе: *ругаться, кидаться грязью?* Если онъ ругается, то, вѣроятно, ругаетъ кого нибудь, или что нибудь. Такое состояніе не ограничивается однимъ только лицомъ дѣйствующимъ, а проявляется на другомъ предметѣ. Такое состояніе во всѣхъ грамматикахъ называется дѣйствіемъ. Но будь оно дѣйствіе или состояніе — и въ томъ и другомъ случаѣ едва ли оно можетъ перейдти въ свойство въ

смыслѣ постояннаго, отличительнаго признака предмета; по той простой причинѣ, что подобнымъ дѣйствіямъ противупоставляются сильныя препятствія къ развитію ихъ въ свойства со стороны общественной жизни. Ругается человѣкъ, пока можно ругаться, и кидаться грязью онъ можетъ, пока не свяжутъ рукъ. «Мы думаемъ, говоритъ почтенный авторъ, что здѣсь является особенный оборотъ мысли (преимущественно въ иныхъ глаголахъ), такъ что здѣсь дѣйствіе получаетъ особое значеніе; падая на другіе предметы, оно (кто оно? дѣйствіе?) относится къ самому себѣ какъ огражденіе, какъ защита, или даже какъ выраженіе себя; напр.: *крапива жжется; крапива себя* (чѣмъ охраняетъ? чѣмъ даетъ знать?) *жжетъ*». Остановимся: примѣры не согласны съ мыслію. Авторъ говорилъ о дѣйствіи, что *оно* относится къ самому себѣ, какъ огражденіе, защита и пр., а въ объясненіи примѣра «крапива жжется» выходитъ, что не дѣйствіе охраняетъ, защищаетъ, выражаетъ себя, а предметъ. Что-то не ладно. «*Собака кусается; собака себя... кусаетъ*» (т. е. конечно, даетъ знать себя тѣмъ, что кусаетъ.» Будто? Не натяжка ли — подобное объясненіе оборота мысли?) «*Онъ бранится; онъ себя... бранитъ* (также глаголъ нѣсколько иного оттѣнка) *онъ слушается: онъ себя* (чѣмъ выражаетъ, даетъ знать?) *слушаетъ*. Это какъ бы сказать: *крапива за себя жжетъ, собака за себя кусаетъ, онъ за себя бранитъ;* даже: *онъ за себя* (а не за другого) *слушаетъ*. Припомнимъ (говоритъ авторъ въ выноскѣ), кстати для соображенія выраженіе у Нестора: *мстить своихъ* (П. С. Р. Л., т. I, стр. 76), а не *за своихъ*». Намъ кажется, что и выраженіе Нестора мало объясняетъ то, что желаетъ объяснить авторъ. Авторъ хочетъ опредѣлить значеніе *ся* при нѣкоторыхъ глаголахъ; а у Нестора употребленъ глаголъ съ дополненіемъ безъ предлога вмѣсто нынѣшняго употребленія его съ предлогомъ *за*. Подобное употребленіе глагола *мстить* съ винительнымъ падежомъ безъ предлога было обыкновенно въ древнемъ языкѣ. Въ «Русской Правдѣ», въ I главѣ, оно встрѣчается два раза: 1. *мстити брату брата, любо отцю, любо сыну* и пр. 2. *оже ли не будетъ хто его мстя* и пр. Да это совсѣмъ другое дѣло, и сюда вовсе не относится. Скорѣе авторъ могъ бы согласиться на употребительный въ народномъ языкѣ глаголъ: *надѣваться*, гдѣ *ся* дѣйствительно не можетъ быть обращено въ *себя* безъ предлога *на (надѣвать себя* въ предлож. «*надѣвалася хорошохонько*» — нельзя сказать, нужно: надѣвать *на себя)*.

И отсюда можно было бы вывести то заключеніе о сліяніи *ся* съ глаголомъ, что въ приставкѣ *ся* можетъ сокращатся возвратное мѣстоименіе съ предлогомъ; но въ примѣрѣ: *собака кусается, онъ бранится* и пр. ни откуда не видно, чтобы здѣсь *ся* стояло вм. *за себя;* потому что послѣ глагола *кусать* и *бранить* можно прямо поставить винительный *себя* безъ всякаго предлога. Авторъ самъ чувствуетъ нѣкоторую сбивчивость въ объясненіи и говоритъ (стр. 21): «*Это приблизительное объясненіе и только.*» А потомъ чрезъ нѣсколько строкъ: «Такъ объясняются глаголы съ *ся*, выражающіе свойство, принадлежность.» Далѣе онъ болѣе и болѣе убѣждается въ справедливости объясненія и приходитъ къ такому заключенію (стр. 22): «Объясненіе, сказанное нами — именно то, что дѣйствіе, падая на другіе предметы, относится къ *самому дѣйствующему лицу* (А! а выше было сказано: «къ *самому себѣ.*» Это не одно и тоже), какъ защита его, какъ выраженіе его, и касается такимъ образомъ его косвенно — это объясненіе подходитъ вообще къ этому разряду глаголовъ.» Очевидно, это нѣсколько исправленное объясненіе клонится къ тому, чтобы оправдать употребленіе *ся* въ смыслѣ возвратнаго мѣстоименія *себя* въ какомъ либо косвенномъ падежѣ. «Мы думаемъ, говоритъ авторъ, что здѣсь въ словѣ *ся*, *себя*, является не винительный, а *родительный* падежъ.» Но объясненіе этого родительнаго падежа неясно посредствомъ примѣровъ: «онъ ходилъ смотрѣть себѣ *невѣсты*» (род.) и «онъ ходилъ смотрѣть *невѣсту*», «она ходила смотрѣть себѣ *жениха*» (род. п.) и «она ходила смотрѣть *жениха*» (своей сестры) — весьма неясно. Эти примѣры какъ-то слишкомъ отдаленно объясняютъ мысль автора о родительномъ *ся* при глаголахъ *жжется*, *кусается* и т. п. Притомъ примѣры эти можно замѣнить такимъ образомъ: *онъ смотрѣлъ себѣ невѣсту* и *онъ смотрѣлъ невѣсты* и т. п. «Какъ бы то ни было, говоритъ К. С. Аксаковъ, мы думаемъ, что здѣсь является падежъ родительный, если не особою формою, то значеніемъ своимъ.» Ну, пусть такъ. Перейдемъ за авторомъ къ такимъ глаголамъ, при которыхъ *ся* имѣетъ значеніе дательнаго падежа (стр. 23). «Есть еще особый разрядъ глаголовъ, о которыхъ мы уже упомянули (это было на стр. 17, гдѣ авторъ говоритъ, что: «появленіе *ся* при глаголахъ: *стать — статься*, (о)*статься; свѣтить — свѣтиться*, *синѣть — синѣться*, объяснить трудно. *Ся* здѣсь не есть прямой, опредѣленный, винительный падежъ).

Эти глаголы *средняго* залога; напр.: *статься*, *свѣтиться*, *синѣться*, *пастися*. Мы сказали, что здѣсь, вѣроятно, дательный падежъ: *си*.» Это «*вѣроятно*» на стр. 24 обращается къ концу параграфа въ слѣдующее заключеніе: «Итакъ здѣсь при этихъ глаголахъ (*бѣлѣться*, *синѣться*) (пока только въ этихъ глаголахъ?) и по смыслу и даже по употребленію, или по возможности употребленія, мы допускаемъ падежъ *дательный*.» При глаголахъ же *статься*, *свѣтиться* (среднихъ несравнительныхъ), можетъ быть и винительный и дательный *ся*. Все изслѣдованіе о значеніи *ся* авторъ заключаетъ уже такими словами (стр. 25): «Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, *ся* при глаголахъ является какъ падежъ *родительный*, *винительный*: *ся* (разница по употребленію), и *дательный*: *си*. Мы представили довольно полное объясненіе глаголовъ, сложенныхъ съ мѣстоименіемъ *ся*; болѣе полное должно имѣть мѣсто въ цѣломъ сочиненіи о глаголахъ.» Спрашивается теперь: какой вопросъ рѣшенъ здѣсь авторомъ? Тотъ ли: какое значеніе имѣетъ *ся*, слагаясь съ глаголомъ въ русскомъ языкѣ; или тотъ: какое значеніе имѣютъ глаголы, слагаясь съ мѣстоименіемъ *ся*; или, наконецъ, тотъ: какія формы падежей совмѣщаетъ въ себѣ мѣстоименіе *ся*, слагаясь съ глаголами? Съ перваго взгляда кажется, всѣ эти вопросы рѣшены разомъ вмѣстѣ, судя по двумъ послѣднимъ заключительнымъ мыслямъ автора; но если обратимъ вниманіе на слова: «болѣе полное объясненіе глаголовъ, сложенныхъ съ мѣстоимѣніемъ *ся*, должно имѣть мѣсто въ цѣломъ сочиненіи о глаголахъ», то придемъ къ тому заключенію, что ни одинъ изъ нихъ не рѣшенъ окончательно. Дѣло, впрочемъ, не въ подробностяхъ, а въ выводахъ. Выводы же ограничиваются рѣшеніемъ вопроса о падежахъ возвратнаго мѣстоименія *ся* при глаголахъ, да и они требуютъ новой провѣрки, кто захочетъ тратить время на рѣшеніе такого вопроса, который можетъ познакомить не съ живою стороною употребленія русскаго глагола, а съ нѣкоторыми грамматическими тонкостями, объясняющими отличіе *ся* при глаголѣ въ родительномъ падежѣ отъ *ся* въ дательномъ или *ся* въ винительномъ падежѣ. Мнѣ кажется это вовсе неважнымъ дѣломъ. Чтó объяснитъ мнѣ живаго въ употребленіи глагола *статься*, если я узнаю, что здѣсь *ся* употреблено въ дательномъ падежѣ, а въ глаголѣ *попасться* — въ винительномъ, а въ глаголѣ *драться* — въ родительномъ, по объясненію автора? Все это не болѣе, какъ грамматическія тонкости, которыя того

и гляди еще могутъ порваться въ живой рѣчи. Гораздо полезнѣе объяснить общее значеніе *ся*, какъ особой формы русскаго глагола, живой смыслъ этой приставки, который можетъ пролить свѣтъ на русскій глаголъ вообще въ отличіе отъ глаголовъ другихъ языковъ. Къ сожалѣнію, мы не находимъ этого въ статьѣ К. С. Аксакова. Авторъ увлекся объясненіемъ подробностей значенія глаголовъ на ветхомъ основаніи залоговъ, — какъ будто можно уловить всѣ тонкости живаго употребленія глаголовъ да еще на основаніи залоговъ! — и выпустилъ изъ виду общій смыслъ приставки *ся* въ сліяніи съ глаголомъ. Эти залоги до того сбивчивы, что два такихъ филолога, каковы профессоръ Ѳ. И. Буслаевъ и К. С. Аксаковъ не могутъ согласиться между собою. Такъ напр. Ѳ. И. Буслаевъ называетъ глаголъ *спорить* взаимнымъ, а К. С. Аксаковъ, — среднимъ. И тотъ и другой правы, каждый съ своей точки зрѣнія. Замѣчательно, что послѣдній возражаетъ первому (стр. 26) «если принять вышесказанное мнѣніе (т. е. что *спорить*, *воевать* — взаимные глаголы), то почти всякій *средній* глаголъ будетъ взаимнымъ, напр.: *разсуждать*, *думать*, *играть* — все это будутъ взаимные возвратные глаголы, прибавьте только *съ кѣмъ*.» Прекрасно. Но мы тоже можемъ спросить: почему же глаголы: *думать*, *играть* — средніе? (думать думу крѣпкую, играть пѣсню, роль). Но не въ томъ дѣло. К. А. Аксаковъ продолжаетъ: «въ такомъ случаѣ не будетъ границы между залогами» (когда ихъ и нѣтъ). «Это, очевидно, несправедливо.» (нисколько не очевидно, а напротивъ въ высшей степени справедливо. Напрасно почтенный авторъ старается найти эти границы. Это невозможно, какъ мы убѣдились выше): «ибо опредѣленіе основывается тогда не на языкѣ самомъ, не на формахъ...» Тутъ почтенный критикъ самъ спохватился и сдѣлалъ такую выноску: «Намъ скажутъ какая же разница въ самой формѣ напримѣръ между среднимъ и дѣйствительнымъ залогомъ? Эта разница является въ опредѣленномъ управленіи, въ томъ, что дѣйствительный требуетъ винительнаго падежа, котораго средній не требуетъ». Во 1-хъ, синтаксическое управленіе не есть все-таки этимологическая форма отдѣльнаго разряда глаголовъ; во 2-хъ, неправда, что средній глаголъ не требуетъ послѣ себя винительнаго падежа; въ 3-хъ, всякій глаголъ дѣйствительный можетъ въ синтаксическомъ употребленіи принять значеніе средняго. Стало-быть, оговорка почтеннаго критика не совсѣмъ

удовлетворительна. Но докончимъ его слова. Для ясности повторимъ всю мысль: «ибо, говоритъ онъ, опредѣленіе основывается тогда не на языкѣ самомъ не на формахъ его, а на значеніи внутреннемъ, отвлеченномъ, какое можно придать слову безъ всякаго съ его стороны измѣненія. Тогда это будетъ уже не грамматика, *не наука языка.*» Совершенная правда; только дѣло вотъ въ чемъ: легко упрекнуть другаго въ несоблюденіи такого вполнѣ научнаго и справедливаго требованія; но, какъ видно, не легко самому, оставаясь на той же колеѣ залоговъ, строго подчиниться этому требованію. Изъ приведенныхъ нами выше выписокъ изъ критики К. С. Аксакова на книгу Ѳ. И. Буслаева мы видѣли, что и К. С. Аксаковъ различаетъ глаголы не по формѣ, а по ихъ внутреннему значенію; слѣд. самъ смѣшиваетъ форму съ значеніемъ. Спрашивается: къ какому залогу слѣдуетъ отнести глаголы, кончащіеся на *ся?* Къ возвратному? хорошо. Зачѣмъ же самъ критикъ называетъ глаголы: *статься*, *свѣтиться*, *синѣться*, *пастися* (стр. 23) — средними? Почему онъ различаетъ ихъ отъ возвратныхъ? Очевидно, по внутреннему значенію: по формѣ они вовсе не похожи на тѣ глаголы, которые называются средними: *сидѣть*, *ходить*, *лежать*, *спать* и др. Въ томъ-то и бѣда, что вся грамматика наша не поставлена на надлежащую, строгую, научную точку зрѣнія. Всюду въ раздѣленіи глаголовъ на разряды двоится логическое основаніе дѣленія на значеніе и форму. Отсюда вся сбивчивость и у всѣхъ безъ исключенія. Съ строго научной точки зрѣнія русскій глаголъ имѣетъ только двѣ формы, какъ сказано выше: простую *тъ* или *ти* и сложную: *тъ—ся*. Вотъ и все. Если ф. *тъ* выражаетъ дѣйствіе, какъ качество предмета, проявляющееся подъ условіемъ продолжительности, и есть первая прямая форма глагола; то къ чему же служитъ приставка *ся* въ русскомъ глаголѣ? какой смыслъ сообщаетъ она глаголу, какъ качеству, проявляющемуся подъ условіемъ продолжительности? Вотъ вопросъ, къ рѣшенію котораго мы и обратимся теперь же.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что *ся* происходитъ отъ возвратнаго мѣстоименія *себя* и имѣло по крайней мѣрѣ первоначально значеніе винительнаго падежа, въ чемъ убѣждаетъ насъ древнѣйшее начертаніе ея сѧ; но съ теченіемъ времени, получивъ въ языкѣ полную свободу присоединяться къ каждому глаголу, она обнаружила особенное свойство русскаго глагола, потеряла

значеніе возвратнаго мѣстоименія *себя*, относившаго дѣйствіе къ лицу дѣйствующему, утратила смыслъ винительнаго падежа и стала простою приставкою въ концѣ, сдѣлалась чисто образовательною формою русскаго глагола, раздѣливъ его на двѣ категоріи: на глаголы съ окончаніемъ *ть* безъ *ся* и съ окончаніемъ *ть* съ *ся*.

Обыкновенно наше *ся* при глаголахъ сравниваютъ съ нѣмецкимъ *sich*, фр. se, посредствомъ которыхъ образуются такъ называемые возвратные глаголы. Мало того, нѣкоторые готовы даже признать недостатокъ правильности въ употребленіи нашего *ся* сравнительно съ употребленіемъ *sich* и se, которые для каждаго лица имѣютъ соотвѣтствующую форму; напр.:

ich nenne mich	или	je m'appelle
du nennst dich		tu t'appelles
er nennt sich		il s'appelle
wir nennen uns		Nous nous appellons
ihr nennet euch		Vous vous appellez
sie nennen sich		ils s'appellent

Въ русскомъ же языкѣ:

Я называю-ся
Ты называешь-ся
Онъ называетъ-ся
Мы называемъ-ся
Вы называете-ся
Они называютъ-ся.

Отчего бы кажется не принять и русскому языку въ данномъ случаѣ такой формы:

Я называю меня
Ты называешь тебя
Онъ называетъ себя
Мы называемъ насъ
Вы называете васъ
Они называютъ себя?

Ясно, что недостатка въ формахъ нѣтъ для точнаго перевода глагола возвратнаго во всѣхъ лицахъ ни съ нѣмецкаго, ни съ французскаго языка на русскій; а между тѣмъ русскому человѣку выраженіе *я называю меня* также противно, какъ нѣмцу *ich nenne sich*. Чтобы понять разницу между нашимъ *ся* и нѣмец.

sich фр. se и др. обратимся къ примѣрамъ взятымъ преимущественно изъ народнаго языка.

1. Столько видѣла молода (жена) Добрынюшку на добра
коня *сядучись*,
Уѣхалъ тутъ Добрынюшка во чисто поле.

2. Тутъ не двѣ утушки сѣрыя сплывалися,
Не двѣ бѣлыя лебедушки слеталися:
Садилася свекровушка да невѣстушка въ одно мѣсто,
Плачутъ обливаются,
Да молода Добрынюшку изъ чиста поля дожидаются,
Пріѣдучись не *начаются*.

Замѣтьте формы: *сядучись*, *пріѣдучись*, *начаются*. Разберемъ ихъ относительно значенія приставки въ концѣ *ся*. Формы *сядучись*, *пріѣдучись* предполагаютъ существительную форму глаголовъ: *сѣстъся*, *пріѣхатъся*, какъ въ глаголѣ: *статъ* — *статъся*, даже *станутъся*. Всѣ эти формы такъ противны нашей грамматикѣ, что она готова признать ихъ неправильностями въ языкѣ. Но вникнувъ глубже, мы увидимъ, что въ этой видимой неправильности выражается *сама жизнь мысли*, рисуется въ воображеніи жизненное проявленіе всего дѣйствія. Возьмемъ выраженіе: *пріѣдучись не начаются* — какая краткость и изобразительность! Ф. *пріѣдучись* прежде всего есть форма прилагательная, опредѣляющая собою лицо, имѣющее пріѣхать, потомъ она — форма сокращенная, употребляющаяся въ смыслѣ нарѣчія, какъ обстоятельство времени дѣйствія и по смыслу рѣчи указывающая на будущее время; наконецъ формою *пріѣдучись* обращается главное вниманіе на пріѣздъ Добрыни, а не на самого Добрыню. *Пріѣдучись не начаются* — не дождутся *пріѣзда* его. Это послѣднеее значеніе формы выражается приставкою *сь*, которая здѣсь такъ важна, что безъ нея не мыслимо въ народномъ языкѣ все выраженіе. Такимъ образомъ, вмѣсто обыкновенной грамматической фразы: *не дождутся*, *когда онъ пріѣдетъ*, или точнѣе, *не дождутся минуты пріѣзда*, мы имѣемъ народное выраженіе: *пріѣдучись не начаются*, въ которомъ одною формою выражаются всѣ оттѣнки мысли, на которыя мы указали выше. Глаголъ *начаются* предполагаетъ ф. *начаятъся*, которая происходитъ отъ глагола: *чаятъ*, ожидать. Откуда же взялось *ся?* очевидно, здѣсь это *ся* не имѣетъ зна-

ченія возвратнаго мѣстоименія *себя*. (*Начаютъ себя — ждутъ не дождутъ себя*). Вглядимся въ него попристальнѣе. Возьмемъ другой глаголъ: *статъ*. Какая разница между *статъ* и *статъся? Статъ* значитъ совершить такое дѣйствіе, такое измѣненіе въ своемъ положеніи, по которому предмету приписывается его *стоячестъ*, или *статъ* значитъ немедленно начать дѣйствовать. И въ томъ и въ другомъ значеніи проявленіе дѣйствія *статъ* тѣсно связано съ предметомъ, въ которомъ оно проявляется. *Статъся* значитъ или *образоваться* «не про тебя зажора *сталасъ*, да тебѣ въ ней сидѣть», (зажора — скопленіе воды подъ снѣгомъ въ рытвинахъ, Посл. Даль), или имъ выражается лишь *дѣйствіе* безъ всякаго отношенія къ предмету дѣйствующему, который какъ бы заслоняется дѣйствіемъ. Въ глаголѣ *статъся* сознанію представляется дѣйствіе проявляющимся независимо отъ предмета. Даже въ выраженіи: *отъ него станется* чувствуется, что какой либо поступокъ или какое либо извѣстное дѣйствіе свойственно лицу, какъ такое именно дѣйствіе, а не то, что лицо вольно поступить такъ, или иначе. Отсюда понятна разница между выраженіями: *онъ ходитъ* и *ему ходится; онъ спитъ* и *ему спится; онъ не сидитъ* и *ему не сидится*. Очевидно, что *ся* не имѣетъ здѣсь значенія личнаго возвратнаго мѣстоименія *себя:* ибо здѣсь лицо становится на второмъ планѣ, позади самого дѣйствія. Даже, когда употребляются, такъ называемыя грамматикою, безличныя выраженія, какъ напр. *живетъ*, *идетъ* (въ смыслѣ одобренія), то и они тотчасъ принимаютъ иное значеніе, какъ скоро соединяются съ частицею *ся*. *Живетъ*, *идетъ* — этими выраженіями преимущественно одобряется тотъ предметъ, къ которому они относятся, или вообще то, къ чему они относятся; тогда какъ выраженія: *живется*, *идется*, ограничиваются лишь указаніемъ на самое дѣйствіе, а не на связь его съ предметомъ — кому живется, кому идется — какъ будто проявленіе дѣйствія совершается само собою помимо предмета (поетъ, поется). Поэтому и въ формѣ не *начаются* приставкою въ концѣ *ся* выражается самостоятельность дѣйствія, т. е. что дѣйствіе, бывъ однажды возбуждено къ проявленію, идетъ какъ бы само собою помимо даже воли лица дѣйствующаго, которому оно приписывается. Но въ данномъ случаѣ, по смыслу рѣчи, оно тѣсно связано съ лицомъ дѣйствующимъ, безъ котораго даже не мыслимо, — и потому согласуется съ нимъ въ родѣ, числѣ и лицѣ.

3. Черезъ двѣнадцать черезъ годиковъ
Прервались вострые чоботы
Отъ булатныхъ отъ стременовъ въ чистомъ полѣ;
Зарудилося личико бѣлое
Отъ поганыя крови татарскія;
Помутилися очи ясныя
Во чистомъ полѣ отъ вѣтровъ отъ буйныхъ;
Отрослись волосы желтые
Черезъ двѣнадцать годочковъ длинныихъ;
Прирвалась шляпа пуховая
Отъ дождичковъ отъ частыхъ во чистомъ полѣ.

Въ этомъ примѣрѣ каждый глаголъ на *ся* или *сь* не дозволяетъ *ся* замѣнять личнымъ возвратнымъ мѣстоименіемъ *себя;* чоботы не могутъ перервать себя, какъ не можетъ этого сдѣлать и человѣкъ. Личико бѣлое не можетъ окровенить себя: *зарудиться.* Очи ясныя не могутъ сами помутить себя. Волосы желтые не могутъ сдѣлать себя длиннѣе: *отрослись.* Этотъ глаголъ выражаетъ свойство живаго предмета, проявляющееся подъ условіемъ продолжительности; но, чтобы указать на независимость его проявленія отъ предмета, языкъ прибавляетъ приставку *ся.* Какъ напр.:

Съ души, какъ бремя, скатится
Сомнѣнье далеко,
И *вѣрится*, и *плачется*,
И такъ легко, легко!

Лермонтовъ

Вообще нашъ языкъ смѣло приставляетъ *ся* къ глаголу, какъ скоро мысль сосредоточивается главнымъ образомъ на проявленіи самого дѣйствія, а не на отношеніи этого проявленія дѣйствія къ своему предмету. Послѣднее выражается согласованіемъ дѣйствія съ предметомъ въ родѣ, лицѣ и числѣ. Мы бы сказали: *отросли волосы.* Но если безпристрастно сравнимъ это выраженіе съ народнымъ, то увидимъ, что выраженіе *отрослись волосы желтые* осязательнѣе выражаетъ духъ нашего языка, чѣмъ выраженіе: *отросли волосы*, хотя и то и другое вполнѣ правильно. Возьмемъ другой подобный глаголъ: *попасть.* Мы часто употребляемъ выраженіе: *онъ попалъ мнѣ на глаза.* Грамматика вполнѣ оправдываетъ его. А между тѣмъ оно противно духу языка. Дѣйствіе здѣсь представляется неожиданнымъ, проявляю-

щимся совершенно независимо отъ предмета. Въ самомъ дѣйствіи — вся сущность выражаемой мысли. По духу языка такое дѣйствіе непремѣнно требуетъ приставки въ концѣ *ся*. Потому въ народномъ языкѣ почти всегда этотъ глаголъ употребляется съ *ся*: *попадалася ему смертъ престрашная*. Народный языкъ не отбрасываетъ этого *ся* даже тамъ, гдѣ мы его непремѣнно отбросили бы, какъ напр.:

4. Ай же ты Иванушко Годиновичъ!
Ты почто у меня взялъ Настасью-то Дмитріевну?
У меня три года какъ *сосватанось*.

или:

5. У меня замаленька да было хожено,
У меня замаленька да было *боротось;*
Горитъ душа, мнѣ хочется
Съ вашими борцами побоโротися.

Сосватанось! боротось! Въ Историч. Грамм. Ѳ. И. Буслаева указаны еще примѣры: *рѣшенось* и др.; но о значеніи этихъ формъ говорится лишь слѣдующее: «Такъ какъ языкъ допустилъ винительный падежъ *ся* при среднемъ глаголѣ, то не нашелъ затрудненія употребить оный *даже* при нѣкоторыхъ страдательныхъ; какъ напр. *соглашенось* и пр.» Слова эти можно понимать такимъ образомъ: — такъ какъ русскій языкъ дозволилъ себѣ разъ такое странное, произвольное употребленіе винительнаго падежа *ся* при среднихъ глаголахъ, то не нашелъ уже затрудненія дозволить себѣ еще большій произволъ, употребляя тотъ же винительный падежъ и при нѣкоторыхъ страдательныхъ глаголахъ. Понятно, что съ этимъ нельзя согласиться; тѣмъ болѣе, что почтенный авторъ даже и не намекаетъ на необходимо возникающій при этомъ вопросъ: почему русскій языкъ допускаетъ такое употребленіе *ся* или *сь?* Свойственно оно ему, или нѣтъ? тогда какъ въ рѣшеніи этого вопроса и заключается вся сущность дѣла. Неужели, оно не болѣе, какъ произволъ, котораго въ языкѣ быть ие можетъ? По нашему, соединеніе *ся* съ глаголами представляетъ самую замѣчательную особенность русскаго языка. Эта особенность нигдѣ такъ ярко не выступаетъ, какъ въ приведенныхъ формахъ: *сосватанось*, *боротось* *рѣшенось* и др. Въ нихъ съ одной стороны выражается крайняя точка, послѣдній предѣлъ, до котораго доходитъ свобода соединенія приставки *ся* съ глаголами; съ другой — проявляется

самымъ очевиднымъ образомъ значенiе ея въ этомъ соединенiи. Попробуемъ отбросить частицу *съ* въ данныхъ примѣрахъ:

У меня три года, какъ *сосватано.*

У меня замаленька да было *борото*.

Не чувствуется ли потребность спросить: *что сосватано? что борото?* А между тѣмъ дѣло идетъ по смыслу народной пѣсни не о предметѣ, а о самомъ дѣйствiи: нужно было выразить, что *дѣйствiе* само совершилось или совершалось давно, или не разъ. Слѣдовательно, здѣсь указанiе на самостоятельность дѣйствiя и его проявленiя стало необходимостью при выраженiи мысли. Какъ же языкъ поступилъ въ этомъ случаѣ? Онъ прибавилъ къ формамъ: *сосватано*, *борото* возвратное мѣстоименiе *ся* или *съ* и образовалъ формы: *сосватаносъ*, *боротосъ*, которыя не требуютъ вопроса: *что?* и такимъ образомъ удаляютъ мысль о предметѣ, сосредоточивая ее на проявленiи самого дѣйствiя. И такъ: что же выражаетъ возвратное мѣстоименiе *ся*, соединяясь съ глаголами? Судя по этому крайнему предѣлу его употребленiя, видно, что общiй смыслъ соединенiя *ся* съ глаголами въ русскомъ языкѣ состоитъ въ томъ, что оно (т. е. возвр. мѣстоименiе *ся*) относится не столько къ лицу, или вообще къ предмету дѣйствующему, сколько къ самому дѣйствiю, и опредѣляетъ преимущественно не отношенiе дѣйствiя къ предмету, а самое значенiе дѣйствiя, придавая ему смыслъ самостоятельности проявленiя. Ясно, что значенiе мѣстоименiя возвратнаго *ся* при русскихъ глаголахъ гораздо шире, чѣмъ значенiе возвратныхъ (*sich* и *se*) мѣстоименiй въ другихъ языкахъ. *Ся* имѣетъ въ русскомъ языкѣ *общее возвратное значенiе*, т. е. оно можетъ быть возвратно какъ для предмета, такъ и для дѣйствiя; а не одно только личное возвратное значенiе, какъ видимъ это въ другихъ языкахъ. Отсюда понятно, почему русскiй глаголъ измѣняясь по лицамъ, не измѣняетъ возвратнаго *ся*. Осмысливъ значенiе возвратности шире, чѣмъ другiе языки, онъ отказался отъ той формальности въ употребленiи возвратныхъ мѣстоименiй, какую мы замѣчаемъ въ другихъ языкахъ при измѣненiи глаголовъ. Ему стали противны выраженiя: *я мою меня*, *ты одѣваешь тебя*, *мы называемъ насъ* и т. п. Вмѣсто этого онъ употребляетъ одну общую возвратную форму: *я моюся, ты моешься* и пр. Какъ скоро возвратному мѣстоименiю *ся* языкъ придалъ способность выражать самостоятельность дѣйствiя въ проявленiи, т. е. указалъ смысломъ

употребленія ся на возвратное отношеніе дѣйствія не къ лицу, или къ предмету дѣйствующему, а къ самому себѣ; то этимъ съ одной стороны снялъ съ него — личное, мѣстоименное значеніе, и такимъ образомъ лишилъ формальности самое употребленіе его; съ другой — внесъ большую свободу въ самую рѣчь при употребленіи русскаго глагола. Возвратное *ся*, утративъ въ соединеніи съ глаголомъ свой опредѣленный, ограниченный смыслъ *личнаго* возвратнаго мѣстоименія, стало въ русскомъ языкѣ простою приставкою возвратнаго значенія при глаголахъ, сообщающею дѣйствію смыслъ самостоятельности проявленія. Вотъ почему эта частица (*), употребляясь прежде отдѣльно въ началѣ и въ концѣ глагола, съ теченіемъ времени стала болѣе употребляться въ концѣ (мы думаемъ, что отдѣльное употребленіе ея въ началѣ и въ концѣ глагола и прежде не было свойственно живому народному языку, а вошло въ употребленіе отъ вліянія языка книжнаго церковнаго — впрочемъ это не болѣе, какъ догадка еще) и сливаться съ глаголомъ такъ, что въ настоящее время она составляетъ съ нимъ одно цѣлое — чего до сихъ поръ не случилось съ мѣстоименіями *sich* и *se* и не могло случиться, разумѣется, въ языкахъ иностранныхъ. Наша частица *сь*, или *ся* является столько же существенною частью глагола относительно его значенія, сколько и всякая другая приставка, присоединяемая къ нему въ началѣ. Разница между приставкою въ началѣ (или предлогами) и приставкою въ концѣ (или частицею возвратнаго *ся*) состоитъ въ томъ, что первая измѣняетъ значеніе дѣйствія по смыслу понятія, выражаемаго глаголомъ, а вторая измѣняетъ значеніе дѣйствія по смыслу самостоятельности его проявленія. Первая относится къ послѣдней, какъ частное къ общему. Приставкою въ началѣ опредѣляется частное, особенное значеніе глагола — понятіе, выражаемое имъ, какъ отдѣльнымъ *словомъ;* приставкою же въ концѣ *(ся)* опредѣляется общее значеніе дѣйствія, т. е. каково оно само въ себѣ вообще: зависимо или нѣтъ въ своемъ проявленіи. Такого соотношенія между приставкою въ началѣ и возвратными мѣстоименіями *sich* и *se* въ глаголахъ нѣмецкихъ и французскихъ нѣтъ, и быть не можетъ по той опредѣленности значенія *sich* и *se*, которую они удерживаютъ при

(*) Съ этихъ поръ мы будемъ постоянно называть *ся* или возвратною частицею или приставкою.

своихъ глаголахъ, какъ мѣстоименія. Вслѣдствіе опредѣленности, ограниченности своего мѣстоименнаго значенія они никогда не могутъ сдѣлаться приставками глагола и слиться съ нимъ въ одно цѣлое такъ плотно, какъ русское *ся*.

Если справедливо наше положеніе, что *ся* при русскихъ глаголахъ имѣетъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ личное возвратное мѣстоименіе, и что поэтому слѣдуетъ считать ее при нихъ не личнымъ мѣстоименіемъ возвратнаго значенія, а простою частицею, концовою приставкою глагола, образовавшеюся изъ древняго винит. падежа возвратнаго мѣстоименія — въ чемъ убѣждаетъ насъ всеобщность употребленія ея при глаголахъ; то, само сабою разумѣется, *ся*, какъ *частица возвратнаго значенія*, въ соединеніи съ глаголомъ имѣетъ полное право отказаться отъ смысла того или другаго падежа въ употребленіи. То, что принадлежало *ся*, какъ личному возвратному мѣстоименію, должно исчезнуть само собою въ *ся*, какъ въ общей частицѣ возвратнаго значенія при глаголѣ. Какъ мѣстоименіе, она имѣетъ значеніе падежа, а какъ частица или приставка, она теряетъ это значеніе. Поэтому мы не можемъ согласиться ни съ мнѣніемъ Ѳ. И. Буслаева, принимающаго частицу *ся* даже при среднихъ и страдательныхъ глаголахъ за винительный падежъ; ни съ мнѣніемъ К. С. Аксакова, принимающаго ее при однихъ глаголахъ — за винительный, при другихъ, — за родительный, при третьихъ — за дательный падежъ. Разбирая мнѣніе послѣдняго автора, мы видѣли, какъ трудно поддается объясненію падежное значеніе *ся* въ соединеніи съ глаголомъ. Причина понятна: авторъ смотрѣлъ на *ся* при русскомъ глаголѣ, какъ на возвратное мѣстоименіе, и потому напрасно искалъ въ немъ смысла того, или другаго падежа при глаголѣ. Между тѣмъ русскій языкъ положительно отличилъ употребленіе возвратнаго мѣстоименія *себя* при глаголахъ отъ употребленія *ся* въ смыслѣ глагольной приставки. Когда нужно указать на отношеніе дѣйствія къ лицу, тогда языкъ употребляетъ полное возвратное мѣстоименіе *себя* и ставитъ его въ томъ падежѣ, которымъ точнѣе обозначается смыслъ этого отношенія; напр. вмѣсто выраженій: *ему спится*, *поется*, *не сидится*, онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи другія выраженія: *онъ спитъ себѣ*, *поетъ себѣ*, *не сидитъ себѣ*, смыслъ которыхъ очевидно не одинъ и тотъ же съ предыдущими. Сравните слѣдующій примѣръ изъ сказокъ Аѳанасьева: «долго мужъ съ ней

бился и пошелъ по смородину, *набрался смородины* и пришелъ домой» относительно глагола: *набрался* съ выраженіемъ *набралъ себѣ* (здѣсь очевидно *набрался* нельзя замѣнить: *набралъ себя*) смородины. Тожественны ли эти выраженія? Нѣтъ. А глаголъ *бился* въ приведенномъ примѣрѣ, какъ замѣнить?... Оттѣнокъ этого различія замѣтенъ даже при такъ называемыхъ настоящихъ возвратныхъ глаголахъ. Нѣтъ спору, что при нихъ *ся* можно замѣнить посредствомъ *себя*; но во первыхъ замѣна эта — не всегда возможна въ русскомъ языкѣ, какъ доказываютъ разные виды, придуманные грамматикою для возвратнаго залога; *книга читается* нельзя сказать: *книга читаетъ себя*, *онъ бранится* не значитъ: *онъ бранитъ себя*, *я слушаюсь* нельзя сказать: *я слушаю себя*, *ты бросаешься камнемъ* не значитъ: *ты бросаешь себя камнемъ*, скорѣе *отъ себя* и т. д. Во вторыхъ замѣна эта, гдѣ даже возможна она, не представляетъ точности, т. е. выраженіе съ глаголомъ на *ся* не тожественно по смыслу съ выраженіемъ, въ которомъ *ся* замѣнено мѣстоименіемъ: *себя*. — Такъ, по крайней мѣрѣ, въ русскомъ языкѣ. Напримѣръ: *одѣваюсь*, *умываюсь* не тожественны по смыслу съ выраженіями: *одѣваю себя*, *умываю себя*. Когда говорятъ: *одѣваюсь*, *умываюсь;* то, по духу русскаго глагола, очевидно, въ этихъ формахъ выражается дѣйствіе *умывать*, *одѣвать*, сосредоточивающееся само въ себѣ, какъ самостоятельное проявленіе извѣстнаго качества предмета подъ условіемъ продолжительности: *умываться*, *одѣваться*, *умыться*, *одѣться*. Дѣйствіе здѣсь имѣетъ смыслъ самостоятельнаго проявленія, имѣющаго однако связь съ лицомъ дѣйствующимъ въ томъ отношеніи, что оно на немъ проявляется; но вовсе не значитъ, что оно исходитъ изъ лица дѣйствующаго и на него возвращается. Тогда какъ, употребляя выраженіе *одѣвать себя*, *умывать себя*, языкъ обращаетъ вниманіе преимущественно на отношенія дѣйствія къ лицу. Другими словами, въ первомъ случаѣ выражается собственно проявленіе дѣйствія — и только; во второмъ — отношеніе этого проявленія къ предмету. *Умываться*, *одѣваться* имѣютъ общій смыслъ дѣйствія; *умывать же себя*, *одѣвать себя* (а не кого другаго, или не что другое) имѣютъ болѣе ограниченный, опредѣленный смыслъ въ отношеніи къ глаголамъ: *умывать*, *одѣвать*. Глаголами: *умываться*, *одѣваться* — выражается ограниченіе дѣйствія самимъ собою, т. е. проявленіе дѣйствія ограничивается самимъ же дѣйствіемъ и далѣе себя нейдетъ; въ глаголахъ же:

умывать, *одѣвать* — дѣйствіе не ограничивается самимъ собою, а опредѣляется въ своемъ проявленіи предметомъ: нужно *одѣвать* или *умывать* кого нибудь, или что нибудь, чтобы дѣйствіе проявилось. Мы говоримъ: *лѣса* или *деревья одѣваются зеленью*, но не говоримъ: *лѣса* или *деревья одѣваютъ себя зеленью*. Мы говоримъ: *зимою поля покрываются снѣгомъ;* но не говоримъ: *зимою поля покрываютъ себя снѣгомъ*. Потому что ни *лѣсъ*, ни *дерево*, ни *земля* въ данныхъ случаяхъ не представляются такими предметами, отъ которыхъ бы дѣйствіе могло зависѣть; но въ нихъ, или на нихъ оно проявляется, какъ самостоятельное качество, или свойство подъ условіемъ продолжительности. *Цвѣтокъ умывается росою*, но не *цвѣтокъ умываетъ себя росою*. Выраженія, подобныя послѣднему, употребляются только тогда, когда предметы неодушевленные олицетворяются фантазіею. Въ народномъ языкѣ встрѣчаются такіе примѣры употребленія, такъ называемыхъ, возвратныхъ глаголовъ, въ которыхъ *ся* рѣшительно не можетъ быть замѣнено мѣстоименіемъ *себя*. Если же потребовалась бы эта замѣна, то слѣдовало бы прибѣгнуть къ помощи предлога; но тогда нужно было бы грамматикѣ допустить въ *ся* не только значеніе косвенныхъ падежей родительнаго, дательнаго и винительнаго мѣстоименія *себя*, но также и значеніе косвенныхъ падежей съ предлогомъ; напр.

Умывалася царица бѣлешенько,
Надѣвалася она хорошохонько.

Здѣсь, очевидно, нельзя *ся* замѣнить мѣстоименіемъ *себя* безъ предлога: *надѣвала себя хорошохонько*. Народному языку свойственнѣе повторить приставку глагола, или предлогъ, и выразиться такъ: *надѣвала на себя хорошохонько*. Положимъ, что замѣна сдѣлана нами хорошо, вѣрно. Сравнимъ же эти выраженія между собою по значенію въ рѣчи: можно ли такъ же полно выразить мысль выраженіемъ: *надѣвала на себя хорошохонько*, какъ полно выражается она предложеніемъ: *надѣвалася она хорошохонько?* Если мы скажемъ:

Умывалась царица бѣлешенько,
Надѣвала на себя она хорошохонько

имѣемъ ли право поставить точку? Не спросимъ ли мы, хотя мысленно: *что надѣвала на себя она хорошохонько?* Тогда какъ при выраженіи: *надѣвалася она хорошохонько*, этотъ вопросъ оказывается совершенно лишнимъ. А почему? Именно потому, что въ возвратной частицѣ *ся* заключается тотъ общій смыслъ воз-

вратности для предмета и для дѣйствія, который сообщаетъ послѣднему значеніе самостоятельности, независимости проявленія. Нашъ глаголъ *рождаться* неужели значитъ *рождатъ себя?* И развѣ это *ся* переводится по нѣмецки *sich? родиться, рождаться* по нѣмецки: *geboren werden*, что значитъ по русски: *быть рожденнымъ, становиться рожденнымъ*. Такимъ образомъ по русски можно сказать: *рождаться, родиться* и *быть рожденнымъ*, а по нѣмецки все: *geboren werden*. Ясно, что нѣмецкому *sich* не по плечу наше русское *ся* и что возвратная частица *ся* при глаголахъ не тожественна, по своему смыслу, съ возвратнымъ мѣстоименіемъ *себя*. Наконецъ, если *ся* при глаголѣ въ русскомъ языкѣ должно быть тожественно по смыслу съ возвратнымъ мѣстоименіемъ *себя*, какъ учитъ наша грамматика; то, какимъ же образомъ въ русскомъ языкѣ часто послѣ возвратнаго глагола на *ся* ставится непосредственно еще разъ *себя*, тогда какъ еслибы пришлось возвратную частицу *ся* замѣнить возвратнымъ мѣстоименіемъ *себя*, то такого непосредственнаго употребленія при немъ другаго *себя* рѣшительно быть не можетъ? напримѣръ:

Скажу, скажу тебѣ,
Не *таюсь себя*
Не боюсь тебя.

Таюсь себя нельзя замѣнить: *таю* + *себя себя*. Опять нужно прибѣгать къ предлогу: *не таю себя отъ себя*. Но тожественны ли эти выраженія по смыслу? Было бы болѣе сходства, если бы замѣнили этимъ выраженіемъ слѣдующее: *не таюсь отъ себя*; но замѣнить выраженіе: *не таюсь себя* выраженіемъ: *не таю себя отъ себя* — положительно есть ничто иное, какъ грамматическій произволъ. На сколько предлогъ опредѣленнѣе выражаетъ отношеніе между дѣйствіемъ и предметомъ, на столько и выраженіе съ предлогомъ: *не таюсь отъ себя* опредѣленнѣе выраженія безъ предлога: *не таюсь себя*. Смыслъ послѣдняго выраженія таковъ: *я весь на виду*, *ни въ чемъ не скрываюсь*, такъ сказать: *я не таюсь относительно себя*, значитъ, — смыслъ общій; тогда какъ въ выраженіи: *не таюсь отъ себя* опредѣляется ясно удаленіе дѣйствія отъ предмета; слѣдоват., смыслъ болѣе частный, болѣе опредѣленный. Однимъ словомъ, даже, въ такъ называемыхъ грамматикою, возвратныхъ глаголахъ частицу *ся* нельзя замѣнять съ точностію возвратнымъ мѣстоименіемъ *себя*, хотя до сихъ поръ такъ дѣлается нашею грамматикою, которая, очевидно, въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ,

объясняетъ смыслъ своего языка лишь по стольку, по скольку, находитъ въ немъ сходства съ другими языками. И такъ, кажется, не трудно убѣдиться, что значеніе нашего *ся* при глаголѣ гораздо шире, чѣмъ значеніе *sich*, *se* и даже русскаго мѣстоименія *себя*. Присоедините сюда еще всѣ глаголы на *ся*, которые грамматикою величаются, то средними, то страдательными, то взаимными, то общими, и тогда во всей яркости выступитъ передъ вами вся несообразность сравненія частицы *ся* при русскихъ глаголахъ съ возвратнымъ мѣстоименіемъ *себя* и нѣм. *sich*, фр. *se*. Тутъ не поможетъ никакая метафизика, какъ бы она ни была остроумна, которая бы вздумала объяснять всѣ метаморфозы какъ возвратнаго глагола въ глаголы: средніе, страдательные, взаимные и общіе; — такъ и *общей возвратной частицы ся*, въ смыслѣ винительнаго падежа (возвратнаго мѣстоименія *себя*) въ разные косвенные падежи съ предлогами и безъ предлоговъ. Правда, тутъ открывается обширное поле для теоретическихъ взглядовъ, объясненій и предположеній; но все это едва ли послужитъ въ пользу для живаго пониманія духа и смысла роднаго языка.

Опредѣливъ общій смыслъ возвратной частицы *ся* при глаголахъ, ставшей въ русскомъ языкѣ ихъ формою, мы дѣлимъ всѣ глаголы на два разряда, согласно съ мнѣніемъ В. И. Даля и съ живымъ употребленіемъ ихъ въ рѣчи. Каждый русскій глаголъ можетъ быть употребленъ въ своей прямой первоначальной формѣ на *ть* и въ формѣ обратной, или возвратной на *ть—ся*. Въ первомъ случаѣ глаголъ имѣетъ значеніе *дѣйствія относительнаго*, т. е. такого, которое представляется нашему сознанію исходящимъ, и слѣд. зависящимъ въ своемъ проявленіи отъ предмета дѣйствующаго; во второмъ случаѣ глаголъ получаетъ значеніе *дѣйствія самостоятельнаго*, т. е. такого, которое представляется нашему сознанію проявляющимся въ предметѣ какъ бы независимо отъ этого послѣдняго. Глаголы перваго разряда можно назвать по формѣ глаголами *прямыми*, а глаголы втораго разряда — *возвратными*, но не въ томъ смыслѣ, въ которомъ они называются такъ въ нашихъ грамматикахъ. По нашему мнѣнію глаголъ имѣетъ возвратное значеніе по отношенію къ тому дѣйствію, которое имъ выражается, а не по отношенію дѣйствія къ лицу, или къ предмету дѣйствующему. Мы доказали, что глаголъ, принимая возвратную форму *ся*, стремится къ выраженію самостоятельности дѣйствія,

или, употребляя грамматическій терминъ, — къ ограниченію своего переходнаго значенія. Чрезъ форму *ся* русскій глаголъ выражаетъ дѣйствіе, сосредоточивающееся само въ себѣ, ограничивающееся самимъ собою — и въ этомъ только смыслѣ мы называемъ глаголы на *ся* — *возвратными*. Впрочемъ, предлагая это дѣленіе, на основаніи живаго употребленія двоякой формы, мы далеки отъ мысли проводить рѣзкую грань, отдѣляющую одни глаголы отъ другихъ: это было бы посягательствомъ съ нашей стороны на жизнь русскаго глагола. Мы указываемъ нашимъ дѣленіемъ лишь на двойственность формы русскаго глагола, и въ этой двойственности находимъ тѣ крайнія точки его значенія, которыми опредѣляется вся ширь живаго употребленія его въ рѣчи. Другими словами, мы обозначаемъ этимъ дѣленіемъ лишь типическія черты русскаго глагола по формѣ и ея значенію. Дѣля глаголы по формѣ на глаголы съ окончаніемъ *ть* и глаголы съ окончаніемъ *ть* + *ся*, мы указываемъ на тѣ двѣ типическія формы, въ которыхъ употребляется русскій глаголъ въ рѣчи, и на тѣ два типическія значенія, которыя свойственны каждой изъ нихъ отдѣльно. Между этими двумя крайними предѣлами значенія можетъ быть множество другихъ значеній, принимаемыхъ глаголомъ въ живой рѣчи. Уловить всѣ эти значенія во всемъ ихъ живомъ разнообразіи — невозможно, да и нѣтъ никакой надобности. Достаточно быть убѣжденнымъ, что все разнообразіе значеній русскаго глагола въ употребленіи зависитъ отъ тѣхъ двухъ главныхъ типическихъ значеній, которыя выражаются въ языкѣ двумя главными типическими формами глагола. Что же касается до грамматическихъ залоговъ, то въ нихъ можно видѣть лишь напрасное стремленіе науки охватить всю жизнь русскаго глагола, опредѣлить и подвести подъ общія правила тѣ разнообразные оттѣнки и безпрерывные переливы красокъ, которыми отражается значеніе его въ живой рѣчи.

Изъ всего сказаннаго видно, что русскій глаголъ можетъ помириться съ грамматикою по слѣдующимъ выводамъ: 1) каждый глаголъ по своему значенію можетъ быть *переходящимъ* и *непереходящимъ*; 2) каждый глаголъ можетъ принимать двоякую форму: простую — *ть*, и сложную — *ть* + *ся*; 3) принимая возвратную частицу *ся*, каждый глаголъ стремится къ ясному выраженію самостоятельности дѣйствія, или къ ограниченію своего переходнаго значенія.

Здѣсь кстати будетъ окончить эту главу о значеніи глагола замѣчаніемъ о такъ называемыхъ въ грамматикѣ безличныхъ глаголахъ. Признавъ въ русскомъ глаголѣ свойство выражать самостоятельность дѣйствія, какъ проявленія качества подъ условіемъ продолжительности, мы считаемъ лишнимъ ученіе о безличныхъ глаголахъ въ русскомъ языкѣ, составляющихъ особый отдѣлъ въ языкахъ и грамматикахъ иностранныхъ. Тамъ онъ необходимъ: глаголъ не имѣетъ самостоятельности значенія въ своемъ проявленіи. Дѣйствіе всегда представляется сознанію нѣмца, или француза и т. д. исходящимъ отъ предмета дѣйствующаго, который считается по грамматикѣ *лицомъ*. Стало быть, какъ скоро этого лица нѣтъ, а между тѣмъ дѣйствіе проявляется (ausgeht), то языкъ требуетъ формальнаго указанія на то, что *извѣстнаго* лица при дѣйствіи нѣтъ; для этого и употребляетъ, такъ называемыя, *неопредѣленныя мѣстоименія: es, man*; *il*, *on*; *it*, *they*; *si*: *es donnert*, *es dämmert*, *man spricht*, *man sagt*; *il fait sombre* (это дѣлаетъ темно, по русски просто: *темно*) *on dit, il n'est pas possible*, *on ne peut pas;* по русски: *нельзя*, *невозможно; it is dark* (темно), *it is cold* (холодно), *they say* (говорятъ). По итальянски — или третье лицо множественнаго числа, или третье лицо единственнаго числа съ возвратнымъ мѣстоименіемъ *si: dicono* — говорятъ, и *si dice*, *come si dice* — какъ говорятъ, или какъ говорится; но это *говорится* есть только половина того «*говорится*», которое употребляется въ русскомъ языкѣ: *si dice* — *говорится* (что?) указываетъ на что нибудь такое, о чемъ говорятъ, какъ напр.: *не даромъ говорится*, *что дѣло мастера боится;* тогда какъ въ русскомъ глаголѣ *говорится* заключается и это значеніе, и другое, которое указываетъ на дѣйствіе самостоятельное и безъ всякаго отношенія къ тому, что̀ говорятъ; какъ напримѣръ въ выраженіи: *мнѣ сегодня какъ-то говорится*, т. е. я сегодня говорю что-то очень много. Здѣсь проявленіе дѣйствія представляется независимымъ отъ предмета дѣйствующаго: оно дѣлается какъ бы само собою. Вотъ этого-то значенія и нѣтъ въ выраженіи: *si dice*. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго видѣть въ иностранныхъ грамматикахъ правила объ употребленіи безличныхъ глаголовъ. Въ русской же грамматикѣ ученіе о безличномъ глаголѣ представляется намъ совершенно несостоятельнымъ. Впрочемъ объ этомъ мы будемъ еще имѣть случай говорить послѣ.

II.

О формахъ русскаго глагола: существительной и личной.

Извѣстно, что въ ученіи о формахъ Русскаго глагола грамматика говоритъ о *наклоненіяхъ*. Что же такое *наклоненіе?* Откуда взялось оно въ русскомъ глаголѣ ? На эти вопросы она или вовсе ничего не отвѣчаетъ, или даетъ весьма сбивчивые отвѣты, которые могутъ быть раздѣлены на два разряда : одни заключаютъ въ себѣ ученіе о наклоненіяхъ, основанное на началахъ метафизическихъ; другіе — на обыкновенномъ смѣшеніи формы съ значеніемъ ея въ живомъ употребленіи. Такъ въ Общесравнительной Академической Грамматикѣ (изд. 1852 г. стр. 73) читаемъ: «*Наклоненія* соотвѣтствуютъ логической *образности* (modalitas) сужденій». На основаніи этого quasi соотвѣтствія и толкуется, что наклоненіемъ выражается *способъ* или *образъ* представленія дѣйствія лицомъ говорящимъ. Потомъ предлагается различное число наклоненій въ русскомъ глаголѣ: то *три*, то *четыре*. Чтобы яснѣе представить себѣ отношеніе между образностью сужденій и наклоненіями, мы выпишемъ изъ книги Куно-Фишера то, что касается категоріи образности по ученію Кенигсбергскаго философа Канта, и потомъ взглянемъ на примѣненіе этого ученія къ наклоненіямъ. (Исторія Новой философіи Куно-Фишера, переводъ Н. Страхова. Томъ III стр. 306 — 309):

«Форма сужденія, или сужденіе, очищенное отъ всѣхъ эмпирическихъ представленій, есть ничто иное, какъ отношеніе и сочетаніе двухъ представленій.»

«Изъ двухъ представленій одно есть необходимо субъектъ (*подлежащее*), а другое — предикатъ (*сказуемое*).»

«Сочетаніе или связка двухъ представленій должна быть извѣстнаго вида, и каждое сужденіе должно представлять этотъ видъ; это называется *модальностью* сужденія.»

«Связь двухъ представленій признается или какъ *возможная*, или какъ *дѣйствительная*, или же какъ *необходимая;* этимъ опредѣляется троякое значеніе, или модусъ связки (modus), и на этомъ основаніи сужденія раздѣляются на *проблематическія*, *ассерторическія* и *аподиктическія*».

«Форма проблематическаго, ассерторическаго и аподиктическаго сужденій даетъ категоріи модальности: *возможность* (невозможность), *бытіе* (не бытіе), *необходимость* (случайность).»

Это ученіе Канта такимъ образомъ примѣняется къ наклоненіямъ глагола Общесравнительною Академическою Грамматикою: (стр. 73),

«Кромѣ *видовъ* и временъ въ глаголѣ выражается посредствомъ *наклоненія* различный образъ совершающагося дѣйствія, отношеніе бытія или дѣйствія къ лицу дѣйствующему... *Русскій языкъ* — (стало быть, выше говорилось о наклоненіяхъ во всякомъ языкѣ: какимъ же образомъ попались *виды-то?)* имѣетъ слѣдующія наклоненія:

1. «*Изъявительное* (judicium assertoricum), для показанія дѣйствія независимаго и дѣйствительно совершающагося; напр.: читаю, пишу». Поэтому, если меня спросятъ, *плаваете ли вы?* могу ли я, сидя въ креслахъ у себя въ кабинетѣ, отвѣчать: *плаваю*, хотя дѣйствіе не совершается дѣйствительно? Будетъ ли форма *плаваю* въ этомъ случаѣ имѣть значеніе изъявительнаго наклоненія judicium assertoricum? *Ѣдете вы сегодня въ городъ, или нѣтъ?...* Можно отвѣчать *ѣду* и въ тоже время располагаться за чтеніе книги?... Ясно, что опредѣленіе изъявительнаго наклоненія не точно. Если изъявительное наклоненіе должно соотвѣтствовать той категоріи модальности, которою выражается *дѣйствительность*, *бытіе*, то оно (т. е. изъявительное наклоненіе) должно выражать *дѣйствительное бытіе*, или *дѣйствительное* проявленіе дѣйствія. Но въ такомъ случаѣ, почему же форма на *ть* не можетъ выражать того же? Формы: *читать*, *ходить* и др. ближе подходятъ къ категоріи модальности *бытія*, по ученію Канта, чѣмъ формы *прочту*, *напишу*.

2. «*Повелительное* (judicium apodicticum) для выраженія воли, независимой и непосредственной, прямой: «*читай, пиши*». Странно. Одно наклоненіе — для выраженія *дѣйствія*, другое — для выраженія *воли!...* Дѣйствіе и воля — не одно и тоже.

3. «*Сослагательное* (judicium problematicum) для выраженія дѣйствія предполагаемаго и только возможнаго: «читалъ бы, писалъ бы».

И такъ, вотъ тѣ наклоненія, которыя признаетъ Общесравнительная Академическая Грамматика въ русскомъ глаголѣ: *изъявительное*, *повелительное*, *сослагательное*. Изъ какихъ же данныхъ языка, изъ какихъ формъ русскаго глагола, выведены эти наклоненія?... Какъ ни пріятно созерцать и любоваться симметріею кантовскихъ категорій сужденія, однако объяснять посредствомъ ихъ формы глагола въ какомъ бы то ни было языкѣ,

а тѣмъ болѣе въ русскомъ, — дѣло, по нашему мнѣнію, весьма неосновательное. Кантъ объясняетъ категоріи качества, количества, отношенія, образности, какъ апріористическія данныя *разсудка*, посредствомъ которыхъ возможно познаніе явленій; а вовсе не какъ такія данныя, которыя заключаются въ самихъ явленіяхъ. И почему же одна только категорія модальности нашла себѣ выраженіе въ формахъ глагола, а три остальныя категоріи остались неприложимыми къ его формамъ? Неужели глагольныя формы могутъ быть также общи, какъ общи логическія категоріи сужденія? Неужели міросозерцаніе какого либо народа, выражаемое въ языкѣ, все тоже, что общія начала человѣческаго мышленія?... «Сверхъ того», говорится въ Академической Грамматикѣ»: «къ глаголу относятся еще двѣ формы, которыя, какъ по значенію, такъ и по *внѣшности*, принимаютъ съ одной стороны условія глагола, съ другой — именъ *существительнаго* и *прилагательнаго*, и потому называются отглагольными, или причастными формами (participialia)».

1. «*Неопредѣленное,* составляющее средину между глаголомъ и именемъ существительнымъ. Напр.: учусь *писать*». Что *неопредѣленное?...* вѣроятно, наклоненіе. Вотъ куда оно отлетѣло отъ своихъ товарищей по случаю метафизическаго взгляда на формы глагола: къ формамъ партиципіальнымъ! Ни одна частная грамматика не считаетъ неопредѣленнаго наклоненія причастною формою. Очевидный разладъ общей грамматики съ частною — чего не должно быть, какъ мы уже сказали выше, говоря объ отношеніи частной грамматики къ общей.

2. «*Причастіе*, составляющее средину между глаголомъ и прилагательнымъ: *читающій* ребенокъ.»

3. «*Дѣепричастіе*, или отглагольное нарѣчіе: *читая*, *живучи*». Какъ оно сюда попало, Богъ вѣсть. Вѣдь слѣдовало бы и объ этой послѣдней формѣ выразиться ужъ такимъ образомъ: «составляющее средину между глаголомъ и нарѣчіемъ». Но бѣда въ томъ, что, когда опредѣлялись партиципіальныя формы, не было и помину о нарѣчіяхъ, а говорилось объ именахъ: существительномъ и прилагательномъ. Что же это, какъ не путаница въ грамматикѣ, происшедшая между прочимъ вслѣдствіе увлеченія симметріею кантовскихъ категорій сужденія? Вотъ какъ удобно онѣ примѣняются къ языку! Три формы образности (модальности) у Канта послужили достаточнымъ поводомъ для русской грамматики распредѣлить формы русскаго

глагола по тремъ наклоненіямъ и тремъ партиципіальнымъ формамъ! И такъ Общесравнительная Грамматика признаетъ въ русскомъ глаголѣ три наклоненія: *изъявительное*, *сослагательное* и *повелительное*, а *неопредѣленное*, вопреки всѣмъ частнымъ грамматикамъ, считаетъ причастною формою на основаніи не языка, а высшихъ метафизическихъ соображеній. Несостоятельность ученія о наклоненіяхъ, основаннаго на категоріи модальности, очевидна, и потому, оставляя его въ сторонѣ, обратимся къ другому ученію о наклоненіяхъ, которое основано на смѣшеніи формы съ значеніемъ ея въ употребленіи.

«Въ русскомъ языкѣ, сверхъ *неопредѣленнаго*, три наклоненія: *изъявительное, повелительное* и *условное* (Историч. Грамматика Ѳ. И. Буслаева 1863 г. ч. II § 191 стр. 138). Первое означается самимъ окончаніемъ глагола; напр.: *иду*; послѣднее только описательною формою; напр.: *пошелъ бы;* повелительное же означается и окончаніемъ глагола, напр.: *иди, идите,* и описательными формами: *да идетъ, пусть идетъ;* сверхъ того, для перваго лица множественнаго числа, настоящимъ, или будущимъ временемъ изъявительнаго наклоненія: *идемъ*, *скажемъ*, или для втораго лица мн. ч. — *те*: *идем-те*, *будем-те.* Изъявительное не требуетъ особенныхъ замѣчаній», говоритъ авторъ; относительно же прочихъ наклоненій представляетъ весьма много данныхъ, изъ которыхъ, по нашему, мнѣнію слѣдуетъ вывести то заключеніе, что въ русскомъ глаголѣ нѣтъ вовсе наклоненій. Но по грамматикѣ Ѳ. И. Буслаева въ русскомъ глаголѣ насчитывается четыре наклоненія: *неопредѣленное*, *изъявительное*, *повелительное* и *условное.* О значеніи наклоненій въ Исторической Грамматикѣ не говорится ни слова: авторъ прямо обращаетъ наше вниманіе на форму. Такимъ образомъ мы остаемся въ недоумѣніи относительно вопроса: что такое наклоненіе въ русскомъ глаголѣ? и почему ихъ ни болѣе, ни менѣе, какъ четыре? Мы уже видѣли, изъ Общесравнительной Грамматики, что число ихъ можетъ быть иное. Если въ одной грамматикѣ насчитывается три наклоненія, въ другой четыре, то почему же не быть и пяти наклоненіямъ и т. д.? Отчего бы, напримѣръ, русскому глаголу не имѣть *желательнаго* наклоненія, которое существуетъ въ языкѣ греческомъ? Вѣдь если есть *условное* наклоненіе, т. е. такое, которое выражаетъ условіе, и *повелительное*, которое выражаетъ повелѣніе: то, почему же нѣтъ *желательнаго?* какъ будто русскимъ глаголомъ нельзя

выразить желанія? Впрочемъ по нашимъ грамматикамъ и безъ *желательнаго* насчитывается пять наклоненій: 1) *неопредѣленное* (infinitif) 2) *изъявительное* (indicatif) 3) *повелительное* (imperatif). Къ этимъ тремъ въ однихъ грамматикахъ присоединяется 4) *условное* (conditionnel), а въ другихъ 5) *сослагательное* (subjonctif). И для всѣхъ придуманы формы! Но къ нимъ можно было бы прибавить еще новое наклоненіе *вопросительное*, которымъ выражается не повелѣніе, не условіе, не желаніе, а вопросъ. Слѣдуя объясненіямъ формъ нашихъ наклоненій, мы не видимъ никакой причины, почему бы не могло быть вопросительнаго наклоненія. Если форму условнаго наклоненія образуетъ союзъ *бы*, то почему союзъ *ли* не можетъ образовать формы наклоненія вопросительнаго: *пишемъ-ли?*... Это возраженіе не можетъ считаться неумѣстнымъ на томъ основаніи, что союзъ *бы* образовался изъ прошедшаго соверш. ц. слав. языка (отъ *бы-ти*), а союзъ *ли* не имѣлъ ничего себѣ соотвѣтственнаго въ древнемъ спряженіи глагола *бы-ти;* потому что въ древнѣйшей славян. грамматикѣ Іоанна Экз. Болгарск., переведенной имъ съ греческой грамматики Іоанна Дамаскина насчитывается 5 видовъ *изложенія* (наклоненій), между которыми находится и наклоненіе вопросительное. «Изложеніе же есть се: воля душа износима гласомъ, рѣчію являема; воля же душа въ сихъ пять словъ обдержится: въ *повелѣнномъ*, въ *молитвенномъ*, въ *вопросномъ*, въ *звательномъ*, *повѣстномъ*. Яже и изложенія наричются» (Іоан. Экз. Болг. Прилож. VIII, стр. 170. Калайдовичъ. Москва 1824 г.) т. е. изложеніемъ (наклоненіемъ) называется воля души, выражаемая въ голосѣ глаголомъ; воля же души опредѣлится въ слѣдующихъ пяти словахъ и пр.

Разберемъ же эти наклоненія. Начнемъ съ *неопредѣленнаго*. Въ грамматикѣ А. Х. Востокова читаемъ: «*неопредѣленное* наклоненіе выражаетъ дѣйствіе или состояніе, не опредѣляя предмета, коему оно принадлежитъ, напр.: *читать*, *сидѣть*, *ходить*, *быть посылаему*, *быть послану*». Въ Исторической Грамматикѣ Ѳ. И. Буслаева (§ 195) нѣтъ опредѣленія, а говорится слѣдующее: «*неопредѣленное* наклоненіе, будучи по этимологическому своему образованію существительнымъ отглагольнымъ, и употребляется, въ предложеніи, какъ существительное, означая подлежащее, сказуемое и дополненіе, напр.: *исчислять* (исчисленіе) колонны, статуи, вазы, трофеи, не есть *описывать* (описаніе). Кар.» Замѣтимъ мимоходомъ, что если

неопредѣленное наклоненіе употребляется какъ существительное, то, почему же оно не можетъ быть *опредѣленіемъ*, такъ какъ существительное бываетъ часто опредѣлительнымъ словомъ въ предложеніи?... Что же касается до выше приведеннаго значенія неопредѣленнаго наклоненія изъ грамматики А. Х. Востокова, то оно не совсѣмъ подходитъ къ языку русскому. Вотъ, напримѣръ, цѣлое предложеніе съ одними такъ называемыми *неопредѣленными наклоненіями*, а между тѣмъ предметъ, къ которому относится дѣйствіе, обозначается очень ясно (Рыбн. т. 2 стр. 161 ст. 94 о Дюкѣ Степановичѣ):

«*Стать* мнѣ этихъ стрѣлокъ *пострѣливать*,
То не *наполнить* мнѣ имѣнья во чисто поле».

Т. е. если я повыстрѣляю эти стрѣлы, то мнѣ не достанетъ ихъ для битвы. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ:

1. Не съ кѣмъ добру молодцу *погладиться*,
Не съ кѣмъ добру молодцу *полестися*.
2. Не *стать* тебѣ со лисой бой *держать*.
3. Ужъ чему *быть*, тому *быть* — только бы конецъ *видать*.

Скажутъ: тутъ подразумѣвается: *должно*. Отвѣчу: въ другихъ языкахъ подразумѣвать того же *должно* — нельзя, а нужно высказать; отчего же въ русскомъ можно? Вѣдь подразумѣвать можно мало ли что.

4. Кути и мути, да нарови, какъ бы самому *уйти*.
5. Не почемъ барской барынѣ *плакать* и т. п.

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ очень ясно обозначается предметъ, къ которому относится дѣйствіе. Правда, *окончаніемъ* неопредѣленнаго наклоненія не обозначается лица, къ которому дѣйствіе относится; но этимъ признакомъ оно не отличается въ русскомъ языкѣ и отъ такъ называемаго, изъявительнаго наклоненія. Извѣстно, что по грамматикѣ глаголы, принимая окончаніе — *лъ* относятся къ изъявительному наклоненію: *читалъ, ходилъ;* но развѣ этими окончаніями обозначается лицо, къ которому относится дѣйствіе? *я читалъ, ты читалъ, онъ читалъ* — все *читалъ*. Въ выраженіи: *я читалъ, а онъ спалъ*—лицо, къ которому относится дѣйствіе, обозначается точно также, какъ и въ выраженіи: *я читать, а онъ спать*. Этотъ оборотъ въ русскомъ языкѣ весьма употребителенъ. Возразятъ, что здѣсь должно

подразумѣвать какой нибудь глаголъ. Почему же *должно?* Ну, положимъ, что *должно.* Какой же? Да какой угодно, напр.: начну, стану, буду, хочу и т. п. Вотъ это то и не говоритъ въ пользу того мнѣнія, что должно подразумѣвать, когда можно подразумѣвать какой угодно глаголъ. Попробуемъ, вставимъ который нибудь изъ нихъ, и получимъ новое выраженіе, которое по смыслу вовсе не будетъ тожественно съ выраженіемъ: *я читать, а онъ спать.* Въ немъ какъ разъ улетучится общность смысла и на мѣсто ея получится опредѣленное, частное выраженіе. А развѣ это одно и тоже? Развѣ выраженіе: *я буду читать, а онъ будетъ спать* имѣетъ тотъ же смыслъ, что выраженіе: *я читать, а онъ спать?...* конечно, нѣтъ (*читать, спать* — сказуемыя въ русскомъ языкѣ, не смотря на то, что съ этимъ не согласится ни одинъ приверженецъ нашей грамматики). Притомъ и въ выраженіи: *я читалъ, а онъ спалъ,* точно также можно подразумѣвать глаголъ: *есмь, быхъ, бяхъ.* Но это уже опять таки будетъ не русское выраженіе, а выраженіе церковнославянскаго языка: я *есмь* читалъ, а онъ *есть* спалъ; азъ *былъ* читалъ, а онъ *былъ* спалъ. Русскому языку и глаголу подобныя выраженія противны. Но во всякомъ случаѣ выраженіе: *я читать, а онъ спать* = выраженію: *я читалъ, а онъ спалъ* по обозначенію окончаніемъ лица, къ которому относится дѣйствіе. Если это справедливо, почему же въ нашихъ грамматикахъ форма — *читать* названа неопредѣленнымъ наклоненіемъ, а форма — *читалъ* — изъявительнымъ, когда ни тою, ни другою не обозначается предмета, къ которому относится дѣйствіе? — Если взять во вниманіе, что форма на *ть* свойственна всѣмъ глаголамъ и выражаетъ собою, отдѣльно, простое понятіе о дѣйствіи, тогда какъ форма на *лъ* имѣетъ уже относительное значеніе къ предмету, а слѣд. значеніе болѣе опредѣленное, указывающее хоть на родъ предмета, къ которому относится дѣйствіе; то и это возраженіе для русскаго глагола не въ состояніи отстоять названія неопредѣленнаго наклоненія для формы на *ть.* Во первыхъ, потому что вмѣсто *лъ* можно взять другое окончаніе на *ло,* такъ какъ и эта форма въ нашихъ грамматикахъ имѣетъ значеніе изъявительнаго наклоненія. Возьмемъ примѣръ: совралось, какъ съ курка *сорвалось*: къ какому предмету относится дѣйствіе *сорвалось?* — «Что нибудь». — А это «что нибудь» опредѣленно, или нѣтъ? здѣсь дѣйствіе точно также представляется самостоятельнымъ, какъ и въ неопредѣленномъ накло-

ніи. Средній родъ въ ф. *сорвалось* ничего не доказываетъ, потому что и глаголъ въ ф. на *ть* принимается въ среднемъ родѣ. Очевидно, что дѣйствіе въ приведенномъ примѣрѣ представляется сознанію столь же неопредѣленнымъ въ отношеніи къ предмету, какъ и дѣйствіе съ окончаніемъ на *ть*. Во вторыхъ, въ приведенномъ же примѣрѣ формою *сорвалось* выражается также простое понятіе о дѣйствіи, какъ и формою на *ть*. Въ третьихъ, есть много такихъ выраженій, которыя, хотя не имѣютъ чести быть внесенными грамматикою въ таблицу спряженія, однако удостоиваются быть признанными ею за формы наклоненія изъявительнаго, не смотря на то, что ими ничего такого не *изъявляется*, что изъявляется по грамматикѣ изъявительнымъ наклоненіемъ; напримѣръ:

Мартышка въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя *толкъ* ногой.

—

Хвать въ карманъ — анъ дыра въ горсти.

—

Я и *побѣги* отъ него и пр.

Во всѣхъ этихъ формахъ: *толкъ*, *хвать*, *побѣги* и пр. не изъявляется ни числа, ни лица, ни времени. По смыслу рѣчи ими можно выражать и прошедшее, и настоящее, и будущее время. Кромѣ того, всѣ онѣ могутъ относиться ко всѣмъ лицамъ и числамъ. Почему же на этомъ основаніи они не могутъ относиться къ неопредѣленному наклоненію, а разбираются въ грамматикахъ либо изъявительнымъ, либо повелительнымъ наклоненіемъ? Въ четвертыхъ, извѣстно, что форма на *ть* можетъ употребляться съ значеніемъ повелѣнія, какъ повелительное наклоненіе: *писать! молчать! быть по сему!* Если это такъ, то почему же не назвать этой формы *повелительнымъ наклоненіемъ?* Сверхъ того, форма на *ть* въ русскомъ языкѣ можетъ быть употреблена одна безъ всякаго изъявительнаго наклоненія (какъ мы уже видѣли это изъ многихъ примѣровъ, приведенныхъ выше), не вредя смыслу цѣлаго предложенія: такъ, почему же слѣдуетъ отказать ей въ названіи *изъявительнаго наклоненія?* И такъ форма русскаго глагола на *ть* имѣетъ полное право на названіе какого угодно наклоненія, судя съ одной стороны по ея живому употребленію въ языкѣ, съ другой, — по тѣмъ значеніямъ, которыми опредѣляются въ грамматикахъ

наклоненія: *изъявительное*, *повелительное*, *условное* и *сослагательное*. Послѣднія два могутъ очень свободно выражаться формою на *ть* съ тѣмъ же прибавленіемъ союза *бы*, съ которымъ употребляется такъ называемое изъявительное наклоненіе для того, чтобы образовать условное, или сослагательное. *Остаться бы дома, да ужъ пойду*. Видно во 1-хъ, что всѣ эти наклоненія внесены въ русскую грамматику изъ чужихъ грамматикъ, не спросясь языка; во 2-хъ, что форма русскаго глагола на *ть* несравненно свободнѣе употребляется въ русскомъ языкѣ, чѣмъ неопредѣленное наклоненіе въ другихъ языкахъ, и потому подводить русскую форму на *ть* подъ то значеніе, которое имѣетъ неопредѣленное наклоненіе въ другихъ языкахъ, невозможно. Неопредѣленное наклоненіе въ нихъ не можетъ быть употреблено также самостоятельно, какъ употребляется въ русскомъ языкѣ форма на *ть*. Для русскаго языка нѣтъ надобности дополнять форму на *ть* въ предложеніи какимъ нибудь другимъ глаголомъ (который, обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ называется вспомогательнымъ), чтобы вышло грамматически правильное выраженіе. Если мы при грамматическомъ разборѣ предложенія привыкли всегда подставлять вспомогательные глаголы, то дѣлаемъ это единственно, потому что не имѣемъ до сихъ поръ своей русской грамматики, т. е. ни русской этимологіи, ни русскаго синтаксиса. Выраженіе, вполнѣ соотвѣтственное мысли и отличающееся своеобразностію языка, всегда правильно, сжато и сильно само въ себѣ. Всякая новая прибавка служитъ лишь къ ослабленію выразительности смысла, а вовсе не къ лучшей правильности. Дѣйствительно, подставляя вспомогательный какой-либо глаголъ, мы получаемъ полное правильное грамматическое выраженіе, но оно уже не есть живое слово, живое выраженіе самой мысли такъ, какъ она зародилась въ умѣ и проявилась наружу. Это полное правильное грамматическое выраженіе полно и правильно только по отношенію къ грамматикѣ, но не къ мысли. Относительно послѣдней, напротивъ, оно является уже далеко не полнымъ, потому что при грамматическомъ построеніи оно теряетъ всю свѣжесть, всю силу, весь, такъ сказать, букетъ своей выразительности, утрачиваетъ свой духъ, краски и покрывается ровною блѣдностью отъ перваго слова до послѣдняго подъ тою ломкою и перестройкою, которую производитъ надъ нимъ наша грамматика, смотрящая на языкъ съ ложной, мертвой точки зрѣнія. Такъ напримѣръ, чтобы ра-

зобрать выраженіе: *всѣмъ давать много будетъ*, наша грамматика, соображаясь съ тѣмъ, какъ оно можетъ быть переведено на другой языкъ (хоть на французскій), сейчасъ приступаетъ къ ломкѣ и говоритъ: это выраженіе можно замѣнить такимъ образомъ: *если нужно давать всѣмъ, то это будетъ много*, или что нибудь придумаетъ въ родѣ этого, и потомъ уже разбираетъ. Такъ мы привыкли подчиняться вліянію другихъ языковъ и грамматикъ. Вотъ почему намъ и кажется, что если въ иностранныхъ языкахъ есть неопредѣленное наклоненіе, имѣющее извѣстное значеніе само по себѣ и въ цѣлой рѣчи, то и наша форма на *ть*, соотвѣтствующая ему, должна назваться неопредѣленнымъ наклоненіемъ, хотя бы она употреблялась въ самой рѣчи втрое свободнѣе, чѣмъ первое. Точно также, если въ иностранныхъ языкахъ неопредѣленное наклоненіе, дѣлаясь сказуемымъ, требуетъ непремѣнно вспомогательнаго глагола: être, *sein* и т. п., то и мы при разборѣ непремѣнно толкуемъ, что здѣсь при неопредѣленномъ наклоненіи слѣдуетъ подразумѣвать глаголъ: *есть*. Мы знаемъ, что и въ другихъ языкахъ неопредѣленное наклоненіе употребляется, какъ подлежащее и сказуемое, да дѣло въ томъ, что употребляется-то оно не такъ свободно и смѣло, какъ въ языкѣ русскомъ. Напримѣръ: *всѣмъ давать много будетъ* — здѣсь: *всѣмъ давать* подлежащее; *много будетъ* — сказуемое. Попробуйте перевести на какой-либо другой языкъ, — что выйдетъ? «За милую куму *лѣзть* будетъ въ тюрьму» здѣсь «*лѣзть*» — подлежащее по русски, а *будетъ* — сказуемое. Переведите на другой языкъ. «*Отъ жали не плакать стать*» — совершенно полное русское выраженіе. Въ немъ подлежащее: *не плакать* — сказуемое: *стать*. Такъ мы разбираемъ по духу русскаго языка, а не по грамматикѣ. Спрашивается: можетъ ли также смѣло и свободно употребляться неопредѣленное наклоненіе въ другихъ языкахъ? — Если нѣтъ, то, очевидно, въ русской грамматикѣ слѣдуетъ отличить ее отъ послѣдняго другимъ названіемъ. Мы называемъ ее — *существительною формою* глагола; потому что въ формѣ на *ть* русскій глаголъ имѣетъ тѣсную связь съ именемъ существительнымъ какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніи. Намъ нѣтъ дѣла до тѣхъ значеній, которыя она можетъ принимать въ живой рѣчи: мы смотримъ лишь на *общее* значеніе формы и не думаемъ пускаться въ тѣ частности употребленія, которыхъ нѣтъ возможности уловить наукѣ. Этимъ

мы избѣгаемъ той сбивчивости, которую представляютъ грамматическія опредѣленія наклоненій. Недаромъ самъ авторъ Исторической Грамматики удерживается весьма часто отъ грамматическихъ опредѣленій,: такъ напримѣръ въ данномъ случаѣ онъ не даетъ опредѣленія *неопредѣленнаго* наклоненія.

Можетъ быть, многіе назовутъ это пустымъ нововведеніемъ и вступятся за неприкосновенность *неопредѣленнаго* наклоненія, возражая такимъ образомъ: «когда говорятъ, что неопредѣленное наклоненіе выражаетъ дѣйствіе, или состояніе, не опредѣляя предмета, которому оно принадлежитъ, то, разумѣется, глаголъ берется отдѣльно отъ рѣчи, какъ особое слово, разсматривается въ немъ одна форма, которую мысленно сравниваютъ съ другими формами того же глагола; а вовсе не смотрятъ на тѣ значенія, которыя можетъ принимать эта форма въ цѣлой рѣчи. Сравнивая же форму напримѣръ: *говорить* съ формами: *говорю*, *говоришь*, *говорила*, *говори*, нельзя не замѣтить, что она не обозначаетъ своимъ окончаніемъ того, что обозначаютъ другія формы: въ ней не обозначается лицо, которому принадлежитъ дѣйствіе; стало быть, легко понять, почему она названа неопредѣленнымъ наклоненіемъ. Вся разница между общепринятымъ названіемъ формы на *ть* т. е. *неопредѣленнымъ наклоненіемъ* и имѣющимъ претензію на новость (въ сущности оно давно извѣстно т. е., *существительною формою)*, состоитъ въ томъ, что прежде глаголъ брался, какъ отдѣльное слово, разсматривался въ своихъ измѣненіяхъ и опредѣлялся по нимъ чрезъ сравненіе — что вполнѣ соотвѣтствуетъ значенію этимологіи; теперь же, какъ видно, глаголъ разсматривается въ связи съ другими частями рѣчи; вотъ и все. Далѣе. Сравнивая употребленіе русской формы глагола на *ть* съ употребленіемъ неопредѣленнаго наклоненія въ другихъ языкахъ, замѣчается совершенное тожество: какъ русская форма на *ть*, такъ и непредѣленное наклоненіе въ другихъ языкахъ можетъ употребляться въ смыслѣ имени существительнаго, слѣд. можетъ быть и подлежащимъ, и сказуемымъ, и опредѣлительнымъ, и дополнительнымъ словомъ въ предложеніи. Какъ русская форма на *ть* можетъ употребляться вмѣсто повелительнаго наклоненія, такъ точно и неопредѣленное наклоненіе въ другихъ языкахъ можетъ принимать значеніе повелительнаго (Смотри Историч. Грамм. Ѳ. И. Буслаева ч. II, § 194, стр. 142, 5 Изд. 1863 г.). Къ чему же рвать связь между нашимъ языкомъ и другими?..»

Всѣ эти возраженія, какъ ни кажутся съ перваго взгляда основательными, не имѣютъ однако той убѣдительной силы, которая заставила бы насъ отступить хотя на одинъ шагъ отъ того, что было сказано выше. Мы, во первыхъ, не имѣемъ ни малѣйшаго желанія рвать связи между нашимъ языкомъ и другими; потому что убѣждены, можетъ быть, не менѣе другихъ въ тѣсномъ сродствѣ между собою языковъ индоевропейскихъ; во вторыхъ, мы не настолько заражены любовью ко всякой новизнѣ, чтобы вводить ее въ такое строгое дѣло, какъ дѣло науки только потому, что она новизна; въ третьихъ, намъ извѣстно давнымъ давно, что въ сущности «ничто не ново подъ луною», а тѣмъ менѣе названіе *существительной формы глагола* вмѣсто названія *неопредѣленнаго наклоненія*. Тутъ дѣло не въ названіи, а въ смыслѣ его. Въ четвертыхъ, если, сравнивая употребленіе нашей русской формы глагола на *ть* съ употребленіемъ неопредѣленнаго наклоненія другихъ языковъ, не находятъ никакой разницы, а видятъ лишь одно сходство; если не замѣчаютъ той свободы, силы, сжатости и выразительности, которыми отличается употребленіе нашей формы глагола на *ть* въ рѣчи отъ употребленія неопредѣленнаго наклоненія въ другихъ языкахъ: то въ этомъ отношеніи мы нисколько не виноваты. Съ нашей стороны будетъ сдѣлано все, если мы предложимъ лишь примѣры для сравненія нашимъ противникамъ. Но оставимъ эти общія мысли и обратимся къ дѣлу. Говорятъ намъ, что неопредѣленное наклоненіе существуетъ въ ученіи о глаголахъ лишь по сравненію формы на *ть*, съ другими формами, обозначающими лица, времена. Отвѣчаемъ: неправда; — это одинъ оптическій обманъ. Отстаивая ближайшую форму на *ть*, какъ *неопредѣленное наклоненіе* не видятъ въ перспективѣ дальнѣйшія формы, имѣющія другія названія, которыя сами собою изобличаютъ несправедливость возраженія. Еслибы дѣйствительно наши грамматики оставались при одномъ сравненіи формъ между собою, то никакимъ образомъ онѣ не могли бы добраться до такихъ названій, каковы: *наклоненіе повелительное*, *условное* и *согласительное* въ русскомъ языкѣ. Потому что въ русскомъ языкѣ *условіе*, *желаніе*, *повелѣніе* не имѣютъ одной какой либо опредѣленной формы глагола. Понятно, что онѣ сбились, подъ вліяніемъ иностранныхъ языковъ, съ разсматриванія формы на разсматриваніе различныхъ ея значеній въ рѣчи. Такъ напр. формы: *пиши*, *знай*, *брось*, названы формами повелительнаго наклоненія, вовсе не по формѣ

ихъ, которая имѣетъ совершенно иное грамматическое значеніе, какъ увидимъ ниже, а по тому частному значенію, которое эта форма можетъ имѣть въ рѣчи. Такимъ образомъ, сила перваго возраженія уничтожается сама собою. Правда, форма: *говорить* не опредѣляетъ лица, какъ напр. *говорю — говоримъ, говоришь — говорите, говоритъ — говорятъ;* но вѣдь и форма: *говори* точно также не опредѣляетъ лица: *говори, я, ты, онъ, мы, вы, они* т. е. употребляется для всѣхъ лицъ. Но форма на *ть*, не обозначая лица, ясно опредѣляетъ, съ одной стороны, названіе понятія о дѣйствіи въ смыслѣ глагола, съ другой, — связь его съ именемъ существительнымъ, употребляясь въ рѣчи вмѣсто послѣдняго. Если слово въ формѣ на *ть* выражаетъ понятіе о дѣйствіи, то оно *глаголъ*; если въ этой формѣ глаголъ въ состояніи замѣнять другую часть рѣчи, именно: имя существительное; то всего приличнѣе назвать ее *существительною* формою: тѣмъ болѣе, что ни въ одномъ изъ иностранныхъ языковъ глаголъ въ неопредѣленномъ наклоненіи не можетъ принимать такого реально-существительнаго значенія, какое способенъ имѣть по формѣ на *ть* въ языкѣ русскомъ. Притомъ, иностранные языки имѣютъ особыя формы для выраженія *условія, повелѣнія, зависимости* одного дѣйствія отъ другаго; слѣд. имъ свойственны наклоненія: *условное* (conditionnel), *повелительное* (imperatif), *сослагательное* (subjonctif). Тамъ понятно и наклоненіе *неопредѣленное*, которое вышло изъ сравненія съ *опредѣленнымъ* или *изъявительнымъ*. Развитіе глагола въ иностранныхъ языкахъ шло путемъ болѣе отвлеченнымъ; тогда какъ *русскій* глаголъ остался, относительно развитія формъ, на той же реальной почвѣ, на которой онъ стоитъ и по своему значенію. *Неопредѣленное наклоненіе* имѣетъ времена, *существительная же форма* глагола не имѣетъ ни одного времени. Вотъ почему первое, стѣсненное отвлеченнымъ значеніемъ дѣйствія, совершающагося во времени, не можетъ употребляться также свободно вмѣсто существительнаго имени въ рѣчи, какъ форма русскаго глагола на *ть*, не стѣсненная никакимъ отвлеченнымъ значеніемъ дѣйствія. Вотъ почему мы не можемъ допустить въ русскій глаголъ ученія о неопредѣленномъ наклоненіи, какъ о такой формѣ, которая по смыслу должна ограничить, стѣснить свободу его употребленія въ рѣчи. Сказать, что въ русскомъ глаголѣ должно быть неопредѣленное наклоненіе, значитъ подчинить его форму на *ть* тѣмъ ограниченіямъ, которыми опредѣ-

Bayerische Staatsbibliothek München

ляется значеніе неопредѣленнаго наклоненія въ другихъ языкахъ, — значитъ приписать ей то, чего у нея нѣтъ (какъ напр.: времени) и лишить того, чѣмъ она богата (т. е. степенями, о которыхъ будетъ сказано ниже); — значитъ наконецъ придать русскому глаголу то отвлеченное значеніе дѣйствія, котораго онъ не имѣетъ, и отказать ему въ томъ живомъ значеніи, на которомъ основана его самостоятельность. Совсѣмъ другое дѣло — признать форму на *тъ* просто за *существительную форму русскаго глагола:* тутъ не вносится въ понятіе о дѣйствіи русскаго глагола никакого особеннаго значенія, ничего отвлеченнаго, а просто указывается, что въ формѣ на *тъ* глаголъ похожъ преимущественно на тотъ извѣстный разрядъ словъ въ языкѣ, съ которымъ онъ дѣйствительно имѣетъ связь какъ въ этимологическомъ, такъ и въ синтаксическомъ отношеніи. Отъ формы на *тъ* возможно производство существительныхъ собирательнаго значенія тожественное съ производствомъ ихъ отъ существительныхъ на *ъ;* напр. какъ отъ *бѣлъ* происходитъ *бѣлье,* отъ *голъ — голье*, отъ *старъ — старье* и т. п.; такъ и отъ глаг. *житъ — житье*, *бытъ — бытье*, *пѣтъ — пѣтьё*, *чутъ — чутье* и пр.

Отдавала *пѣтью* учить церковному,
Пѣтье Василью въ наукъ пошло.

Слово *пѣтье* имѣетъ собирательное значеніе, а *пѣнье* или *пѣніе* — отвлеченное, общее. «Кабы *знатье*, что у кума *питье*, такъ бы и ребятишекъ привелъ». Отъ неопредѣленнаго наклоненія иностранныхъ глаголовъ такого производства нѣтъ.

Наконецъ, — что существительная форма русскаго глагола употребляется гораздо свободнѣе неопредѣленнаго наклоненія другихъ языковъ, можно видѣть изъ многихъ примѣровъ, въ которыхъ она непереводима соотвѣтственнымъ ей неопредѣленнымъ наклоненіемъ:

Бытъ бычку на веревочкѣ.

—

То весь въ комокъ
Онъ (т. е. ловецъ обезъянъ) такъ сберется,
Что *не видатъ* ни рукъ, ни ногъ.

Крыловъ.

Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едваль не одинаки:

Послушать, кажется одна у нихъ душа, —
А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки!

Крыловъ.

гл. *послушать* — выражаетъ собою цѣлое предложеніе, а выразить этого предложенія съ тою же силою мысли, нѣтъ возможности иначе, какъ только существительною формою. Вотъ еще примѣръ:

Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья.

Крыловъ.

Въ другихъ языкахъ нужно прибѣгать къ цѣлымъ предложеніямъ въ этомъ случаѣ: въ русскомъ же достаточно одной существительной ф. глагола.

«А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
Знать жить тебѣ богато.»

Пушкинъ.

ф. *знать* — сказуемое по-русски, *жить* тебѣ богато — подлежащее.

Что *робѣть*, то хуже.

(Даль. Посл. 277).

Но вотъ весьма замѣчательный оборотъ рѣчи съ существительною ф. глагола:

И сталъ царь его допрашивати:
— Скажи, скажи, удалый-дородній-добрый молодецъ,
— Былъ ли ты *красть* монастыря Румянцова,
— И былъ ли ты *нести* золотой казны?
Говоритъ удалый — добрый молодецъ:
«Ай же ты царь, Петръ Алексіевичъ!
«А не былъ я *красть* монастыря Румянцева
«И не былъ я *нести* золотой казны...»

Для насъ здѣсь особенно важны выраженія: *былъ ли ты красть монастыря Румянцева* и *былъ ли ты нести золотой казны*. Если мы замѣнимъ ихъ такимъ образомъ: *не обокралъ ли ты монастыря Румянцева*, *не носилъ ли ты золотой казны?* — то увидимъ, что родительные падежи: *монастыря, казны* могутъ быть объяснены предшествующимъ отрицаніемъ *не*. Но этого отрицанія нѣтъ въ приведенныхъ выраженіяхъ; слѣд. замѣна такая не позволительна. Чтобы не нарушать того строенія рѣчи, какое видимъ въ данныхъ выраженіяхъ, мы можемъ допустить лишь такую замѣну, которая бы объяснила намъ замѣчательное употребленіе здѣсь существительной ф. глагола. Въ такомъ случаѣ единственно-возможная замѣна существительной ф. глаго-

ловъ: *красть, нести* представляется въ словахъ: *грабитель, носитель:* былъ ли ты *грабитель* монастыря Румянцева, былъ ли ты *носитель* золотой казны? Названіе дѣйствія употреблено вмѣсто общаго названія лица дѣйствующаго *красть* вм. *грабитель, нести* вм. *носитель*. Что здѣсь глаголъ употребленъ вм. существительнаго имени, это видно изъ родительнаго падежа, служащаго опредѣленіемъ къ глаголу, а не дополненіемъ, которое должно было бы стоять совершенно въ другомъ падежѣ. Это объясненіе согласно, какъ съ общимъ смысломъ русскаго глагола, такъ и съ самымъ строеніемъ рѣчи въ приведенныхъ выраженіяхъ. Во всякомъ случаѣ примѣръ этотъ весьма замѣчателенъ для пониманія смысла глагола и его существительной формы. Такой свободы въ употребленіи неопредѣленнаго наклоненія быть не можетъ.

Отбросивъ узкую рамку неопредѣленнаго наклоненія отъ русскаго глагола, мы имѣемъ еще болѣе права отбросить рамки *изъявительнаго*, *условнаго* и *повелительнаго* наклоненій. Въ другихъ языкахъ изъявительное наклоненіе имѣетъ цѣлую систему временныхъ формъ; въ нашемъ нѣтъ ни одной формы для обозначенія времени. Тамъ *повелительное* наклоненіе имѣетъ опредѣленную форму, какъ наклоненія: *условное* и *сослагательное* (conditionnel et subjonctif) имѣютъ свои времена и особыя формы для нихъ. Въ русскомъ нѣтъ ничего подобнаго. Та форма, которой въ нашихъ грамматикахъ приписывается повелительное значеніе, имѣетъ смыслъ болѣе обширный: она можетъ выражать и *условіе*, и *возможность*, какъ напр.

«Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Валися къ Васькѣ на широкій дворъ,
Тотъ пей и ѣшь готовое,
И носи платье разноцвѣтное.

Очевидно, здѣсь: *тотъ пей и ѣшь готовое, и носи* и пр. значитъ: тотъ можетъ пить и ѣсть готовое, и носить платье разноцвѣтное. Тутъ нельзя подставить и мѣстоименія личнаго 2-го лица: *ты,* какъ учитъ наша грамматика.

Кромѣ того русскій языкъ употребляетъ эту же форму для обозначенія общаго дѣйствія, или, какъ говорятъ, безличнаго; напр.: въ выраженіи, имѣющемъ смыслъ довольства, изобилія: *ѣшь — не хочу*.

А я скажу: по мнѣ ужь лучше *пей*,
Да дѣло *разумѣй*.

Разумѣется, не *ты*, а *всякій*, т. е. по мнѣ ужь лучше *пили* бы, да дѣло *разумѣли* (т. е. люди).

Какой порядокъ *ни затѣй*,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей,
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, сноровку.

Крыловъ.

Такого употребленія въ рѣчи форма повелительнаго наклоненія въ другихъ языкахъ не имѣетъ. Въ русскомъ же языкѣ та же самая форма имѣетъ еще условное значеніе; напр. *знай онъ это, не пошелъ бы туда*, или *еслибы онъ зналъ* и пр. О различномъ употребленіи этой формы въ русскомъ языкѣ можно справиться въ Исторической Грамматикѣ Ѳ. И. Буслаева (Ч. II, § 192, стр. 139 — 142).

Понятно, что *по формѣ* нѣтъ возможности дѣлить измѣненія русскаго глагола на наклоненія; *по смыслу* же — и того менѣе. Вмѣсто всѣхъ этихъ наклоненій мы видимъ, что русскій глаголъ имѣетъ слѣдующія двѣ формы измѣненія:

1-е лицо	*мь* (древнѣйшая форма): *есмь*. *мъ* (нѣсколько позднѣйшая форма): *дамъ* вм. *дамь*. *у*: *хожу*, *беру*. *ю*: *говорю*, *имѣю*.	Единственное число
2-е лицо	*си* (древнѣйшая форма): *еси*. *шь*: *ходишь*, *читаешь*.	
3-е лицо	*ть* (древнѣйшая форма): *есть*, *вѣсть* (Богъ вѣсть) *тъ*: *говоритъ*, *дѣлаетъ*.	
1-е лицо	*мы* (древнѣйшая форма): *есмы*. *мъ*: *любимъ*, *сидимъ*.	Множественное число.
2-е лицо	*те*: *есте*, *идете*.	
3-е лицо	*ть* (древнѣйшая форма): *суть*. *тъ*: *думаютъ*, *пишутъ*.	

Для всѣхъ лицъ и чиселъ. { *и*, *й* (послѣ гласныхъ) *ь* (вм. и): *сиди*, *читай*, *брось*.

—

Для множ. числа — *мъ: идемъ*, *возьмемъ*, *спрячемъ!*

—

Для 2-го лица — *те: возьмите!*

—

Для 2-го лица — *мте:* пойде*мте*.

—

Кромѣ этихъ измѣненій въ окончаніяхъ русскій глаголъ, какъ *глаголъ*, другихъ не имѣетъ. Такъ какъ эти окончанія — ничто иное, какъ личныя мѣстоименія, и такъ какъ ими выражается связь, отношеніе дѣйствія къ лицу дѣйствующему, то мы и назовемъ ихъ *личными* формами глагола. Между всѣми ними особенно замѣчательна форма на *и* или *й* (послѣ гласныхъ) и *ь*, завершающая собою тему глагола; потому что въ формѣ на *и* нѣтъ явнаго указанія на лицо, или на что-либо другое. Какой же смыслъ имѣетъ эта форма въ русскомъ глаголѣ? Вопросъ этотъ весьма важенъ: съ удовлетворительнымъ рѣшеніемъ его объясняется нагляднѣе, какъ значеніе всѣхъ остальныхъ формъ, такъ и смыслъ русскаго глагола. Форма на *и*, имѣющая такое широкое употребленіе въ русскомъ языкѣ, до сихъ поръ представляется камнемъ преткновенія для нашихъ грамматикъ. Обыкновенно ее называютъ формою *повелительнаго наклоненія*. Поэтому говорить объ ней значитъ разбирать ученіе о повелительномъ наклоненіи.

Въ Исторической Грамматикѣ Ѳ. И. Буслаевъ говоритъ, что формою *и:* (говори, пиши, сядь и пр.) выражается не лицо, а только *наклоненіе*, и объясняетъ употребленіе ея для всѣхъ лицъ слѣдующимъ образомъ: «означая своимъ окончаніемъ не лицо, а только наклоненіе, можетъ употребляться *оно* (повелительное наклоненіе, или форма, о которой идетъ рѣчь) во всѣхъ лицахъ обоихъ чиселъ безъ измѣненія своей флексіи.» Объясненіе было бы удовлетворительно, если бы прежде было доказано, что формою *и* дѣйствительно выражается ничто иное, какъ *наклоненіе*; но такъ какъ этого не сдѣлано, то вопросъ о значеніи формы на *и* остается во всей силѣ вопросомъ, требующимъ рѣшенія. Далѣе почтенный авторъ говоритъ: «это наклоненіе собственно означаетъ *желаніе*, употребляется же у

насъ двояко: или въ смыслѣ *повелительнаго*, напр.: «иди сюда»; или *условнаго*, и ему соотвѣтствуетъ; напр.: «какъ мѣсяцъ *ни свѣти*, но все не солнца свѣтъ» (Дмитр. 3, 9) — можетъ быть выражено и условнымъ наклоненіемъ: «какъ *бы* мѣсяцъ ни *свѣтилъ*... «какъ ни *свѣтилъ бы* мѣсяцъ.» На основаніи этихъ словъ *повелительное* и *условное* наклоненія являются лишь видами наклоненія *желательнаго*. К. С. Аксаковъ считаетъ *желательное* и *сослагательное* наклоненія только оттѣнками *повелительнаго*, и совершенно не согласенъ съ Ѳ. И. Буслаевымъ въ томъ, что *повелительное* своимъ окончаніемъ означаетъ не лицо, а только наклоненіе. «Нѣтъ. Повелительное именно означаетъ своимъ окончаніемъ лицо, и именно лицо второе.» (Русская Бесѣда, 1859 г. № 6, стр. 38). Но почему К. С. Аксаковъ считалъ эту форму именно повелительнымъ наклоненіемъ? по формѣ, или по внутреннему значенію? Противъ объясненія формъ по внутреннему значенію слова онъ самъ вооружается, какъ мы видѣли выше. Стало быть, онъ считаетъ извѣстную грамматическую форму повелительнымъ наклоненіемъ именно только по грамматическому значенію самой формы; — и дѣйствительно, нѣсколько ниже на той же 38 страницѣ читаемъ у него слѣдующее: «повелительное, *формою своею*, всего болѣе приближается къ корню глагола; на концѣ его всегда одна буква, *общая характеристическая буква повелительнаго наклоненія: и.*» Кажется, яснѣе этого нельзя выразить той мысли, что окончаніе *и* есть ничто иное, какъ форма повелительнаго наклоненія. Тоже самое говоритъ и Ѳ. И. Буслаевъ. Въ чемъ же споръ? Въ томъ, что К. С. Аксаковъ, признавая букву *и* за характеристическую букву повелительнаго наклоненія, доказываетъ въ тоже время, что ею обозначается не наклоненіе, а лицо, и именно второе лицо. Тутъ очевидная сбивчивость во взглядѣ на окончаніе *и*. Но положимъ, что *и*, имѣя значеніе характеристической буквы повелительнаго наклоненія, обозначаетъ второе лицо. Посмотримъ, на чемъ основано такое мнѣніе автора? «Повелительное наклоненіе есть восклицаніе», говоритъ онъ: «оно соотвѣтствуетъ звательному падежу, и потому непремѣнно относится къ лицу второму.» Здѣсь авторъ противорѣчитъ самъ себѣ въ опредѣленіи формы: онъ объясняетъ ее по внутреннему значенію слова (какъ восклицаніе), а не по ея собственному грамматическому значенію.

Дѣйствительно, обращая вниманіе лишь на внутреннее значеніе глагола въ рѣчи, заканчивающаго тему этою формою,

(т. е. буквою *и*,) можно придти къ двумъ противуположнымъ мнѣніямъ относительно значенія самой формы. Можно считать ее и формою повелительнаго наклоненія и формою втораго лица. Оба взгляда одинаково справедливы, хотя и противорѣчатъ другъ другу. Противорѣчіе ихъ происходитъ отъ различныхъ точекъ отправленія при объясненіи значенія глагола въ этой формѣ. Ѳ. И. Буслаевъ смотритъ на смыслъ глагола въ этой формѣ безъ отношенія къ лицу и приходитъ къ тому заключенію, что въ смыслѣ глагола скрывается подъ этою формою повелѣніе, или собственно желаніе. К. С. Аксаковъ смотритъ на смыслъ глагола уже вмѣстѣ съ его повелительнымъ оттѣнкомъ и приходитъ къ тому заключенію, что повелительный смыслъ глагола непремѣнно (подобно восклицанію) долженъ относиться ко второму лицу—и потому видитъ въ той же формѣ—форму втораго лица. Такимъ образомъ, явилось два взгляда на значеніе одной и той же формы, которые, каждый съ своей точки зрѣнія, оказываются справедливыми, но въ то же время, по различію точекъ зрѣнія, и противуположными. Эта странность объясняется тѣмъ, что ни тотъ, ни другой филологъ не обратилъ вниманія на грамматическое значеніе формы самой въ себѣ, помимо того случайнаго повелительнаго значенія, которое ей придается въ рѣчи. Оба, безъ строгаго критическаго анализа, признали ее прямо формою повелительнаго наклоненія — и потомъ разошлись въ объясненіи значенія той же формы: одинъ утверждаетъ, что ею выражается наклоненіе; другой — лицо. Видя въ формѣ глагола на *и* значеніе повелѣнія и принявъ это значеніе за аксіому, за нѣчто данное, не требующее доказательствъ, можно спорить, сколько угодно, о томъ, что свойственнѣе выражать ей: наклоненіе, или лицо?

Вглядимся попристальнѣе въ разбираемую нами форму русскаго глагола и постараемся вникнуть въ то, что она скажетъ намъ сама о себѣ.

Чита-ть,	*говор-и-ть*,	*клас-ть*.
тема:	тема:	тема:
чита	*говор*	*клад* (*д* передъ *т* переходитъ въ *с*)
форма на *и*	форма на *и*	форма на *и*
Чита+й	*говор+и*	*клад+и:*

Прежде всего мы видимъ, что формою на *и* заканчивается тема (иногда корень: *горѣть* — кор. *гор—и*) глагола. Слѣдовательно, она должна быть отнесена къ такимъ формамъ, кото-

рыми выражается понятіе о дѣйствіи, какъ о дѣйствіи, т. е. она глаголъ оставляетъ глаголомъ по формѣ. Потомъ мы видимъ, что къ ней можно прибавлять всѣ личныя мѣстоименія: *читай* я, ты, онъ и т. д.; т. е. что она употребляется для лицъ, слѣд. есть форма *личная*. Наконецъ, — что она остается неизмѣнною для всѣхъ трехъ лицъ, а слѣд. для родовъ и чиселъ. Особенно замѣчательно то, что она не измѣняется и по числамъ; потому что, если при обозначеніи лица родъ оказывается лишнимъ, то не лишнимъ бываетъ число. Стало быть, она есть *общая личная форма глагола*. Вотъ все, что слѣдуетъ изъ формы русскаго глагола на *и*, заканчивающей собою его тему, или корень. Отсюда не видно ни того, чтобы этою формою выражалось *повелѣніе*, ни того, чтобы ею обозначалось именно *второе лицо*. Мы видимъ въ ней не болѣе, какъ *общую личную форму глагола* — вотъ ея существенное грамматическое значеніе.

Получивъ ясный взглядъ на грамматическое значеніе этой формы въ русскомъ глаголѣ, мы можемъ перейдти теперь къ слѣдующему вопросу: къ чему же служитъ эта форма въ русскомъ глаголѣ? какое значеніе можетъ принимать глаголъ чрезъ эту форму для выражаемаго имъ понятія о дѣйствіи? другими словами: какіе оттѣнки значенія можетъ сообщить этой формѣ живое употребленіе глагола въ рѣчи?

Если эта форма общая для всѣхъ трехъ лицъ, то, понятно, она не выражаетъ собою *непосредственнаго* отношенія, или *непосредственной* связи дѣйствія съ тѣмъ, или другимъ опредѣленнымъ лицомъ. Стало быть, дѣйствительной связи дѣйствія съ лицомъ дѣйствующимъ въ ней самой нѣтъ. Если же она соединяется съ тѣмъ, или другимъ лицомъ въ рѣчи, то это значитъ, что въ ней лежитъ лишь возможность такого соединенія; т. е. что она можетъ быть соединена, можетъ быть и *не* соединена съ извѣстнымъ лицомъ. Но чтобы возможность соединенія перешла въ дѣйствительную связь, или въ дѣйствительное соединеніе дѣйствія съ извѣстнымъ лицомъ, необходимъ посредникъ, который бы нашелъ, что тò, или другое дѣйствіе должно относиться, по чему либо, къ тому или другому лицу. Посредникомъ въ этомъ случаѣ является лицо говорящее. Такимъ образомъ, соединеніе и несоединеніе общей личной формы дѣйствія съ извѣстнымъ лицомъ вполнѣ зависитъ отъ лица говорящаго: оно связываетъ то, или другое дѣйствіе съ тѣмъ, или другимъ лицомъ, по своему желанію, по своей волѣ, а не потому, что между дѣй-

ствіемъ и лицомъ находится уже сама по себѣ связь дѣйствительная, непосредственная. Эта послѣдняя выражается опредѣленною личною формою глагола; и лицо говорящее, въ этомъ случаѣ, является не посредникомъ между дѣйствіемъ и лицомъ вообще, а простымъ наблюдателемъ. Отсюда понятно также и то, что дѣйствіе, какъ глаголъ въ собственномъ смыслѣ, ни въ какой другой формѣ, кромѣ той, въ которой оно имѣетъ свое абсолютно-личное значеніе, не можетъ быть приписываемо, по волѣ лица говорящаго, тому, другому, или третьему лицу. Притомъ, такъ какъ лицо говорящее распоряжается, такъ сказать, въ этомъ случаѣ *дѣйствіемъ*, приписывая его какому либо извѣстному лицу, а—не *лицомъ*, которое само по себѣ съ дѣйствіемъ не имѣетъ никакой непосредственной связи; то связь, или отношеніе абсолютно-личной формы глагола съ извѣстнымъ лицомъ становится дѣйствительною связью, дѣйствительнымъ отношеніемъ только какъ выраженіе желанія, или – воли лица говорящаго. Вотъ почему *общая личная форма глагола* въ русскомъ языкѣ получаетъ въ рѣчи смыслъ желательный, или повелительный, или наконецъ условный. Послѣднее значеніе почти тоже, что желательное, или повелительное, только желаніе въ немъ представляется сознанію не дѣйствительнымъ, а возможнымъ; напр.: *знай я это, ни за что не пришелъ бы* — этимъ я выражаю ту мысль, что *я пришелъ только потому что не зналъ чего либо; еслибы я зналъ, то не пришелъ бы. Не прійдти было бы лучше, чѣмъ прійдти.* Поэтому я *желалъ-бы знать,* но это желаніе для меня уже не можетъ быть дѣйствительнымъ послѣ того, какъ я совершилъ дѣйствіе; слѣд. оно можетъ представляться сознанію только возможнымъ. — И такъ изъ истиннаго пониманія грамматическаго значенія формы, какъ формы, мы легко могли объяснить и тѣ частныя значенія, которыя она можетъ имѣть въ живой рѣчи, — мы поняли настоящій смыслъ и объемъ употребленія ея въ языкѣ. Теперь спрашивается: имѣемъ ли мы право назвать ее формою повелительнаго наклоненія, или желательнаго, или условнаго? — Ровно никакого. Это значило бы отказаться отъ пониманія существеннаго грамматическаго ея значенія въ языкѣ, и ограничить ея разнообразное употребленіе въ рѣчи однимъ какимъ либо случайнымъ значеніемъ. И въ самомъ дѣлѣ: на какомъ основаніи эту форму мы назвали бы наклоненіемъ *повелительнымъ*, когда *ею же* выражается въ языкѣ и желаніе, и условіе? Почему не назвать бы ее *желательнымъ* наклоненіемъ? Почему

не назвать бы ее также наклоненіемъ *условнымъ*? Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ, которые утверждаютъ, что этою общею личною формою глагола выражается *повелѣніе*, а желаніе и условіе, такъ себѣ, какъ оттѣнки повелѣнія. Да почему же повелѣніе и условіе не могутъ быть оттѣнками желанія? или почему повелѣніе и желаніе не могутъ быть оттѣнками условія? Однимъ словомъ объ этомъ можно спорить безъ конца и безъ всякой пользы, потому что вопросъ становится здѣсь уже не на строгой научной почвѣ, а на почвѣ произвольныхъ воззрѣній.

Объяснивъ грамматическое значеніе формы на *и* въ русскомъ глаголѣ и указавъ на тѣ частныя ея значенія въ рѣчи, которыя служатъ яблокомъ раздора между наклоненіями, постараемся теперь объяснить, почему эта форма *кажется* нѣкоторымъ ученымъ непремѣнно *формою втораго* лица.

Дѣйствительно, едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что она чаще всего употребляется въ языкѣ со вторымъ лицомъ; мало того, въ рѣчи, когда выражается повелѣніе, она не нуждается въ указаніи на второе лицо; мы говоримъ: *читай*, *ходи*, *сядь* безъ *ты*. Стало быть, эта форма имѣетъ какое-то сродство съ значеніемъ втораго лица въ языкѣ — а потому легко можетъ ввести въ заблужденіе и заставить считать себя *именно формою втораго лица*. Дѣло это объясняется слѣдующимъ образомъ; форма на *и* имѣетъ *личное* значеніе; ибо никакого другаго она имѣть не можетъ, опредѣляя собою глаголъ, какъ дѣйствіе, а не какъ имя. При ней существительная форма (на *тъ*) отбрасывается; прилагательнаго употребленія она не знаетъ въ языкѣ; слѣд. по своему значенію, остается формою вполнѣ *глагольною*, т. е. замыкаетъ, такъ сказать, собою значеніе дѣйствія и не дозволяетъ этому значенію перейти въ значеніе имени. Въ этомъ состоитъ ея служеніе глаголу, какъ глаголу. Дѣйствіе же въ собственномъ смыслѣ не мыслимо безъ лица дѣйствующаго: есть дѣйствіе—есть, значитъ, и то, что дѣйствуетъ, т. е. лицо. Мы хотимъ сказать этимъ, что безъ обозначенія лица, хотя бы самаго общаго, самаго неопредѣленнаго обозначенія, глаголъ не можетъ быть глаголомъ. Вотъ такимъ то общимъ обозначеніемъ лица и служитъ въ русскомъ языкѣ форма на *и*, ставшая окончаніемъ глагольной темы (или глагольнаго корня, который въ этомъ случаѣ можно считать также темою), въ которой скрыто глагольное значеніе слова, и отбросившая за собою форму имени: какъ существи-

тельнаго (ть), такъ и прилагательнаго (по родамъ). Если же этою формою не обозначается ни числа, ни рода, ни предметности, то, понятно, ею можетъ обозначаться только *лицо;* но лицо — безъ рода, безъ числа, безъ предметности, т. е. ею выражается *личность дѣйствія*, какъ его собственная, общая, неопредѣленная *личность*, безъ всякаго отношенія къ какому либо лицу, какъ къ предмету дѣйствующему. Другими словами, эта форма показываетъ только то, что дѣйствіе, выражаемое темою глагола, — *лично*, или, что личность есть существенное свойство глагола, какъ дѣйствія. Этимъ объясняется: съ одной стороны — возможность употребленія разбираемой нами формы глагола въ выраженіяхъ *общихъ*, или извѣстныхъ въ грамматикѣ подъ именемъ *безличныхъ*; напр.: *не смѣйся* чужой бѣдѣ, своя на грядѣ (здѣсь *гряда* отъ глаг. *гряду*, т. е. иду,—т. е. своя на ходу); съ другой — причина, почему эта форма, будучи личною, не различаетъ однако лицъ: ни перваго, ни втораго (третье лицо въ строгомъ смыслѣ не лицо, а предметъ вообще). Если бы ею обозначилось ясно первое лицо, то дѣйствіе стало бы представляться имѣющимъ непосредственную связь съ первымъ лицомъ, зависящимъ отъ него, т. е. получающимъ личность отъ связи съ первымъ лицомъ; точно также, если бы этою формою обозначилось ясно второе лицо, то дѣйствіе стало бы представляться, зависящимъ отъ этого втораго лица, т. е. получающимъ личность отъ своей связи со вторымъ лицомъ. А въ такомъ случаѣ, дѣйствіе лишилось бы своей собственной личности, самостоятельности, которая такъ свойственна ему въ русскомъ глаголѣ, и русскій глаголъ не обозначилъ бы самъ изъ себя своего существеннаго свойства особенною формою, т. е. не выразилъ бы самостоятельности своего значенія. Такимъ образомъ эта форма является необходимою въ языкѣ, вытекаетъ изъ духа самого языка и того смысла, который имѣетъ въ немъ (языкѣ) дѣйствіе. Этою формою русскій глаголъ рѣзко отличилъ себя отъ глаголовъ другихъ языковъ, указавъ ею на свою собственную личность. Какъ въ двоякой существительной формѣ русскій глаголъ выразилъ относительность и самостоятельность своего значенія, такъ точно и въ формѣ *личной* онъ является съ одной стороны — тѣсно связаннымъ съ лицомъ, съ другой — имѣющимъ самостоятельную личность. Оттого ни одинъ языкъ не въ состояніи такъ свободно употреблять формы своего повелительнаго наклоненія, какъ языкъ русскій можетъ употреблять свою *общую личную форму глагола* на *и*.

И такъ, русскій языкъ выразилъ въ этой формѣ, о которой идетъ рѣчь, *самостоятельную личность глагола*, какъ дѣйствія.

Послѣ этого не трудно понять, почему эта форма относится къ другимъ лицамъ всегда, какъ ко второму лицу. Объяснимъ это. Если въ общей личной формѣ глаголъ выражаетъ самостоятельность личности дѣйствія, и если личность въ строгомъ смыслѣ ограничивается только первымъ и вторымъ лицомъ; то, очевидно, что глаголъ въ данной формѣ имѣетъ значеніе перваго лица только по отношенію къ самому себѣ, т. е. дѣйствіе имѣетъ только само для себя значеніе перваго лица, но въ отношеніи ко всякому постороннему лицу, находящемуся внѣ самаго дѣйствія, оно необходимо должно принять значеніе втораго лица. Напр.: *сядь*, *читай* и т. п. Можно сказать: *сядь я*, *ты*, *онъ*. Форма: *сядь* по отношенію къ самому дѣйствію выражаетъ безотносительную личность, и потому дѣйствіе представляется въ этой формѣ самоличнымъ, т. е. оно само для себя есть: и дѣйствіе, — и первое лицо. Но къ лицу постороннему, будь это лицо первое, второе, или третье, оно (т. е. самоличное дѣйствіе), послѣ себя, относится всегда, какъ ко второму лицу. Вотъ почему, обращаясь съ этою формою глагола къ кому бы то ни было, какъ ко второму лицу, мѣстоименіе *ты* оказывается совершенно лишнимъ. Само собою разумѣется, когда лицо говорящее находитъ необходимымъ по чему-либо сильнѣе указать на лицо, къ которому должно отнести дѣйствіе, тогда употребляется и мѣстоименіе *ты* наравнѣ съ другими личными мѣстоименіями: я, онъ и т. п. Можно сказать: *читай* и также: *читай ты* (т. е. ты, а не другой кто) въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ можно сказать: *читай я* (а не кто другой), *читай онъ* (а не кто другой) и т. п. И такъ *абсолютно-личная*, или *общая личная форма* русскаго глагола относится ко всякому постороннему лицу, какъ ко *второму* лицу; потому что иначе она относиться не можетъ. Оттого многимъ эта форма кажется формою втораго лица, не смотря на то, что въ самой формѣ рѣшительно нѣтъ никакого намека на признакъ втораго лица, какъ нѣтъ никакого намека на признакъ перваго и третьяго лица. Такимъ образомъ, несостоятельность обоихъ взглядовъ на разбираемую нами форму въ русскомъ глаголѣ, т. е. съ одной стороны, какъ на форму *повелительнаго наклоненія* (взглядъ Ѳ. И. Буслаева); съ другой, — какъ на *форму втораго лица* повелительнаго наклоненія (взглядъ К. С. Аксакова), вполнѣ

очевидна, хотя оба эти взгляды, какъ мы доказали, весьма возможны и даже справедливы при извѣстной точки зрѣнія на дѣло.

Впрочемъ, мы считаемъ необходимымъ продолжить нѣсколько выписку изъ статьи К. С. Аксакова: это дастъ намъ возможность войти критически въ объясненія другихъ формъ, такъ называемаго, повелительнаго наклоненія. Повелительное имѣетъ только второе лицо, утверждаетъ К. С. Аксаковъ. Пожалуй, это и правда, если бы только можно было доказать, что формою на *и* выражается ничто иное, какъ повелѣніе въ русскомъ языкѣ, чему совершенно противорѣчитъ живое употребленіе ея въ рѣчи. Это очень хорошо зналъ авторъ, и потому послѣ приведенныхъ словъ тотчасъ же говоритъ: «это лишь одно употребленіе переноситъ эту форму въ первое и третье лицо». Бездѣлица! одно употребленіе языка! Да почему же возможно и законно въ немъ такое употребленіе? откуда оно взялось? Ставши разъ твердо противъ данныхъ языка, авторъ дошелъ до явнаго противорѣчія съ своимъ же собственнымъ взглядомъ на изученіе языка: «повелительное, формою своею, всего болѣе приближается къ корню глагола; на концѣ его всего одна буква, общая характеристическая буква повелительнаго наклоненія: *и*». А прежде утверждалъ, какъ видѣли, что повелительное означаетъ своимъ окончаніемъ «*лицо*» противъ мнѣнія Ѳ. И. Буслаева, который говоритъ, что «наклоненіе желательное, или повелительное означаетъ своимъ окончаніемъ *не лицо, а наклоненіе*». По мнѣнію К. С. Аксакова выходитъ, что окончаніемъ *и* выражается и *повелительное наклоненіе* и *лицо!* Далѣе: «И такъ, повелительное имѣетъ только одно 2-е лицо, и одну форму 2-го лица, единственнаго и множественнаго числа. Всѣ остальныя формы въ смыслѣ повелительнаго суть ничто иное, какъ дѣло употребленія». Читаешь и не вѣришь, что эти слова могъ написать К. С. Аксаковъ. «Замѣчательно», продолжаетъ авторъ: «что именно форма повелительнаго единственнаго числа дѣлается предметомъ разнообразнаго употребленія (что, кажется, и заставило г. автора Исторической Грамматики принять *ошибочную* мысль, что повелительное не обозначаетъ лица), а не форма множественная, которая употребляется только во 2-мъ лицѣ множественнаго — что доказываетъ вопреки автору (Историч. Грамматики), что повелительное обозначаетъ своимъ окончаніемъ именно лицо». По нашему мнѣнію, это ровно ничего не доказываетъ, какъ убѣдимся ниже... «это объясняется, *какъ намъ кажется,*

тѣмъ, что въ единственномъ числѣ, въ которомъ форма повелительнаго такъ близка къ корню, прикрытому лишь окончаніемъ: *и* (ид-и), смыслъ повелительнаго, сущность его выступаетъ сильнѣе и явственнѣе, чѣмъ во множественномъ, гдѣ форма, такъ сказать, гуще, плотнѣе, гдѣ это просто почти опредѣленная форма изъявительнаго наклоненія 2-го лица (ид-и-те). Кромѣ того, не только въ повелительномъ, но и вездѣ единственное число общѣе, неопредѣленнѣе, болѣе имѣетъ въ себѣ *родоваго*, такъ сказать, характера; поэтому болѣе можетъ переноситься въ другія отношенія; между тѣмъ какъ множественное имѣетъ болѣе частный характеръ; напр.: «*ничего не подѣлаешь*» т. е. ничего нельзя сдѣлать. Намъ возразятъ, что можно сказать и: «*ничего не подѣлаете*»; но это выраженіе уже не будетъ имѣть такого общаго значенія; его можно сказать, или когда человѣкъ обращается въ самомъ дѣлѣ ко многимъ, или когда, вслѣдствіе иностраннаго вліянія и взгляда на учтивость, *вы* употребляется вмѣсто *ты*, какъ въ языкахъ иностранныхъ. Также напр. можно сказать: «что, какъ идетъ?» — а не: «идутъ». Вообще безличныя глаголы употребляются въ единственномъ. «Говорятъ», «толкуютъ» и т. п. употребляются во множественномъ, но множественное показываетъ здѣсь только то, что рѣчь идетъ о многихъ».

«На этомъ то основаніи, какъ намъ кажется, повелительное единственнаго числа употребляется съ первымъ и третьимъ единственнаго числа и со всѣми тремя лицами множественнаго числа». Читатель самъ легко можетъ замѣтить по тону объясненія, что все оно основано не на положительныхъ данныхъ языка и состоитъ не изъ научныхъ твердыхъ положеній, а представляетъ не болѣе, какъ кажущіяся истины, или общія предположенія ученаго.

Попробуемъ предложить свое объясненіе, почему форма на *те (ид-и-те, чита-й-те, сядь-те)* употребляется только во 2-мъ лицѣ множественнаго числа, а не со всѣми лицами единственнаго и множественнаго чиселъ, подобно формѣ на *и;* и посмотримъ, можетъ ли она дѣйствительно служить доказательствомъ того, что формою *и* обозначается именно лицо и притомъ второе, какъ думалъ К. С. Аксаковъ? Не послужитъ ли, напротивъ, она прямымъ опроверженіемъ этого мнѣнія? Впрочемъ дѣло это такъ ясно, само по себѣ, что мы предлагая объясненіе, дѣлаемъ это единственно съ тою цѣлію, чтобы не ввести въ искушеніе

кого либо впослѣдствіи, кто вздумаетъ, пожалуй, не на шутку прибѣгнуть къ тому же доказательству противъ насъ, которое довольно опрометчиво, смѣемъ сказать, было сдѣлано противъ мнѣнія Ѳ. И. Буслаева. Форма на *те:* (иди-*те*, читай-*те*, сядь-*те)* очевидно образовалась въ языкѣ чрезъ приставку *те*, которая ясно обозначаетъ собою второе лицо множественнаго числа, къ той формѣ, которую мы назвали *общею*, или *абсолютно-личною формою русскаго глагола*. Если это *те* есть само по себѣ 2-е лицо множественнаго числа (вы) и прибавляется къ общей, неопредѣленной личной формѣ глагола съ тѣмъ, чтобы указать на лицо; то можно ли спрашивать не въ шутку, а строгимъ научнымъ тономъ: почему эта форма не употребляется съ другими лицами? Да потому что ею ясно обозначается опредѣленное второе лицо множественнаго числа. Развѣ одно и тоже — форма ясно обозначившаяся по отношенію къ лицу, и форма (на *и)*, не обозначающая своимъ окончаніемъ никакого опредѣленнаго лица? Какая связь, какое подобіе есть между *да* и *нѣтъ?* Одною формою прямо, положительно указывается на извѣстное лицо; другою же вовсе не обозначается никакого опредѣленнаго лица. Что принадлежитъ *да*, то ужь никакъ не можетъ принадлежать *нѣтъ*. Если формою на *те* выражается именно второе лицо, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что формою на *и* должно обозначаться также второе лицо. Напротивъ, что присуще опредѣленному личному окончанію глагола на *те*, то не можетъ быть присуще неопредѣленному личному окончанію глагола на *и (иди*, *читай*, *сядь)* — и потому объясненія К. С. Аксакова, относящіяся къ формѣ на *те*, должны не подтверждать, а отрицать принадлежащія ей свойства отъ другой вовсе не похожей на нее формы глагола на *и*. Но, по мнѣнію автора, формою *и* обозначается не только второе лицо, но даже и число. Какимъ же это образомъ? Вѣдь самъ же онъ признаетъ, что эта форма употребляется для всѣхъ трехъ лицъ и обоихъ чиселъ. Если это фактъ, данное въ языкѣ, то зачѣмъ же не признавать его такимъ, какимъ онъ есть, а навязывать на него непремѣнно особое значеніе? Взглянемъ безъ всякихъ заранѣе составленныхъ воззрѣній на тотъ фактъ, что форма русскаго глагола на *и*, заканчивающая собою тематическую его часть (его тулово), употребляется въ рѣчи для всѣхъ трехъ лицъ и обоихъ чиселъ: что онъ показываетъ? То, что формою *и* не обозначается никакого опредѣленнаго лица и слѣд. никакого опредѣленнаго числа. Что же въ ней есть положительнаго въ грамма-

тическомъ смыслѣ? То, что ею обозначается *возможность* опредѣлиться лицомъ. Именно потому, что этою формою обозначается лишь возможность опредѣлиться лицомъ, а не самое лицо въ его опредѣленности, она и допускаетъ соединеніе съ собою приставки *те*, т. е. яснаго признака втораго лица множественнаго числа. Но почему именно этого лица, а не какого другаго, это легко объясняется изъ смысла самой формы. Выше было объяснено, что форма на *и* по отношенію къ самому глаголу выражаетъ безотносительную личность дѣйствія,—что, поэтому, дѣйствіе представляется въ этой формѣ самоличнымъ, т. е. оно само для себя есть и дѣйствіе и первое лицо; но по отношенію къ лицу постороннему, это послѣднее является передъ самымъ дѣйствіемъ, очевидно, всегда вторымъ лицомъ, будь оно первое, второе, или третье. Кромѣ того, отношеніе дѣйствія къ каждому изъ этихъ лицъ, есть отношеніе посредственное, зависящее отъ лица говорящаго: хочетъ оно или нѣтъ, чтобы такое-то дѣйствіе относилось къ такому-то, лицу или предмету. Слѣд. въ соединеніи дѣйствія съ предметомъ выражается воля лица говорящаго. Теперь, если эта воля лица говорящаго связана съ прямымъ, непосредственнымъ обращеніемъ его къ другому лицу; то, очевидно, это другое лицо, не только по своему отношенію къ дѣйствію, но и по отношенію къ лицу говорящему, можетъ быть только вторымъ лицомъ. Вотъ почему повелѣніе въ личной формѣ можетъ быть выражено только вторымъ лицомъ единственнаго или множественнаго числа, смотря по тому: къ одному или ко многимъ лицамъ оно относится. Единственное число не нуждается въ особой личной формѣ глагола; потому что въ той формѣ, о которой идетъ рѣчь, глаголъ и безъ особенной формы относится ко всякому лицу, или предмету, какъ къ лицу второму, будь это — одно, или даже нѣсколько лицъ, напр.:

Ай же, *вы*, дружина хоробрая!
Дѣлай дѣло повелѣное,
Слушайте большаго атамана.

Но если нужно, по требованію мысли, обозначить яснѣе множество вторыхъ лицъ, то языкъ прибавляетъ къ общей формѣ опредѣленный признакъ втораго лица множественнаго числа: *те*. Обращаясь къ одному лицу, по вліянію западной учтивости, мы говоримъ во множественномъ числѣ, т. е. говоримъ тамъ *вы*, гдѣ бы слѣдовало говорить *ты*, а потому и употребляемъ часто чопорную форму на *те:* читайте, сидите, молчите... Прежде

русскій языкъ не нуждался въ этомъ чопорномъ *вы*, когда глаголъ долженъ относиться къ одному лицу. Это *те* прибавляется и къ опредѣленной личной формѣ на *мъ* (1-го лица множественнаго числа) въ русскомъ глаголѣ, когда дѣйствіе, по смыслу, должно относиться не только ко многимъ вторымъ лицамъ, но и къ лицу говорящему, которое включаетъ себя въ это множество, будучи лицомъ первымъ въ отношеніи къ тому, къ которому обращается съ рѣчью, напр.

«*Станемте-тко*, братцы, животовъ дѣлить!»
Говоритъ старый казакъ Илья Муромецъ.

Мы безпрестанно употребляемъ выраженія: *походимте, поговоримте* и пр., въ которыхъ звукъ *м* или *мъ* есть форма 1-го лица. Оно въ этомъ случаѣ соединяется со вторымъ и составляетъ, такъ сказать, ту опредѣленную группу лицъ, къ которой дѣйствіе относится, какъ къ лицу второму. Замѣтимъ здѣсь, что такимъ свободнымъ обозначеніемъ лица, къ которому относится дѣйствіе, отличается русскій глаголъ отъ другихъ, имѣющихъ особыя формы для повелительнаго наклоненія. (*Allons ensemble! пойдемте* и *пойдемъ вмѣстѣ*). Если русскій глаголъ такъ свободно и ясно способенъ обозначать лица, къ которымъ лицо говорящее относитъ дѣйствіе, то, какимъ образомъ можно допустить, что онъ такъ неясно обозначилъ 2-е лицо единственнаго числа формою на *и*, которая въ рѣчи можетъ относиться одинаково ко всѣмъ лицамъ и числамъ?

Что касается до образованія такихъ формъ, каковы: *пойдемъ, пойдемте*, которыя считаются въ грамматикѣ формами повелительнаго наклоненія, то объ немъ будетъ сказано въ особомъ изслѣдованіи объ образованіи всѣхъ формъ глагола. Здѣсь скажемъ только то, что мы считаемъ и эти формы не формами повелительнаго наклоненія, но просто *личными опредѣленными формами глагола*, образовавшимися изъ абсолютно личной формы.

Въ доказательство того, что формою на *и* (сокр. *й* и *ь*) выражается именно 2-е лицо повелительнаго наклоненія, могутъ представить противъ моего мнѣнія форму: *ѣшь*, которою означается повелѣніе и которая есть въ тоже время 2-е лицо единственнаго числа.

Правда, ф. *ѣшь* есть второе лицо единственнаго числа; но отсюда не слѣдуетъ, что для, такъ называемаго, повелительнаго наклоненія взята именно таже форма. Съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Вопервыхъ потому, что въ языкѣ нѣтъ другихъ

формъ, подобныхъ приведенной нами; во вторыхъ видимое сходство формы 2-го лица единственнаго числа съ формою *пѣшъ* абсолютно-личною, т. е. такою, которая можетъ соединяться со всѣми лицами: *пѣшъ*, *я*, *ты*, *онъ*, *мы*, *вы*, *они* — не есть еще тожество. Мы различаемъ по производству форму 2-го лица *пѣшъ* отъ формы абсолютно-личной *пѣшъ*, будучи убѣждены, что обѣ формы образовались въ языкѣ неодинаково. Другими словами, мы убѣждены, что обѣ формы, различныя по своему грамматическому значенію, дошли до тожества по виду двумя различными путями образованія. Общая личная форма — *пѣшъ* имѣетъ соотвѣтственную себѣ форму въ древнемъ языкѣ: *ѣждь*; тогда какъ форма 2-го лица ед. числа: *пѣшъ* имѣетъ соотвѣтственную себѣ форму въ древнемъ языкѣ: *ѣ-(д)-си* или *ѣ-(с)-си*. *Ш* въ первомъ случаѣ есть смягченное *д* или *жд*, преобразовавшееся въ произношеніи въ *ш*. *Ш* въ другомъ случаѣ есть смягченное *с* въ признакѣ 2-го лица: дамь, да*си*, да*ши*, *дашь*. Первое *ш* произошло изъ кореннаго звука, содержавшаго въ себѣ понятіе о дѣйствіи; второе *ш* произошло изъ звука *с* признака втораго лица *си*. И такъ, хотя формы абсолютно-личная — *пѣшъ* и опредѣленно-личная — *пѣшъ* тожественны по виду; однако, какъ видимъ, образовались разнымъ путемъ, и потому при своемъ полномъ сходствѣ не могутъ быть въ наукѣ названы тожественными, т. е. нельзя сказать, что абсолютная личная форма *пѣшъ* взята отъ формы *пѣшъ*, имѣющей значеніе 2-го лица единственнаго числа. (Подробности образованія этой формы сравнительно съ другими сюда не относятся).

Абсолютно-личная форма русскаго глагола служитъ въ языкѣ для выраженія разныхъ значеній глагола, зависящихъ отъ смысла и тона цѣлой рѣчи: во 1-хъ для выраженія *безотносительности* дѣйствія, которая состоитъ въ томъ, что дѣйствіе можетъ быть отнесено ко всѣмъ вообще лицамъ дѣйствующимъ и ни къ кому въ отдѣльности; напр:

«*Постой же*» думаетъ мужикъ: «дадутъ мнѣ вдвое;
Придумалъ кой-что я такое,
Что у меня его (т. е. червонецъ) съ руками оторвутъ».

—

Ужъ то-то тамъ мы заживемъ:
Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ!
Не такъ, какъ здѣсь, *ходи* съ оглядкой днемъ,
И не *засни* спокойно на ночлегѣ.

Крыловъ.

смыслъ общій, безотносительный: «не такъ какъ здѣсь, гдѣ должно ходить съ оглядкой днемъ и нельзя заснуть спокойно на ночлегѣ».

Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ.

Крыловъ.

Дай сяду съ нимъ рядомъ. *Дай* — кто? совершенно безотносительное значеніе дѣйствія.

Сюда же можно отнести по формѣ краткія выраженія: *хвать*, *глядь*, *толкъ* и т. п.; потому что эта форма точно также общая для всѣхъ лицъ и обоихъ чиселъ. Ею выражается быстрота, краткость проявленія дѣйствія; напр:

И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — *хвать* друга камнемъ въ лобъ

Крыловъ.

«Авось уйдетъ (т. е. ловецъ обезьянъ), тогда мы
тотчасъ»... *глядь*,
Онъ подлинно ушелъ и сѣти имъ оставилъ.

Крыловъ.

глядь — быстрота дѣйствія вм. *глядятъ* (т. е. обезьяны).

Самоличность дѣйствія въ этой формѣ особенно видна изъ употребленія выраженій, подобныхъ слѣдующему:

Случись тутъ мухѣ быть, вм. *случилось*.

—

Отколѣ ни *возъмись* навстрѣчу моська имъ.

(Крыловъ).

Подобныя выраженія употребляются часто въ языкѣ вмѣсто опредѣленныхъ личныхъ для выраженія краткости, быстроты дѣйствія.

2) Для выраженія условія: *скажи я ему одно слово, онъ сдѣлалъ бы непремѣнно. Скажи* вм. *еслибы я сказалъ* и пр.

3) Для выраженія повелѣнія:

«*Стой*, братцы, *стой!*» кричитъ мартышка: «*погодите!*
«Какъ музыкѣ идти, вѣдь вы не такъ сидите» и пр.

Но кромѣ всего этого иногда личная общая форма глагола употребляется вм. существительнаго имени, напр. послов.:

«*Встанъ мужа кормитъ,*
А лѣнь портитъ.»

(Даль. стр. 550).

Итакъ вмѣсто всѣхъ возможныхъ наклоненій, мы признаемъ *существительную* и *личную* форму глагола. И въ той, и въ другой формѣ русскій глаголъ употребляется самостоятельно и отно-

сительно. Эти два главныя значенія дробятся въ употребленіи на множество частныхъ значеній, зависящихъ отъ смысла и тона цѣлой рѣчи. Для этихъ послѣднихъ русскій языкъ не призналъ за нужное создавать особенныя формы, а потому и мы не въ правѣ навязывать ему, по примѣру другихъ языковъ, формы разныхъ наклоненій и возводить частные случаи употребленія на степень общихъ типическихъ формъ русскаго глагола.

III.

Объ отсутствіи формъ въ русскомъ языкѣ для обозначенія временъ глагола.

Мы видѣли въ предыдущей главѣ, что *существительная форма* русскаго глагола соотвѣтствуетъ *неопредѣленному* наклоненію въ другихъ языкахъ, а форма *личная* — наклоненіямъ: *изъявительному* (indicatif), *условному* (conditionnel), *сослагательному* (subjonctif) и *повелительному* (imperatif). Извѣстно, что каждое наклоненіе, за исключеніемъ повелительнаго, имѣетъ времена, которыя выражаются особенными формами. Такъ въ латинскомъ языкѣ неопредѣленное наклоненіе имѣетъ три формы для временъ. Для настоящаго и преходящаго времени: *amare*, для прошедшаго совершеннаго и давнопрошедшаго: *amavisse* (или *amasse)*, для будущаго: *amaturum esse*. Французскій языкъ имѣетъ двѣ формы: — настоящаго времени: *aimer*, прошедшаго: *avoir aimé*. Точно также и въ другихъ языкахъ. Изъявительное наклоненіе имѣетъ еще болѣе формъ для временъ; напр. *j'aime, j'aimais, j'aimai, j'aimerai* и т. д. Однимъ словомъ, время составляетъ существенное условіе глагола, такъ что дѣйствіе въ иностранныхъ языкахъ немыслимо безъ времени. Время входитъ въ значеніе самого дѣйствія: западные языки осмыслили дѣйствіе подъ условіемъ времени въ глаголѣ. Совсѣмъ другое явленіе представляетъ языкъ русскій. Онъ осмыслилъ дѣйствіе иначе, по-своему, и потому искать въ формахъ русскаго глагола того же значенія времени, которое находится въ другихъ языкахъ, дѣло весьма неосновательное. Между тѣмъ въ нашихъ русскихъ грамматикахъ постоянно видно стремленіе подчинить формы русскаго глагола значенію времени. Начиная съ грамматики Ломоносова (1755), въ которой насчи

тывается 10 временъ *), всѣ послѣдующія грамматики продолжаютъ до сихъ поръ толковать о временныхъ формахъ русскаго глагола. Правда, были нѣкоторыя попытки опредѣлить формы русскаго глагола болѣе согласно съ его сущностью, но обыкновенно онѣ возбуждали мало сочувствія къ себѣ въ средѣ нашихъ ученыхъ филологовъ. Не смотря, однако, на это, не малая доля правды, заключавшаяся въ этихъ попыткахъ, сдѣлала свое дѣло. Теперь стараются уже объяснять формы временъ изъ *видовъ*. Но тутъ новая ошибка, состоящая въ смѣшеніи видовъ съ временами. Тѣмъ не менѣе самая ошибка показываетъ, что въ русскомъ глаголѣ однихъ временныхъ формъ искать трудно. Вмѣсто ученія о формахъ временъ стало появляться ученіе о *видахъ* русскаго глагола.

Замѣчательно, что эту особенность въ нашемъ языкѣ первые учуяли, — такъ позволимъ себѣ выразиться, — нѣмцы: Фатеръ и Таппе, надъ которыми такъ неосновательно подсмѣивается въ своемъ разсужденіи «о видахъ русскихъ глаголовъ въ синтаксическомъ отношеніи» г. Шафрановъ. За виды же не мало достается отъ автора сего разсужденія и профессору г. Болдыреву по случаю его «*Разсужденія о средствахъ исправить ошибки въ глаголѣ*», помѣщеннаго въ «Трудахъ Общества Любителей Росс. Словесности» (1812. Ч. 2 и 3). Фатеру и Таппе не посчастливилось во мнѣніи г. Шафранова за то особенно, что они — нѣмцы; профессору же Болдыреву, вѣроятно, за то, что въ бытность свою въ Германіи онъ имѣлъ переписку о русскихъ глаголахъ съ Фатеромъ, сочинявшимъ тогда русскую грамматику, и что оба они, «стараясь открыть истину, открыли ее въ одно время». Такъ иронически выражается г. Шафрановъ о сходствѣ мнѣній профессора Болдырева и нѣмца Фатера. Здѣсь позволимъ себѣ сдѣлать небольшое отступленіе, которое впрочемъ весьма близко къ дѣлу. Мы хотимъ нѣсколько остановиться на возраженіяхъ г. Шафранова. Посмотримъ, на сколько они основательны и важны. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны для насъ 26 и 27 страницы его разсужденія. Г. Шафрановъ на этихъ страницахъ

*) 1) *Настоящее*: трясу, глотаю, бросаю, плещу; 2) *прошедшее неопредѣленное*: трясъ, глоталъ и пр.; 3) *прошедшее однократное*: тряхнулъ, бросилъ; 4) *давнопрошедшее* 1-е: тряхивалъ; 5) *давнопрошедшее* 2-е: бывало трясъ; *давнопрошедшее* 3-е: бывало трясывалъ; 7) *будущее неопредѣленное*: буду, стану трясти; 8) *будущее однократное*: тряхну, брошу; *прошедшее соверш.*: написалъ; 10) *будущее соверш.* напишу.

дѣлаетъ возраженія г. Болдыреву. Выпишемъ изъ разсужденія г. Болдырева только то, что выписано самимъ г. Шафрановымъ. «Вотъ, напримѣръ, весьма замѣчательное мѣсто у профессора Болдырева о предложныхъ глагольныхъ формахъ спряженія. Извѣстно, говоритъ профессоръ Болдыревъ, что во всѣхъ языкахъ, какъ скоро къ настоящему времени простаго глагола прибавить частицу, перемѣняющую ее въ глаголъ сложный, то время не перемѣняется, напр.: λέγω, συλλέγω; voco, advoco, convoco» и пр. Г. Шафрановъ, выписавши эти слова, спрашиваетъ: «какое же изъ этого должно вывесть заключеніе?» Разумѣется не то, какое вывелъ г. Шафрановъ; а вывелъ онъ изъ словъ г. Болдырева, который, безъ сомнѣнія, зналъ, что *voco* значитъ: *зову*, *advoco* — *призываю*, *convoco* — *созываю*, слѣдующее заключеніе: «что и въ русскомъ языкѣ, при переведеніи простаго глагола въ сложный, время тоже не перемѣняется, а потому (!): συλλέγω знач. *собираю*, а не *соберу*.» Что же это за возраженіе? Вѣдь это знаетъ всякій мальчикъ, начавшій учиться по-гречески. Вѣроятно, г. Болдыревъ говорилъ что нибудь подѣльнѣе. И дѣйствительно, г. Болдыревъ разумѣлъ при соединеніе частицы къ глаголу безъ измѣненія его простой, первообразной формы. Въ греч. λέγω, соединяясь съ предлогомъ συν, не измѣняетъ своей формы: συν + λέγω или συλλέγω; а въ русскомъ гл. *беру*, соединяясь съ предлогомъ *съ*, или *со*, для настоящаго времени измѣняетъ свою форму: *со* + *беру* не = συλ-λέγω. Чтобы перевести συλλέγω нужно сказать *со* + *бираю*, т. е. измѣнить простую форму. Замѣчаніе г. Болдырева вполнѣ дѣльно; тѣмъ болѣе, что есть глаголы, къ которымъ и въ русскомъ языкѣ можно прибавить приставку впереди, не измѣняя формы; напр. *хожу* — *про* + *хожу*, *на* + *хожу*; *ношу* — *при* + *ношу*; *вожу* — *при* + *вожу*. Г. Болдыревъ желаетъ доказать, что частица, прибавляемая впереди къ глаголу, не имѣетъ и не должна имѣть вліянія на перемѣну времени. То, что мы считаемъ будущимъ, собственно не есть будущее время. Съ этимъ мнѣніемъ, какъ мы увидимъ, подтверждаемымъ самими фактами языка, нельзя не согласиться. Оно дѣлаетъ честь ученому профессору, видѣвшему въ русскомъ языкѣ одну изъ замѣчательнѣйшихъ особенностей его глагола — *виды*, или, какъ мы называемъ ихъ, *степени дѣйствія*.

Посмотримъ же, какіе *строго-логическіе* выводы дѣлаетъ г. Шафрановъ. «Отсюда», т. е. изъ словъ г. Болдырева, говоритъ

онъ: «*строго-логически* вытекаютъ слѣдующія два заключенія: 1) *Въ русскомъ языкѣ какъ скоро глагольное понятіе должно видоизмѣняться*, *то предлогъ прилагается не къ краткой темѣ*, *а къ удлиненной.*» На какихъ же данныхъ можно основать подобный выводъ? Глаголъ: *хожу* — какую имѣетъ форму: краткую, или удлиненную? Если «хожу» — форма удлиненная, то какъ будетъ отъ нея будущее время? Если краткая, то приставимъ предлогъ: *на* и посмотримъ, что выйдетъ? — *нахожу* — какое будетъ это время: будущее или настоящее? Глаголъ остался съ тѣмъ же значеніемъ, или нѣтъ? Глаголъ *даю* — краткая форма, или удлиненная? если краткая, то приставимъ предлогъ — *про:* глаголъ *продаю* то ли значитъ, что *даю?* А между тѣмъ, вѣроятно, извѣстно г. Шафранову, что въ народномъ языкѣ весьма употребительна ф. *даваю*. Отчего же не къ этой формѣ, которая, сравнительно съ ф. *даю* должна считаться *удлиненною* языкъ придаетъ предлогъ *про*, когда нужно измѣнить значеніе глагола, какъ бы слѣдовало по строго-логическому выводу г. Шафранова? Таковъ 1-й строго-логическій выводъ; а вотъ и второй: «*если же*, говоритъ г. Шафрановъ, *предлогъ приложенъ не къ удлиненной темѣ*, *а* «*лишь*» *къ краткой, значитъ онъ глагольнаго понятія не видоизмѣнилъ*, *а помогъ лишь тому кратко-начальному глаголу составить себѣ ту или другую форму спряженія.*» Гдѣ же данныя, на которыхъ основанъ этотъ строго-логическій выводъ? Мы уже привели примѣры выше: *хожу-нахожу, даю — продаю*; — и думаемъ, что каждый предлогъ, прибавляясь къ какой ни на есть формѣ глагола, краткой, или удлиненной, видоизмѣняетъ значеніе глагола, придавая дѣйствію оттѣнокъ особаго направленія. Возьмемъ глаголъ — *быть* — *буду*. Какая эта будетъ форма: краткая, или удлиненная? По нашему, — *краткая (быть*, *бывать*, *бывывать)*. Будемъ прибавлять къ ней предлоги: *до: добыть* (то ли, что *быть*?), *при*: *при*+ *быть* — *при*+*буду*, *у*: *у*+*быть* (*у*+*буду)*; *с*+*быть* — *сбуду* и пр. Неужели глаголъ здѣсь, принимая приставку къ краткой формѣ, не измѣняетъ своего значенія? Что касается до слова «*лишь*» (*лишь къ краткой формѣ)*, то, хотя оно и много значитъ для строго-логическаго вывода; потому что въ русскомъ языкѣ нѣтъ ни одного глагола, который бы принималъ приставку *только къ краткой формѣ:* однако въ сущности приводитъ строго-логическій выводъ къ нулю; именно потому, что подтвердить его нельзя ни однимъ глаголомъ. Даже глаголы: *бѣлѣть*, *лить*, *желтѣть*

и т. п., употребляющіеся въ одной только этой формѣ, не подходятъ къ требованіямъ строго-логическаго вывода. Принимая предлоги: *за* и *по*, они видоизмѣняютъ значеніе глагола: *желтѣть* не значитъ тоже, что *зажелтѣть*, или *пожелтѣть* и т. д. Если бы дѣйствительно предлогъ присоединясь (лишь) къ краткой формѣ, не видоизмѣнялъ глагольнаго понятія, то, очевидно, этотъ предлогъ долженъ быть одинъ и тотъ же для всѣхъ глаголовъ, не имѣющихъ формъ удлиненныхъ (подобно удвоенію первоначальнаго слога въ языкѣ греческомъ: τυπτω — perf. τέτυφα; ποιέω — πεποίηκα; или нѣмецкому слогу ge: lieben, geliebt). Спрашивается: какой же это предлогъ, или какая это такая глагольная приставка существуетъ въ русскомъ языкѣ, которая, прибавляясь къ краткой темѣ глагола, не видоизмѣняетъ значенія глагола, а образуетъ лишь новую форму спряженія? Г. Шафрановъ не потрудился указать намъ ее; а мы, признаемся, не знаемъ. По нашему мнѣнію такой приставки и быть не можетъ въ русскомъ глаголѣ: она противна его духу, его природѣ. Русскій глаголъ не терпитъ формъ временныхъ: для чего бы ему была эта приставка? Извѣстно, что въ русскомъ языкѣ одинъ и тотъ же глаголъ соединяется съ разными предлогами; неужели онъ дѣлаетъ это для образованія новыхъ формъ спряженія? Сверхъ того, въ русскомъ языкѣ нѣтъ такихъ глаголовъ, которые бы принимали приставку *лишь къ краткой формѣ*. Если есть, то пусть укажетъ на нихъ намъ г. Шафрановъ: мы будемъ ему очень благодарны. Допустивши, что русскіе глаголы принимаютъ приставки для образованія новыхъ формъ спряженія, т. е. для образованія временъ, мы volens-nolens должны допустить и *общія* для всѣхъ глаголовъ приставки; ибо если времена для всѣхъ глаголовъ должны быть общими, то, разумѣется, и формы этихъ временъ должны быть также общими—въ чемъ убѣждаютъ насъ другіе языки. Формами же временъ въ этомъ случаѣ будутъ, конечно, приставки. То ли мы видимъ въ русскомъ глаголѣ? Вотъ напр. два глагола: *быть* и *дѣлать*. Къ послѣднему глаголу можетъ быть прибавлена приставка *воз* (положимъ, не для измѣненія глагольнаго понятія, а для образованія какого нибудь воображаемаго времени): *воз* + *дѣлать*, *воздѣлаю*; а къ первому — нѣтъ; нельзя сказать: *воз-быть*, *воз-буду*. (Впрочемъ у грамматиковъ и тутъ пожалуй, найдется лазейка въ такъ называемыхъ *недостаточныхъ* глаголахъ. Но отчего ни одинъ глаголъ не соединяется съ предлогомъ: *къ* или *ко*, тогда какъ соединяется съ предлогами *съ* или

со, *въ* или *во*? Право, стоило обо всемъ этомъ подумать прежде, чѣмъ писать такіе строго-логическіе выводы, которые основаны не на существующихъ, а на какихъ-то воображаемыхъ данныхъ въ русскомъ глаголѣ). Г. Шафранову непремѣнно хочется создать въ русскомъ глаголѣ формы для временъ: настоящихъ, прошедшихъ, преходящихъ, давнопрошедшихъ, будущихъ, даже аористовъ, и составить таблицу богатаго спряженія по примѣру языка греческаго — было бы, дескать, чѣмъ похвастаться русскому человѣку относительно своего языка — а между тѣмъ русскій языкъ не имѣетъ ни одной формы, которая бы показывала то, или другое время Какъ же тутъ быть? Необходимо прибѣгнуть къ такимъ строго-логическимъ выводамъ, которыхъ основныя данныя живутъ въ воображеніи, пожалуй, даже въ благородномъ чувствѣ патріотизма, но вовсе не существуютъ въ дѣйствительности.

Несмотря однако на такую ненадежную почву подъ собой, г. Шафрановъ сильно нападаетъ на г. Болдырева и другихъ, не раздѣляющихъ его мнѣній. Г. Болдыревъ говоритъ: «И въ самомъ дѣлѣ частица, прибавляемая къ настоящему времени простаго глагола, можетъ только измѣнить нѣкоторымъ образомъ значеніе самого глагола, а не *имѣетъ и не должна имѣть вліянія на перемѣну времени*; и мнѣ кажется, что тотъ сталъ бы тщетно трудиться, кто бы захотѣлъ доказать сему противное». Вполнѣ справедливо. И дѣйствительно, до разсужденія г. Шафранова г. Болдыревъ былъ вправѣ выразиться такимъ образомъ «и мнѣ кажется, что тотъ сталъ *бы* тщетно трудиться и пр.» Мы же, имѣя подъ рукою такое блистательное доказательство справедливости мысли г. Болдырева въ разсужденіи г. Шафранова, его противника, должны сказать, что какъ г. Шафрановъ, такъ и всякій другой *навѣрное* будетъ тщетно трудиться надъ отыскиваніемъ временныхъ формъ въ измѣненіяхъ русскаго глагола. Вся книга г. Шафранова представляетъ какое-то напрасное тяжкое усиліе найдти въ русскомъ глаголѣ то, чего въ немъ нѣтъ, и опровергнуть (болѣе забавно, чѣмъ доказательно) то, что дѣйствительно въ немъ есть. Вотъ, напримѣръ, довольно забавное мѣсто на той же страницѣ его книги, въ которомъ выражается его взглядъ на дѣло: «Замѣчательно однако», говоритъ г. Шафрановъ: «что въ ложности того положенія будто «*предлогъ не имѣетъ вліянія на перемѣну времени*», никто не сомнѣвается, а между тѣмъ на этомъ самомъ положеніи основанное иностранцами ученіе *о видахъ* до сихъ поръ у насъ го-

сподствуетъ.» Если до сихъ поръ, по замѣчанію г. Шафранова, никто не сомнѣвается въ ложности того положенія, что предлогъ не имѣетъ вліянія на перемѣну времени, т. е. если до сихъ поръ всѣ вѣруютъ, что предлогъ имѣетъ вліяніе на перемѣну времени; то явленіе это весьма прискорбное въ наукѣ: вѣдь никто еще не доказалъ положительно, что предлогъ имѣетъ вліяніе на перемѣну времени въ русскомъ глаголѣ. Вотъ бы и слѣдовало г. Шафранову самому подвергнуть сомнѣнію эту свалившуюся откуда-то истину и провѣрить ее на данныхъ языка. А г. Шафрановъ очень доволенъ, что никто не сомнѣвался въ томъ, что́ требуетъ сомнѣнія, и ссылается для доказательства своего мнѣнія на эту слѣпую вѣру, какъ на аксіому въ наукѣ. Не забавно ли это? Мы не только сомнѣваемся, но вполнѣ убѣждены, что предлогъ не имѣетъ и не долженъ имѣть въ русскомъ глаголѣ вліянія на перемѣну времени, — что, разумѣется, надѣемся доказать впослѣдствіи. Мы указали на разсужденіе г. Шафранова, какъ на послѣднюю, самую усиленную попытку, внести въ ученіе о русскомъ глаголѣ формы временъ.

Можно сказать положительно, что до сихъ поръ отсутствіе временныхъ формъ въ русскомъ глаголѣ довольно смутно сознается многими учеными. Не будучи въ состояніи отказаться отъ мысли, что время есть существенное свойство глагола (какъ это безспорно подтверждается формами глаголовъ въ другихъ языкахъ), они невольно приходятъ къ тому заключенію, что въ русскомъ языкѣ времена глагола тожественны съ видами, и вслѣдствіе этого допускаютъ замѣну однихъ другими: *виды* обозначаются временами, а *времена* — видами. Это ученіе, будучи въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ circulus in probando, вполнѣ развито въ Исторической Грамматикѣ. Въ ней говорится: «Недостатокъ окончаній, для означенія *временъ*, русскій языкъ восполняетъ *видами* глагола» (§ 89). Это положеніе не ясно само по себѣ: — значитъ ли оно то, что для означенія временъ нѣтъ *вовсе* окончаній въ русскомъ языкѣ; или — то, что въ немъ недостаетъ окончаній для означенія *нѣкоторыхъ* только временъ? Если подъ словомъ — *недостатокъ* должно разумѣть совершенное отсутствіе окончаній для временъ, то нельзя сказать, что оно восполняется въ русскомъ языкѣ *видами;* потому что глаголъ въ извѣстномъ какомъ либо видѣ можетъ имѣть форму троякаго рода: *существительную* (на *ть*), *личную* и *прилагательную*. Въ какой же изъ этихъ формъ *виды* могутъ

восполнять собою недостатокъ окончанiй для означенiя временъ? Во всѣхъ трехъ формахъ, или въ которой нибудь одной изъ нихъ, или въ двухъ? Извѣстно изъ граматики, что прошедшее время имѣетъ форму на *лъ*, *ла*, *ло*, которая самою же грамматикою признается формою *прилагательною;* стало быть *виду* глагола нужно имѣть эту *прилагательную* форму, чтобы означать собою прошедшее время; потому что въ иной формѣ *никакой видъ глагола* не можетъ означать (по грамматикѣ) прошедшаго времени. Слѣд. каждый видъ долженъ быть еще связанъ съ извѣстною какою либо (т. е. *существительною*, или *личною*, или *прилагательною*) формою глагола, чтобы обозначать собою время. Поэтому приведенное положенiе изъ Исторической Грамматики представляется неяснымъ, неточнымъ, неопредѣленнымъ. Если же подъ словомъ *недостатокъ* должно разумѣть отсутствiе лишь нѣкоторыхъ окончанiй для временъ, то необходимо заключить, что въ русскомъ глаголѣ все таки существуютъ окончанiя и для временъ. И дѣйствительно, на слѣдующей же страницѣ того же параграфа читаемъ: «1) *форма настоящаго времени* имѣетъ значенiе настоящаго, или будущаго времени, смотря по виду, въ которомъ глаголъ употребляется» и пр. И такъ, вотъ уже одна форма нашлась, именно: *форма настоящаго времени.* «2) *Формы* прошедшаго времени измѣняютъ смыслъ глагола по видамъ: продолженному, совершенному или однократному и многократному.» И такъ кромѣ формы настоящаго времени есть еще нѣсколько формъ *прошедшаго* времени. Но что значитъ выраженiе: *формы прошедшаго времени измѣняютъ смыслъ глагола по видамъ?* Чему отдается здѣсь преимущество: временнымъ формамъ, или видамъ? По смыслу предложенiя преимущество принадлежитъ временнымъ формамъ, такъ какъ онѣ измѣняютъ смыслъ глагола по видамъ, а не виды измѣняютъ смыслъ глагола по временамъ. Стало быть, русскому глаголу присущи такiя временныя формы, отъ которыхъ зависитъ *видовой смыслъ* глагола?... Эта мысль новая: жаль, что она не развита въ Исторической Грамматикѣ надлежащимъ образомъ. Но какъ бы то ни было, изъ приведенныхъ положенiй Исторической Грамматики уже видно, что съ 1-й стороны формы временъ зависятъ отъ видовъ, съ другой виды отъ временныхъ формъ. Связь между ними представляется неразрывною. Но вотъ слова, въ которыхъ еще яснѣе выражается зависимость *видовъ* отъ формъ временныхъ (§ 181, ч. II). «Глаголы *продол-*

женнаго вида легко отличаются отъ глаголовъ *совершеннаго* и *однократнаго* тѣмъ, что первые въ *формѣ изъявительнаго наклоненія настоящаго времени* имѣютъ значеніе настоящаго времени, а послѣдніе — будущаго; напр.: продолженнаго вида: *сижу*, *ѣмъ*, *плыву*, *дую;* совершеннаго: *сяду*, *дамъ*, *поплыву*, *дуну*». Здѣсь уже ясно объясняется различіе видовъ по формамъ *временъ;* и притомъ — *не прошедшихъ*, но *настоящихъ* съ значеніемъ настоящаго и будущаго. Такимъ образомъ выходитъ, что формы какъ настоящаго такъ и прошедшаго времени объясняютъ собою смыслъ видовъ русскаго глагола. Въ § 182 читаемъ однако слѣдующее: «*Времена* нашихъ глаголовъ различаются *по видамъ* и *по составу*. Виды входятъ въ самое существо временъ... Видъ означаетъ продолженіе или совершеніе дѣйствія прошедшаго или будущаго». Отсюда ясно, что не виды уже различаются по временамъ (какъ мы видѣли выше), а времена различаются по видамъ. Такое противорѣчіе происходитъ единственно отъ смѣшенія двухъ различныхъ между собою понятій: понятія о видахъ русскаго глагола съ понятіемъ о временныхъ его формахъ. Зная, что русскій глаголъ безъ временныхъ формъ свободно выражаетъ въ рѣчи всякое время дѣйствія и замѣтивъ его особенное свойство измѣняться по *видамъ*, заключили, что въ русскомъ глаголѣ виды тоже, что времена и обратно. На этой мысли — остановилась наша грамматика и внесла не малую сбивчивость въ ученіе о русскомъ глаголѣ. Чтобы избавиться отъ этой сбивчивости, необходимо объснить различіе между *понятіемъ о времени* дѣйствія и *понятіемъ о видахъ*, или степеняхъ дѣйствія.

Для этого прежде всего нужно убѣдиться вполнѣ въ томъ, что русскій глаголъ не имѣетъ ни одной формы для обозначенія времени. Приведемъ нѣсколько примѣровъ относительно ихъ временнаго значенія, т. е. укажемъ, какое время выражается каждою приведенною формою глагола по *смыслу* рѣчи и по *грамматикѣ*. Обыкновенно формою настоящаго времени по грамматикѣ служатъ слѣдующія окончанія:

Единственное число:	Множ. число:
1) *мъ, мъ, у, ю.*	*мъ.*
2) *си, шь.*	*те.*
3) *тъ.*	*тъ*

Но такъ какъ эти же окончанія принадлежатъ и будущему времени, то грамматика различаетъ будущее время отъ настоя-

щаго по формѣ слѣдующимъ образомъ: она учитъ, что форма настоящаго времени получаетъ значенiе будущаго, если глаголъ употребленъ въ видѣ однократномъ и совершенномъ. Посмотримъ, такъ ли это. Глаголъ: *махать*, имѣетъ по грамматикѣ видъ однократный: *махнуть*. Если этотъ видъ употребленъ въ личной формѣ, или, какъ говоритъ грамматика, въ формѣ настоящаго времени, то эта форма будетъ имѣть непремѣнно значенiе будущаго времени: *махну*, — *нешь*, *нетъ* будущее время. Вотъ примѣръ:

Махнетъ Илейко (т. е. Илья Муромецъ) ручкой правою.
Поскользитъ у Илейки ножка лѣвая,
Палъ Илья на сыру землю.

(Рыбн. II, стр. 51, ст. 169).

Спрашивается: какое значенiе имѣетъ здѣсь ф. *махнетъ? будущее* или какое другое? Здѣсь очевидно: махнетъ вм. махнулъ; поскользитъ вм. поскользила. Стало быть, значенiе не будущаго времени, а прошедшаго.

Воротился Илья онъ къ Калину-царю.
Схватилъ онъ Калина во бѣлы руки,
Самъ Калину приговариваетъ:
«Васъ-то, царей, не бьютъ, не казнятъ,
«Не бьютъ, не казнятъ и не вѣшаютъ.»
Согнетъ его корчагою (т. е. въ крюкъ),
Воздымалъ выше буйной головы своей,
Ударилъ его о горючь камень,
Расшибъ его въ крохи...

Здѣсь ф. *согнетъ* вм. *согнулъ*. Опять значенiе прошедшаго времени по смыслу рѣчи.

Ф. *дамъ*, *дашъ*, *дастъ* — видъ совершенный (см. грамм. Ѳ. И. Буслаева, § 181, стр. 124), должна имѣть значенiе будущаго времени.

Попъ приходилъ со молитвою,
Имя *дастъ* Константиномъ Сауловичемъ.

Ф. *дастъ* вм. *далъ*. Опять значенiе прошедшаго по смыслу рѣчи. Правда, ф. *дастъ* въ ц.-славян. языкѣ имѣла значенiе прошедшаго времени; тѣмъ не менѣе нынѣ употребляется она по грамматикѣ въ значенiи будущаго.

Билъ Васька дѣтину въ буйну голову:
Дѣтина стоитъ не *ворохнется*,
На емъ синь кафтанъ не *колыхнется*,
Кудри черныя не *тряхнутся*,

Полна чарочка въ рукахъ не *всплещется:*
Не мало ведро выпилъ — полпята ведра.

Фф. *ворохнется*, *колыхнется*, *тряхнутся*, *всплещется* по грамматикѣ должны имѣть значенiе будущаго времени; но въ приведенномъ нами примѣрѣ, очевидно, онѣ не имѣютъ вовсе будущаго значенія. Приведемъ еще примѣръ:

Онъ назадъ Добрынюшка *воротится*
Догналъ Паленицу, женщину великую,
Ударилъ своей палицей булатноей
Тую Паленицу въ буйну голову, —
Паленица назадъ *прiоглянется*,
Сама говоритъ таково слово:
— Я думала, что камарики покусываютъ,
— Ажно Русскiи могучiи богатыри пощелкиваютъ.

Какое время выражается здѣсь въ ф.: *воротится*, *прiоглянется?* Такiе примѣры въ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются безпрестанно. Могутъ возразить, что примѣры, взятые изъ языка грубаго, необразованнаго класса народа, ничего не доказываютъ; что подобныя выраженiя неправильны и слѣд. ихъ должно отнести прямо къ искаженiю языка, къ такъ называемымъ *неправильностямъ*. Стоитъ ли отвѣчать на возраженiя такого рода? Пусть подумаютъ прежде о томъ, что такое правильность въ языкѣ: есть ли она ничто иное, какъ вѣрное отраженiе законовъ языка, его духа и смысла, или рабское подчиненiе языка правиламъ нашихъ грамматикъ? Потомъ: — знаемъ ли мы дѣйствительно свой языкъ такъ, что можемъ сказать навѣрное, что́ противно его духу, и что́ нѣтъ? Наконецъ: — откуда мы можемъ научиться распознавать генiй роднаго языка: изъ него ли самого во всемъ его объемѣ, или изъ грамматики, питающейся крохами одной лишь такъ называемой образованной рѣчи нашихъ писателей?... Слѣдуетъ также имѣть въ виду и то обстоятельство, что въ языкѣ народномъ виднѣе обозначаются, рѣзче выступаютъ наружу существенныя его свойства, типическiя его черты, чѣмъ въ языкѣ гладко отполированномъ правилами грамматикъ. Впрочемъ мы не прочь привести такiе же точно примѣры и изъ языка нашихъ лучшихъ писателей. Возьмемъ Крылова, Пушкина и Лермонтова, такихъ писателей, которые пользуются общимъ уваженiемъ въ дѣлѣ языка.

Чѣмъ нравомъ кто дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей:

Не видитъ добрыхъ онъ, куда ни *обернется*,
А первый самъ ни съ кѣмъ не *уживется*.

Крыловъ.

Фор. *обернется*, *уживется* отъ однократнаго и совершеннаго видовъ: *обернуться*, *ужиться*, здѣсь не имѣютъ, по смыслу рѣчи, вовсе будущаго значенія. *Не видитъ*, *куда ни обернется*, ф. *видитъ* — имѣетъ значеніе настоящаго времени; но чтобы видѣть, нужно (по мысли автора) прежде *обернуться*, слѣд. дѣйствіе *обернется* должно предшествовать дѣйствію *видитъ* — и потому никоимъ образомъ не можетъ имѣть значенія будущаго времени, такъ какъ оно должно проявиться прежде дѣйствія настоящаго времени.

За невѣстою своей
Королевичъ Елисей
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ! онъ горько плачетъ
И кого ни *спроситъ* онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе *отвернется*.
Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодецъ.

Пушкинъ.

Ф. *спроситъ* отъ совершеннаго вида: *спросить* опять не имѣетъ здѣсь значенія будущаго времени: *прежде нужно спросить*, *чтобы вопросъ казался мудренымъ*. А въ выраженіи: *всѣмъ вопросъ его мудренъ* смыслъ настоящаго времени. Какимъ же образомъ смыслу настоящаго времени можетъ предшествовать смыслъ будущаго въ формѣ *спроситъ?* ф. *отвернется* отъ однократнаго вида: *отвернуться* также не имѣетъ будущаго значенія по смыслу.

Такъ иногда лукавый котъ,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется съ лежанки.
Украдкой медленно идетъ,
Полузажмурясь подступаетъ,
Свернется въ комъ, хвостомъ играетъ,
Разинетъ когти хитрыхъ лапъ
И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.

Пушкинъ.

Здѣсь очевидно фор.: *свернется*, *разинетъ*, вм. *свертывается*, *разѣваетъ*. Только дѣло въ томъ, что замѣна будетъ неудачна, не выразительна. Эти однократныя формы употреблены такъ мѣтко, что будущее значенiе времени ихъ совершенно исчезаетъ.

Его *) убiйца хладнокровно
Навелъ ударъ, — спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ *не дрогнетъ* пистолетъ.

Лермонтовъ.

Ф. *дрогнетъ* отъ однократнаго вида: *дрогнуть*: имѣетъ ли здѣсь значенiе будущаго времени? Послѣ этого какой же смыслъ имѣетъ то грамматическое правило, по которому слѣдуетъ приписывать формѣ, образовавшейся изъ однократнаго и совершеннаго видовъ —значенiе будущаго времени? Не уничтожаетъ ли это правило въ русскомъ языкѣ живое пониманiе смысла самой рѣчи? Но грамматика, смѣшавъ *виды* съ *временами*, идетъ въ своемъ смѣшиванiи еще далѣе. Она говоритъ, что и виды смѣшиваются между собою. Что за безалаберный языкъ русскiй! Все въ немъ путается и мѣшается! На такой предикатъ къ нашему языку невольно наводитъ грамматика. Вотъ что читаемъ въ лучшей грамматикѣ: (Историч. Грамм. § 183, изд. 1863 г.) «Такъ какъ глаголъ получаетъ значенiе настоящаго и будущаго времени по различiю вида продолженнаго или совершеннаго и однократнаго, то употребленiе одного времени вм. другаго *объясняется употребленiемъ одного вида вм. другаго*». И далѣе: «1) Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ церковнославянской письменности, виды продолженный, совершенный и однократный *смѣшиваются* между собою, что явствуетъ изъ употребленiя настоящаго времени вм. будущаго, и будущаго вм. настоящаго». И такъ, времена смѣшались съ видами, виды смѣшались между собою — и одно другимъ объясняется. На что другое это похоже, какъ не на безвыходное, напрасное круженiе бѣлки въ колесѣ? Изъ примѣровъ видно, что изъ однократнаго вида не объясняется значенiе будущаго времени — и обратно. Тоже самое представляетъ въ языкѣ и видъ совершенный, который образуется изъ продолженнаго посредствомъ присоединенiя къ глаголу предлога. Такое образованiе приписывается совершенному виду даже Историче-

*) Убiйца Пушкина.

скою Грамматикою Ѳ. И. Буслаева. Это видно изъ слѣдующихъ положеній § 181 стр. 125. «Такъ какъ въ *образованіи видовъ* и залоговъ языкъ пользуется въ нѣкоторыхъ случаяхъ одними и тѣми же средствами, именно усиліемъ, или подъемомъ звуковъ и *предлогами*; то глаголъ съ перемѣною залога, *именно помощію предлога, измѣняется и въ видѣ;* напр.: *лежу*, *отлежу*, *иду*, *найду*. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи переходъ дѣйствительныхъ, и преимущественно среднихъ, въ возвратные, взаимные и общіе, *при измѣненіи вида продолженнаго въ совершенный*. Напр.: шумѣть *до*шумѣться, бѣгать — *до*бѣгаться, говѣть — *из*говѣться, глядѣть — *на*глядѣться и т. д.» Г. Шафрановъ въ своемъ разсужденіи объявляетъ, что никто не сомнѣвается въ томъ, что приставка предлога при глаголѣ имѣетъ вліяніе на перемѣну времени, т. е. что отъ предлога зависитъ образованіе временной формы, а именно изъ формы настоящаго времени посредствомъ приставки предлога образуется форма будущаго времени. Напр.: *дѣлаю* буд. *сдѣлаю*, *додѣлаю*, *придѣлаю* и т. д. Онъ говоритъ объ этомъ такъ, какъ будто бы языкъ и не даетъ повода въ этомъ случаѣ къ сомнѣнію. Обратимся же опять къ примѣрамъ:

Здынулъ-то онъ (Дунай Ивановичъ) руки выше головы,
Допустилъ онъ до того стола до дубоваго;
Питья на столахъ да проливаются,
Альни столъ въ щепья да *приломается*,
Альни мать — земля да сколыбается.

ф. *приломается* имѣетъ здѣсь значеніе настоящаго времени, не смотря на то, что къ ф. настоящаго времени *ломается* приставленъ предлогъ: *при*.

Спалъ молодецъ три сутки безъ просыпа,
На четверты вставаетъ на рѣзвы ноги,
Пойдетъ смотрѣть Дюково посѣльице, —
Привели его въ конюшни стоялыя.

ф. *пойдетъ* — имѣетъ значеніе настоящаго времени, а не будущаго.

«И скоро *скажется*, а по успѣху дѣло *исправляется*» ф. *скажется* — также видъ совершенный по грамматикѣ, а время настоящее въ данномъ примѣрѣ:

Тутъ скричалъ царь второй наконъ (т. е. разъ)
«Гдѣ мои палачи немилостивы?
«Берите вы Ѳедора Ивановича за бѣлы руки,

«Ведите на то болото на житное,
«На ту на плаху дубовую,
»Отрубите ему буйну голову,
«Предайте ему смерть да скорую!»:
Всѣ палачи да разбѣжалися,
Другъ за друга тулятся и окучаются,
Большій за средняго, средній за меньшаго,
Съ меньшаго отвѣту нѣтъ:
Потому что за царскіе роды приняться *не осмѣлятся.*

Ф. *не осмѣлятся*, очевидно вм. *не осмѣливаются*, т. е. не смѣютъ.

Выѣзжалъ онъ (Илья М.) во далече во чисто поле.
Наѣзжалъ онъ въ чистомъ полѣ диковинку:
Разъѣздную, походную красну дѣвицу.
Не доѣхавши онъ *остановится*:
«Охъ ты гой еси душа-ли красна дѣвица!
»Охъ ты что една въ чистомъ полѣ казакуешь? и пр.

Ф. *остановится* имѣетъ смыслъ прошедшаго времени вм. остановился.

Снарядился Святогоръ во чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.

Ф. *засѣдлаетъ* имѣетъ смыслъ какого времени?

Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку перемѣтную:
Беретъ погонялку, *пощупаетъ* сумочку, — она не *скрянется*,
Двинетъ перстомъ ее, — не *сворохнется*,
Хватитъ съ коня рукою, — не *подымется*.

Неужели все это будущія времена?

«Знаешь ли? (письмо Пушкина къ Дельвигу. Матеріалы для біографіи Пушкина. Анненкова. стр. 130) ужъ если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ. Надѣюсь, что братъ ихъ перепишетъ, а ты пришли рукопись ко мнѣ, я доставлю предисловіе и, можетъ быть, примѣчаніе — и съ рукъ долой. А то всякій разъ, какъ я объ нихъ *подумаю*, или *прочту* слово въ журналѣ — у меня кровь портится.»

Фор. *подумаю* вовсе не значитъ, что Пушкинъ объ нихъ будетъ думать, но что уже думалъ нѣсколько разъ, точно также *прочту* вовсе не значитъ, что онъ будетъ еще читать о нихъ слово въ

журналѣ, а уже читалъ нѣсколько разъ. Спрашивается: какого же времени эти обѣ формы? Видъ ихъ — совершенный... Выраженія: «*онъ свернется кренделемъ и спитъ*». «Кошка, обыкновенно, *притаится* гдѣ нибудь *и ждетъ*, когда выбѣжитъ мышь» и т. п. весьма обыкновенны въ рѣчи.

Хозяйки глазъ повсюду нуженъ,
Онъ вмигъ *замѣтитъ* что нибудь.

Ф. *замѣтитъ* вм. *замѣчаетъ*.

Трепещетъ, если полъ подъ нимъ
Вдругъ *заскрипитъ*.

Пушкинъ.

Солнце красное *взойдетъ*,
Птичка гласу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ.
За весной, красой природы
Лѣто знойное *пройдетъ*, —
И туманъ и непогоды
Осень поздняя несетъ.

Пушкинъ.

По грамматикѣ выходитъ, что будущее дѣйствіе предшествуетъ настоящему!

И бубенъ свой
Беретъ невѣста молодая —
И вотъ она, одной рукой
Крутя его надъ головой,
То вдругъ *помчится* легче птицы,
То *остановится* — глядитъ,
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ подъ завистливой рѣсницы.
То черной бровью *поведетъ*,
То вдругъ *наклонится* немножко,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка,
И улыбается она
Веселья дѣтскаго полна.

Лермонтовъ.

Фор. *помчится*, *остановится*, *поведетъ*, *наклонится* всѣ совершеннаго вида. Но имѣютъ ли онѣ въ этомъ отрывкѣ значеніе будущаго времени?

И что загребешекъ? не только не теребитъ,
Нигдѣ онъ даже не *зацѣпитъ*.

Крыловъ.

Неужели: *зацѣпитъ* имѣетъ смыслъ будущаго времени?

Хозяинъ самъ его лелѣетъ
И бережетъ мѣшокъ онъ такъ,
Что на него никакъ
Ни вѣтеръ не *пахнетъ*, ни муха сѣсть не смѣетъ.

Крыловъ.

Пахнетъ будущее или настоящее? Самъ авторъ Исторической Грамматики приводитъ въ своей книгѣ множество примѣровъ весьма замѣчательныхъ изъ языка не только современнаго: литературнаго и народнаго, но и изъ древняго: какъ народнаго, такъ и книжнаго, — которые положительно убѣждаютъ, что во 1-хъ русскому глаголу не свойственны формы временныя, что русскій языкъ осмыслилъ время, какъ нѣчто постороннее для дѣйствія, какъ внѣшнее (въ отношеніи къ дѣйствію) условіе, подъ вліяніемъ котораго скорѣе находится лицо говорящее и лицо слушающее, чѣмъ само дѣйствіе; — что во 2-хъ формами русскаго глагола въ этомъ случаѣ выражается не время, а нѣчто другое, болѣе существенное для живаго представленія дѣйствія; — что въ 3-хъ приставка предлога ровно ничего не значитъ для времени, а имѣетъ много иныхъ весьма важныхъ значеній, о которыхъ скажется впослѣдствіи.

Изъ всего сказаннаго ясно, что русскій языкъ не отличилъ ни прошедшаго, ни настоящаго, ни будущаго времени особыми формами; что, такъ называемые, виды глагола вовсе не обязываются въ языкѣ временнымъ значеніемъ, какъ и время не обязывается значеніемъ видовымъ. Какъ русскому языку не свойственно отличать времена особыми формами и видами, видно, между прочимъ, и изъ того, что въ немъ существуетъ много глаголовъ, которые *въ одной и той же формѣ* употребляются съ настоящимъ и будущимъ значеніемъ. Г. Шафрановъ и профессоръ Ѳ. И. Буслаевъ приводятъ слѣдующіе три глагола: *велю*, *женю*, *казню*. Но г. Шафрановъ говоритъ: «Правда, что нашими глагольными формами: *велю*, *женю*, *казню* равно означается дѣйствіе будущее, какъ и настоящее, но этими немногими примѣрами языкъ не уполномочиваетъ еще филолога не различать этихъ двухъ формъ (т. е. настоящей и будущей) во всѣхъ другихъ глаголахъ». Да какія же эти двѣ формы, по которымъ языкъ

уполномочиваетъ филолога различать настоящее время отъ будущаго?... Примѣры, приведенные выше, убѣждаютъ насъ совершенно въ противномъ: они говорятъ ясно, что всѣ глаголы въ языкѣ точно также не различаютъ по формѣ настоящаго времени отъ будущаго, какъ и глаголы: *велю*, *женю*, *казню*. Почему же г. Шафранову кажется, что только эти три глагола, не измѣняя своей формы могутъ употребляться съ настоящимъ и будущимъ значеніемъ?... Впрочемъ для г. Шафранова мы можемъ указать еще на глаголы: *буду*, *рожу* (и *рожусь*), *рѣшу*, *кончу*, *молвлю*, *ночую*, *образую* и др. которые, даже съ его точки зрѣнія на временныя формы, точно также употребляются и съ настоящимъ и съ будущимъ значеніемъ, а глаголъ *буду* въ народныхъ пѣсняхъ имѣетъ и значеніе прошедшаго времени:

Будетъ Вольга на крутомъ берегу
На крутомъ берегу удалымъ молодцемъ,
Самъ *говорилъ* таково слово:
«Братцы мои, дружина хоробрая...» и пр.

(Смотри Рыбн. Ч. I. стр. 7.)

(Примѣры для другихъ глаголовъ см. въ Истор. Грамм. Ѳ. И. Буслаева ч. II § 184, стр. 129, 4)

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ *ночуютъ*.

—

Странно также мнѣніе нашихъ филологовъ, что въ русскомъ языкѣ прошедшее время дѣйствія выражается формою на *лъ*: оно точно также выражается и личною формою, какъ настоящее и будущее.

Какъ *возьметъ* Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь палицу,
Да какъ *ударитъ* Соловья-разбойника въ бѣлы груди,
Да какъ *улетитъ* Соловей-разбойникъ со дуба долой,
И сходилъ Илья Муромецъ со добра коня,
Вязалъ Соловья-разбойника ко струмену.

Здѣсь ф. *возьметъ*, *ударитъ*, *улетитъ* могутъ быть замѣнены только формами *взялъ*, *ударилъ*, *улетѣлъ*.

Изъ-подъ той съ-подъ восточнія сторонушки
Наѣдетъ Батыга Батыговичь
Со сыномъ со Батыгою Батыговичемъ,
Со зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ,

Наѣзжаетъ съ дьячкомъ да выдумщичкомъ.
У Батыги силы сорокъ тысящей,
У сына силы сорокъ тысящей,
У зятюшки силы сорокъ тысящей,
У дьячка-то силы сорокъ тысящей.
Обступили округъ Кіева кругомъ, кругомъ, кругомъ и пр.
Ф. *наѣдетъ*, *наѣзжаетъ* могутъ быть замѣнены формами; *наѣхалъ, наѣзжалъ*.

Мы часто употребляемъ выраженія въ родѣ слѣдующаго: «Онъ взялъ со стола тарелку, да какъ *хватитъ* ее объ полъ, тарелка разлетѣлась въ дребезги». Спрашивается: ф. *хватитъ* какое имѣетъ значеніе: будущее или прошедшее?... И такъ очевидно, что и для прошедшаго дѣйствія въ русскомъ языкѣ существуетъ такая же форма, какая для настоящаго и будущаго. Мало того, привиллегированная грамматикою для прошедшаго времени форма на *лъ* употребляется также и въ смыслѣ настоящаго; напр, «*потянула* дубина девяносто пудъ» ф. *потянула* вм. *тянетъ*. (Примѣры смотри въ Историч. Грамматикѣ Ѳ. И. Буслаева Ч. II. § 189.) Если ф. на *лъ* намъ кажется особенною формою прошедшаго времени и болѣе употребительною съ этимъ временнымъ значеніемъ, то единственно потому, что въ умѣ нашемъ сильно впечатлѣлась съ дѣтства грамматическая вывѣска надъ нею съ надписью: *прошедшее время*. Допустимъ даже и то, что ею выражается прошедшее время: спрашивается дѣйствительно ли ф. на *лъ* есть временная форма? Нисколько. Давнымъ давно извѣстно, что она есть форма *прилагательная* отглагольная. Подобно прилагательному имени она измѣняется по родамъ и можетъ имѣть двоякое окончаніе: полное и усѣченное: *былъ*, *была*, *было* и *былой*, *былая*, *былое*; *жилъ*, *жила*, *жило* и *жилой*, *жилая*, *жилое*; *стоялъ*, *стояла*, *стояло*, и *стоялый*, *стоялая*, *стоялое*, (конюшни *стоялыя*), *гнилъ*, *гнилá*, *гнúло* и *гнилóй*, *гнилая*, *гнилое*; *умѣлъ* и *умѣлый* и пр. и пр. Какъ прилагательное напр: *милъ* и *милый*, *веселъ* и *веселый* и т. п. Если языкъ употребляетъ эту прилагательную форму отъ глагола для обозначенія прошедшаго времени, то отсюда еще не слѣдуетъ, что она есть форма самого времени. Мы увидимъ впослѣдствіи, почему эту форму языкъ можетъ употреблять для обозначенія прошлаго дѣйствія. Что касается до видовъ, то всѣ они въ прилагательной формѣ на *лъ* могутъ имѣть значеніе прошедшаго времени. Тутъ-то открывается обширное поприще для

построенія разныхъ клѣтокъ спряженія въ русскомъ глаголѣ! Какихъ нельзя придумать формъ прошедшаго времени въ русскомъ языкѣ! Ломоносовъ находитъ 3 давнопрошедшихъ съ помощію золотаго, по выраженію г. Шафранова, словечка *бывало: я бывало ходилъ* — форма 2-го давнопрошедшаго; *я бывало хаживалъ* — другая форма 3-го давнопрошедшаго. Но къ этимъ формамъ можно, пожалуй, еще прибавить: *я бывало хожу* и *я бывало схожу* — вотъ еще двѣ! Правда, *бывало* — золотое словечко, да только не для таблицы спряженія. Зачѣмъ *бывало* — въ среднемъ родѣ? Вѣдь лицо можетъ быть не всегда дитятею, или чадомъ, иной разъ и мужчиною и женщиною въ совершенномъ возрастѣ. Неужели г. Шафранову неизвѣстно, что выраженія: *я бывало хожу*, *я бывало схожу*, *я бывало ходилъ*, *я бывало хаживалъ* представляютъ замѣчательную особенность *синтаксиса предложенія* въ русскомъ языкѣ, совершенно согласную съ значеніемъ русскаго глагола? Мы разбираемъ ихъ такъ: *я хожу* или просто *хожу* — подлежащее, *бывало* — сказуемое. Безъ сомнѣнія: *я хожу* — само по себѣ цѣлое предложеніе, въ которомъ *я* — подлежащее, *хожу* — сказуемое; но въ выраженіи *я бывало хожу* — *бывало* будетъ сказуемымъ относительно цѣлаго предложенія: *я хожу*, которое въ этомъ случаѣ имѣетъ уже смыслъ подлежащаго. Оттого здѣсь сказуемое *бывало* и стоитъ въ среднемъ родѣ, что оно согласуется съ подлежащимъ дѣйствіемъ, которое рода не имѣетъ, а по смыслу важнѣе лица, къ которому относится; ибо сказуемое: *бывало* — выражаетъ повтореніе *дѣйствія* въ данныхъ примѣрахъ, а не повтореніе *лица*, которому приписывается дѣйствіе. Поэтому, если такія сложныя предложенія, какъ: *я бывало хожу*, *ходилъ* и т. д. могутъ считаться временными формами спряженія, то, разумѣется, можно расписать преогромную таблицу въ русскомъ языкѣ для спряженія глагола. Введите еще: *было*, да *бы*, да *пусть*, да еще что нибудь. Короче, что было прекрасно въ свое время въ грамматикѣ Ломоносова, которому нужно было отдѣлить церковно-славянскій языкъ отъ русскаго, то можетъ не имѣть такого же значенія въ наше время, когда никому и въ голову не приходитъ уже мѣшать русскій языкъ съ ц. славянскимъ. Теперь скорѣе мы готовы помѣшать его съ французскимъ. Стало быть, всему свое время. Вотъ почему то, что у Ломоносова хорошо, у г. Шафранова оказывается уже не къ дѣлу. Но кромѣ *словечекъ*: бывало, было, пусть, бы и др. Наши грам-

матики по видамъ различаютъ времена: *прошедшее неопредѣленное:* плавалъ, *прошедшее опредѣленное*: плылъ, *прошедшее однократное*: плюнулъ, *совершенное*: сдѣлалъ, *прошедшее многократное* или *давнопрошедшее*: хаживалъ, похаживалъ. Однимъ словомъ, что ни *видъ*, то *время*. Нигдѣ въ спряженіи русскаго глагола смѣшеніе *понятія о видахъ* съ *понятіемъ о временахъ* не доходитъ до такой крайности, какъ въ исчисленіи оттѣнковъ прошедшаго дѣйствія. Причиною этого, конечно, прошедшія времена въ другихъ языкахъ. Одно только прошедшее однократное представляется особеннымъ временемъ въ русскомъ глаголѣ; но и его смѣшиваютъ съ прошедшимъ совершеннымъ такъ, что прошедшее однократное и прошедшее совершенное признаются въ нашихъ грамматикахъ за одно и тоже время. Стало быть, всѣ формы прошедшихъ временъ русскаго глагола представляютъ совершенный снимокъ съ прошедшихъ формъ глаголовъ языковъ иностранныхъ. Что же остается русскаго въ измѣненіи прошедшихъ временъ русскаго глагола? Одна тупая, неповоротливая форма на *лъ*. Къ такому выводу невольно приводитъ сравненіе ихъ съ спряженіемъ прошедшихъ временъ въ другихъ языкахъ. Но дѣло въ томъ, что смѣшивать времена съ видами (или степенями дѣйствія) въ русскомъ глаголѣ значитъ не ясно различать смыслъ того и другаго въ понятіи о его значеніи. Припомнимъ, что русскій языкъ осмыслилъ дѣйствіе не какъ отвлеченное движеніе во времени, а какъ реальную проявляемость свойствъ предмета. Дѣйствіе, выражаемое русскимъ глаголомъ, имѣетъ, такъ сказать, плоть и кровь, и потому остается равнодушнымъ къ развитію такихъ формъ, которыми выражается отвлеченное условіе времени. Вмѣсто нихъ онъ развилъ формы *степеней*, въ которыхъ выражается существенное его свойство — *продолжительность*. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о степеняхъ дѣйствія, мы считаемъ необходимымъ объяснить здѣсь различіе между понятіемъ *о времени* и понятіемъ *о продолжительности* для того, чтобы понять, въ чемъ заключается неосновательность смѣшенія въ нашихъ грамматикахъ временъ съ видами русскаго глагола.

Природѣ, въ строгомъ смыслѣ, не свойственны ни время, ни пространство: она вѣчна и безконечна. Моменты времени и измѣренія пространства придуманы человѣкомъ вслѣдствіе ограниченности его отношеній къ ней. До пространства намъ нѣтъ дѣла и потому оставимъ его въ сторонѣ. Время человѣкъ раз-

дѣлилъ на три глагольныхъ момента: прошедшій, настоящій и будущій. Живетъ человѣкъ только настоящимъ моментомъ; потому онъ мыслитъ о другихъ моментахъ, только по отношенію къ своему настоящему моменту бытія. На этомъ основаніи онъ называетъ дѣйствіе *прошедшимъ*, если оно предшествовало той минутѣ, въ которую онъ говоритъ о немъ; — *настоящимъ* — если оно представляется проявляющимся въ ту минуту, въ которую онъ говоритъ о немъ; — и наконецъ — *будущимъ* — если оно представляется долженствующимъ проявиться послѣ той минуты, въ которую онъ говоритъ о немъ. Стало быть, все понятіе о времени сосредоточивается около одной настоящей минуты: она представляетъ границу, или рубежъ, по одну сторону котораго есть только *прошедшее*, — по другую — только *будущее*; и потому *настоящую минуту* можно считать встрѣчею *прошедшаго* съ *будущимъ*. Но такъ какъ встрѣча эта безпрерывна, то между будущимъ и прошедшимъ существуетъ постоянная смѣна: каждый моментъ будущаго времени становится послѣдовательно одинъ за другимъ моментомъ прошедшаго. Такимъ образомъ, настоящій моментъ въ строгомъ смыслѣ не существуетъ, онъ является *условнымъ*. Настоящимъ моментомъ можно считать и самую малѣйшую часть времени, и минуту, и часъ, и день, и недѣлю, и мѣсяцъ, и годъ и т. д. Поэтому, если существуетъ настоящее время въ представленіи, то существуетъ не дѣйствительно, а *условно*. Отвергнувъ же дѣйствительность настоящаго момента, мы вмѣстѣ съ тѣмъ отказываемся и отъ того, что служитъ основаніемъ для представленія прошедшаго и будущаго момента. Уничтоживъ дѣйствительность предѣла между моментами: прошедшимъ и будущимъ, мы допускаемъ сліяніе одного съ другимъ и вступаемъ мыслію въ безразличіе моментовъ времени, въ вѣчность. Ясно, что понятіе о времени вообще, или представленіе различныхъ моментовъ времени въ частности, есть понятія отвлеченныя, условныя, появившіяся въ умѣ человѣка вслѣдствіе ограниченности его бытія въ сравненіи съ вѣчностію природы, а потому развитіе временныхъ формъ въ глаголѣ, какъ необходимаго условія для проявленія дѣйствія, показываетъ самымъ очевиднымъ образомъ ограниченность, условность пониманія самого дѣйствія въ языкѣ. Такой языкъ требуетъ правильной, однообразной, формы для обозначенія извѣстнаго какого либо времени (напр. настоящаго), не допускаетъ многихъ формъ для одного и того

же времени, какъ бы кратко или продолжительно ни было самое проявленіе дѣйствія, — и этимъ требованіемъ ограничиваетъ свободу употребленія временныхъ формъ въ языкѣ. Отсюда вытекаетъ необходимость въ строгой послѣдовательности при употребленіи временъ въ языкахъ иностранныхъ.

Совсѣмъ другое содержаніе заключаетъ въ себѣ понятіе о *продолжительности* дѣйствія. Быстрота, краткость, продолжительность, кратность проявленія дѣйствія не нуждаются во времени и имъ не измѣряются. Продолжительность проявленія есть сила, душа, жизнь самого дѣйствія. Дѣйствіе, проявляющееся подъ условіемъ времени, отвлеченно, формально; дѣйствіе же, проявляющееся подъ условіемъ продолжительности (энергіи) — жизненно. Понятіе о времени относится къ понятію о продолжительности, какъ нѣчто формальное отвлеченное, условно существующее, къ тому, что живетъ на самомъ дѣлѣ; потому что условіе времени понимается отвлеченно; продолжительность же представляется конкретно, (вещественно). Время есть условіе, подъ вліяніемъ котораго мыслится дѣйствіе; продолжительность есть свойство, безъ котораго немыслимо дѣйствіе въ русскомъ глаголѣ. Вотъ почему онъ отвергнулъ сухую формальную категорію времени и развилъ въ себѣ формы, выражающія его живое свойство—энергію, или, какъ мы назвали, продолжительность проявленія. На сколько дѣйствительно—сущее отличается отъ условнаго и формальнаго, на столько продолжительность, какъ свойство русскаго глагола, отличается отъ времени, какъ свойства глаголовъ иностранныхъ. На сколько русскому глаголу свойственно выражать особыми формами разныя степени продолжительности дѣйствія, на столько противно ему подчинять проявленіе дѣйствія условнымъ формамъ времени. Послѣ этого понятно, что значеніе тѣхъ и другихъ формъ далеко не можетъ считаться тожественнымъ. Если формы степени (или видовъ) русскаго глагола такъ рѣзко отличаются по своему значенію отъ формъ временныхъ; то, очевидно, замѣна однѣхъ другими невозможна. То, что языкъ ясно различаетъ самъ собою, не можетъ служить для него же предметомъ смѣшенія. Вотъ почему напрасно навязывается на русскій языкъ какой-то недостатокъ окончаній для обозначенія временъ, когда языкъ не чувствуетъ никакой необходимости въ нихъ. Вотъ почему неосновательно мнѣніе, что въ русскомъ глаголѣ времена замѣняются видами, дополняя и объясняя другъ друга. Это смѣшеніе видовъ съ временами —

сущая напраслина на смыслъ, на геній русскаго языка, введенная на него нашими филологами, сбившимися съ толку подъ вліяніемъ грамматикъ и языковъ иностранныхъ.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому заключенію, что отсутствіе формъ для обозначенія временъ въ русскомъ глаголѣ вовсе не есть недостатокъ языка., а составляетъ его отличительное свойство; и что, поэтому, смѣшеніе временъ съ видами (или степенями дѣйствія) и взаимное объясненіе однихъ другими не можетъ считаться основательнымъ и — быть допущено въ грамматику, какъ науку. Мнѣніе объ отсутствіи формъ для обозначенія временъ въ русскомъ глаголѣ, не ново. Оно имѣетъ свою исторію; но всего рѣшительнѣе было высказано въ замѣчательной брошюрѣ «о русскихъ глаголахъ» К. С. Аксакова (1855 г.). Съ этою мыслію согласенъ и авторъ Исторической Грамматики. Но отвергнувъ категорію времени въ русскомъ глаголѣ, оба филолога впадаютъ въ одинаковую ошибку, стараясь объяснить времена въ русскомъ глаголѣ на основаніи видовъ. Вопросъ: какимъ же образомъ русскій языкъ обозначаетъ времена глагола, является чѣмъ-то въ родѣ подводнаго камня, отъ котораго терпитъ нѣкоторое крушеніе, какъ категорическое отрицаніе временныхъ формъ К. С. Аксакова, такъ и осторожное уклоненіе отъ нихъ Ѳ. И. Буслаева. Чтобы обойдти этотъ подводный камень благополучно, необходимо прежде ближе познакомиться съ значеніемъ видовъ, или степеней дѣйствія, а также и формъ прилагательныхъ. И такъ обратимся къ разсмотрѣнію самой замѣчательной особенности русскаго глагола — къ его видамъ или степенямъ дѣйствія.

IV.

О степеняхъ русскаго глагола.

«Откинувъ несвойственную русскому глаголу категорію времени, которая можетъ сбивать и постоянно сбиваетъ нашихъ грамматиковъ, обратимся къ самому языку нашему. Всего лучше въ этомъ случаѣ взять всѣ формы нашего глагола въ томъ видѣ, въ которомъ всѣ онѣ могутъ употребляться, т. е. въ видѣ отглагольнаго имени, или иначе *неопредѣленнаго накло-*

ненія. Приведемъ для перваго примѣра глаголъ: *двигать, двинуть, двигивать.* Сейчасъ видимъ, что эти формы выражаютъ не время, но *качество дѣйствія*». (О русскихъ глаголахъ. К. С. Аксакова. Стр. 11). Совершенно справедливо.

Но посмотримъ, что авторъ разумѣетъ подъ именемъ качества дѣйствія. «Вникнемъ ближе въ формы: *двигать, двигнуть, двигивать*» говоритъ онъ: «и мы увидимъ, что здѣсь опредѣляется самое дѣйствіе въ его существенныхъ проявленіяхъ, въ его *моментахъ*, если употребить на сей разъ это слово въ философскомъ смыслѣ». Изъ этихъ словъ видно, что подъ качествомъ дѣйствія К. С. Аксаковъ разумѣлъ *моментальность его проявленія.* «Дѣйствіе въ первомъ своемъ видѣ, является общимъ, неопредѣленнымъ; такая степень дѣйствія выражается общею формою: *двигать*». Если въ формѣ *двигать* дѣйствіе является общимъ, неопредѣленнымъ; то спрашивается: относительно чего же оно является такимъ? Очевидно, относительно моментальности своего проявленія. Если же дѣйствіе въ формѣ *двигать* не опредѣляетъ своей моментальности, то, стало быть, этою формою и не выражается вообще *моментальности.* Не такъ ли? Если такъ, то въ формѣ *двигать* нельзя видѣть и того, что ею выражается *качество дѣйствія.* Объясняя качество дѣйствія посредствомъ моментальности, авторъ, незамѣтно впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою: онъ отвергаетъ время въ смыслѣ главнаго существеннаго условія дѣйствія въ русскомъ глаголѣ, а между тѣмъ объясняетъ качественность значенія послѣдняго посредствомъ *моментовъ.* Развѣ моментами опредѣляется что нибудь другое, кромѣ времени?... Если формою *двигать* выражается только понятіе о дѣйствіи, но не дѣйствіе въ самомъ его проявленіи; то она противорѣчитъ понятію о моментальности по тому самому значенію, которое придаетъ ей авторъ. «Переходя въ дѣйствительность» говоритъ онъ: «проявляясь и опредѣляясь съ тѣмъ вмѣстѣ, дѣйствіе является какъ одинъ моментъ, живой *моментъ* его перехожденія въ дѣйствительность (за предѣлами этого *мгновенія,* оно является, въ пониманіи, или дѣйствіемъ общимъ, неопредѣленнымъ, или уже совершившимся, и потому не дѣйствіемъ). Эта степень дѣйствія, степень его осуществленія, схваченнаго въ самый *мигъ* его проявленія, выражается формою: *двигнуть*». Но вѣдь *моментъ перехожденія* въ дѣйствительность совсѣмъ не то, что *осуществленіе дѣйствія въ дѣйствительности*, какъ бы скоро ни ловилось и ни хваталось

дѣйствіе. Моментъ перехожденія въ дѣйствительность не есть тотъ же самый моментъ, въ который *дѣйствіе* уже схватывается, какъ *дѣйствительное;* другими словами: моментъ перехожденія въ дѣйствительность не тожествененъ съ моментомъ проявленія уже въ дѣйствительности. Но, кромѣ этого, объясненіе автора не совѣмъ ладно прилагается къ самой формѣ: *двигнуть.* Возьмите любую форму этой степени дѣйствія: существительную, личную, прилагательную — философская моментальность окажется здѣсь не кстати. Напримѣръ: *нужно двинуть столъ* значитъ перемѣстить его съ одного мѣста на другое, по возможности скорѣе — вотъ и все. *Онъ двинулъ такъ сильно, что столъ упалъ.* Что это значитъ? — то, что онъ употребилъ слишкомъ много силы, чтобы исполнить дѣйствіе скоро. Но ни въ томъ, ни въ другомъ примѣрѣ не обозначается, что на дѣйствіе употребленъ одинъ моментъ (потому что не извѣстно, какъ великъ этотъ моментъ); а еще менѣе форма *двинуть* обозначаетъ моментъ перехожденія дѣйствія: *двинуть* въ дѣйствительность. Далѣе: »Но одинъ такой моментъ, повторяясь, образуетъ цѣлый рядъ уже проявившихся, отдѣльныхъ, *опредѣленныхъ* (чѣмъ?) моментовъ, гдѣ дѣйствіе перестаетъ быть дѣйствіемъ, гдѣ оно является совершившимся. Этотъ рядъ отдѣльныхъ моментовъ въ свою очередъ безконеченъ и является, какъ неопредѣленное множество. Онъ выражается особою формою: *двигивать*». Если одинъ моментъ, повторяясь, образуетъ цѣлый рядъ моментовъ, который въ свою очередь безконеченъ, то спрашивается: что другое онъ можетъ выражать собою, какъ не *время*, которое въ этомъ случаѣ представляется цѣлымъ, раздѣленнымъ лишь на части? — Такимъ образомъ, съ одной стороны является противорѣчіе между формами: *двигать*, *двигнуть* и *двигивать* по отношенію къ моментальности проявленія дѣйствія; потому что ф. *двигать* не выражаетъ собою того, что выражаютъ формы: *двигнуть* и *двигивать;* — съ другой, является противорѣчіе между рѣшительнымъ отрицаніемъ категоріи времени въ русскомъ глаголѣ и тѣмъ значеніемъ формъ: *двигать*, *двигнуть* и *двигивать*, которое основано на моментальности, т. е. опять таки на времени.

Не *моментъ* (или *мигъ*, *мгновеніе*), долженъ имѣть силу въ опредѣленіи формъ русскаго глагола: *быть*, *бывать*, *бывывать; класть*, *кладать*, *кладывать; сѣсть*, *сидѣть*, *сиживать; двинуть*, *двигать*, *двигивать* и т. п., а сами формы должны

опредѣлять свое значеніе. Отъ этого нельзя отступать ни на шагъ тому, кто не желаетъ вносить произвола въ опредѣленіе значенія формъ языка. Въ нихъ самихъ нужно стараться отыскать смыслъ, значеніе; а не въ томъ, что̀ можетъ быть приписано имъ по смыслу понятія о тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя выражаются ими. Въ самомъ дѣлѣ, что собственно въ формахъ: *двинуть*, *двигать* и *двигивать* указываетъ на *моментальность* проявленія дѣйствія? Какимъ слогомъ, какою буквою она обозначается? Откуда же взялось такое объясненіе, какъ не изъ личнаго взгляда автора на значеніе цѣлаго дѣйствія, выражающагося въ этихъ формахъ? Невѣрный пріемъ къ объясненію формъ ведетъ непремѣнно къ тому, или другому противорѣчію; потому что опредѣленіе ихъ сущности выводится не изъ нихъ самихъ, а изъ личнаго взгляда филолога на смыслъ того дѣйствія, которое ими выражается. Такъ въ данномъ случаѣ К. С. Аксаковъ доказываетъ, что формами, о которыхъ идетъ рѣчь, выражается *моментальность* проявленія дѣйствія, другіе утверждаютъ, что ими выражается вообще *кратность* дѣйствія, третьи — *опредѣленность* и *неопредѣленность* совершенія дѣйствія и т. д.

Признавъ *моментальность* проявленія дѣйствій за качественное, существенное значеніе русскаго глагола, К. С. Аксаковъ дѣлитъ формы его на три степени, а потомъ объясняетъ ихъ отношеніе къ обозначенію времени. «И такъ», говоритъ онъ: «при первомъ взглядѣ, въ русскомъ глаголѣ видимъ: 1) *дѣйствіе, какъ общее*, дѣйствіе неопредѣленное; 2) *дѣйствіе, какъ моментъ*, дѣйствіе въ минуту своего осуществленія, и наконецъ отсюда 3) *дѣйствіе, какъ моменты*, какъ неопредѣленный рядъ опредѣленныхъ осуществленій или моментовъ. Вотъ три степени дѣйствія, которыми обозначается весь общій ходъ его проявленія!» (стр. 12). Первую форму онъ называетъ *степенью неопредѣленною*; вторую — *степенью мгновенною*, или *однократною*; третью — *степенью многомгновенною*, или *многократною*. Выраженія: *дѣйствіе, какъ моментъ* и *дѣйствіе, какъ моменты* указываютъ скорѣе на *количественное обозначеніе времени* дѣйствіемъ, чѣмъ на качественное значеніе дѣйствія. И формы: *двигать*, *двинуть*, *двигивать* должны были бы обозначать собою опредѣленное и неопредѣленное количество моментовъ, но не качество дѣйствія. Притомъ дѣйствіе, какъ моментъ или какъ моменты, безъ сомнѣнія, всего ближе было бы къ обозначенію времени. Оно не только могло бы обозначать время

такъ, какъ оно обозначается въ глаголахъ другихъ языковъ, но еще имѣло бы надъ послѣдними то преимущество, что обозначало бы время еще *количественно*. Такимъ образомъ *время*, раздробившееся въ умѣ почтеннаго автора на мелкія частички передъ его строгимъ категорическимъ отрицаніемъ, успѣло соблазнить его въ своихъ искоркахъ. Потомъ мало по малу подъ маскою качества дѣйствія оно начало скучиваться около трехъ главныхъ моментовъ времени: *настоящаго*, *будущаго* и *прошедшаго* и дало возможность почтенному автору легко объяснить соотвѣтствіе между формами степеней и временами. Соотвѣтствіе между видами и временами! Не значитъ ли это доказывать, что времена существуютъ въ русскомъ глаголѣ подъ маскою видовъ, или степеней дѣйствія? Къ чему же отрицать категорію времени?.. (стр. 12 и 13). «Отъ *качества дѣйствія* дѣлается уже *заключеніе о времени*». (Припомнимъ, что, по мнѣнію автора, само *качество-то* дѣйствія есть ничто иное, какъ *моментальность*, какъ количественность времени, т. е. *время*). «Поэтому и формами глагола обозначается самое дѣйствіе, время же въ немъ есть дѣло употребленія; это употребленіе основано на *соотвѣтствіи глагольныхъ формъ съ временами*. Неопредѣленное дѣйствіе, съ точки зрѣнія времени, естественно является неопредѣленно продолжающимся; поэтому *двигать* образуетъ (замѣтьте: *образуетъ*!) *время настоящее*. Дѣйствіе, какъ мгновеніе, напротивъ длиться не можетъ, слѣдовательно, не можетъ быть настоящимъ» (не забудемъ примѣры, приведенные нами въ предыдущей главѣ: они говорятъ совершенно противное); «понятое въ минуту своего проявленія, оно является мгновенно наступающимъ, и потому, относительно времени, принимается и употребляется, какъ *будущее время*, напр.: *двину*. Это понятно», продолжаетъ авторъ: (даже, очень понятно, но только какъ толкованіе a priori, основанное на моментальномъ значеніи дѣйствія, а не какъ объясненіе дѣйствительныхъ фактовъ языка, которые противорѣчатъ этой теоріи) «если дѣйствіе, какъ мгновеніе, не можетъ проявиться въ настоящемъ; то, само собою разумѣется, оно можетъ проявиться только въ будущемъ или прошедшемъ; но прошедшее (о чемъ надѣемся опять сказать ниже) уже не есть дѣйствіе, не есть глаголъ; — стало быть, остается одно будущее». Это справедливо; но не съ точки зрѣнія моментальности. Почему моментъ прошедшій не можетъ быть дѣйствіемъ собственно, а

моментъ будущій — можетъ? Одного — *уже нѣтъ*, другаго — *еще нѣтъ*: въ сущности, стало быть, и того и другаго *нѣтъ* на самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. Дѣйствіе, *какъ моментъ* не можетъ переходить въ признакъ: *моментъ* не можетъ сдѣлаться не *моментомъ*. Разъ опредѣлившись моментально, дѣйствіе не можетъ уже не имѣть моментальнаго значенія, стало быть, не можетъ перейдти въ признакъ постоянный, въ имя прилагательное. Вотъ почему, какъ ни справедливо мнѣніе автора о прошедшемъ дѣйствіи русскаго глагола, не имѣетъ, однако, подъ собою твердой почвы въ его взглядѣ на качественное значеніе русскаго глагола. «Такъ какъ въ русскомъ глаголѣ (что уже было замѣчено выше) главное дѣло — опредѣленіе самого дѣйствія, а время есть только выводъ, заключеніе, то поэтому дѣйствіе, и неопредѣленное и мгновенное, выражается независимо отъ времени, придавая такую жизнь и силу русской рѣчи и ставя въ недоумѣніе нашихъ филологовъ». Слова эти опять вполнѣ справедливы; но въ такомъ случаѣ, къ чему же было искать соотвѣтствія между формами степеней и временами? Къ чему было говорить, что ф. *двигать* образуетъ настоящее время; а ф. *двинуть* — будущее? Далѣе. «Что касается до прошедшаго дѣйствія, то оно не есть дѣйствіе по понятію Русскаго языка, и это очень вѣрно. Въ самомъ дѣлѣ, какъ скоро дѣйствіе прошло, гдѣ же дѣйствіе? его нѣтъ; — остается тотъ, кто совершилъ дѣйствіе, предметъ, изъ котораго проистекло оно и въ которомъ пребывало; въ такомъ случаѣ все значеніе дѣйствія переходитъ на предметъ, дѣйствительно или отвлеченно представляемый, и становится уже *качествомъ предмета*, или прилагательнымъ». Правда. Что же изъ этого слѣдуетъ на пользу рѣшенія вопроса о соотвѣтствіи глагольныхъ формъ (т. е. степеней дѣйствія) съ временами? Вотъ что: «Поэтому» говоритъ авторъ, «прошедшее время въ нашемъ языкѣ не имѣетъ *соотвѣтственной глагольной формы*, но форму прилагательнаго, или причастія. — Всѣ степени, или моменты дѣйствія, имѣютъ, *какъ и слѣдуетъ*, свое прошедшее, ибо всякое дѣйствіе можетъ перестать; поэтому всѣ формы глагола, выражающія эти степени имѣютъ отъ себя *форму прошедшаго*, — отглагольное прилагательное *(двигивалъ, двигнулъ, двигивалъ)*. Дѣйствіе же, какъ рядъ моментовъ *(двигивать)* необходимо является *только въ прошедшемъ (двигивалъ)*». Вникнемъ въ сказанное поглубже. Съ перваго взгляду все это кажется просто и

основательно; но въ сущности тутъ дѣло далеко не ясно. Вопервыхъ, вопросъ заключался въ томъ, чтобы указать на соотвѣтствіе *глагольныхъ формъ* (т. е. степеней) съ *временами* т. е. на связь извѣстной какой-либо степени глагола съ извѣстнымъ какимъ-либо временемъ. Слѣдовательно, тутъ не кстати объяснять, почему прошедшее дѣйствіе выражается въ русскомъ языкѣ прилагательною формою. Сущность дѣла не въ томъ, въ какой формѣ: въ личной-ли, существительной-ли, или прилагательной, должна стоять какая либо извѣстная степень глагола для обозначенія какого либо извѣстнаго времени; — а въ томъ, какому времени соотвѣтствуетъ та, или другая степень глагола. Выше было сказано, что отъ глагольной формы *двигать* образуется настоящее время: *двигаю*, отъ ф. *двинуть* — будущее: *двину*, безъ всякаго вниманія къ тому, что *двигаю* и *двину* — формы личныя. Но какъ скоро пришлось искать соотвѣтствія между глагольными формами и прошедшимъ временемъ, то вдругъ явилась необходимость обратить вниманіе и на ту глагольную форму, въ которой всѣ степени употребляются для обозначенія прошлаго дѣйствія. Слѣд. соотвѣтствіе между временами и степенями зависитъ еще и отъ тѣхъ формъ, въ которыхъ сами степени могутъ быть употребляемы. Такимъ образомъ, не однѣ формы степеней, но и формы, по которымъ онѣ измѣняются, должны также входить условіемъ въ объясненіе соотвѣтствія между степенями глагола и временами. Однимъ словомъ, оказалась, какъ видно, невозможность объяснить соотвѣствіе между степенями и временами безъ новыхъ условій; стало быть, абсолютнаго, независимаго соотвѣтствія нѣтъ между ними, т. е. какъ одною только формою степени не объясняется время, такъ и обратно: однимъ только временемъ не объясняется форма степени. Но какъ скоро въ вопросъ о соотвѣтствіи степеней глагола съ временами вошелъ новый вопросъ о томъ, въ какой формѣ употребительна та, или другая степень для обозначенія того или другаго времени, тотчасъ (вслѣдствіе смѣшенія этихъ двухъ вопросовъ), явилось противорѣчіе и въ объясненіи; а именно, авторъ, сказавъ прежде, что прошедшее дѣйствіе не есть дѣйствіе, по понятію русскаго глагола, и поэтому не имѣетъ *соотвѣтственной глагольной формы* (т. е. степени дѣйствія), говоритъ потомъ, что дѣйствіе, какъ *рядъ моментовъ* (т. е. именно многомгновенная или многократная степень *двигивать*) необходимо является *только въ прошедшемъ* вре-

мени. Стало быть, прошедшее время имѣетъ также соотвѣтственную глагольную форму въ многократной степени: — явное противорѣчіе. Кромѣ того, отъ ф. *двигать* образуется настоящее: *двигаю* — одна только форма; отъ ф. *двинуть* — будущее *двину* — опять одна форма; прошедшее же время образуется отъ всѣхъ степеней: отъ *двигать* — *двигалъ* отъ *двинуть* — *двинулъ*, отъ *двигивать* — *двигивалъ*. Какъ же это явленіе объясняется авторомъ? Онъ говоритъ: «всѣ степени, или *моменты* дѣйствія имѣютъ, *какъ и слѣдуетъ*, свое прошедшее; ибо всякое дѣйствіе можетъ перестать». Но припомнимъ, что фор. *двигать*, по мнѣнію самого же автора, не имѣетъ моментальнаго значенія. Ею выражается *дѣйствіе общее, неопредѣленное*, которое только въ формѣ *двинуть*, переходя въ дѣйствительность, является уже, какъ моментъ, а въ ф. *двигивать* — какъ цѣлый рядъ моментовъ; но до этой метаморфозы оно — не моментъ и не рядъ моментовъ. Будучи однимъ моментомъ, или цѣлымъ рядомъ моментовъ, дѣйствіе, конечно, можетъ представляться сознанію заканчивающимъ свое проявленіе, и потому способнымъ имѣть прошедшее время; но не будучи ни моментомъ, ни рядомъ моментовъ, оно, какъ отрицаніе опредѣленной моментальности, можетъ представляться сознанію только подъ видомъ вѣчно продолжающагося дѣйствія. Поэтому фор. *двигать*, сообразно съ теоріею автора, не должна была бы имѣть прошедшаго времени. Ясно, что теорія моментальности значенія формъ русскаго глагола, оказывается несостоятельною даже и при объясненіи соотвѣтствія между степенями и временами русскаго глагола.

Между тѣмъ, К. С. Аксаковъ, дѣлаетъ весьма положительное заключеніе о соотвѣтствіи степеней съ временами глагола. На стр. 15, онъ говоритъ: «И такъ, временъ въ русскомъ глаголѣ нѣтъ. Каждая форма глагола, выражая опредѣленіе самого существа дѣйствія, имѣетъ только отношеніе къ *соотвѣтствующему, приличному* ей, времени. Форма глагола неопредѣленная относится ко времени настоящему, форма *мгновенная* — къ будущему, форма *многомгновенная* — только къ прошедшему. Прошедшее, какъ прекратившееся дѣйствіе и потому уже не какъ глагольная форма, а отглагольное прилагательное, идетъ ко всѣмъ формамъ глагола; но при послѣдней оно исключительно». Такимъ образомъ здѣсь уже и *для прошедшаго* дѣйствія нашлась *соотвѣтственная глагольная форма* — и даже исключительно для него только!.. Но мы видѣли выше изъ примѣровъ,

что формою *мгновенною* можетъ выражаться не одно будущее дѣйствіе, ею удобно выражается также настоящее и прошедшее; поэтому мы не можемъ согласиться съ такимъ категорическимъ соотвѣтствіемъ между степенями глагола и временами, какое полагаетъ авторъ въ своемъ заключеніи. Почтенный авторъ зналъ, конечно, что такого строгаго соотвѣтствія между ними нѣтъ въ употребленіи русскаго глагола, а потому далѣе на стр. 18 говоритъ весьма вѣрно, что «времена — дѣло употребленія и являются по соотвѣтствію ихъ съ формами глагола и *съ смысломъ рѣчи*». Вотъ это-то прибавленіе «*съ смысломъ рѣчи*» имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ выведенное авторомъ соотвѣтствіе. Языкъ не позволяетъ намъ согласиться съ мыслію автора о такомъ соотвѣтствіи, которое переходитъ въ какую-то роковую связь степеней русскаго глагола съ временами, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ, на стр. 18: «Формы степеней могутъ иногда употребляться, не теряя своего основнаго значенія, и въ другой степени, а *поэтому*, и *въ другомъ времени*». Какъ будто время есть conditio sine qua non для каждой степени въ употребленіи. Такъ сильно вліяніе той теоріи, которая смѣшиваетъ виды съ временами и объясняетъ одни другими!

Не соглашаясь съ мнѣніемъ К. С. Аксакова относительно *моментальности* значенія формъ русскаго глагола и строгаго соотвѣтствія ихъ съ временами, мы вполнѣ сочувствуемъ его мысли, что формами русскаго глагола выражается не время, а *качество* дѣйствія, которое мы понимаемъ иначе.

Обратимся къ самимъ формамъ русскаго глагола:

бы-тъ	*бы-ва-тъ*	*бы-вы-ва-тъ*
сѣс-тъ	*сидѣ-тъ*	*сиж-и-ва-тъ*
бра-тъ	*бир-атъ*	*биры-вать*
да-тъ	*да-ва-тъ*	*да-вы-ва-тъ*
хват-и-тъ	*хват-а-тъ*	*хваты-ва-тъ*
нес-ти	*нос-и-тъ*	*наш-и-ва-тъ* и др.

Мы видимъ, что форма одного и того же глагола въ русскомъ языкѣ бываетъ короче и длиннѣе, что, слѣдовательно, русскій глаголъ можетъ сжимать и растягивать свою форму. Эта способность слова сокращаться и удлиняться, сжиматься въ своихъ звукахъ и растягиваться, указываетъ уже сама собою на упру-

гость формы, на присутствіе въ этой послѣдней живаго начала, или самой жизни. По этому форма русскаго глагола представляется не отвлеченнымъ, безжизненнымъ выраженіемъ какого либо условнаго значенія дѣйствія въ рѣчи, но живымъ выраженіемъ самого дѣйствія. Какова форма глагола, таково и дѣйствіе, имъ выражаемое. Чѣмъ форма условнѣе, тѣмъ она неподвижнѣе и стѣснительнѣе для выражаемаго ею дѣйствія; а потому и самое дѣйствіе представляется отвлеченнѣе. Чѣмъ болѣе дѣйствіе нуждается въ образованіи формъ, имѣющихъ не живое, а условное значеніе мысли, тѣмъ менѣе оно имѣетъ само въ себѣ жизненной силы, тѣмъ свобода употребленія его въ рѣчи ограниченнѣе. Въ такомъ дѣйствіи форма рождается не изъ его собственнаго значенія, а изъ внѣшнихъ условныхъ требованій мысли. Напротивъ, чѣмъ форма живѣе, тѣмъ она мягче, подвижнѣе, и свободнѣе для выражаемаго ею дѣйствія; а потому и самое дѣйствіе въ ней содержащееся представляется сознанію, такъ сказать, богаче по своимъ жизненнымъ силамъ. Чѣмъ менѣе она стѣсняется отвлеченными отношеніями мысли, тѣмъ ближе, тѣмъ конкретнѣе она съ своимъ содержаніемъ, и тѣмъ свободнѣе употребляется въ рѣчи. Чѣмъ тѣснѣе связь между формою и выражаемымъ ею дѣйствіемъ, тѣмъ осязательнѣе, чувственнѣе становится самое понятіе о дѣйствіи. Чѣмъ осязательнѣе для сознанія, или чѣмъ чувственнѣе для представленія бываетъ понятіе о дѣйствіи, тѣмъ это понятіе богаче по содержанію, т. е. по своимъ признакамъ, свойствамъ. А такъ какъ понятіе о дѣйствіи непосредственно зависитъ отъ самого дѣйствія — какова сущность дѣйствія, таково объ немъ и понятіе — то поэтому, чѣмъ понятіе о дѣйствіи богаче по содержанію, тѣмъ, значитъ, само дѣйствіе — *качественнѣе*.

И дѣйствительно, въ рускомъ глаголѣ *качественность* формы бросается въ глаза съ перваго взгляду. Она видна въ той упругости т. е. въ томъ свойствѣ сжиматься и расширяться, на которое мы указали въ началѣ. Отъ этого свойства формы русскаго глагола не трудно перейдти къ опредѣленію качественности самого дѣйствія. Если качественность формы заключается въ свойствѣ ея сжиматься и расширяться по требованію смысла выражаемаго ею дѣйствія; то качественность дѣйствія заключается въ свойствѣ его проявляться кратко, или быстро, и медленно, или продолжительно. Краткость и продолжительность проявленія дѣйствія соотвѣтствуютъ сжатости и растяженію формы. Дѣй-

ствіе, проявляющееся быстро, кратко, требуетъ соотвѣтственной краткости и отъ выражающей его формы, заставляетъ эту послѣднюю сокращаться, сжиматься въ звукахъ; точно также дѣйствіе, проявляющееся медленно, продолжительно требуетъ и отъ выражающей его формы продолжительности, заставляетъ эту послѣднюю продолжаться, растягиваться въ звукахъ. Такое соотвѣтствіе между формою и содержаніемъ возможно только тогда, когда форма имѣетъ тѣсную, непосредственную связь съ своимъ содержаніемъ, а не придается къ этому послѣднему, какъ обозначеніе какого либо условія со стороны мысли говорящаго. Такъ напр. формы временъ могутъ развиваться въ глаголѣ не изъ смысла самого понятія о дѣйствіи, а изъ тѣхъ отношеній, въ которыя ставится глаголъ къ моменту рѣчи о его дѣйствіи. Точно также формы *повелѣнія*, *условія*, *зависимости* глагола образуются не изъ содержанія самого понятія о дѣйствіи, а изъ тѣхъ отношеній, въ которыхъ находится дѣйствіе къ мысли лица говорящаго. Глаголъ, развивающійся по этимъ формамъ, свидѣтельствуетъ ясно, что само понятіе о его дѣйствіи бѣдно по своему содержанію, по своей качественности, и слѣд. имѣетъ болѣе общее, отвлеченное значеніе. Онъ шире по объему своего значенія, какъ дѣйствіе, и бѣднѣе по содержанію, какъ качество. А потому въ такомъ глаголѣ связь между формою и содержаніемъ представляется внѣшнею, отвлеченною, формальною. Напротивъ въ глаголѣ, въ которомъ понятіе о дѣйствіи богаче по содержанію, или по своему качественному значенію, связь или отношеніе между содержаніемъ и формою представляется непосредственною, конкретною, живою. Отвлеченность значенія требуетъ большей внѣшней обстановки въ формахъ для выраженія индивидуальности дѣйствія, и потому допускаетъ болѣе формъ условныхъ въ развитіи глагола; напротивъ, качественность значенія дѣйствія требуетъ менѣе формальной обстановки для того, чтобы дѣйствіе вполнѣ опредѣлилось въ рѣчи. Въ первомъ случаѣ, глаголъ, обставленный опредѣленными формами для выраженія разныхъ отношеній дѣйствія къ мысли лица говорящаго, отличается формальностью своего употребленія; во второмъ, напротивъ, будучи свободнымъ отъ разнаго рода формъ условныхъ и опредѣляясь въ рѣчи единственно изъ своего собственнаго внутренняго содержанія, глаголъ пользуется большею свободою въ употребленіи; другими словами, примѣненіе его формъ въ рѣчи гораздо разнообразнѣе, живѣе, чѣмъ

примѣненія формъ глагола, имѣющаго болѣе отвлеченное значеніе. Такъ мы уже видѣли, что въ русскомъ языкѣ одну и туже форму можно употребить для выраженія и настоящаго и будущаго и прошедшаго времени, точно также, одну и туже *общую личную форму* глагола можно употребить для всѣхъ трехъ лицъ числа единственнаго и множественнаго, и съ разными значеніями: повелѣнія, условія, желанія и т. д. Этой свободы нѣтъ и не можетъ быть въ глаголахъ съ условными формами. Русскій глаголъ не выражаетъ ничего условнаго въ своихъ формахъ; стало быть, значеніе послѣднихъ можетъ служить объясненіемъ свойствъ самого дѣйствія, выражаемаго ими. Если формы глагола отличаются свойствомъ упругости, какъ мы замѣтили выше, то это значитъ, что само дѣйствіе, въ нихъ выражающееся, *упруго*, т. е. имѣетъ свойство проявляться быстро и медленно. Сила, производящая то или другое проявленіе, можетъ быть названа *энергіею* дѣйствія; а самое свойство *продолжительностію* дѣйствія. *Продолжительность* въ отношеніи къ понятію о дѣйствіи тоже что *упругость* въ отношеніи къ формѣ этого понятія. И такъ, качественность дѣйствія, выражаемаго русскимъ глаголомъ, есть ничто иное, какъ его *продолжительность*.

Будучи *свойствомъ*, продолжительность дѣйствія можетъ проявляться въ различной степени, т. е. она можетъ быть меньшею и большею продолжительностію. Наименьшая продолжительность будетъ, конечно, та, въ которой начало дѣйствія совпадаетъ въ сознаніи съ концомъ его. Чѣмъ продолжительность дѣйствія будетъ ближе подходить къ этому предѣлу, тѣмъ само дѣйствіе будетъ проявляться быстрѣе, короче. Эту крайнюю степень продолжительности дѣйствія мы назовемъ *краткостью*. Напротивъ, наибольшая продолжительность будетъ, конечно, та, въ которой конецъ дѣйствія представляется для сознанія наиболѣе удаляющимся отъ его начала. Но чтобы конецъ дѣйствія представлялся для сознанія наиболѣе удаляющимся отъ начала, необходимо, чтобы сама продолжительность представлялась сознанію повторяющеюся отъ времени до времени. Чѣмъ продолжительность дѣйствія будетъ подходить ближе къ этому предѣлу, тѣмъ болѣе повторяющимся будетъ представляться дѣйствіе въ своемъ проявленіи. Иначе нельзя представлять себѣ постояннаго удаленія конца дѣйствія отъ начала. Эту степень продолжительности дѣйствія мы назовемъ *кратностью*. Но подъ

кратностью, какъ степенью продолжительности, не слѣдуетъ разумѣть ту *кратность*, которая приписывается нашему глаголу въ грамматикахъ. Эта послѣдняя имѣетъ лишь одно *количественное* значеніе и даетъ дѣйствію смыслъ одной лишь повторяемости его; тогда какъ по нашему мнѣнію, *кратность*, будучи степенью продолжительности, главнымъ образомъ имѣетъ *качественное* значеніе, выражая особую силу, энергію дѣйствія въ его проявленіи. Повторяемость же, или количественное значеніе дѣйствія, является въ этомъ случаѣ не болѣе, какъ внѣшнимъ признакомъ проявленія одной и той же продолжительности. Такъ напримѣръ: форма *хаживать*, извѣстная въ нашихъ грамматикахъ подъ именемъ *многократнаго* вида глагола, не всегда выражаетъ многократность, т. е. повторяемость дѣйствія нѣсколько разъ; иногда этою формою выражается дѣйствіе усиленной, такъ сказать, продолжительности, или усиленнаго проявленія дѣйствія. Приведемъ одно мѣсто изъ письма Архимандрита Кипріана, бывшаго во главѣ Новгородскаго посольства къ Шведамъ въ Выборгѣ: «у насъ, что было въ наказѣ писано, и мы то исполнили, государю и полномочнымъ великимъ посламъ много разъ били челомъ обо всемъ; но государь нашъ королевичь, Карлусъ Филиппъ Карлусовичь и полномочные послы намъ отказываютъ, что государю королевичу на одно новгородское государство не *хаживать* до тѣхъ поръ, пока Владимірское и Московское государство съ Новгородскимъ не соединятся. Вамъ про то давно вѣдомо, что государю никакъ на одно Новгородское государство не *хаживать*» и пр. здѣсь, очевидно, формою *хаживать* сильнѣе выражается отказъ; но нисколько не выражается многократности дѣйствія, т. е. того, что король не *приходилъ бы нѣсколько разъ* въ Новгородъ». Точно также въ баснѣ Крылова: Синица.

Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщикъ и самый тороватый
Не *давывалъ* секретарямъ.

Ф. не *давывалъ* не значитъ: *не давалъ нѣсколько разъ*, а напротивъ значитъ: *никогда не давалъ*; ни *разу не давалъ*.

Поѣзжаетъ Илья самъ выговариваетъ,
Кладываетъ-то заповѣдь великую:

«Ѣхать-то мнѣ добру молодцу,
«Во пути мнѣ-ка во дороженькѣ,
«Рукъ чтобы мнѣ не кровавити».

(Т. I, стр. 45. Рыбн.)

ф. *кладываетъ* отъ *кладывать*, (*клáсть*, *кладáть*, *клáдывать*) здѣсь не имѣетъ значенія многократности, а лишь усиленной продолжительности дѣйствія.

И *мужевалъ* тутъ старой (т. е. Илья М.) разговаривалъ:
Куда мнѣ ише, старому, да съ золотой казной?

(Кир. вып. 1. стр. 86).

Глаголъ: *мужевалъ*, очевидно, въ *кратной* степени, которою и въ этомъ примѣрѣ выражается усиленная продолжительность дѣйствія, а не повторяемость. (Кстати замѣтимъ здѣсь слѣдующее: значеніе этого слова едва ли справедливо объясняетъ г. издатель пѣсень собранныхъ Кирѣевскимъ. Онъ говоритъ въ примѣчаніи: «*мужевать* — разсуждать, размышлять». Правда, смыслъ тотъ; но собственно ф. *мужевать* происходитъ отъ древней: *мудити* — медлить (*д* съ смягченіемъ перешло въ *ж*). Въ Остр. Евангеліи въ притчѣ о десяти дѣвахъ: *мудящу же жениху*, т. е. когда женихъ замедлилъ. Здѣсь, въ приведенномъ примѣрѣ, ф. *мужевалъ* — значитъ: *долго медлилъ въ раздумьи.*)

Еще примѣръ: *оставить*, *оставлять*, *оставливать*.

Въ стихѣ о *Вознесеніи*, Предтеча говоритъ Іисусу Христу о нищей братіи:

Не *оставливай* горы золотыя,
Не *оставливай* садовъ-виноградовъ,
Не *оставливай* яблонь-кудрявыхъ и т. д.

ф. *оставливай* — кратная степень, но не имѣетъ значенія повторяемости дѣйствія, т. е. *не оставляй нѣсколько разъ*, а имѣетъ смыслъ усиленной продолжительности дѣйствія, такъ какъ ею выражается усиленная просьба.

Этихъ примѣровъ достаточно для объясненія нашего взгляда на *кратность* дѣйствія, какъ на степень его продолжительности, или его качественности, въ отличіе отъ *кратности*, принятой нашими грамматиками въ основаніе для объясненія видовъ:

однократнаго и *многократнаго*. Такимъ пониманіемъ *кратности* дѣйствія мы не хотимъ и не можемъ отрицать безусловно количественности ея значенія для дѣйствія, но желаемъ лишь сохранить ея существенное значеніе, *значеніе качественное*, которое можетъ легко переходить и въ количественное; дѣло въ томъ, что это послѣднее значеніе есть уже слѣдствіе перваго. *Продолжительность* дѣйствія можетъ перейти въ *кратность* и даже *моментальность*; но не обратно: потому что въ понятіе о *продолжительности* дѣйствія входитъ представленіе о силѣ, объ энергіи его проявленія. *Кратность*, понимаемая съ точки зрѣнія повторяемости дѣйствія, даетъ этому послѣднему значеніе количественности. *Моментальность*, представляющая дѣйствіе въ моментахъ, сообщаетъ ему отвлеченность значенія, которой русскій глаголъ вовсе не имѣетъ. Правда, мы сказали выше, что наименьшая продолжительность будетъ та, въ которой начало дѣйствія совпадаетъ для сознанія съ концомъ его. Совпаденіе же начала съ концомъ дѣйствія можетъ быть понимаемо въ смыслѣ *однократности*, или въ смыслѣ *мгновенности* совершенія дѣйствія (двинуть). Точно также удаленіе конца дѣйствія отъ начала въ наибольшей его продолжительности можетъ быть понимаемо въ смыслѣ *многократности* проявленія дѣйствія, или въ смыслѣ *цѣлаго ряда моментовъ* (двигивать). Въ первомъ случаѣ начало и конецъ дѣйствія могутъ представляться сознанію какъ бы *за разъ*, (*однимъ разомъ* вмѣстѣ) проявляющимися; въ послѣднемъ — *нѣсколько разъ* повторяющимися (*вернуть*, *вертывать*). Или: въ первомъ случаѣ, самое крайнее совпаденіе начала съ концомъ дѣйствія можетъ представляться въ отвлеченномъ смыслѣ *мигомъ*, *моментомъ* проявленія; во второмъ — повтореніемъ этихъ *моментовъ*. Но *возможность* представлять дѣйствіе подъ такимъ условіемъ кратности не есть еще *дѣйствительность* значенія русскаго глагола. Представленіе дѣйствія, подъ условіемъ кратности и моментальности, остается все-таки одностороннимъ относительно смысла русскаго глагола. Оно основано на повторяемости *разовъ*, или *моментовъ*, и слѣдовательно, въ сущности даетъ русскому глаголу значеніе *количественное*, а не *качественное*. Съ точки зрѣнія кратности и моментальности нѣтъ возможности объяснить употребленіе въ народномъ языкѣ такихъ формъ, каковы: ф. *кладываетъ* въ приведенномъ выше примѣрѣ. Всѣ грамматики отвергаютъ поэтому ошибочно употребленіе многократ-

наго вида въ смыслѣ настоящаго времени. И такъ, не кратность и не моментальность, а *продолжительность* дѣйствія составляетъ сущность *качественнаго* значенія русскаго глагола.

Это существенное свойство русскаго глагола, *продолжительность*, можетъ переходить, какъ мы видѣли, съ одной стороны въ *краткость*, въ другой — въ *кратность* проявленія дѣйствія. Поэтому качественность русскаго глагола представляетъ три главныхъ степени своего проявленія: 1) *краткую*, 2) *продолженную*, 3) *кратную*. Первая и послѣдняя степени составляютъ предѣлы, которыми ограничивается, опредѣляется *продолжительность* дѣйствія, какъ общее его свойство. Стало быть, *продолжительность* можетъ быть *абсолютною*, *неопредѣленною* и *относительною*, *опредѣленною*. Форма: *двигать* выражаетъ неопредѣленную продолжительность дѣйствія, какъ общее свойство русскаго глагола; формы: *двинуть* и *двигивать* выражаютъ продолжительность дѣйствія, опредѣленную съ одной стороны *краткостью* проявленія, съ другой — *кратностью*. Краткость и кратность суть виды общаго родоваго понятія продолжительности. Въ нихъ продолжительность представляется конкретнѣе съ проявленіемъ дѣйствія на самомъ дѣлѣ.

Какъ общее родовое понятіе качественности русскаго глагола, *продолжительность*, имѣетъ двоякое значеніе: *абсолютное* и *относительное*, и въ послѣднемъ распадается на два вида: *краткость и кратность*; такъ точно каждый изъ этихъ видовъ въ свою очередь можетъ имѣть *абсолютное* и *относительное* значеніе въ живомъ употребленіи русскаго глагола. Иногда оба значенія довольствуются одною и тою же формою въ языкѣ — и въ такомъ случаѣ все зависитъ уже отъ смысла цѣлой рѣчи; иногда же они имѣютъ особыя формы; напримѣръ, возьмемъ глаголъ: *бодать*. Въ этой формѣ выражается абсолютная продолжительность дѣйствія: *бодать*, *бодаю*, *бодалъ*. Ближайшая къ ней краткость выражается формою: *бости*, *боду*. Крайній же предѣлъ краткости выражается формою: *боднуть*, *бодну*, *боднулъ*. Точно также формы: *катнуть*, *катить*, *катать* и *катывать; катну*, *качу*, *катаю* и *катываю*. Если сравнимъ формы: *боднуть* и *бости*, *катнуть* и *катить*, съ формами: *бодать* и *катать*, то, очевидно, первыми формами будетъ выражаться *краткость*, а послѣдними — *абсолютная продолжительность*. Если же сравнимъ формы: *боднуть* и *бости*, *катнуть* и *катить* между собою, то легко замѣтимъ, что каждая изъ этихъ формъ

выражаетъ не одинаковую краткость дѣйствія. Одна изъ нихъ: *бости* выражаетъ краткость относительную; потому что дѣйствіе *бости—боду* представляется краткимъ только *по отношенію* къ формѣ: *бодать*, *бодаю*. Другая же: *боднуть* выражаетъ краткость безотносительную (абсолютную). Безотносительно-краткая степень есть предѣлъ быстроты его проявленія, гдѣ начало и конецъ совпадаютъ для сознанія и представляются проявляющимися *разомъ*, *мгновенно*, а потому такая степень проявленія качественности дѣйствія можетъ имѣть значеніе: *одномгновенной* или *однократной*. Что касается до формы, выражающей *относительную краткость* дѣйствія, или *опредѣленную въ проявленіи продолжительность*, то она существуетъ лишь при другой формѣ, означающей неопредѣленно-продолженную степень дѣйствія; напр.: ф. *катить — качу* принимается за краткую степень относительной формы глагола только потому, что есть ф. *катать — катаю*, которою выражается абсолютная, безотносительная или неопредѣленная продолжительность дѣйствія. Въ противномъ случаѣ подобная форма не можетъ считаться выражающею краткость дѣйствія; такъ напр.: формѣ: *катить* подобны формы: *кормить*, *пить* и др., но ихъ нельзя принимать за формы, выражающія краткую степень дѣйствія, потому что нѣтъ другихъ формъ, которыми бы выражалась абсолютная продолжительность дѣйствія; ибо формы: *кармливать*, *пивать*, очевидно, имѣютъ значеніе уже кратной степени.

Сказанное сейчасъ о значеніи краткой степени можетъ быть отнесено и къ значенію степени *кратной* въ русскомъ глаголѣ. На что указываютъ нѣкоторыя формы, употребительныя въ языкѣ народномъ; напримѣръ: глаголъ *водить* имѣетъ слѣдующія формы:

вести, водить, *водать*, *важивать*.

Въ стихѣ: о Егоріѣ и Лизаветѣ Прекрасной (Безсонова, Калики перехожіе) Егорій говоритъ Лизаветѣ:

Ой ты гой еси, молодая прекрасная Лизавета!
Распояшь ты свой шелковъ поясъ,
Свой шелковъ поясъ сорока пядень,
Провздѣвай ты его въ ноздри змѣёвыя,
Поводай змѣя во Антоній градъ!

г. Безсоновъ объяснилъ: «*поводай — веди на поводу*», зачѣмъ

же такъ? просто: *веди!* только въ усиленной, кратной формѣ съ приставкою *по*, которую народная рѣчь часто употребляетъ для обозначенія наглядности кратной степени дѣйствія. Формъ подобныхъ *водать* много въ русскомъ языкѣ; она = ф. *вождать* — *вожать* откуда: *вожатай*. Напр.: ходить — хождать (ходить — хожать) — хаживать; *ходатай, хожалый*. Носить — ношать — нашивать; гласить — глашать, и т. п.
Формы: сѣсть, садиться, *сажаться*, *саживаться*.

И *сажалися* за убраны столы,
Стали пить — ѣсть, потѣшатися.

Изъ стиха: Сорокъ Каликъ со Каликою. Безсонова т. 1, 1 ч. стр. 19.

Ф. *сажалися* — означаетъ усиленно продолженную степень дѣйствія, вм. *садилися*.

Фор. *приправить*, *приправлять*, *приправливать*.

Какъ *приправливалъ* Ильюшинка добра коня,
Скочилъ его добрый конь за версту за мѣрную.

Ф. *приправливалъ* не означаетъ многократности, а большую продолжительность дѣйствія, требуемую особеннымъ вниманіемъ къ дѣлу, вм. *приправлялъ*, или даже *приправилъ*.

Формы: *водать*, *важивать; сажаться*, *саживаться*, очевидно, имѣютъ значеніе *кратности* дѣйствія; но, сравнивая ихъ по смыслу употребленія въ рѣчи между собою, нельзя не замѣтить, что онѣ имѣютъ различіе. Формами *водать*, *сажаться*. выражается большая степень продолжительности, но не абсолютная продолжительность формъ: *водить*, *садиться*. Формами же: *важивать*, *саживаться* выражается уже безотносительно крайній предѣлъ продолжительности дѣйствія въ проявленіи, который представляется сознанію не иначе, какъ подъ видомъ повторяемости дѣйствія. Такимъ образомъ, и форма кратной степени можетъ имѣть двоякое значеніе: *безотносительное или абсолютное* и *относительное*. Кратность безотносительную можно назвать: *многократностью*.

Продолженною степенью глагола мы называемъ такую степень, на которой продолжительность дѣйствія представляется сознанію независимою отъ проявленія дѣйствія на самомъ дѣлѣ; другими словами, — ту, на которой дѣйствіе можетъ прояв-

ляться и не проявляться на самомъ дѣлѣ, а между тѣмъ все таки оно представляется имѣющимъ продолжительность. На этой степени оно ни замедляется, ни ускоряется, а остается совершенно безразличнымъ къ тому и другому способу своего проявленія. Продолжительность дѣйствія на этой степени представляется ничѣмъ инымъ, какъ его существеннымъ свойствомъ. Будучи лишь сущностью дѣйствія и не ставя себя въ непремѣнную зависимость отъ самаго проявленія, она имѣетъ на этой степени значеніе *абсолютное*, котораго не теряетъ и тогда когда дѣйствіе проявляется на самомъ дѣлѣ. Поэтому и самое дѣйствіе въ продолженной степени получаетъ смыслъ общаго понятія, способнаго представляться нашему сознанію въ отвлеченномъ (абстрактномъ) и чувственномъ (конкретномъ) видѣ. Вотъ почему нѣкоторые филологи называютъ эту степень дѣйствія *видомъ неопредѣленнымъ*, (по значенію). Дѣйствительно, ни въ какой иной формѣ значеніе русскаго глагола не представляется болѣе отвлеченнымъ, какъ въ формѣ продолженной степени. Сравните формы по значенію содержащихся въ нихъ понятій о дѣйствіи: *катить*, *катать*, *катывать; двинуть*, *двигать*, *двигивать; бѣчь* или *бѣжать*, *бѣгать*, *бѣгивать; ходить*, *хаживать; плыть*, *плавать; нести*, *носить*, *нашивать* и пр., которыя изъ этихъ формъ выражаютъ болѣе отвлеченности въ значеніи? Очевидно, формы: *катать*, *бѣгать*, *ходить*, *двигать*, *носить*, *плавать*, имѣютъ больше отвлеченности по смыслу, чѣмъ: *бѣчь*, *катить*, *двинуть*, *плыть*, *нести*, или *бѣгивать*, *катывать*, *двигивать*, *нашивать*. Причина въ томъ, что въ тѣхъ формахъ дѣйствіе является съ своею продолжительностію, какъ съ свойствомъ, какъ съ своею сущностію, безъ всякаго ограниченія этой послѣдней въ дѣйствительности; въ послѣднихъ же, продолжительность представляется сознанію ограниченною, или опредѣленною проявленіемъ дѣйствія на самомъ дѣлѣ. Отсюда, разумѣется, нельзя выводить того заключенія, что *дѣйствіе* въ формѣ продолженной степени лишено вещественности (реальности) значенія. Нисколько. Напротивъ, въ формѣ этой степени значеніе глагола находится, такъ сказать, въ синтетическомъ состояніи, которое съ одной стороны обусловливаетъ для дѣйствія возможность проявиться въ дѣйствительности — въ краткой, или въ кратной степени; съ другой — возвыситься до общаго, отвлеченнаго понятія о дѣйствіи. Значеніе этой формы для развитія глагола можно уподобить значе-

нію зерна относительно развитія изъ него цѣлаго растенія. Зерно есть синтезисъ растенія; форма продолженной степени глагола есть синтезисъ другихъ формъ его. Отсюда слѣдуетъ во первыхъ, если форма продолженной степени выражаетъ продолжительность дѣйствія, какъ существенное его свойство, безъ котораго дѣйствіе русскаго глагола — не дѣйствіе, то, очевидно, что она должна быть свойственна всѣмъ глаголамъ безъ исключенія. Во вторыхъ, если эта сущность можетъ быть только одна въ силу своей независимости (абсолютности), то и соотвѣтственная ей форма должна быть также *одна*. И такъ, между всѣми глагольными формами продолженная степень имѣетъ *одну только форму*. Остальныя формы принадлежатъ другимъ степенямъ дѣйствія. Вотъ почему *краткая* и *кратная* степени русскаго глагола имѣютъ иногда по двѣ формы, которыя важны, какъ мы уже видѣли, для опредѣленія существеннаго значенія той и другой степени.

Кратная степень дѣйствія въ сущности есть таже продолженная, но только такая, въ которой продолжительность представляется не безразличною относительно самаго проявленія дѣйствія, т. е. такая, въ которой продолжительность дѣйствія представляется нагляднѣе, осязательнѣе; а это возможно лишь тогда, когда *абсолютное* значеніе продолжительности переходитъ въ *относительное*, или зависимое отъ проявленія дѣйствія на самомъ дѣлѣ. Въ этомъ реальномъ значеніи кратной степени дѣйствія заключается причина, почему форма ея такъ свойственна простой, безъискуственной, народной рѣчи. Но иногда *кратная степень* имѣетъ значеніе повторяемости, и дѣйствіе является *многократнымъ*, т. е. повтореннымъ нѣсколько разъ въ представленіи — это уже, какъ мы сказали, крайній предѣлъ представленія продолжительности дѣйствія во внѣшнемъ проявленіи. Тутъ дѣйствіе безъ всякаго отношенія къ другимъ своимъ формамъ является наиболѣе продолжительнымъ. Сама форма этой степени имѣетъ то отличительное свойство отъ простой продолжительной формы, что въ ней замѣчается не только подъемъ гласныхъ, но даже повторяемость ихъ въ слогахъ: *быть*, *быва-ть*, бы-*ва-ва*-ть или бы*выва*ть.

Такимъ образомъ система степеней русскаго глагола будетъ слѣдующая:

1) Продолженная степень.

Катать.

2) Краткая степень		3) Кратная степень	
а) съ абсолютнымъ значеніемъ, или *однократная: катнуть.*	б) съ относительнымъ значеніемъ, или *относительно кратная: катить.*	а) Относительно-кратная: *катывать, водать* и *важивать.*	б) абсолютно-кратная, или *многократная: катывать, важивать.*

Главныхъ степеней три: 1) Продолженная: *махать, двигать, бывать.*
2) Краткая: *махнуть, двинуть, быть.*
3) Кратная: *махивать, двигивать, бывывать*

Форма продолженной степени существуетъ у всѣхъ глаголовъ. Остальныя двѣ формы могутъ быть и не быть, смотря по смыслу дѣйствія, выражаемаго продолженною степенью напр. глаголы: *сохнуть*, *бѣлѣть*, и т. п. не имѣютъ формъ краткой и кратной степени. Глаголъ *видѣть* не имѣетъ формы для краткой степени. Кратная же степень имѣетъ двѣ формы: a) относительную *видать* и b) абсолютную *видывать*.

Кромѣ этихъ главныхъ степеней, есть какъ мы уже сказали, степени второстепенныя: такъ *краткая степень* можетъ имѣть по формѣ и по значенію два вида: a) *абсолютно-краткую степень: катнуть*, b) *относительно-краткую: катить*. Кратная степень также можетъ имѣть по формѣ и по значенію два вида: c) *относительно-кратную: водàть, кладàть, видàть*, и d) *абсолютно-кратную: вàживать, клàдывать, видывать*.

Эти второстепенныя формы не всегда существуютъ въ *краткой* и *кратной* степени; потому-что значеніе ихъ большею частію зависитъ отъ смысла цѣлой рѣчи. Оттого языкъ довольствуется преимущественно одною формою для краткой степени, приписывая ей абсолютность или относительность значенія смысломъ самой рѣчи, и одною формою для кратной степени, точно также приписывая ей абсолютность и относительность значенія смысломъ рѣчи.

Все это совершенно логично въ языкѣ. Во первыхъ, нѣтъ и не можетъ быть ни одного дѣйствія въ русскомъ языкѣ, которое бы не имѣло продолжительности, какъ въ представленіи, такъ и въ проявленіи, и потому каждому глаголу свойственна прежде всего форма продолженной степени. Во вторыхъ, не всякое дѣйствіе по своему значенію способно проявляться въ крайнемъ предѣлѣ краткости, гдѣ начало представляется совпадающимъ съ концомъ дѣйствія; напр.: дѣйствія: *читать*, *дѣлать*, *строить*, *вянуть*, *стараться* и т. д. и потому весьма естественно, что подобные глаголы не имѣютъ такихъ формъ, которыми бы выражалась быстрота дѣйствія. Даже въ представленіи нельзя допустить формъ: *читнуть*, *дѣльнуть* и т. п. Въ третьихъ, точно также не всякое дѣйствіе способно по своему значенію быть усилено; напр.: *сохнуть*, *бѣлѣть*, *чернѣть* и т. п., а потому не всякій глаголъ и имѣетъ формы, выражающія кратность, или усиленную продолжительность дѣйствія. Но такъ какъ вообще продолжительность легче можетъ быть усилена, чѣмъ сокращена; ибо усиленная продолжительность есть все таки ничто иное, какъ таже продолжительность, а краткость есть какъ бы уничтоженіе, отрицаніе продолжительности, слѣд. какъ бы нѣчто противное общему свойству дѣйствія: то поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ языкѣ встрѣчается гораздо менѣе формъ *краткой* степени, чѣмъ формъ *кратной* степени.

Нѣкоторыя формы *кратной* степени, скрытыя въ глаголѣ, появляются наружу лишь съ помощію предлоговъ, или приставокъ въ началѣ напр. глаголъ *вѣрить* имѣетъ лишь одну эту форму въ употребленіи. Но какъ скоро приставимъ предлогъ: *до*, *у*, *за* и т. д. то получимъ двѣ формы: *увѣрить* и *увѣрять* *довѣрить* и *довѣрять*, *завѣрить* и *завѣрять*. Ф. *вѣрять*, собственно *кратная* степень глагола *вѣрить* удобно замѣняется по смыслу этою послѣднею и потому неупотребительна въ языкѣ. Приставка вызываетъ ф. *вѣрять* наружу вслѣдствіе той роли, которую предлогъ играетъ въ смыслѣ русскаго глагола. Объ этомъ будемъ говорить ниже. Здѣсь замѣтимъ лишь одно по поводу сейчасъ указаннаго нами факта въ языкѣ, а именно: что русскій глаголъ владѣетъ въ немъ богатою силою для образованія формъ, требуемыхъ его качественнымъ значеніемъ. Ни въ какомъ иностранномъ языкѣ мы не замѣчаемъ подобнаго явленія, т. е. чтобы приставка, или предлогъ могъ вызвать къ жизни новую, скрытую форму въ глаголѣ.

горѣть — скрытая ф. *горать* является съ предлогомъ: *догорать*, *сгорать* и т. д.

сохнуть — скрытая ф. *сыхать* является съ предлогомъ: *засыхать*, *усыхать* и т. д.

Такъ мы понимаемъ *качественность* русскаго глагола и разныя степени ея по формамъ. Въ основаніи ихъ дѣленія лежитъ единство понятія качественности, или продолжительности дѣйствія. Этимъ, смѣемъ думать, мы устранили самый главный недостатокъ въ системѣ степеней русскаго глагола — сбивчивость, господствующую до сихъ поръ въ нашихъ грамматикахъ. Читатель давно могъ замѣтить, что мы слово «*видъ*» замѣнили словомъ «*степень*». Эта замѣна легко объясняется нашимъ взглядомъ на значеніе русскаго глагола. Разная качественность дѣйствія удачнѣе, точнѣе обозначается словомъ «*степень*», нежели словомъ «*видъ*». Впрочемъ вся честь этой счастливой замѣны принадлежитъ не намъ. Первый ввелъ слово *степень* въ ученіе о глаголѣ нашъ знаменитый филологъ протоіерей Павскій. Особенное вниманіе обратилъ на это К. С. Аксаковъ. Мы же слѣдуемъ только за ними въ этой замѣнѣ, считая ее вполнѣ соотвѣтствующею нашему взгляду на смыслъ русскаго глагола и желая дать ей болѣе прочное и достойное значеніе въ наукѣ. Профессоръ Ѳ. И. Буслаевъ остается при прежнемъ названіи «*вида*».

Посмотримъ теперь, въ чемъ заключается недостатокъ ученія о видахъ, предлагаемаго нашими грамматиками. Обратимся для этого къ послѣднему и лучшему руководству, къ Исторической Грамматикѣ Ѳ. И. Буслаева (ч. II, § 181. изд. 1863 г.)

«Видами глагола означается продолженіе или совершеніе, многократность или однократность и мгновенность дѣйствія; *хватать, хватить, хвать; блистать, блестѣть, блеснуть; быть, бывать* (есть и ф. *бывывать*); *знать, знавать; смотрѣть, посмотрѣть (по!)*; «*знать, узнать, узнавать* и пр.» *(у!)*. Разберемъ эти слова. Во первыхъ на основаніи ихъ мы не можемъ дать себѣ яснаго отчета: что такое *видъ* въ русскомъ глаголѣ? Во вторыхъ, слово *продолженіе* употреблено здѣсь не въ смыслѣ качественности значенія русскаго глагола, а какъ понятіе, противуположное *совершенію;* точно также, какъ въ выраженіи: «*многократность* или *однократность* и *мгновенность*» слово *многократность* употреблено какъ противуположное по значенію слову *однократность* и *мгновенность*. Въ третьихъ понятіе о *крат-*

ности смѣшивается съ понятіемъ о *мгновенности*, между тѣмъ, какъ К. С. Аксаковъ въ своей брошюрѣ отличаетъ мгновенность или моментальность дѣйствія отъ кратности. Выходитъ, что *виды* (по грамматикѣ) имѣютъ разное значеніе: они означаютъ и совершеніе или продолженіе — означаютъ и кратность, означаютъ и мгновенность дѣйствія. Очевидная неопредѣленность, сбивчивость въ значеніи видовъ. Если обратимъ вниманіе на примѣры, то увидимъ, что въ нихъ *глаголы простые* смѣшаны съ предложными въ видовыхъ формахъ. Далѣе:

«По видамъ *глаголы* дѣлятся на три отдѣла», стало быть, не одинъ и тотъ же глаголъ имѣетъ разные виды, а одинъ и тотъ же видъ имѣетъ разные глаголы, и такимъ образомъ ученіе о видахъ русскаго глагола извращается на ученіе о глаголахъ по видамъ. Вѣдь это не одно и тоже.

«1. Одни (т. е. глаголы) означаютъ *продолженіе* дѣйствія; напр.: дую, стою, иду, хожу, лечу, летаю и пр.» Ф. *лечу* и ф. *летаю* одно и тоже?

«2. Другіе означаютъ *совершеніе*, *однократность* и *мгновенность* дѣйствія; напр.: *дуну*, *стану*, *приду*. Сюда же принадлежатъ краткія формы: *хвать*, *глядь* и др.».

«3. Третьи означаютъ *многократность*, а также и *отдаленность* дѣйствія; напр.: *бывалъ*, *говаривалъ*, *знавалъ*».

«Глаголы перваго отдѣла именуются *продолженными*, втораго *совершенными* и *однократными*, и третьяго — *многократными*».

Изъ примѣровъ видно, что приставка, или предлогъ имѣетъ вліяніе на образованіе видоваго глагола; такъ глаголъ *иду* — продолженный, а *приду* — совершенный, или однократный.

«Сверхъ того, *видами* означается дѣйствіе или 1) вообще, т. е. *отвлеченно;* напр.: *птица летаетъ*, *рыба плаваетъ, человѣкъ ходитъ* (т. е. во всякое время имѣетъ способность летать, плавать, ходить); или 2) *наглядно*, т. е. съ означеніемъ извѣстнаго *времени* (!)—настоящаго, прошедшаго или будущаго, и какого либо направленія дѣйствія, совершенія, однократности, или многократности; напр.: *птица летитъ*, *рыба плыветъ*, *человѣкъ идетъ*, *полетитъ*, *улетитъ*, *полетаетъ*, *придетъ, хаживалъ* и пр.»

Стало быть, *видами* означается еще *отвлеченность* и *наглядность* дѣйствія. Теперь бы слѣдовало уже продолжать согласно съ предыдущимъ изложеніемъ такимъ образомъ: глаголы перваго отдѣла именуются *отвлеченными*; втораго — *наглядными*. Но этого нѣтъ въ грамматикѣ. При томъ, глаголы: *вожу*,

ношу, *хожу*, *плаваю* могутъ означать также наглядное дѣйствіе. Кромѣ того формы: *водить* и *вести*, *носить* и *нести* и т. д. отнесены авторомъ къ одному и тому же продолженному виду глаголовъ. Впрочемъ, вопросъ о видахъ русскаго глагола вообще мало обратилъ на себя вниманіе ученаго автора. Мы имѣли уже случай говорить выше, что въ его грамматикѣ виды смѣшиваются съ временами, а потому статья о видахъ находитъ себѣ продолженіе въ статьѣ о временахъ, которая изложена подробнѣе. Неосновательность этого смѣшенія была уже доказана нами. Здѣсь же мы считаемъ необходимымъ замѣтить касательно ученія собственно о видахъ слѣдующее: оно отличается тѣмъ недостаткомъ, отъ котораго не свободны и другія теоріи о видахъ, существовавшія до Исторической Грамматики Ѳ. И. Буслаева. Этотъ недостатокъ заключается въ отсутствіи единства логическаго основанія для дѣленія русскаго глагола по видамъ. Потомъ,— смѣшеніемъ формъ глаголовъ простыхъ съ формами глаголовъ, сложныхъ съ приставками. Какъ смѣшеніе видовъ съ временами, такъ смѣшеніе простыхъ глаголовъ съ глаголами предложными, составляютъ два главныхъ и закоренѣлыхъ предразсудка въ ученіи о русскомъ глаголѣ. Оба они связаны между собою самымъ тѣснымъ образомъ. Допустивъ полное смѣшеніе видовъ съ временами и образованіе послѣднихъ посредствомъ приставокъ, или предлоговъ, необходимо было допустить и образованіе первыхъ посредствомъ тѣхъ же приставокъ. Если нашли формы прошедшихъ и будущихъ совершенныхъ и несовершенныхъ временъ, которыя образуются будто бы, посредствомъ присоединенія предлога къ глаголу, то необходимо было признать образованіе совершеннаго и несовершеннаго видовъ также посредствомъ присоединенія предлоговъ къ неопредѣленному и опредѣленному видамъ глагола. Одна ошибка вела за собой необходимо другую и т. д. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробный разборъ разныхъ ученій о видахъ, которыя существуютъ въ нашихъ грамматикахъ; потому что это повело бы слишкомъ далеко и потребовало бы большой траты времени и мѣста безъ всякой особенной пользы. Гораздо важнѣе опровергнуть второй предразсудокъ въ ученіи о русскомъ глаголѣ, т. е. указать на неосновательность смѣшенія простыхъ глаголовъ съ глаголами предложными. Для этого необходимо вникнуть въ значеніе приставокъ или предлоговъ въ соединеніи съ глаголами. Но прежде считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о са-

момъ строеніи формъ степеней глагола, оставляя всѣ подробности до особеннаго разсужденія объ ихъ образованіи.

Сравнивая формы всѣхъ трехъ степеней дѣйствія, мы замѣчаемъ, что крайнія степени (т. е. *краткая* и *кратная*) рѣзко отличаются между собою по количеству звуковъ, входящихъ въ ихъ образованіе: краткая степень всегда короче по формѣ, бѣднѣе по количеству звуковъ, въ сравненіи съ кратной; напр: *бы-ть* и *бы-вы-ва-ть*; *да-ть* и *да-вы-вать*; *нес-ть* и *наш-и-ва-ть*; *дви-ну-ть* и *дви-ги-ва-ть*; *ле-чь* и *леж-и-ва-ть* и пр. Если это сжатіе и расширеніе звуковъ такъ рѣзко бросается въ глаза, что его нельзя не замѣтить при сравненіи двухъ крайнихъ степеней глагола; то, представляя формы этихъ степеней предѣлами, мы не можемъ допустить, чтобы русскій глаголъ проявлялъ это свойство только въ крайнихъ формахъ безъ всякой послѣдовательности. Мы должны признать въ формѣ продолженной степени ту средину, которая составляетъ переходъ отъ одного предѣла формы къ другому. Это легко замѣтить въ формахъ: *честь*, прод. *чита-ть*, кратн. *чи-ты-ва-ть*. Въ ф. *честь* гласн. звукъ *е* вставной для произношенія, согласный *с* образовался изъ *т* при слѣдующемъ за нимъ другомъ звукѣ *т*: собственно ф. должна быть *чт-ть*. Въ этомъ убѣждаетъ ф. *чт-у*, гдѣ *у* есть признакъ перваго лица, который дѣлаетъ удобнымъ произношеніе коренныхъ звуковъ въ чистомъ ихъ состояніи. Слѣдующая продолженная ф. *чит-а-ть* имѣетъ уже гласные звуки не исчезающія при измѣненіи слова: *чит-а-ю*. Наконецъ ф. *чит-ы-вать* заключаетъ въ себѣ еще болѣе гласныхъ звуковъ съ постояннымъ произношеніемъ ихъ при измѣненіи: *чит-ы-ва-ю*, *чит-ы-ва-лъ*. Понятно, что русскій глаголъ расширяетъ формы посредствомъ *усиленія вокализма* внутри слова. Чѣмъ менѣе гласныхъ звуковъ въ формѣ глагола, тѣмъ произношеніе ея быстрѣе и слѣд. тѣмъ способнѣе она выражать краткость, или быстроту дѣйствія. Чѣмъ гласные звуки подвижнѣе по своей природѣ, тѣмъ они неустойчивѣе въ формѣ и слѣд., тѣмъ болѣе представляютъ удобства выражать меньшую степень продолжительности дѣйствія. Выпадая, измѣняясь, или распадаясь на другіе гласные звуки, они, очевидно, находятся подъ вліяніемъ стеченія звуковъ согласныхъ, содержащихъ въ себѣ понятіе. Оттого продолжительность дѣйствія заключается въ нихъ какъ зародышъ, имѣющій впослѣдствіи развиться по требованію самого понятія о дѣйствіи. Какими же гласными звуками поль-

зуется русскій глаголъ для расширенія своихъ формъ? Для рѣшенія этого вопроса нужно прежде всего обратить вниманіе на формы *кратной* степени, въ которыхъ расширеніе обозначается самымъ наглядныМъ образомъ. Разсматривая ихъ, мы видимъ, что преимущественное значеніе въ расширеніи формы имѣетъ звукъ *а*: всѣ глаголы кратной степени оканчиваются непремѣнно на *а-ть: дир-а-ть*, *чит-ы-в-а-ть* и т. д. Потомъ звукъ *и*, который всегда предшествуетъ послѣднему слогу *ать* или въ звукѣ *ы*, образовавшемся изъ твердой гласной + *и*, или въ чистомъ своемъ видѣ. И такъ звукомъ *а* глаголъ выражаетъ продолжиность дѣйствія по преимуществу. Если же это *а* уже находится въ формѣ краткой степени глагола, принадлежитъ самому корню, то оно удваивается, или даже утраивается для выраженія слѣдующихъ степеней дѣйствія; какъ напр.: въ ф. *да*-ть *продолж.* ф. *да-а-ть* съ придыханіемъ *в*: *да-в-а-ть*, или съ смягченіемъ *j*: ф. *да-j-а-ть* (слав. *да-ꙗ-ть*) *кратная ф.*: *да-а-а-ть* съ придыханіемъ *в*: *да-ва-ва-ть* или *давы-ва-ть*, гдѣ *ы*, очевидно, образовалось съ помощію новаго звука *и*, какъ бы: *да-ва* + *и-ва-ть*. М. Н. Катковъ въ своемъ прекрасномъ разсужденіи: «*объ Элементахъ и Формахъ Славяно-Русскаго языка*» говоритъ объ этомъ *а* на стр. 203 слѣдующее: «для выраженія отдаленности или давности (мы сказали бы для выраженія кратности) дѣйствія языкъ прибѣгаетъ къ характеру *а* (ае) *самому сильному*, и приставляетъ его вновь къ характеру даннаго глагола, такъ что образованіе выходитъ двойное. Глаголъ *дать*, *распространяясь*, принимаетъ а — выходитъ *да-ꙗ-ть* и *да-ва-ть* (эвфонич. вм. *да-а-ть*) *расширяясь* далѣе, для означенія дѣйствія давняго, онъ принимаетъ снова характеръ *а*, и выходитъ форма *давывалъ* (= дававалъ); *былъ*, *бывалъ*, *бывывалъ*. Въ Чешскомъ яз. ощущается иногда потребность новаго усиленія, и еще разъ принимается *а;* отсюда возможна не только форма *bywawal*, соотвѣтствующая нашей *бывывалъ*, но и болѣе распространенная форма *bywawawal*.»

За звукомъ *а*, слѣдуетъ чистый звукъ *и*, въ который при расширеніи формъ переходятъ звуки сложные, какъ *ѣ*, *я*, напр. *сид-ѣ-ть*, кратн. ф. *сиж-и-ва-ть*; *смотр-ѣ-ть* — *сматр-и-ва-ть*, *мять* (мну)—*ми-на-ть*, (наминать); или краткій бѣглый *е*: ф. *мр(е)ть*-(мру)— ме-ре-ть (кор. *мр*), — кратн. ф. *мира-ть*; *тр-е-ть* (тру)—*т(е)р(е)-ть*, кратн. ф. *ти-ра-ть*; *бр а-ть*, *(б(е)ру)*,—*бирать*, а зв. *а* даетъ возможность образоваться ф. *би-ры-ва-ть*.

Какъ *е* измѣняется при расширеніи формы въ звукъ *и*, такъ въ *а*: *носи-ть* — *нашивать*, *ходить* — *хаживать*; *е* переходитъ въ *о*: *нес-ть*, *нос-и-ть*, какъ скоро менѣе продолженная степень дѣйствія переходитъ въ болѣе продолженную, имѣющую признакомъ своей продолженности не зв. *а*, а звукъ *и*: *везть*, *возить*.

Изъ этихъ весьма краткихъ замѣчаній слѣдуетъ пока то, что расширяющими звуками должны считаться гласные звуки: *а* и *и*. Звукъ *а* есть существенный признакъ формы глагола кратной степени. Онъ удваивается и даже утраивается въ этой формѣ для того, чтобы только отличить ее отъ другихъ формъ степеней глагола, въ образованіе которыхъ входитъ также звукъ *а*.

Звукъ *и* составляетъ среднюю степень въ усиленіи вокализма и потому онъ свойственнѣе формѣ продолженной степени дѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного глагола, который бы, имѣя коренной звукъ *и*, выражалъ по своему значенію краткую степень дѣйствія: всѣ они относятся къ продолженной степени; напр. *лить*, *вить*, *жить*, *бить* и т. п. Даже глаголы: *кор-м-и-ть*, *вод-и-ть* и др. принадлежатъ по характеру *и* къ продолженной степени. Замѣчательно, что за *и* всегда уже слѣдуетъ чистое *а* для образованія дальнѣйшей степени продолжительности дѣйствія: *жи-ть*, *жи-ва-ть*; *ли-ть*, *ли-ва-ть*; *би-ть* *би-ва-ть*; *пи-ть*, *пи-ва-ть*; *гни-ть*, *гни-ва-ть*; *ши-ть*, *ши-ва-ть* и т. д. Поэтому и звукъ гласный: *ы*, состоящій изъ ъ=*о*, *ў* + *и* не можетъ быть признакомъ формы краткой степени; напр. ф. продолж. степени: *плы-ть*, *(пло(в)и-ть)* — пловецъ, плову или *плыву* вм. *пло-ј-у*, (гдѣ ј = в: *дaјать*=*давать*) т. е. *плою*, какъ въ глаголѣ: *мы-ть* отъ *мо* + *и-ть* лич. *мо-і-у* = мою, *кры-ть* — *крою*. Сюда же относятся глаголы: *доить*, *поить*, *кроить*, *строить* и т. п., гдѣ *и* не слился съ *о* въ произношеніи. Гдѣ звуки *о* и *и*, стоящіе рядомъ, равнозначительны по произношенію, тамъ они сливаются въ одинъ гласный зв. *ы*; а гдѣ который нибудь изъ нихъ удерживаетъ преимущество передъ другимъ и носитъ на себѣ особенное удареніе, тамъ эти звуки слышатся отдѣльно т. е. не сливаются вмѣстѣ.

Что касается до внѣшнихъ признаковъ формы краткой степени дѣйствія, то они заключаются, во первыхъ, въ томъ, что она по числу слоговъ короче формъ другихъ степеней: *сѣсть* прод. *сид-ѣ-ть*, кратн. *сиживать* и т. п. во вторыхъ въ томъ, что существительная форма глагола на *ть* всегда прилагается не-

посредственно къ корню; напр. кор. *да* кратк. ф. *да-ть*, кор. *нес*— кратк. ф. *нес-ть*; кор. *сѣд* или *сяд* кратк. ф. *сѣд-ть* т. е. *сѣс-ть* и т. п. Мы употребляемъ ф. *дать* въ смыслѣ краткаго дѣйствія: *дамъ* (т. е. *дау*) и продолженнаго: *даю* т. е. *(да-j-у;* j = в), но въ народномъ языкѣ употребительна ф. *давано*, чистая продолженная форма отъ краткой *дать*. Напр.,

Поила-то она ихъ до пьяна
Душечку Михаила потыка сына Ивановича,
Приводила она въ покои въ особые,
Говоритъ ему рѣчи умильныя
Во любовь ему Михайлы *давается*.

(Рыбн. Т. I, стр. 238).

Но эти признаки весьма недостаточны для обозначенія формы краткой степени — и потому для опредѣленія ея необходимо непосредственное сравненіе съ другими формами глагола.

Русскій языкъ иногда образуетъ форму краткой степени посредствомъ вставки слога *ну* между корнемъ глагола и окончаніемъ *ть*. Вслѣдствіе вставки новаго слога *ну*, очевидно, форма не укорачивается, а напротивъ удлиняется; напр. отъ *двигать* краткая степень: *двиг-ну-ть*; а между тѣмъ ею выражается краткость дѣйствія, напр. «Можетъ быть, намъ Богъ *помогнетъ*» (сказки Афан. вып. 5, № 35, стр. 183). *Помогнетъ* вм. *поможетъ* для выраженія особенной краткости, быстроты дѣйствія. Съ перваго взгляду это дѣйствительно кажется страннымъ; но, вникнувъ въ дѣло, мы увидимъ, что этою вставкою языкъ не только не противорѣчитъ въ образованіи формъ соотвѣтствію ихъ съ своимъ содержаніемъ, но, какъ бы, указываетъ еще, въ чемъ слѣдуетъ искать удлиненія формы: въ *количествѣ* или *качествѣ* звуковъ? Если сравнимъ слогъ *ну* съ звукомъ *а* по ихъ продолжительности, то увидимъ, что первый также способенъ обозначать собою краткость, какъ *а* — продолжительность; ибо звукъ *у*—самый ближайшій къ краткому *ъ*, почти не гласному звуку, (см. объ элементахъ и формахъ Сл. Русск. яз. М. Н. Каткова. 1845 г.) и притомъ онъ вставляется не одинъ, а съ согласнымъ плавнымъ *н*, чѣмъ усиливается элементъ согласныхъ въ формѣ глагола. Извѣстно, что чѣмъ болѣе согласныхъ звуковъ въ словѣ, тѣмъ слово требуетъ быстрѣйшаго произношенія: иначе они непроизносимы. Стало

быть, вставкою *ну* языкъ указываетъ непосредственно на краткое значенiе цѣлой формы. Между тѣмъ какъ звукъ *а* есть самый чистый элементъ гласнаго звука, способный самъ по себѣ не къ сокращенiю, а къ удлиненiю. Но что такое звукъ *н* въ слогѣ *ну*? При объясненiи значенiя звука *н* въ слогѣ *ну* не должно выпускать изъ виду того обстоятельства, что *ну* служитъ образовательнымъ слогомъ, не только формы краткой степени глагола, но и цѣлаго разряда глаголовъ, отнесенныхъ Добровскимъ ко 2-му классу; какъ напр. *гнуть*, *сохнуть*, *вянуть* и т. п., гдѣ *ну* вовсе не означаетъ краткаго, быстраго проявленiя дѣйствiя.

М. Н. Катковъ (стр. 200—202) говоритъ: «можно полагать, что буква *н* появилась здѣсь въ замѣнъ ей сродной б. *м*, бывшей личнымъ суффиксомъ... глаголы: *стать*, *дѣть*, въ древнѣйшую эпоху ходившiе въ 1-мъ лицѣ настоящаго времени безъ сомнѣнiя такъ: *стамь*, *дѣмь*, могли принять, какъ и глаголъ *дамъ* по *краткости и быстротѣ* своего спряженiя, видъ совершенный, и слѣд. значенiе будущаго времени... потомъ *м* обратилась въ *н*: *стану*, *дѣну*... Происшедшая такимъ путемъ б. *н* позабыла о своемъ происхожденiи, а объявила себя буквою гласной, глагольнымъ характеромъ.» Далѣе авторъ говоритъ: «Впрочемъ мы не крѣпко держимся этой догадки, и безъ нея довольно ясно, почему второобразные глаголы на *н* получаютъ характеръ совершеннаго или однократнаго дѣйствiя. Главная причина — краткость спряженiя, совершенно сходнаго съ спряженiемъ глаголовъ 1-го класса (по Добровскому къ первому классу относятся глаголы, не принимающiе никакой характерной гласной передъ суффиксомъ неокончательнаго накл. *ти*, *(ть)*), самыхъ краткихъ въ своемъ образованiи. Б. *н* даетъ лишь возможность глаголамъ вступать въ краткое, по Гриммовой терминологiи, сильное спряженiе.» Отсюда слѣдуетъ только то, что сказано авторомъ въ концѣ, т. е. что чрезъ б. *н* глаголъ получаетъ возможность спрягаться кратко (сильно по Гримму) — и что *н* поэтому способно сообщать глаголу значенiе однократности (по нашему краткости). К. С. Аксаковъ (стр. 26 «о русскихъ глаголахъ») говоритъ: «на этой степени (т. е. однократной) глаголъ къ тематической формѣ присоединяетъ окончанiе *ну*, или, лучше, букву *н*, за которой слѣдуетъ глагольное окончанiе, напр. *стукну*, *крикну* и пр.» Такимъ образомъ зв. *н*, образующiй глагольныя формы, по мнѣнiю двухъ филологовъ, М. Н.

Каткова и К. С. Аксакова, сообщаетъ однократное (краткое) значеніе дѣйствію. Но К. С. Аксаковъ развиваетъ эту мысль подробнѣе. По его мнѣнію, всѣ глаголы съ характеромъ *ну* имѣютъ однократное значеніе (стр. 32). «Есть даже глаголы однократной степени, имѣющіе только одну эту степень. Но они принимаютъ особенное значеніе и употребляются *въ настоящемъ* (!), напр: *сохну*, *вяну* (вядну), *мокну*, *льну* (льпну), другая ф. *липну*. Страность употребленія однократной степени въ настоящемъ времени объясняется самимъ значеніемъ этихъ глаголовъ. Эти глаголы показываютъ *постоянное нарощеніе дѣйствія*, его увеличеніе, его движеніе далѣе и далѣе. Такимъ образомъ, здѣсь дѣйствіе, усиливаясь и безпрестанно прибавляясь, является постоянно не какъ тажой же, но какъ новый, съ новою силою наступающій моментъ, все сильнѣе и сильнѣе; потому глаголъ, выражая съ одной стороны дѣйствіе, какъ наступающій моментъ, получаетъ форму *однократную*; но такъ какъ онъ съ другой стороны высказываетъ, что каждый моментъ сильнѣе другаго, высказываетъ мысль постояннаго перехода, самое *наступаніе*, и притомъ сильнѣйшаго (?) момента, высказываетъ *постепенность*, — мысль уже *общую*, слѣд. неопредѣленное понятіе, — то онъ принимаетъ неопредѣленное и притомъ существенное значеніе и употребляется въ *настоящемъ*. Эти глаголы — новое доказательство, что русскій языкъ беретъ въ расчетъ не время, но сущность, смыслъ самого дѣйствія. Здѣсь русскій яз. прекрасно соединилъ и понятіе непрерывной мгновенности возрастанія, и, въ тоже время, понятіе этой мгновенности, самой по себѣ, какъ общаго состоянія.» Совсѣмъ этимъ мы не можемъ согласиться. Во первыхъ, противно смыслу русскаго глагола имѣть одну только форму краткой степени. Во вторыхъ, нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что однократная степень можетъ употребляться въ значеніи настоящаго времени — и потому объясненіе, предложенное авторомъ съ цѣлію оправдать такое употребленіе, въ этомъ случаѣ, — напрасно; въ третьихъ самое объясненіе можетъ быть отнесено и къ глаголамъ, неимѣющимъ образовательнаго слога *ну*, какъ напр: *бѣлѣю*, *дорожаю*. Чувствуя это, авторъ говоритъ: «эти *однократные* глаголы, выражающіе постепенность, соотвѣтствуютъ другимъ глаголамъ, происходящимъ отъ прилагательныхъ, образованныхъ чрезъ *ѣю* и даже (!) *аю*» (какъ будто это *аю* есть что нибудь другое, чѣмъ *ѣю*). Очевидно,

эти глаголы происходятъ отъ формъ сравнительной степени: *бѣлѣе*, *дороже*, *легче*, гдѣ звукъ *а* вм. *ѣ* послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* — *бѣлѣю*, *дорожаю*, *облегчаю*. «Такіе глаголы на *ѣю* и *аю* должны быть отнесены къ глаголамъ существеннымъ неопредѣленной степени, и къ такимъ (еще!), которые (что объясняется смысломъ ихъ) не имѣютъ ни *отвлеченнаго* вида той же степени и никакой другой степени, подобно какъ глаголы отъименные на *ую*, съ которыми они, впрочемъ, разнятся въ значеніи; здѣсь *ѣ* и *а* суть только *посредствующія*, *образовательныя буквы*.» Отъ чего производитъ эти глаголы авторъ? Видно только, что не отъ сравнительной степени именъ прилагательныхъ, какъ слѣдовало бы. Но посмотримъ на различіе глаголовъ по значенію съ признакомъ *н* и вышеприведенными *ѣ* и *а*! «Между *однократными постепенными* (съ признакомъ *н*, *ну*) и *постепенными неопредѣленными* (ѣ, а: бѣлѣть, дорожать)» говоритъ авторъ: «есть ощутительная разница. Въ однократныхъ на первомъ планѣ — наступающій моментъ, усиленіе дѣйствія, однимъ словомъ, *однократность*.» Вотъ именно этого-то и нѣтъ, по нашему мнѣнію. «Въ глаголахъ постепенныхъ, неопредѣленныхъ, на первомъ планѣ *состояніе дѣйствія*, неопредѣленность;» (откуда же это видно?) «отсюда въ нихъ самое усиленіе дѣйствія является медленно.» Неужели въ самомъ дѣлѣ можно согласиться безусловно, что въ формахъ: *сохнуть*, *сохну*, *сохъ*, *сохнулъ* выражается усиленіе дѣйствія быстрѣе, а въ формахъ: *бѣлѣть*, *бѣлѣю*, *бѣлѣлъ* — медленнѣе? Развѣ никогда усиленіе дѣйствія въ этихъ глаголахъ не можетъ проявляться обратнымъ образомъ, смотря по веществу бѣлѣющаго и сохнущаго предмета? Развѣ тутъ значеніе дѣйствія, какъ оно объясняется авторомъ, не зависитъ отъ многихъ постороннихъ условій? Очевидно, да. Но авторъ продолжаетъ развивать и доказывать свою мысль такимъ образомъ: «Это преобладающее значеніе *состоянія* даетъ возможность этимъ глаголамъ получать особенный смыслъ: мы можемъ сказать, напримѣръ: *что желтѣетъ вдали?* здѣсь понятіе постепеннаго усиленія уже *почти* (почему же: не *вовсе?*) поглощено понятіемъ состоянія; между тѣмъ, какъ соотвѣтственный однократный глаголъ: *желкну* всегда имѣетъ значеніе: *становиться желтымъ*.» Нѣтъ. Во первыхъ ф. *желкну*, *желкнуть*, хотя имѣетъ близкое сродство съ формою *желтѣть*, однако имѣетъ другое значеніе, указывая не столько на самый цвѣтъ, сколько на то вещество, отъ котораго предметъ

становится желтымъ, или, которымъ обусловливается извѣстнаго рода цвѣтъ. Ф. *желк-ну-ть*, очевидно, происходитъ отъ корня *желк*, отъ котораго съ одной стороны образуется глаголъ: *желк-ну-ть;* съ другой — существительное имя: *желчь* и прилагательное: *желчный*, тогда какъ форма: *желтѣть* происходитъ отъ корня свойственнаго прилагательной формѣ: *желт—желтый.* Стало быть *желкнуть*, хотя и значитъ *становиться желтымъ* но вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на причину такого становленія, — на самое вещество, отъ котораго предметъ становится желтымъ; другими словами, означаетъ болѣе *усиленіе того вещества въ предметѣ*, отъ котораго онъ становится желтымъ, чѣмъ усиленіе признака, зависящаго отъ вещества. Во вторыхъ, правда, мы можемъ сказать: *что желтѣетъ вдали*; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы это выраженіе точно выражало ту мысль, которую видитъ въ ней авторъ. Точнѣе выражается мысль автора такимъ образомъ: *что желтѣется вдали. Бѣлѣть* и *бѣлѣться, желтѣть* и *желтѣться*, *краснѣть* и *краснѣться* и пр. имѣютъ очевидное различіе между собою; а потому употреблять одно вмѣсто другаго — не основательно. Однѣми формами выражается постепенное усиленіе признака въ предметѣ: *бѣлѣть*, *краснѣть*, *блѣднѣть*; другими — явленіе нредмета подъ условіемъ этого признака. *Бѣлѣть* — становиться бѣлымъ, т. е. дѣлаться бѣлѣе и бѣлѣе; *бѣлѣться* — казаться уже бѣлымъ, являться уже бѣлымъ. Самая этимологія этихъ глаголовъ подтверждаетъ то значеніе, которое указано нами: *бѣлѣть* отъ сравнит. ф, *бѣлѣе*. Напр: «Сталъ Вольга *растѣть — матерѣть*», т. е. быть рослѣе и матерѣе. Этимъ производствомъ народный языкъ пользуется весьма свободно. Напр: отъ нарѣчія: *далѣе* производитъ глаголъ: *отдалѣть* — отстоять далѣе, казаться болѣе отдаляющимся.

Церковь отъ града *отдалѣла* —
Не близко и не далеко — на пять поприщъ.

(Безсон. Калѣки перех. № 127).

отъ прилагат. *сердитый* ср. *сердитѣе* происходитъ глаголъ: *сердитѣть* — становиться сердитѣе; *разсердитѣться* — сдѣлаться, стать сердитымъ.

А злодѣй царище — Демьянище
На свѣта Егорья *разсердитѣлся.*

(Безсон. Калѣки перех. № 104).

Какъ *бѣлѣть* значитъ: становиться бѣлымъ, такъ и *сохнуть* значитъ: становиться сухимъ (ибо нѣтъ ф. *сушѣть*). Какъ *бѣлѣть* показываетъ, что предметъ дѣлается бѣлѣе, такъ и *сохнуть* показываетъ, что предметъ дѣлается суше. Въ ф. *сохнуть* мы не видимъ ни малѣйшаго намека на однократность (или краткость), и потому никакъ не можемъ назвать глаголы: *сохнуть*, *вянуть*, *тонуть* — однократными, какъ дѣлаетъ это К. С. Аксаковъ. Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, что звукомъ *н*, входящимъ въ образованіе глаголовъ чрезъ слогъ *ну*, не всегда выражается краткость дѣйствія.

Гораздо глубже. и основательнѣе мнѣніе Ѳ. И. Буслаева, который считаетъ звукъ *н* въ глаголахъ съ признакомъ *ну* за признакъ страдательнаго причастія (О вліяніи Христіанства на Славянскій яз. Ѳ. Буслаева. 1848 г. стр. 187), и мы можемъ принять его съ большею пользою для нашего объясненія, замѣнивъ названіе *причастія страдательнаго* названіемъ суффикса *прилагательнаго* значенія. Такимъ образомъ, звукъ *н*, являясь прилагательнымъ суффиксомъ, неоспоримо долженъ сообщать значеніе *качественности* тому понятію, которое содержится въ корневыхъ звукахъ слова. Слѣд., принимая суффиксъ *н* для образованія глаголовъ, языкъ желалъ отмѣтить посредствомъ его въ ихъ значеніи *очевидную*, *наглядную качественность дѣйствія*. Чтобы дѣйствіе получило наглядное значеніе качества, необходимо, чтобы оно представлялось сознанію либо *проявляющимся постоянно* въ предметѣ, либо переставшимъ проявляться, какъ дѣйствіе, но всегда способнымъ проявиться какъ качество — признакъ. Первое представленіе дѣйствія возможно лишь подъ условіемъ его развитія; второе — подъ условіемъ крайняго предѣла краткости въ проявленіи. Оттого суффиксъ *н*, входя въ образованіе формъ глагола, удобно можетъ выражать и неопредѣленную продолжительность и краткость дѣйствія. Такъ съ одной стороны мы встрѣчаемъ формы: *сохну*, *вяну*, *гибну*, *тону* и пр., которыми выражается неопредѣленная продолжительность дѣйствія; съ другой—формы: *стану*, *крикну*, *стукну*, *плюну*, *шагну*, которыми выражается крайній предѣлъ краткости дѣйствія. Въ первомъ разрядѣ глаголовъ: *сохну*, *вяну*, *гибну* и пр. дѣйствіе представляется сознанію постоянно продолжающимся подъ условіемъ своего развитія; во второмъ: *стану*, *крикну*, *стукну*, *начну*, *черкну* и пр. дѣйствіе представляется способнымъ проявиться всегда подъ условіемъ крайняго предѣла

краткости. Во всѣхъ глаголахъ перваго разряда суффиксъ *ну* можетъ быть выпущенъ и удержанъ передъ суффиксомъ прилагательной формы: *лъ*, *ла*, *ло; сохну* — прил. ф. *сох(л)ъ*, *сох-ла*, *сох-ло* и *сох-ну-лъ*, *сох-ну-ла*, *сох-ну-ло; тя(г)ну* прилаг. ф. *тяг(л)ъ* въ полной *тяглый*, какъ *бѣг(л)ъ* — бѣглый и *тя-ну-лъ; то(п)ну* — прилагат. ф. *топ(л)ъ* (утопъ, утопла, утопло) и *то-ну-лъ*, *ла*, *ло* и пр. ф. *то-ну-ть* и *то-(п)-нуть*.

Не давай намъ *потопнути* *)
Во крови во жидовскія.

мок-ну — прилаг. ф. *мок*(л)*ъ*, *мокла*, *мокло* и *мок-ну-лъ*, *ла*, *ло* и пр. Предпочтеніе той или другой формѣ дается уже употребленіемъ; суффиксъ же *ну*, сообщающій наглядную качественность глаголу, передъ другимъ суффиксомъ (лъ, ла, ло) подобнаго же значенія, является излишкомъ, роскошью формы. Но тотъ же суффиксъ *н*, стоящій послѣ согласнаго тематическаго окончанія глаголовъ 2-го разряда, удерживается постоянно передъ слѣдующимъ за нимъ прилагательнымъ суффиксомъ *лъ*, *ла*, *ло* на томъ основаніи, что въ этомъ случаѣ за нимъ остается значеніе *краткости* дѣйствія. *Крик-ну* — прилаг. ф. *крик-ну-лъ*, а не крик(л)ъ и т. п. *Топ-ну* (ногою) — *топ-нулъ*, а не топ(л)ъ; тогда какъ глаголъ *топ-ну* — въ значеніи *тону* имѣетъ *топъ*, *топла*, *топло*. *Шагну* — прилаг. ф. *шагну-лъ*, *ла*, *ло* и пр., а не *шаг*(л)*ъ* и пр. Въ глаголахъ же, имѣющихъ гласное тематическое окончаніе, какъ напр. *на-чать*, *стать*, *дѣть*, суффиксъ краткости *ну* выбрасывается передъ прилагат. суффиксомъ: *лъ*, *ла*, *ло;* потому что онъ въ этомъ случаѣ только бы растянулъ форму безъ всякой нужды. А потому: *ста-ть*, *стану* — прилаг. ф. *ста-лъ*, а не *ста-ну-лъ*; *дѣ-ть*, *дѣ-ну* — прилаг. ф. *дѣ-лъ* а не *дѣнулъ*; *нача-ть*, *нач-ну* (одно *а* замѣнилось: *ну*) прил. ф. *нача-лъ*, а не *начнулъ*. Впрочемъ народный языкъ допускаетъ существительную ф. *ста-ну-ть* вм. *ста-ть; достануться* вм. *достаться*. Въ стихѣ объ Егоріѣ и Лизаветѣ Прекрасной. (Калѣки перехожіе. Безсоновъ. Ч. I. вып. 2 № 120).

Тогда князья-бояра
На соймище собирались,

*) Т. е. мать сыра земля. Безсонова. Калѣки перех. Вып. Ш. ч. 1 въ стихѣ о Ѳедорѣ Тирянинѣ.

Соборы они соборовали,
И жеребьи закладывали:
Кому напередъ звѣрю *достануться* (вм. достаться).
На съѣденіе, на смертное потребленіе?

Во всякомъ случаѣ видно, что суффиксъ *ну*, выражающій краткость, — устойчивѣе передъ прилагательной ф. *лъ*, чѣмъ тотъ же суффиксъ *ну* съ значеніемъ самого качества, выражаемаго дѣйствіемъ. Такимъ образомъ то, что казалось неправильностью въ языкѣ, получаетъ смыслъ необходимости при томъ взглядѣ на суффиксъ *ну* и на русскій глаголъ, который мы изложили выше.

V.

О глаголахъ, сложныхъ съ предлогами.

Обыкновенно въ нашей грамматикѣ простые глаголы смѣшиваются съ предложными такъ, что формы послѣднихъ служатъ какъ бы дополнительными формами первыхъ; напримѣръ: будущее и прошедшее — совершенныя времена возможны (по ученію грамматики), только отъ глаголовъ, сложныхъ съ предлогами, равно какъ и виды: совершенный и несовершенный. Отъ глагола: *дѣлать* видъ совершенный (окончательный): *сдѣлать*, *надѣлать*, *придѣлать*, *додѣлать* и пр. Будущее совершенное: *сдѣлаю*, *додѣлаю* и пр.; прошедшее совершенное: *сдѣлалъ*, *придѣлалъ* и пр. Если бы предлогъ, соединяясь съ глаголомъ, служилъ для образованія формы совершеннаго — окончательнаго вида, или времени въ языкѣ; то онъ самъ долженъ былъ бы содержать въ себѣ тотъ смыслъ *оконченности* или *совершенія*, который сообщаетъ дѣйствію. Но такъ какъ извѣстно, что одинъ и тотъ же предлогъ, присоединяясь къ разнымъ глаголамъ, можетъ служить для образованія времени, или вида *несовершеннаго* (неокончательнаго); то необходимо допустить, что предлогъ кромѣ смысла совершенія, оконченности, долженъ содержать въ себѣ также и смыслъ *неоконченности*, несовершенія, т. е. необходимо допустить, что въ одномъ и томъ же предлогѣ могутъ быть, въ одно и тоже время, два совершенно противо-

положныхъ значенія: *оконченности* и *неоконченности*,—что, очевидно, нелогично. Напримѣръ: глаголъ *дѣлать*, имѣющій значеніе вида неопредѣленнаго, соединяясь съ предлогомъ *съ*: *с+дѣлать*, получаетъ, по ученію грамматики, значеніе вида *совершеннаго*; а гл. *ходить*, соединяясь съ тѣмъ же предлогомъ *съ*, получаетъ значеніе вида *несовершеннаго*. Противорѣчіе здѣсь очевидно. Поэтому основанное на немъ ученіе о значеніи предлоговъ въ соединеніи ихъ съ глаголами должно быть признано ложнымъ. Глаголъ соединяется съ предлогами вовсе не для того, чтобы образовать формы совершенныхъ и несовершенныхъ видовъ и временъ: такого формалистическаго направленія въ этимологическомъ развитіи русскаго глагола мы не видимъ. Если бы предлоги служили для образованія временныхъ, или видовыхъ формъ въ русскомъ глаголѣ, то для чего было бы глаголу принимать по два, а иногда и по три предлога, напр. *попризадуматься*?.. Обратимся къ языку. Разберемъ хоть два примѣра, и посмотримъ, къ чему служатъ предлоги, соединяясь съ глаголомъ.

Захотѣлось Добрынѣ походить погулять
По стольному по городу по Кіеву:
Надоть всѣ улицы *повыходить*
И всѣ переулочки *повысмотрѣть*.

Въ глаголахъ: *по-вы-ходить*, *по-вы-смотрѣть*, общія дѣйствія: *ходить*, *смотрѣть*, принимая предлоги впереди, получаютъ значеніе частное, особенное. Ближайшая приставка, или предлогъ *вы* ограничиваетъ дѣйствія пространствомъ, такъ сказать, ихъ проявленія, т. е. какъ дѣйствіе *ходить*, такъ и дѣйствіе *смотрѣть* — оба могутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока будетъ, гдѣ ходить и что̀ смотрѣть. *Выходить*, *высмотрѣть* — значитъ *все*, на чемъ только можетъ проявиться и то и другое дѣйствіе. Соединяясь же съ другимъ предлогомъ *по*, оба дѣйствія получаютъ новый оттѣнокъ въ своемъ значеніи, именно: оттѣнокъ постепенности, послѣдовательности въ своемъ проявленіи. Эта постепенность проявленія обоихъ дѣйствій ставится какъ бы въ зависимость отъ послѣдовательности предметовъ, являющихся на пути обоихъ дѣйствій. *Повыходить улицы* значитъ какъ бы: *выходить всѣ улицы одну послѣ другой или одну за другой; повысмотрѣть переулочки — высмотрѣть пе-*

реулочки одинъ послѣ другаго, или одинъ за другимъ. Такимъ образомъ, глаголъ, соединяясь съ предлогами, теряетъ общее значеніе дѣйствія и получаетъ значеніе дѣйствія частнаго, выражающаго, такъ сказать, *новый*, *особенный образъ* своего проявленія. Отъ соединенія съ тѣмъ или другимъ предлогомъ зависитъ *картинность*, *изобразительность* дѣйствія, а не та сухая отвлеченность, которою выражается его оконченность, или неоконченность.

И идетъ (Добрыня) во теремъ златоверховатый,
По ступенчикамъ идетъ, поколачиваетъ (*)
Ступенчики гибаются, весь теремъ шатается.
Зачалъ во гусли играть-приговаривать,
И всѣ на пиру *пріутихли — сидятъ*,
Сидятъ на скоморошину посматриваютъ.

Какая широкая картина дѣйствія въ стихѣ: «*и всѣ на пиру пріутихли — сидятъ*»! А чему обязано здѣсь дѣйствіе такою изобразительностію, такою живою картинностію, какъ не приставкамъ: *при* и *у*? Въ двухъ словахъ; *пріутихли — сидятъ* выражено: — и предшествовавшій пирный шумъ, и постепенная смѣна этого шума глубокою тишиною, и наконецъ спокойное состояніе пировавшихъ въ сидѣніи и слушаніи пѣсенъ гусляра! А грамматика учитъ, что посредствомъ предлоговъ образуются формы совершенныхъ временъ и видовъ! Если бы предлогами выражались точнѣе, опредѣленнѣе, только отвлеченныя, логическія отношенія мысли; то едва-ли простой, безъискуственный, народный языкъ употреблялъ бы ихъ такъ охотно въ своихъ пѣсняхъ, сказкахъ, былинахъ и пословицахъ. Между тѣмъ, любовь народнаго языка къ предлогамъ не подлежитъ сомнѣнію. Она видна и въ *повтореніи* одного и того же предлога безъ всякой видимой необходимости; напр.

Захотѣлось Добрынѣ походить — погулять
По стольному *по* городу *по* Кіеву...

и въ *удвоеніи* иногда предлога; напр.

Вовъ правую ручку дайте саблю вострую,
Вовъ лѣвую ручку калену стрѣлу,

(*) *Шалыгой* или палицей во 12 пудъ.

Въ головахъ поставьте чуденъ — дивенъ крестъ,
Вовъ ногахъ поставьте ворона коня.

и въ *постановкѣ двухъ разныхъ предлоговъ* предъ однимъ словомъ, когда, повидимому, слѣдовало бы употребить только одинъ изъ нихъ; напр. Добрыня, отъѣзжая въ поле, говоритъ женѣ:

Ежели не буду черезъ шесть годовъ изъ чиста поля,
То тамъ, жена, хоть вдовой живи, а хоть *въ за* мужъ поди.

или:

Разъѣзжалися братаны *на у* три версты,
Они съѣхались братаны поздоровались,
Они саблями ударились широкими,
И тутъ другъ друга не ранили.

(Кирѣевск. вып. 3 стр. 16 ст. 237 и далѣе).

Для чего иного здѣсь вставленъ предлогъ *у*, какъ не для большей изобразительности, или болѣе точной обстоятельственности дѣйствія? Предлогомъ *у* точнѣе, по смыслу рѣчи, намѣчаются точки разстоянія, раздѣляющаго двухъ богатырей (Одолища и Ивана Годиновича) между собою. Изъ приведенныхъ примѣровъ видимъ, что въ народномъ языкѣ допускается широкое и смѣлое употребленіе и сопоставленіе предлоговъ. Все это убѣждаетъ насъ, что употребленіе предлоговъ въ соединеніи съ глаголами служитъ для изобразительности рѣчи, для обозначенія большей наглядности, — обстоятельственности дѣйствія; а не для образованія какой либо формы съ условнымъ, или отвлеченнымъ значеніемъ.

Теперь, если предлоги, присоединяясь къ глаголамъ въ русскомъ языкѣ, ограничиваютъ значеніе дѣйствія *обстоятельственностью* его проявленія, — и чрезъ это низводятъ родовое и общее значеніе глагола, въ видовое и особенное; то мы никакъ не можемъ допустить смѣшенія простыхъ глаголовъ, съ сложными; глаголъ *дѣлать* не тоже значитъ, что *додѣлать*, или *задѣлать*, или *придѣлать*, или *надѣлать*, или *отдѣлать*, или *обдѣлать*, или *сдѣлать*, или *поддѣлать*, или *позадѣлать*, или *понадѣлать* и пр. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ можно легко убѣдиться, что чѣмъ болѣе глаголъ одѣвается предлогами, тѣмъ понятіе о дѣйствіи становится шире по содержанію (т. е. по своимъ обстоятельственнымъ признакамъ)

и уже по объему; потому что общая качественность его значенія окружается частною обстоятельственностью дѣйствія. Если *качественность* сообщаетъ всѣмъ глаголамъ въ русскомъ языкѣ общія краски жизни, то *обстоятельность* сообщаетъ каждому глаголу, отдѣльно, свойственные ему одному, разнообразные оттѣнки.

Отдѣливъ простые глаголы отъ сложныхъ, посмотримъ, въ какомъ отношеніи они могутъ находиться между собою *по качественности* своего значенія, которая, какъ извѣстно, выражается степенями дѣйствія.

Понятно, если мы возьмемъ простой глаголъ и будетъ соединять его съ предлогами, припоминая всѣ тѣ значенія, съ которыми онъ употребляется въ рѣчи; то, при сравненіи простаго глагола съ производными отъ него сложными глаголами, *по качественности* значенія, можемъ ожидать отношеній между ними *двоякаго рода:* или качественность простаго глагола *удерживается*, или *не удерживается* на той же степени значенія въ производномъ отъ него сложномъ глаголѣ. Напримѣръ: возьмемъ глаголъ *ходить — хожу*, *ходилъ*. Качественность его въ данной формѣ опредѣляется абсолютно-продолженною степенью значенія. Соединимъ его съ предлогомъ: *при*, не измѣняя формы, и получимъ сложный глаголъ: *приходить — прихожу*, *приходилъ*. Качественность этого новаго производнаго глагола во всѣхъ случаяхъ употребленія своего въ рѣчи удерживается на той же степени значенія, т. е. на степени абсолютно-продолжительнаго значенія. Возьмемъ теперь другой глаголъ, напр: *читать*, *читаю*, *читалъ*. Качественность его опредѣляется, очевидно, абсолютно-продолженною степенью значенія. Соединимъ его съ предлогомъ: *до*, получимъ: *дочитать*, *дочитаю*, *дочиталъ*. Качественность этого новаго, сложнаго глагола во всѣхъ случаяхъ своего употребленія въ рѣчи, уже не удерживается на той же абсолютно-продолженной степени значенія; ибо продолженность дѣйствія *дочитать* представляется сознанію уже не общею, абсолютною, какъ въ гл. *читать*, а опредѣленною, ограниченною извѣстнымъ какимъ либо предѣломъ, краемъ, концемъ, который лежитъ собственно не въ глаголѣ и не въ предлогѣ, а въ томъ предметѣ, на которомъ проявляется дѣйствіе: въ *книгѣ*, *письмѣ*, *рукописи*, *таблицѣ* и пр. Другими словами, дѣйствіе *читать* въ глаголѣ *дочитать* теряетъ уже значеніе безотносительности своего проявленія къ предмету, и, та-

кимъ образомъ, изъ общаго, родоваго, безотносительнаго дѣйствія переходитъ въ дѣйствіе частное, видовое, относительное.

Спрашивается: когда же качественность значенія простаго глагола *удерживается* въ производномъ отъ него сложномъ глаголѣ съ предлогомъ, — и когда она *не удерживается* — на той же степени своего значенія? Для рѣшенія этого вопроса необходимо прежде объяснить подробнѣе значеніе предлоговъ.

«Значеніе предлоговъ», говоритъ К. С. Аксаковъ въ своей брошюрѣ «о русскихъ глаголахъ» стр. 36: «измѣряется обыкновенно падежами: такой-то требуетъ винительнаго, такой-то родительнаго, — и довольно: между тѣмъ какъ значеніе лежитъ въ самыхъ предлогахъ. Значеніе это находится въ нихъ, какъ *намекъ*, который становится ясенъ только при падежѣ; такимъ образомъ, требуемый падежъ является здѣсь не случайно — прирожденною особенностію предлога, но есть слѣдствіе его значенія. На такое соображеніе, кажется, должно бы навести уже одно то, что иные, одни и тѣже, предлоги требуютъ нѣсколькихъ падежей.» Совершенно справедливо. Мнѣніе, что предлогъ требуетъ извѣстнаго падежа, даетъ ложное понятіе какъ о значеніи предлога, такъ и о значенін падежа. Употребляя постоянно такое выраженіе, грамматика пріучаетъ думать, что форма падежа не имѣетъ самостоятельнаго значенія, и что предлогъ дѣйствительно заключаетъ вь себѣ силу управленія. Между тѣмъ какъ изъ того, что какой либо предлогъ употребляется въ соединеніи съ какимъ либо однимъ даже падежомъ, вовсе не слѣдуетъ заключать съ одной стороны о зависимости этого падежа отъ предлога, съ другой — о силѣ управленія послѣдняго. Оба заключенія составляютъ лишь одно сугубое заблужденіе, мѣшающее живому изученію языка и здравому пониманію его смысла. Сказавъ, что такой-то предлогъ требуетъ такого-то падежа, и подтвердивъ сказанное множествомъ примѣровъ, грамматика заставляетъ убѣждаться какъ въ зависимости формы падежа отъ предлога, такъ и въ силѣ управленія послѣдняго, и тѣмъ самымъ устраняетъ живое, сознательное пониманіе употребленія предлоговъ и падежей въ русской рѣчи. Она дѣлаетъ это такъ, что какъ будто бы вопросъ — *почему* такой-то предлогъ требуетъ такого-то падежа въ русскомъ языкѣ, — не долженъ и приходить въ голову, не смотря на то, что въ рѣшеніи этого вопроса и заключается весь интересъ знанія и надлежащаго пониманія языка. Мы указали на этотъ вопросъ, разумѣется, не съ тѣмъ, чтобы

пускаться въ его рѣшеніе въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи— онъ очень важенъ и требуетъ особаго изслѣдованія, — но съ тѣмъ, чтобы посредствомъ его сильнѣе возбудить въ читателѣ сомнѣніе относительно, такъ называемаго въ грамматикахъ, *управленія предлоговъ.* Значеніе падежа также самостоятельно и независимо отъ стоящаго передъ нимъ предлога, какъ самостоятельно и независимо отъ падежа значеніе предлога, скрытое въ немъ, какъ общій, неопредѣленный намекъ на обстоятельство. Поэтому, сопоставленіе предлога съ тѣмъ, или другимъ падежомъ основано на соотвѣтствіи ихъ взаимно опредѣляющихъ другъ друга значеній. Возьмемъ, напримѣръ, предлогъ *съ*, который, какъ извѣстно, употребляется въ рѣчи съ тремя падежами: родительнымъ, винительнымъ и творительнымъ. Что значитъ это употребленіе? То, что въ предлогѣ *съ* заключается намекъ на такое общее обстоятельственное значеніе, которымъ можетъ опредѣляться смыслъ падежей —родительнаго, винительнаго и творительнаго; или, что предлогъ *съ* имѣетъ нѣчто общее со смысломъ каждаго изъ поименованныхъ падежей. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что родительнымъ падежомъ обозначается въ языкѣ *исключеніе* въ смыслѣ опредѣленія, или ограниченія по качеству, количеству, принадлежности, напр. *домъ отца.* Въ этомъ примѣрѣ родительнымъ падежомъ обозначается исключеніе предмета *домъ* изъ среды другихъ домовъ въ смыслѣ опредѣленія его (т. е. дома) *по принадлежности. Много воды; наѣхало гостей* — обозначается исключеніе части изъ цѣлаго, т. е. опредѣленіе *по количеству. Человѣкъ дѣла* — исключеніе предмета *человѣка* изъ среды другихъ людей въ смыслѣ опредѣленія *человѣка* по его качеству, вм. *дѣловой человѣкъ.* Отрицаніе относится также къ понятію объ исключеніи. Съ понятіемъ же объ исключеніи соединяется понятіе о направленіи, которое можно опредѣлить общимъ вопросомъ: *откуда*? Слѣд., родительному падежу свойственно выражать, между прочимъ, и направленіе *откуда*; но это послѣднее возможно для него лишь съ помощію предлога. Обстоятельство — *откуда* имѣетъ общій, неопредѣленный смыслъ. Это видно изъ того, что оно можетъ быть выражено формою родительнаго падежа съ предлогами: *изъ*, *отъ* и *съ*. Каждый изъ этихъ предлоговъ въ соединеніи съ родительнымъ падежомъ опредѣляетъ особый оттѣнокъ, или особое, частное значеніе общаго обстоятельства—*откуда.* Такъ, предлогомъ *съ* въ соединеніи съ падежомъ родительнымъ выражается именно та точка, съ которой

начинается обстоятельственное значеніе предмета; напр. *взять книгу со стола.* Однимъ словомъ, видно, что, какъ въ родительномъ падежѣ, такъ и въ предлогѣ *съ*, заключается общій смыслъ обстоятельственнаго значенія, который и обособляется во взаимномъ ихъ соединеніи. Это обособленіе обстоятельственнаго значенія зависитъ такимъ образомъ съ одной стороны отъ общаго смысла предлога, съ другой — отъ общаго смысла падежа. Общій смыслъ предлога *съ* представляетъ намекъ на *связь*, *соприкосновеніе* чего либо съ чѣмъ либо; а общій смыслъ родит. падежа даетъ возможность выражать ему направленіе—*откуда*; поэтому, предлогъ *съ* съ *родительн.* падежомъ вмѣстѣ и выражаютъ такое обстоятельство — откуда, которое отличается отъ всякаго другаго подобнаго же обстоятельства, выраженнаго также родительнымъ падежомъ, но съ другимъ какимъ либо предлогомъ, какъ напр. *изъ*, *отъ*. Точно также не трудно объяснить, почему *съ* можетъ употребляться съ винительнымъ падежомъ. Извѣстно, что винительный падежъ собственно опредѣляетъ собою дѣйствіе, или, лучше сказать, служитъ *мѣрою* для его проявленія. Долго-ли, коротко-ли дѣйствіе, но во всякомъ случаѣ оно имѣетъ *мѣру* въ предметѣ, на которомъ проявляется всецѣло, т. е. представляется для сознанія *совпадающимъ* въ крайнихъ точкахъ своего проявленія съ предметомъ. Напр. *читать книгу.* Дѣйствіе *читать* можетъ продолжаться долго и коротко, но во всякомъ случаѣ начало и конецъ проявленія дѣйствія представляются совпадающими съ началомъ и концомъ книги; стало быть, предметъ *книга* становится *мѣрою* для дѣйствія. Это особенно видно изъ выраженій: *спать всю ночь*, *трудиться недѣлю* и т. п. Теперь, если винительный падежъ заключаетъ въ себѣ смыслъ мѣры, сравненія, то весьма естественно языку выражать связь, соприкосновеніе, совпаденіе одного предмета съ другимъ по *обстоятельству мѣры* посредствомъ винительнаго падежа съ предлогомъ *съ;* напр. *огурецъ съ гору.* Предлогъ *съ* — указываетъ на связь двухъ предметовъ между собою, а стоящій при немъ винительный падежъ — на *мѣру*; и такимъ образомъ, общій смыслъ предлога *съ*, (состоящій въ намекѣ на *какую-либо обстоятельственную связь*), получаетъ новое, частное обстоятельственное значеніе. Наконецъ, творительнымъ падежомъ въ языкѣ обозначается *предметъ*, служащій какимъ либо обстоятельствомъ для проявленія дѣйствія: или обстоятельствомъ *образа* дѣйствія; напр. *онъ прибылъ водою* (какъ? какимъ образомъ?);

или обстоятельствомъ *причины*, напр: *дверь отворилась вѣтромъ* (вѣтеръ — причина того, что дверь отворилась); или обстоятельствомъ *времени*; напримѣръ: *лѣтомъ мы поѣдемъ въ деревню* (когда?); или обстоятельствомъ *орудія*; напр: *ходить ногами*. Даже такъ называемый въ грамматикахъ творительный лица при страдательномъ залогѣ, въ сущности, тоже, что творительный орудія; *книга читается мною*. Лицо здѣсь — орудіе, которымъ совершается дѣйствіе. Поэтому, когда между дѣйствіемъ и тѣмъ предметомъ, который по смыслу рѣчи долженъ имѣть при немъ обстоятельственное значеніе, нѣтъ непосредственной связи, тогда всего естественнѣе употребить предлогъ *съ*; напр: между дѣйствіемъ *читать* и предметомъ: *вниманіе* нельзя выразить обстоятельственной связи простою фор. творительнаго падежа и потому говорятъ: *читать со вниманіемъ* (обстоятельство образа дѣйствія). Стало быть, предлогомъ *съ* въ этомъ случаѣ обозначается *связь* между дѣйствіемъ и тѣмъ предметомъ, который служитъ ему обстоятельствомъ; короче, здѣсь предлогъ: *съ* имѣетъ одно *связующее* значеніе. Такъ какъ это послѣднее значеніе предлога: *съ* наиболѣе приближается къ смыслу его общаго намека на *обстоятельственное соединеніе*, а форма творительнаго падежа преимущественно предъ формами другихъ косвенныхъ падежей выражаетъ обстоятельственное значеніе предмета; то нѣтъ ничего удивительнаго, что соединеніе предлога *съ* съ формою творительнаго падежа чаще встрѣчается въ рѣчи, чѣмъ съ формами другихъ падежей. Подробнѣе разбирать значеніе предлога *съ* въ соединеніи съ падежами здѣсь не мѣсто, хотя смыслъ его въ живой рѣчи требуетъ болѣе глубокаго анализа. Наше дѣло было объяснить на примѣрѣ возможно-нагляднымъ образомъ то значеніе, которое вообще имѣютъ предлоги въ соединеніи съ падежами. Оно, какъ видно изъ всего сказаннаго нами, состоитъ въ *точнѣйшемъ опредѣленіи обстоятельственности*. Но какимъ образомъ обстоятельтвенность можетъ опредѣляться точнѣе, когда форма падежа имѣетъ общій смыслъ; предлогъ — также общій смыслъ? Вопервыхъ, какъ *ни общъ* смыслъ какого либо падежа, все таки онъ отличается имъ отъ другихъ падежей: слѣд. смыслъ его *общъ* только въ отношеніи къ частнымъ примѣненіямъ его въ рѣчи, но, по отношенію къ смыслу другихъ падежей, каждый падежъ имѣетъ свое особенное типическое значеніе. Точно также, какъ ни *общъ* намекъ какого либо предлога на обстоятельственное значеніе;

однако каждый предлогъ отличается отъ другихъ предлоговъ по своему особенному типическому смыслу; какъ напр: *съ*, *изъ*, *отъ*: *со стола*, *изъ стола*, *отъ стола* — всѣми выражается направленіе *откуда*; только *откуда — со стола* не тоже, что *откуда — изъ стола*, или *откуда — отъ стола*. Очевидно, что при общемъ намекѣ на направленіе — *откуда*, каждый предлогъ имѣетъ свою типическую особенность значенія. Во вторыхъ, не каждый предлогъ соединяется, или употребляется со всякимъ падежомъ въ рѣчи. Ясно, что соединеніе ихъ возможно только въ такомъ случаѣ, когда предлогъ и падежъ взаино могутъ опредѣлять другъ друга, когда общій смыслъ одного можетъ обособлять общій смыслъ другаго. Падежъ, соединяясь съ предлогомъ, выдѣляетъ въ этомъ послѣднемъ изъ общаго намека частное значеніе обстоятельства; предлоги, соединяясь съ падежами, выдѣляютъ также изъ общаго смысла его формы частное обстоятельственное значеніе. Такимъ образомъ, общій смыслъ падежа самоопредѣляется, соединяясь съ предлогомъ, точно также, какъ общій смыслъ предлога самоопредѣляется, соединяясь съ падежомъ. Въ этомъ то взаимномъ самоопредѣленіи и состоитъ *точнѣйшее опредѣленіе обстоятельственности*. Остается прибавить одно замѣчаніе относительно значенія предлоговъ въ соединеніи съ падежами: — чѣмъ соединеніе предлога ограниченнѣе, тѣмъ ограниченнѣе и его значеніе; т. е. если предлогъ соединяется съ большимъ количествомъ падежей; то, разумѣется, онъ долженъ имѣть и болѣе общій смыслъ въ своемъ обстоятельственномъ значеніи, — и обратно. Такъ предлоги: *съ*, *по*, употребляясь съ тремя падежами, заключаютъ болѣе общій, болѣе неопредѣленный намекъ на обстоятельственность, чѣмъ предлоги: *безъ*, *изъ*, *отъ*, *до*, *къ* и др., которые употребляются въ рѣчи только съ однимъ падежомъ.

Что касается до слитнаго употребленія предлоговъ, то къ нему можетъ относиться все то, что сказано нами объ ихъ отдѣльномъ употребленіи; потому что значеніе ихъ въ сущности остается то же, какъ въ отдѣльномъ, такъ и въ слитномъ употребленіи. Мы видѣли, что въ отдѣльномъ употребленіи смыслъ падежа и смыслъ предлога взаимно проникаютъ другъ друга, точно тоже явленіе замѣчается и въ слитномъ употребленіи, т. е., что смыслъ глагола и смыслъ предлога могутъ взаимно проникать другъ друга. Объ этомъ совершенно справедливо говоритъ К. С. Аксаковъ слѣдующее: (стр. 37) «Пред-

логи слагаются съ словами, преимущественно съ глаголами; это сложеніе особаго рода, и, сложное съ предлогомъ, слово не похоже на другія сложныя слова, въ которыхъ оба значенія опредѣленны и различны въ своемъ соединеніи (*благо-творю*, *дрово-сѣкъ*). Предлогъ слагается иначе. Будучи намекомъ, не имѣя опредѣленнаго значенія, онъ сливается со словомъ, проникаетъ его все своимъ смысломъ, и такимъ образомъ измѣняетъ его внутренно». Это *проникновеніе* легко подмѣтить какъ въ измѣненіи внутренняго значенія глагола, такъ и въ самыхъ его формахъ. Обратимся къ самимъ предлогамъ.

Русскій глаголъ соединяется съ слѣдующими предлогами: 1) *безъ* 2) *воз* (вс), 3) *въ*, 4) *вы*, 5) *до*, 6) *за*, 7) *изъ*, (ис) 8) *на;* 9) *надъ*, 10) *о*, *объ*, 11) *отъ*, 12) *по*, 13) *подъ*, 14) *пре*, *пере*, 15) *предъ*, 16) *при*, 17) *про*, 18) *раз*, 19) *съ*, 20) *у*.

1. Безъ. Разсматривая глаголы, соединяющіеся съ предлогомъ *безъ*, нельзя не замѣтить прежде всего того явленія, что всѣ они *производные* отъ именъ существительныхъ и что нѣтъ между ними ни одного, который бы сложился изъ кореннаго глагола; напр. *безбожить*, — отъ *богъ*, *безчестить* отъ сущ. *честь*, *безпокоить* — отъ *покой; бездѣльничать* — отъ *дѣльникъ* — дѣловой человѣкъ; *безумничать*—отъ *умникъ*, *безволосить*—отъ сущ. волосъ, *безгласить*—отъ сущ. гласъ, голосъ и т. п. Ясно, что собственно глаголъ не терпитъ соединенія съ этимъ предлогомъ. Смыслъ дѣйствія не сливается съ общимъ смысломъ предлога. Но съ другой стороны видно также, что и образованіе глагола не можетъ обойтися въ русскомъ языкѣ безъ этого предлога,—на что указываютъ такіе глаголы, какъ *безчестить*, *безпокоить;* — и тотъ и другой глаголъ не могутъ быть замѣнены выраженіями: *не честить*, *не покоить*. Далѣе, вникая глубже въ значеніе глаголовъ, начинающихся предлогомъ, или приставкою *безъ*, мы различаемъ въ нихъ два разряда: одни имѣютъ общій смыслъ *лишать* чего либо, другіе же — *отрицать что либо въ себѣ*. Стало быть, одни имѣютъ *относительное* общее значеніе, другіе: *самостоятельное общее значеніе*. Къ первымъ относятся глаголы *безбожить* — лишать бога; *безчестить* — лишать чести, *безпокоить* — лишать покоя, *безволосить* лишать волосъ и пр.; къ другимъ: *бездѣльничать* — отрицать въ себѣ дѣльнаго человѣка; *безумничать* — отрицать въ себѣ умнаго человѣка; *безобразничать* — отрицать въ себѣ образнаго (благообразнаго) человѣка и т. п. Эти послѣдніе образовались непосредственно отъ

именъ существительныхъ сложныхъ съ предлогомъ *безъ: безумникъ* или *безумный человѣкъ* — отсюда уже глаголъ *безумничать, безобразникъ* или безобразный человѣкъ — гл. *безобразничать* и т. п. Если есть глаголъ *умничать*, то потому, что есть уже существительное *умникъ;* но нѣтъ глагола *образничать*, *дѣльничать* именно потому, что нѣтъ въ употребленіи словъ: *образникъ, дѣльникъ.* Первые же глаголы сами по себѣ образовались чрезъ приставку *безъ*, хотя коренное значеніе ихъ, безъ этой приставки, также по смыслу образовалось отъ именъ существительныхъ; напр. глаголъ *безчестить* образовался изъ глагола *честить* и приставки *безъ.* Но коренной глаголъ *честить* точно также, какъ и глаголъ 2-го разряда, происходитъ по смыслу отъ существительнаго, а не отъ глагола: *честь.*

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать;
И, правду истинну, сказать,
Не очень вѣжливо *честилъ* свой гуртъ гусиный.
Крыловъ.

Здѣсь глаголъ: *честить* значитъ: *воздавать честь*, гдѣ *честь* есть имя существительное, а не глаголъ.

Глаголъ: *безвѣрить* (употребительный съ приставкою *о*: обезвѣрить) значитъ: *лишать вѣры*; слѣд., коренное значеніе происходитъ отъ существительнаго *вѣра*, а не отъ глагола: *вѣрить.* Однимъ словомъ, глаголы, сложные съ приставкою *безъ*, какъ перваго, такъ и втораго разряда, образуются чрезъ имена существительныя, а не чрезъ глаголы же, и тѣмъ показываютъ, что чистый, коренной глаголъ въ русскомъ языкѣ не терпитъ предлога, или приставки *безъ.* Попробуемъ объяснить это замѣчательное явленіе языка. Мы замѣтили выше, что предлогъ *безъ* имѣетъ два значенія, сродныя между собою: значеніе *лишенія* и *отрицанія.* И то и другое можетъ имѣть вліяніе только на предметъ. Какъ лишать, можно только того, что уже существуетъ, какъ отдѣльное бытіе, или какъ предметъ; такъ точно и отрицать можно только то, что уже есть, что опредѣлилось условіями пространства и времени, т. е., что пространственно и временно. Но лишеніе и отрицаніе, взятыя сами въ себѣ, представляютъ также дѣйствіе; поэтому, дѣйствіе, само по себѣ, не лишаемо и неотрицаемо. Оно можетъ быть мы-

слимо внѣ условій пространства и времени, т. е. представляться сознанію вѣчнымъ и безконечнымъ. Только въ своемъ проявленіи оно можетъ быть кратко и продолжительно; но мыслимое независимо отъ проявленія, оно вѣчно и безконечно. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствіе осмыслено русскимъ языкомъ, который отвергъ формы для обозначенія временъ въ своемъ глаголѣ. Отсюда понятно, почему чистый коренной глаголъ не соединяется съ предлогомъ *безъ*. Фактъ этотъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ, какъ чутокъ языкъ въ образованіи глаголовъ, сложныхъ съ предлогами.

Всѣ глаголы съ приставкою *безъ* имѣютъ только одну форму, именно форму абсолютно-продолженной степени. Форма ихъ не сокращается и не растягивается. Стало быть, качественность ихъ значенія проявляется только синтетически. Особенно это видно въ глаголахъ втораго разряда, въ которыхъ *безъ* имѣетъ смыслъ отрицанія; какъ напр.: *безумничать*, *бездѣльничать* и т. п. Въ нихъ и при новой приставкѣ форма остается неизмѣняемою; напр.: *побезумничать*. Между тѣмъ, какъ въ глаголахъ перваго разряда, въ которыхъ *безъ* имѣетъ смыслъ лишенія, при новой приставкѣ форма становится способною къ растяженію; напр.: *обезпокоить* имѣетъ еще форму: *обезпокоивать*. Причина этого явленія заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что *смыслъ отрицанія*, сообщаемый значенію глагола приставкою *безъ*, несовмѣстимъ съ представленіемъ краткости и продолжительности проявленія дѣйствія. Чисто-отрицательный смыслъ глагола долженъ быть, очевидно, безотносителенъ къ тому, какъ дѣйствіе проявляется: кратко, или продолжительно; а потому, глаголъ отрицательнаго смысла довольствуется всегда одною формою. Что касается до глаголовъ съ предлогомъ *безъ* перваго разряда, то они не имѣютъ степеней по той причинѣ, что, ни существительное имя, отъ котораго они происходятъ, ни общій смыслъ предлога *безъ*, который сообщается имъ при ихъ образованіи, не заключаютъ въ себѣ того качественнаго смысла, который присущь собственно русскому глаголу. Оттого въ первой своей формѣ, образовавшейся изъ имени и предлога, они могутъ выражать одно общее значеніе дѣйствія — *лишать*, становятся лишь способными выражать понятіе о дѣйствіи, — только что входятъ, такъ сказать, въ разрядъ глаголовъ. Чтобы общее значеніе дѣйствія стало болѣе качественнымъ въ своемъ проявленіи, необходимо новое опредѣленіе глагола посредствомъ

новой приставки — тогда форма ихъ становится способною къ растяженію, качественность глагола — къ переходу изъ своего замкнутаго (синтетическаго) состоянія въ состояніе подвижное (аналитическое).

2. **Возъ.** Предлогъ *воз* въ соединеніи съ глаголами имѣетъ различное значеніе. Это различіе въ оттѣнкахъ значенія глаголовъ зависитъ съ одной стороны отъ смысла послѣднихъ, съ другой — отъ различія тѣхъ значеній, которыя предлогъ *воз* имѣлъ въ своемъ историческомъ употребленіи. Ѳ. И. Буслаевъ во второй части своей Исторической Грамматики говоритъ о предлогѣ *воз* на стр. 268 слѣдующее: «възъ, *возъ*, *взъ* въ русскомъ языкѣ отдѣльно неупотребляется, но въ ц. сл. встрѣчается съ винительнымъ падежомъ, и то въ немногихъ случаяхъ, и при томъ въ значеніи уже переносномъ, т. е. нравственномъ, въ смыслѣ *за* или *на*; напр. въ Остр. Ев. «мы вьси при ꙗхомъ благодать *въз* благодать» Іо. 1, 16. (χάριν ἀντὶ χάριτος). Въ древнѣйшую эпоху этотъ предлогъ, какъ въ переносномъ, такъ и въ собственномъ значеніи, отдѣльно употреблялся въ ц. сл. (§ 76) и въ прочихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Такъ въ др. чешскомъ; напр.: въ Краледв. рук. *wz* horu = *на* гору, *wz* ramena = *на* рамена, *wz* chlumek = *на* холмикъ, *wz* wrahi = *на* враги, *wz rucie konie* = на быстрые кони. Въ сербскомъ и доселѣ отдѣльный предлогъ *уз* (т. е. възъ или воз) имѣетъ значеніе мѣста на вопросѣ *куда вверхъ*? напр.: *уз брдо* = на гору». (Ч. 1, стр. 161). Еще:

«Предлоги, нынѣ слитные, первоначально могли употребляться отдѣльно, какъ это видимъ изъ предлога *вз*, ц. с. *възъ*, который въ ц. сл. языкѣ иногда управляетъ винительнымъ падежомъ, имѣя силу отдѣльнаго предлога, напр.: воздаша ми лукавая *воз* благая... въ жит. свят. XIV в. *въздоунай* — на Дунай, вверхъ по Дунаю. У Даніил. Паломн. *въз воду* — вверхъ по водѣ, противъ теченія. Въ Супр. Рук. употребляется нарѣчіе, сложенное съ предлогомъ *въз*, им. *въскраи*, т. е. *на* краю (не *на край* ли?); въ областномъ языкѣ *вз* — вм. *на*, въ слож. *всчатый* вм. начатый (въ костр.)». Изъ этихъ данныхъ должно вывести слѣдующія заключенія для характеристики предлога *воз*: во первыхъ, что имъ выражается направленіе — *куда?* слѣд., соединяясь съ глаголомъ, предлогъ *воз* сообщаетъ дѣйствію смыслъ *движенія*, и такимъ образомъ выводитъ его изъ того состоянія покоя, въ которомъ каждое дѣйствіе можетъ представляться сознанію въ своемъ общемъ значеніи. Во вторыхъ — направленіе

на вопросъ: *куда* ограничивается въ предлогѣ *воз* стремленіемъ *вверхъ*; слѣд., соединяясь съ глаголами, предлогъ *воз* сообщаетъ вообще смыслъ *движенія вверхъ*. Этотъ обстоятельственный оттѣнокъ, соединяясь съ глаголомъ, можетъ въ свою очередь имѣть собственно два смысла: *вещественный* (обстоятельство мѣста: вверхъ) и *умственный* (обстоятельственность *начала*: *верхъ* въ нравственномъ смыслѣ есть *начало*, *первенство*, *величіе*), смотря по тому, какое значеніе имѣетъ само дѣйствіе. Примѣромъ перваго смысла *воз* могутъ служить глаголы: *восходить*, *взлѣзать*, *взбираться* и т. п. Примѣромъ втораго — глаголы: *возжигать*, *возмечтать* и др. Притомъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ въ предлогѣ *воз* содержится всегда общій намекъ на движеніе — будетъ ли глаголъ имѣть вещественное, или нравственное значеніе; то, какъ скоро въ глаголѣ можетъ по смыслу соединяться одно значеніе съ другимъ, предлогъ *воз* тотчасъ можетъ получить смыслъ *движенія къ началу*, такъ сказать, смыслъ возвратнаго направленія *куда*, какъ напримѣръ въ глаголѣ: *возвращать*, *возвращаться* — идти назадъ, къ началу, къ тому мѣсту, съ котораго начато движеніе. Наконецъ, въ третьихъ, — предлогъ *воз*, употребляясь отдѣльно, соединяется всегда съ падежомъ *винительнымъ*, какъ видимъ изъ примѣровъ, предложенныхъ Ѳ. И. Буслаевымъ не изъ одного только ц. с. языка, но и изъ другихъ славянскихъ нарѣчій. Такъ оно и должно быть; потому что смыслъ винительнаго падежа вполнѣ соотвѣтствуетъ смыслу предлога *воз*, которымъ прежде всего и всегда выражается *движеніе* на вопросъ: *куда*? Но мы знаемъ, что винительный падежъ имѣетъ также смыслъ опредѣленія дѣйствія *мѣрою* предмета; поэтому предлогъ *воз*, соединяясь всегда съ винительнымъ падежомъ и самоопредѣляясь въ своемъ значеніи общимъ смысломъ этого падежа, могъ быть употребляемъ также съ обстоятельственнымъ значеніемъ *мѣры*; но только мѣра эта, согласно съ существеннымъ значеніемъ предлога (т. е. съ значеніемъ движенія) не есть предметъ, а есть дѣйствіе; — и потому, обстоятельственное значеніе мѣры въ предлогѣ *воз* имѣетъ нравственный смыслъ — *мзды*, *возмездія*: «воздаша ми лукавая *воз* благая...» слѣдовательно, соединяясь съ глаголомъ, предлогъ *воз* можетъ опредѣлить значеніе дѣйствія обстоятельственнымъ смысломъ нравственной мѣры, т. е. возмездія; напр.: *возблагодарить*. Въ этомъ послѣднемъ значеніи онъ соотвѣтствуетъ греческому ἀντί. Со-

единяя въ себѣ смыслъ движенія вверхъ, обратнаго направленія къ началу, и смыслъ возмездія, предлогъ *воз* получаетъ значеніе той обстоятельственности, которая выражается предлогомъ: *противъ*, имѣющимъ также вещественное и нравственное значеніе; такъ напр.: противъ воды (вещественный смыслъ), противъ совѣсти (нравственный). Такое значеніе имѣетъ и предлогъ *воз*, соединяясь съ глаголами; напр.: возстать — собственно *стать къ верху*, потомъ: *стать для движенія* противъ *кого, или чего*. Въ первомъ смыслѣ говорится: *возстать отъ сна*, *встать* (возстать) *на̀ ноги*; во второмъ: *возстать противъ правительства*, гдѣ гл. *возстать* = *противустать*: *воз* = *противъ*.

Соображая все, сказанное нами о предлогѣ *воз*, не трудно объяснить его сродство по значенію съ преллогами: *за*, *на*, *противъ*, вмѣсто которыхъ онъ употребляется съ удержаніемъ своего особеннаго, общаго-типическаго смысла. Всѣ эти предлоги: *за*, *на* и *противъ* въ отдѣльномъ употребленіи могутъ соединяться съ падежомъ винительнымъ, слѣд. всѣми одинаково выражается общее направленіе съ предлогомъ *воз*, на вопросъ: *куда*. Потомъ, предлогомъ *на*, подобно предлогу *воз*, общее направленіе — куда ограничивается обстоятельственнымъ значеніемъ *верха*, *верхней стороны*. Предлогомъ *за*, подобно предлогу *воз*, общее направленіе — куда опредѣляется обстоятельственнымъ значеніемъ начала, мѣры, мѣны, возмездія. Наконецъ, предлогомъ *противъ*, подобно предлогу *воз*, общее направленіе — куда, опредѣляется обстоятельственностью обратнаго движенія. Понятно, почему предлогъ *воз* можетъ замѣняться иногда въ языкѣ предлогами: *за*, *на*, *противъ*. Не смотря, однако, на свое сродство по смыслу съ этими предлогами и на возможность замѣняться ими, предлогъ *воз* имѣетъ свой особенный типическій смыслъ, отличающій его постоянно отъ каждаго изъ поименованныхъ предлоговъ. Этотъ типическій смыслъ предлога *воз* заключается въ постоянномъ намекѣ его на обстоятельственное *движеніе вверхъ*. Такъ какъ представленіе *верха* можетъ быть вещественное и нравственное, изъ которыхъ первое опредѣляется движеніемъ по *мѣсту*, а второе — стремленіемъ къ *началу*, *первенству*, *величію*, вообще къ тому, что *выше* въ нравственномъ отношеніи; то предлогъ *воз*, соединяясь съ глаголомъ, сообщаетъ значенію дѣйствія нѣчто величественное, возвышенное, а потому и приставляется нерѣдко къ глаголу тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о высокомъ предметѣ; напр.: *возлюби*

Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ и пр. лучше, чѣмъ: *люби*, но уже никакъ не *полюби*. Точно также въ народныхъ пѣсняхъ эпическаго склада нерѣдко придается глаголу предлогъ *воз*, вмѣсто *за* для сообщенія дѣйствію нѣкотораго величія, возвышенности, усилія, какъ напримѣръ:

Сдѣлалъ князь Владиміръ почестенъ пиръ
На князей, на бояръ, на русскiихъ богатырей
И на всю паленицу удалую,
А забылъ позвать стараго казака Илью Муромца.
. .
Вскричалъ-то Илья во всю голову,
Во всю голову, зычнымъ голосомъ, и пр.

Вскричалъ, вм. *закричалъ* съ оттѣнкомъ усилія, величія дѣйствія.

И *возговоритъ* князь Владиміръ, стольно-кіевскій. *возговоритъ* вм. *заговорилъ*, т. е. началъ говорить, но съ оттѣнкомъ нѣкотораго величія дѣйствія.

Кромѣ общаго-типическаго смысла предлогъ *воз* рѣзко отличается отъ сродныхъ ему предлоговъ: *за*, *на*, *противъ* слѣдующими признаками своего значенія. Предлогомъ *воз* выражается всегда намекъ *на движеніе*; предлогомъ же *на* можетъ выражаться и покой, пребываніе на вопросъ: *гдѣ*. Предлогомъ *воз* выражается всегда намекъ на *начало*, никогда: на *конецъ*; предлогомъ *за*, напротивъ, выражается и обстоятельственность *конца*; напр.: *я заговорилъ* — т. е. началъ говорить и *онъ заговорилъ рану кровавую*, т. д. окончилъ говорить. Предлогъ же *противъ* имѣетъ слишкомъ ограниченное значеніе въ сравненіи съ предлогомъ *воз* — и потому отличіе ихъ ясно само по себѣ.

Опредѣливъ такимъ образомъ общій типическій смыслъ предлога *воз* по всѣмъ его частнымъ значеніямъ, не трудно понять, почему не всякій глаголъ можетъ съ ними соединяться. Если смыслъ глагола допускаетъ смыслъ *движенія* и притомъ *движенія вверхъ* въ вещественномъ и нравственномъ самоопредѣленіи, то. онъ, очевидно, можетъ соединяться съ предлогомъ *воз*; въ противномъ случаѣ, соединеніе между глаголомъ и предлогомъ *воз* — невозможно, какъ напр.: въ гл. *быть*.

Относительно вліянія, которое оказываетъ предлогъ *воз* на формы степеней глагола, слѣдуетъ замѣтить, что онъ, подобно

другимъ предлогамъ, какъ увидимъ ниже, сливая свой смыслъ съ смысломъ глагола въ одно понятіе, служитъ къ образованію нѣкоторыхъ формъ, не употребительныхъ безъ предлога; напр.: *будить* — *возбудить*; но гл. *возбудить* имѣетъ еще ф. *возбуждать*, кот. безъ предлога — *буждать* — не употребляется. Форма абсолютно-продолженной степени: *будить*, одѣваясь предлогомъ *воз*, переходитъ по своему значенію въ форму относительно-краткой степени: *возбудить*; — является необходимость въ новой формѣ для выраженія абсолютно-продолженной степени дѣйствія, — и языкъ создаетъ ее въ глаголѣ: *возбуждать*.

Слѣд. предлогъ *воз*, сливаясь съ глаголомъ, служитъ къ переходу его степеней по значенію дѣйствія, и къ образованію формъ, неупотребительныхъ безъ предлога. Это двойственное вліяніе предлога *воз* на формы степеней глагола подобно вліянію другихъ предлоговъ.

3. **Въ**. Предлогъ *въ* соединяется съ двумя падежами: *винительнымъ* и *мѣстнымъ*. Первымъ выражается направленіе — куда, вторымъ пребываніе — гдѣ. Направленіе предполагаетъ движеніе; пребываніе же предполагаетъ покой. Представленіе о движеніи противуположно представленію о покоѣ. Слѣд. предлогъ *въ* самъ по себѣ, не имѣетъ ни того, ни другаго смысла. Смыслъ движенія сообщается ему смысломъ винительнаго падежа; смыслъ же покоя — смысломъ падежа мѣстнаго, или предложнаго. Такимъ образомъ, типическое значеніе предлога *въ* ограничивается общимъ намекомъ на *внутреннюю сторону чего либо*. Соединяясь съ какимъ нибудь падежомъ, или глаголомъ, онъ принимаетъ уже отъ ихъ смысла свой смыслъ движенія, или покоя, ограничивая тотъ и другой *обстоятельственностью внутренней стороны*. Употребляясь съ винительнымъ падежомъ, предлогъ *въ* подобно другимъ предлогамъ, соединяющимся съ тѣмъ же падежомъ, служитъ для опредѣленія, или ограниченія мѣры; но уже согласно съ своимъ собственнымъ типическимъ значеніемъ, т. е. опредѣляетъ *мѣру* вообще по отношенію ко внутренней сторонѣ. Короче, предлогомъ *въ*, при сравненіи, или при опредѣленіи мѣры (пространствомъ, или временемъ) выражается болѣе внутреннее значеніе, т. е. значеніе нравственное мѣры, или умственное, отвлеченное понятіе о мѣрѣ, чѣмъ внутреннее вещественное значеніе. Это видно изъ слѣдующихъ выраженій, гдѣ предлогъ *въ* не замѣнимъ никакимъ другимъ предлогомъ; напр.: *пей и ѣшь въ мѣру*; какъ скоро поставимъ вмѣ-

сто *въ* предлогъ *на*, тотчасъ внутреннее, отвлеченное значенie мѣры станетъ наружнымъ, вещественнымъ: *пей и ѣшь на мѣру*. *Не въ коня кормъ*, т. е. сравнивая достоинство корма съ достоинствомъ коня, видно, что конь не стоитъ такого корма; здѣсь предлогъ *въ* имѣетъ отвлеченное значенie указывающее на внутреннюю сторону сравниваемыхъ предметовъ, а не то вещественное, по которому данное выраженie не имѣло бы смыслу. *Уродился — ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца*. Здѣсь предлогъ *въ* не ограничиваетъ сходство только внѣшними признаками тѣлеснаго сложенiя, но опредѣляетъ это сходство и по внутренней сторонѣ, по характеру, сравниваемыхъ личностей. Для одного внѣшняго сходства слѣдовало бы употребить предлогъ *на*. Такимъ образомъ, смыслъ *внутренней стороны*, опредѣляемый предлогомъ *въ*, долженъ быть понимаемъ въ вещественномъ и отвлеченномъ отношенiи. Въ этомъ заключается та типическая сторона значенiя предлога *въ* въ соединенiи съ падежами и глаголами, которою онъ отличается отъ другихъ предлоговъ. Только на основанiи такого общаго, широкаго смысла обстоятельственности *внутренней стороны*, обозначаемой въ русскомъ языкѣ предлогомъ *въ*, становится понятнымъ его употребленie въ выраженiяхъ: *идти въ солдаты*, *постричься въ монахи*, гдѣ направленie — куда (винит. падежъ) соединяется съ общимъ смысломъ внутренней стороны новаго состоянiя. Точно также: *отдать кого въ ученье;* или о Добрынѣ Никитичѣ:

Выросталъ онъ *во* двѣнадцать лѣтъ
Выросъ онъ *въ* пятнадцать лѣтъ,
Отдала его матушка *во грамоты* учити.

Послѣ этого не трудно объяснить различie употребленiя предлога *въ* отъ — другихъ предлоговъ, которые, по видимому, могли бы замѣнить его собою; напр.: *идти въ слѣдъ кого* не тоже значитъ, что *по* слѣдамъ кого. Предлогомъ *въ* выражается болѣе внутреннее отношенie между предметами, чѣмъ предлогомъ *по*. *Идти въ слѣдъ* — значитъ не только слѣдовать кому, или за кѣмъ, но *слѣдовать непосредственно* въ какомъ бы то ни было смыслѣ (вещественномъ, или отвлеченномъ) за кѣмъ нибудь, или кому нибудь; тогда какъ предлогомъ *по* выражается одно лишь слѣдованie по пути, проложенному кѣмъ нибудь и куда нибудь. Въ выраженiи: *идти въ слѣдъ кого* — слѣдъ ве-

щественный, или нравственный представляется такою средою, которая, обнимая собою дѣйствіе, направляетъ его постоянно на самоё себя! *Идти по слѣду, или слѣдамъ кого* — слѣдъ вещественный, или нравстненный представляется не *средою*, въ которой должно совершаться дѣйствіе, а только путемъ, направленіемъ для дѣйствія. Стало быть, отношеніе между дѣйствіемъ *идти* и предметомъ: *слѣдъ* въ первомъ случаѣ представляется болѣе внутреннимъ; а во второмъ — болѣе внѣшнимъ. *Идти въ гору* и *идти ва гору* — такое же различіе, какое между выраженіями: *подниматься вверхъ* и *на верхъ*. Въ первомъ случаѣ *верхъ* представляется средою, въ которой дѣйствіе совершается; во второмъ — мѣстомъ, на которое направляется дѣйствіе. Въ первомъ случаѣ совершеніе дѣйствія представляется непосредственно, внутренно связаннымъ съ своею обстотельственностью, во второмъ — эта обстоятельственность представляется какъ бы въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дѣйствія, стало быть, находящеюся съ этимъ послѣднимъ во внѣшнемъ отношеніи.

Этотъ типическій смыслъ намека на *обстоятельственность внутренней стороны* сообщается и смыслу каждаго глагола, съ которымъ соединяется предлогъ *въ*. Дѣйствіе, проникаясь смысломъ предлога, представляется проявляющимся подъ условіемъ какой либо среды, или ограничивающимся извѣстною средою своего проявленія: *входить*, *вбивать*, *вдѣлывать*, *ввѣрять* и пр.

Иногда дѣйствіе само становится какъ бы тою средою, въ которой оно совершается, и въ такомъ случаѣ глаголъ, соединяясь въ началѣ съ предлогомъ *въ*, принимаетъ въ концѣ еще приставку *ся*, значеніе которой намъ уже извѣстно въ русскомъ глаголѣ; напр: *всмотрѣться*, *всматриваться*. Связь предлога *въ* съ глаголами видна между прочимъ изъ того, что есть глаголы, которые безъ приставки *в* не употребительны; напр: гл. *в(н)ушить*, *в(н)ушать*, *внять*, *внимать* (отъ *ять*, *имать*); зв. *н* для благозвучія. Въ глаголѣ: *внушить*, *внушать* — все значеніе, какъ бы, зависитъ отъ предлога *въ*. Что значитъ простой глаголъ: *ушить?* — Ничего. Соединяясь же съ предлогами: *въ*, *за* — *внушить*, *заушить*, онъ получаетъ особенное значеніе, которое можно объяснить лишь тѣснымъ внутреннимъ соединеніемъ смысла предлога съ неопредѣленнымъ смысломъ глагола въ одно цѣлое понятіе о дѣйствіи.

4. **Вы.** Предлогъ *вы* принадлежитъ собственно русскому народ-

ному языку. Его нѣтъ въ языкѣ ц. с., какъ нѣтъ предлога *роз*. Вмѣсто перваго въ ц. с. языкѣ употребляется предлогъ *изъ*, вм. втораго — *раз*. Ѳ. И. Буслаевъ въ своей Исторической Грамматикѣ ч. 1 § 76, стр. 162 говоритъ о предлогѣ *вы* слѣдующее: «*Вы*, — вмѣсто котораго въ ц. с. постоянно *из*; — напр.: *из-боръ*, *из-вести*, *из-гнати* и пр. вм. русскихъ *вы-боръ*, *вы-вести*, *вы-гнать*. Такія ц. с. формы, вошедшія въ нашу книжную рѣчь, отличаются своимъ ц. с. оттѣнкомъ отъ чисто русскихъ формъ; напр.: *избранный* и *выбранный*, «*изложить* мнѣніе» и «*выложить* деньги на столъ», «*излить* гнѣвъ» и «*вылить* воду» и пр.

«Когда предлогъ *из* — употребляется и въ русскихъ формахъ, тогда онъ отличается отъ предлога *вы* — по самому значенію; напр.: «*износить* платье» и «*выносить* что на дворъ», «вывести пятно» и «*извести* кого зельемъ» и пр.

«Предлогъ *вы* — встрѣчается уже въ древнихъ русскихъ памятникахъ; напр.: въ Словѣ о П. И. *выторже*, *высѣдѣ* отъ глаголовъ: *выторгнуть* (т. е. исторгнуть), высѣсть. Употребленіемъ этого предлога, вм. *из*, — русскій языкъ сходится съ сѣверозападными славянскими нарѣчіями, съ польскимъ и чешскимъ; напр.: уже въ древне-чешскомъ въ судѣ Любуши: *выберуце* (выбираючи), *выплакавши*».

Эти замѣчанія весьма важны: они заставляютъ насъ нѣсколько глубже вникнуть въ различіе предлоговъ *вы* и *из*. Сличая вышеприведенные примѣры, можно подумать, что предлогъ *вы* въ соединеніи съ глаголомъ, сообщаетъ дѣйствію преимущественно вещественное, наглядное значеніе, а предлогъ *из* — отвлеченное, или нравственное: «*выложить* деньги па столъ» и «*изложить* мнѣніе» и пр. Принимая же въ соображеніе то обстоятельство, что предлогъ *вы* въ ц. с. замѣняется предлогомъ *из*, можно подумать, что значеніе ихъ тожественно: что предлогъ *изъ* можетъ замѣняться предлогомъ *вы* — и обратно. Но такое заключеніе было бы съ нашей стороны слишкомъ поспѣшно. Не говоря уже о ц. сл. языкѣ, оно оказалось бы вполнѣ невѣрнымъ и относительно одного только языка русскаго: вопервыхъ, потому что предлогъ *вы* не всегда можетъ быть употребленъ въ русскомъ языкѣ вм. *из*; напр.: *исчезать*, *исчезнуть*, *испортить*, *испорчивать*; *искоренить*, *искоренять* и др.; вовторыхъ, потому что предлогъ *вы* въ соединеніи съ глаголомъ одинаково можетъ сообщать дѣйствію отвлеченное, нравственное значеніе; напр.:

выдумать систему, *вынести горе* и пр. Если же въ языкѣ предлоги *вы* и *из* не могутъ замѣнять другъ друга взаимно, то, значитъ, между ними существуетъ строгое различіе.

Изъ того факта, что предлогъ *вы* всегда употребляется *слитно* съ глаголами, и никогда *отдѣльно* съ падежами, необходимо слѣдуетъ заключить, что предлогомъ *вы* опредѣляется въ языкѣ обстоятельственный смыслъ только дѣйствія, но не предмета, т. е. обстоятельственный смыслъ предлога *вы* таковъ въ языкѣ, что онъ способенъ опредѣлять *только дѣйствіе*. Понятно, что предлогъ *вы* по стольку же — предлогъ, по скольку — и нарѣчіе. Слитное употребленіе даетъ ему смыслъ приставки или предлога; исключительное же употребленіе его съ глаголами для опредѣленія обстоятельственнаго смысла дѣйствія даетъ ему мѣсто между нарѣчіями. Притомъ, если обстоятельственное значеніе предлога *вы* не нуждается для своего самоопредѣленія въ соединеніи съ падежами, то, значитъ, оно въ предлогѣ *вы* опредѣленнѣе само по себѣ, чѣмъ въ другихъ предлогахъ. Слѣд. предлогъ *вы* уже отличается отъ предлога *из* тѣмъ, что обстоятельственное значеніе его опредѣленнѣе, самостоятельнѣе: по смыслу онъ ближе подходитъ къ нарѣчію, чѣмъ предлогъ *из*. Въ самомъ дѣлѣ предлогъ *вы* даже по своей этимологіи подходитъ къ нарѣчію: *вонъ*. Если *ы* $=$ *ъ* $+$ *и*, то *вы* $=$ *въ* $+$ *и*, гдѣ *и* — винительный падежъ мѣстоименія 3-го лица *онъ*, имѣющаго общее значеніе прилагательнаго указанія: *онъ, оный*.

И такъ предлогъ *вы* отличается отъ предлога *из* указаніемъ на общее обстоятельство внѣшней, наружной среды. Имъ выражается непосредственная связь дѣйствія съ его наружнымъ проявленіемъ. Другими словами, онъ сообщаетъ глаголу смыслъ непосредственнаго обнаруженія дѣйствія въ какой нибудь средѣ, находящейся внѣ той, къ которой относится общее дѣйствіе безъ предлога *вы*. Такого смысла не имѣетъ предлогъ *из*. Напр.: *выходить* — значитъ идти вонъ, наружу; *выливать* — лить вонъ; *вылѣзать* — лѣзть вонъ и пр. Эта наружная среда проявленія дѣйствія можетъ выражаться различнымъ образомъ, смотря по смыслу глагола, къ которому присоединяется приставка *вы*; напр.: въ глаголахъ: *выходить* кого либо, *выкормить*, *вынянчить* и т. п. «*Вонъ какого молодца выкормила — вынянчила!*» Наружная среда дѣйствія выражается предметомъ, на которомъ оно проявляется, или въ которомъ дѣйствіе выходитъ, такъ сказать, вонъ, наружу. Иногда она представляется *цѣлью*, ко-

торой достигаетъ дѣйствіе; напр.: *высмотрѣть;* а иногда состоитъ въ обнаруженіи лишь полнаго объема дѣйствія; напр.: *высохнуть*, *высыхать; вымокнуть*, *вымокать; выцвѣсти*, *выцвѣтать* и т. п. *высохнуть* — значитъ сохнуть во всемъ объемѣ и т. д. Строго говоря, и тутъ дѣйствіе представляется выходящимъ наружу, «*выцвѣсти*, *выцвѣтать*» — цвѣсти до тѣхъ поръ, пока не вышло вонъ это дѣйствіе, пока не окончило полнаго объема своего проявленія. Совсѣмъ иное значеніе сообщаетъ дѣйствію предлогъ *из*, о которомъ будетъ говорено ниже. Здѣсь же для примѣра сравнимъ: *высохнуть* и *изсохнуть;* гл. *высохнуть* означаетъ такое дѣйствіе, которое опредѣляется извѣстнымъ объемомъ въ своемъ проявленіи — и только; гл. же *изсохнуть* — означаетъ такое дѣйствіе, которымъ исключается, уничтожается самая среда для его проявленія: то, что *изсохло* не можетъ уже въ другой разъ служить средою для проявленія того же дѣйствія; тогда какъ то, что *высохло* разъ, можетъ высыхать нѣсколько разъ. Предлогомъ *вы* обозначается лишь объемъ самого дѣйствія, въ смыслѣ наружной среды для его проявленія; предлогомъ же *из* указывается на непосредственное отношеніе дѣйствія къ предмету, какъ къ такой средѣ, откуда оно стремится окончательно выйдти. Предлогъ *вы* можетъ выражать лишь уничтоженіе дѣйствія; предлогъ же *из* — уничтоженіе предмета, въ которомъ дѣйствіе проявляется. Вотъ почему: *вывести кого* не тоже, что *извести кого*. Однимъ словомъ, приставка *вы* служитъ къ опредѣленію самого дѣйствія обстоятельствомъ его обнаруживанія; предлогъ же *из* указываетъ на тѣсную связь между проявленіемъ дѣйствія и предметомъ, какъ средою своего проявленія. Извѣстно, что смыслъ предлога *из* зависитъ не только отъ соединенія его съ глаголами, но и отъ соединенія его съ падежами; слѣд. онъ соединяетъ въ себѣ, (подобно многимъ другимъ предлогамъ), способность опредѣлять обстоятельственность дѣйствія и предмета. И такъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣйствіе по смыслу нуждается лишь въ обстоятельственномъ опредѣленіи своего *обнаруженія* по мѣсту, по цѣли, по объему и т. п., — языкъ пользуется сліяніемъ глагола съ приставкою *вы*, имѣющею общій обстоятельственный смыслъ нарѣчія: *вонъ*, а не съ предлогомъ *из*, не смотря на кажущееся сходство его, по значенію, съ предыдущимъ.

Соединяясь съ глаголами, приставка *вы* имѣетъ одно весьма замѣчательное свойство: она всегда переноситъ на себя уда-

реніе съ глагола краткой степени; напр: *нести* — *вынести*, *кинуть* — *выкинуть*; — а также по бо́льшей части и съ глаголовъ степени продолженной; напр: *говорить* — *выговорить*, *гада́ть* — *вы́гадать*, *дѣлать* — *вы́дѣлать*. Глаголъ: *ходить* образуетъ двѣ формы по ударенію *вы́ходить* — т. е. идти вонъ и *выхо́дить* — съ двумя значеніями: 1) *ходить* до тѣхъ поръ, пока дѣйствіе не обнаружится въ полномъ объемѣ, т. е. пока не гдѣ будетъ продолжать дѣйствія: и 2) — *ходить* за кѣмъ до извѣстнаго возраста.—Но, присоединяясь къ глаголамъ кратной степени, приставка *вы* не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на переносъ ударенія; напр: *говáривать* — *выговáривать*, *колáчивать* — *выколáчивать*; *нáшивать* — *вынáшивать* и т. д. Въ первомъ случаѣ, приставка *вы*, перенося на себя удареніе, указываетъ на силу своего обстоятельственнаго смысла въ соединеніи съ глаголами; во второмъ — уступаетъ уже силѣ кратнаго значенія дѣйствія. Если приставка *вы*, соединяясь съ глаголомъ, стремится постоянно къ тому, чтобы указать на силу своего обстоятельственнаго смысла при немъ, то, очевидно, она оказывается способнѣе многихъ другихъ приставокъ къ опредѣленію качественности глагола — и потому, какъ скоро приставка въ состояніи перенести на себя удареніе, то всегда переводитъ большую степень продолжительности въ меньшую, т. е. глаголъ изъ степени абсолютно-продолженной переводитъ по значенію въ степень относительно-краткую; напр: *дѣлать*—степень абсолютно-продолженная; *вы́дѣлать*—относительно-краткая. Степень же абсолютно-продолженная сложнаго глагола образуется уже изъ кратной сложнаго глагола; такъ напр: Кратная степень: *говáривать* становится чрезъ приставку *вы* степенью абсолютно-продолженною: *выговáривать*. Поэтому, если глаголъ не имѣетъ кратной степени, то форма ея тотчасъ образуется чрезъ приставку *вы* въ силу того закона, что *абсолютно-продолженная степень*—необходима для каждаго глагола, какъ простаго, такъ и сложнаго съ предлогомъ; напр: отъ гл. *глядѣть* не употребительна ф. кратной степени: *глядывать*; но она тотчасъ является, какъ скоро абсолютно-продолженная степень чрезъ приставку *вы* оставляетъ свое мѣсто и переходитъ въ степень относительно-краткую: *выглядѣть* — *выглядывать*. Наконецъ, приставка *вы*, ради своей изобразительности, употребляется въ народномъ языкѣ тамъ, гдѣ чаще слышится другая приставка въ языкѣ литературномъ; напр:

И говорятъ ему — (Ильѣ М.) старики:
Выстань-ка, поди и умойся.
.
И сталъ *выставать* на ноги свои;
Высталъ и пошелъ.

5. До. Предлогъ *до* соединяется только съ родительнымъ падежомъ. Слѣд. смыслъ родительнаго падежа родственен смыслу даннаго предлога. Дѣйствительно, родительнымъ падежомъ обозначается опредѣленіе, *ограниченіе*. Предлогъ *до* выражаетъ общій намекъ на обстоятельство предѣла, границы. А потому, соединяясь съ глаголомъ, онъ служитъ указаніемъ на предѣлъ, границу дѣйствія. Само собою разумѣется, что обстоятельство предѣла можетъ имѣть какъ вещественное, такъ и нравственное значеніе: предѣлъ можетъ быть во всемъ: въ пространствѣ, во времени, въ мысли, въ желаніи и пр. *добѣжать*, *дождаться*, *додуматься*, *доискаться* и др. Никакихъ особенностей въ соединеніи съ глаголами отъ другихъ предлоговъ или приставокъ предлогъ *до* не имѣетъ.

6. За. Обстоятельственный смыслъ этого предлога весьма разнообразенъ. *За* употребляется отдѣльно съ двумя падежами; *винительнымъ* и *творительнымъ;* слѣд. общій намекъ на то обстоятельство, которое скрыто въ его значеніи, опредѣляется смысломъ какъ винительнаго, такъ и творительнаго падежа. Кромѣ того есть поводъ думать, что предлогъ *за* способенъ опредѣляться и значеніемъ родительнаго падежа. Въ Истор. Грамм. ч. II, § 251, стр. 271 читаемъ: «сверхъ винительнаго и творительнаго, *за* управлялъ и родительнымъ, какъ это видно изъ нарѣчія *завтра*, т. е. *заоутра*. Въ народномъ языкѣ съ род. пад.; напр. въ послов. «*за добра ума* по здорову убираться». Дал. 463. Ясно, что значеніе предлога *за* въ живой рѣчи можетъ быть весьма разнообразно. Это разнообразіе, разумѣется, зависитъ какъ отъ общаго смысла падежныхъ и глагольныхъ формъ, такъ и отъ частнаго смысла словъ, съ которыми предлогъ *за* употребляется отдѣльно и слитно. Тѣмъ не менѣе общее значеніе его въ отдѣльномъ употребленіи можно опредѣлить такимъ образомъ: предлогъ *за* содержитъ общій намекъ на обстоятельство *задней стороны*. Само собою разумѣется, что употребленному нами выраженію «*обстоятельство задней стороны*» должно придавать самое обширное значеніе. Прежде всего съ представленіемъ о *задней сторонѣ* мы соединяемъ представле-

ніе всего *послѣдующаго*: задняя сторона есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сторона послѣдующая. Каждое изъ этихъ представленій объ общемъ обстоятельствѣ задней стороны въ свою очередь видоизмѣняется сообразно со смысломъ понятія опредѣляемыхъ этимъ обстоятельствомъ въ рѣчи; такъ напр.: «онъ прячется *за* меня» здѣсь предлогомъ *за* выражается общій обстоятельственный намекъ на *заднюю сторону отъ меня;* смыслъ предлога — мѣстный, пространственный. «Онъ трудится *за* меня» т. е. *змѣсто*, *замѣсто меня*. Здѣсь *общій обстоятельственный намекъ на заднюю сторону* объясняется такимъ образомъ: такъ какъ трудъ, который дѣлается другимъ, долженъ дѣлаться мною, то *я* — стою по отношенію къ труду на первомъ планѣ; слѣд. всякій другой по отношенію къ тому же труду можетъ занимать только *задній планъ*, быть *позади* меня, слѣдовать *за мною*, а потому замѣна одного предмета другимъ можетъ весьма удобно опредѣляться общимъ обстоятельственнымъ смысломъ предлога *за*. «Мы ходили въ лѣсъ *за* грибами» — здѣсь общій обстоятельственный намекъ предлога *за* на заднюю сторону объясняется отношеніемъ дѣйствія *ходить* къ предмету *грибы*. Дѣйствіе *ходить* относится къ предм. *грибы*, какъ основаніе къ слѣдствію, или какъ средство къ цѣли. Такъ какъ *слѣдствіе* представляется для сознанія всегда позади своего основанія, а цѣль позади средства; то и въ данномъ примѣрѣ предметъ занимаетъ задній планъ относительно дѣйствія *ходить* и, выражая собою цѣль дѣйствія, опредѣляетъ весьма удобно свое отношеніе къ послѣднему общимъ обстоятельственнымъ смысломъ предлога *за*. Мы не знаемъ, почему В. И. Далю, выраженія: *идти по воду*, *по грибы* кажутся болѣе правильными, чѣмъ: *идти за водою*, *за грибами*. (Толков. Слов. В. 5, стр. 420). Предлогъ *по* имѣетъ нѣкоторое сродство по смыслу съ предлогомъ *за*, выражая послѣдовательность, — и потому оба они, по нашему мнѣнію, могутъ равно употребляться въ данномъ случаѣ. О случаяхъ употребленія предлога *за* съ падежами можно справиться въ Историч. Грамм. Ѳ. И. Буслаева (ч. II, § 251, стр. 270—271). Мы привели нѣсколько примѣровъ для того, чтобы объяснить наше опредѣленіе значенія предлога *за*. Мы видимъ, что русскій языкъ обозначаетъ имъ тотъ предѣлъ, ту черту, или, наконецъ, ту точку, *позади* которой предметъ, или дѣйствіе опредѣляется обстоятельственно.

Обратимся къ глаголамъ. Если предлогомъ *за* обозначается точка, позади которой дѣйствіе опредѣляется обстоятельственно;

то прежде всего, конечно, эта точка относительно стоящаго непосредственно позади ея дѣйствія будетъ имѣть обстоятельственный смыслъ *начала* дѣйствія: дѣйствіе представляется слѣдующимъ непосредственно за этой точкой отправленія; напр.: *заалѣть* — начать алѣть; *заговорить* — начать говорить; *задумать* — начать думать и т. п. Такимъ образомъ, чрезъ предлогъ *за*, очевидно, абсолютно-продолженная степень дѣйствія *алѣть*, *говорить*, *думать* и т. п. опредѣляется указаніемъ на начало дѣйствія — и потому перестаетъ уже быть степенью абсолютно-продолженною: предлогомъ *за* ей назначенъ уже предѣлъ, за которымъ проявляется дѣйствіе. Какъ скоро продолжительность дѣйствія опредѣлилась съ одной стороны (со стороны начала), то нѣтъ уже никакой причины оставаться ей неопредѣленною съ другой стороны (со стороны конца дѣйствія); а потому предлогомъ *за* въ соединеніи съ глаголомъ дѣйствіе опредѣляется не только по отношенію къ обстоятельству начала, но и по отношенію къ обстоятельству конца своей продолжительности; напр.: *забросàть* значитъ и *начать бросàть* и *кончить бросать; записàть* — значитъ: *начать писать* и *кончить писать.* Онъ *зажилъ* припѣваючи, т. е. началъ жить.

Ужъ то-то тамъ мы *заживемъ*
Въ ладу, въ довольствѣ, въ нѣгѣ и пр.

т. е. начнемъ жить.

«*Онъ зàжилъ* свои деньги», т. е. срокъ кончился.

«Ты *заходилъ* по комнатѣ скорыми шагами» и

«Ты *заходилъ* ко мнѣ, но, къ сожалѣнію, не засталъ меня дома».

Стало быть, глаголъ, опредѣляется обстоятельственнымъ смысломъ предлога *за* въ крайнихъ предѣлахъ продолжительности дѣйствія, т. е. въ началѣ и концѣ. Но такъ какъ существенное значеніе предлога *за* состоитъ въ указаніи на тó, чтó позади, чтò послѣ; то конецъ продолжительности дѣйствія опредѣляется имъ не такъ опредѣленно, какъ начало; потому что за предѣломъ конца дѣйствіе не слѣдуетъ, а прекращается. Оттого, какъ скоро предлогомъ *за*, по смыслу рѣчи, глаголъ опредѣляется по отношенію къ *обстоятельству конца* продолжительности дѣйствія, то это обстоятельство никогда не выражается ясно, само по себѣ, но всегда съ какимъ либо инымъ оттѣнкомъ значенія, входящимъ въ общее обстоятельственное

значеніе предлога *за*; напр.: *заговорить* — начать говорить; но *заговорить* въ смыслѣ «*кончить говорить*» имѣетъ иное значеніе: *заговорить рану кровавую*. Здѣсь обстоятельство конца дѣйствія соединено съ инымъ оттѣнкомъ значенія, а именно, съ представленіемъ о томъ послѣдствіи, которое непосредственно должно слѣдовать за дѣйствіемъ: *говорить*. А такъ какъ послѣдствіе какого либо дѣйствія есть то̀, что̀ — *позади* его, т. е. что̀ слѣдуетъ за точкою конца продолжительности, то представленіе о немъ (т. е. о послѣдствіи дѣйствія), соединенное съ представленіемъ объ окончаніи дѣйствія, весьма естественно выражается предлогомъ *за* въ соединеніи съ глаголомъ.

Если предлогомъ *за* никогда не выражается *собственно* конецъ продолжительности дѣйствія также ясно, какъ ясно выражается начало; то понятно, почему глаголъ, въ которомъ предлогъ *за* не выражаетъ начала продолжительности дѣйствія, получаетъ иное, переносное значеніе, сравнительно съ тѣмъ простымъ глаголомъ, отъ котораго происходитъ; напр.: *стать* — стану и глаг. «*застать* кого дома». Здѣсь *за* имѣетъ тотъ общій смыслъ предѣла, за которымъ само дѣйствіе *стать* представляется слѣдствіемъ: послѣ того, какъ я нашелъ кого дома, мое дѣйствіе, должно *стать* — остановиться. Глаголъ *ставить* — *заставить* — т. е. начать ставить: *заставить* — ставить позади, и *заставить* — приказать: т. е. ставить кого за, позади своей воли. Въ первомъ случаѣ *за* выражаетъ начало дѣйствія: *ставить*; въ двухъ остальныхъ — конецъ дѣйствія *ставить* вмѣстѣ съ вещественнымъ и нравственнымъ оттѣнкомъ общаго обстоятельственнаго значенія предлога *за*.

Эта двойственность значенія глаголовъ въ соединеніи съ предлогомъ *за* можетъ быть названа *обстоятельстенною полярностью продолжительности дѣйствія*. Она вполнѣ соотвѣтствуетъ тому двойственному значенію, которое сообщается предлогу *за* (въ отдѣльномъ употребленіи) смысломъ падежей винительнаго и творительнаго. Соединяясь съ винительнымъ, предлогъ *за* получаетъ смыслъ движенія — куда: *за гору*, *за море*; соединяясь же съ творительнымъ, онъ получаетъ смыслъ пребыванія, покоя — гдѣ: *за горою*, *за моремъ*. Такъ точно и въ слитномъ употребленіи съ глаголами: — опредѣляя глаголъ обстоятельствомъ начала продолжительности, предлогъ *за* сообщаетъ дѣйствію смыслъ движенія: *заговорю*, *заговорилъ* — т. е. начну говорить, началъ говорить и пр. И въ этомъ случаѣ сліяніе пред-

лога *за* съ глаголомъ соотвѣтствуетъ соединенію предлога *за* съ падежомъ винительнымъ; опредѣляя же глаголъ обстоятельствомъ конца продолжительности, предлогъ *за* сообщаетъ дѣйствію смыслъ, прекращенія или покоя: *заговорю кровь*, *заговорилъ кровь* — т. е. я прекращу теченіе крови заговоромъ, или я остановилъ теченіе крови заговоромъ — и въ этомъ случаѣ сліяніе предлога *за* съ глаголомъ соотвѣтствуетъ соединенію его съ падежомъ творительнымъ.

Этотъ предлогъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что онъ нагляднѣе другихъ объясняетъ, какимъ образомъ глаголъ, опредѣляясь обстоятельственно посредствомъ предлоговъ, или приставокъ, становится способнымъ перемѣщаться по значенію дѣйствія изъ одной степени въ другую. Дѣйствительно, вникая въ то вліяніе, которое предлогъ *за* оказываетъ своимъ обстоятельственнымъ смысломъ на качественность глагола, не трудно понять, что перемѣщеніе дѣйствія изъ одной степени въ другую, зависитъ отъ той опредѣляющей силы, которая заключается въ обстоятельственномъ смыслѣ предлога. Чѣмъ яснѣе выражается въ глаголѣ, сложномъ съ предлогомъ *за*, опредѣленіе или ограниченіе продолжительности дѣйствія обстоятельственнымъ смысломъ предлога, тѣмъ необходимѣе становится перемѣщеніе глагола изъ одной степени въ другую. Рѣдкій предлогъ такъ ясно обнаруживаетъ вліяніе своей опредѣляющей силы на глаголъ, какъ предлогъ *за*. Нѣтъ ни одного глагола, который бы, опредѣляясь имъ по отношенію къ обстоятельству начала своей продолжительности, не перемѣщалъ значенія абсолютно-продолженной степени въ значеніе степени относительно-краткой. Даже глаголы: *ходить*, *носить*, *возить*, удерживающіе при иныхъ предлогахъ значеніе своей степени, соединяясь съ предлогомъ: *за* (въ смыслѣ ограниченія дѣйствія началомъ продолжительности), теряютъ значеніе степени абсолютно-продолженной: *заходить* — начать ходить, *заносить* — начать носить; *завозить* — начать возить — и получаютъ уже смыслъ относительно-краткой степени. Абсолютно-продолженная степень уже будетъ: *захаживать* — *живаю*, какъ *запѣвать* — *ваю*, т. е. начинаю ходить, начинаю пѣть. *Занашиваю* — начинаю нести и *заваживаю* — начинаю везти.

Почти тоже самое замѣчается, когда предлогъ *за* опредѣляетъ дѣйствіе обстоятельственнымъ намекомъ на конецъ продолжительности дѣйствія. Напр.: *заходить кого совсѣмъ*, т. е. довести

кого либо хожденіемъ до усталости, (до конца дѣйствія *ходить);* *заносить платье* т. е. довести платье ношеніемъ до негодности и пр. Но если *за* не имѣетъ того обстоятельственнаго смысла, которымъ опредѣляется тотъ или другой предѣлъ продолжительности дѣйствія; то тѣже самые глаголы остаются на прежней степени по своему качественному значенію; напр. *заходить къ* кому — либо, *заносить* къ кому — либо, *завозить* къ кому — либо. Всѣ эти глаголы удерживаютъ значеніе той же абсолютно-продолженной степени, какъ и простые глаголы: *ходить*, *носить*, *возить*. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ предлогъ *за*, очевидно, опредѣляетъ смыслъ дѣйствія обстоятельственнымъ смысломъ направленія и не имѣетъ никакого вліянія на опредѣленіе продолжительности дѣйствія.

Отсюда заключаемъ, что предлогъ можетъ оказывать двоякое вліяніе на смыслъ дѣйствія въ русскомъ глаголѣ: или онъ служитъ къ обстоятельственному опредѣленію качественнаго значенія глагола; или къ обстоятельственному опредѣленію дѣйствія, какъ извѣстнаго понятія, выражаемаго глаголомъ. Въ первомъ случаѣ предлогъ сообщаетъ какой либо обстоятельственный смыслъ — продолжительности дѣйствія, опредѣляя въ какомъ нибудь отношеніи краткость и продолжительность проявленія; во второмъ — сообщаетъ какой либо новый обстоятельственный смыслъ понятію о дѣйствіи, опредѣляя это послѣднее обстоятельствомъ направленія. Сліяніе перваго рода можно назвать *внутреннимъ*, сліяніе же втораго рода *внѣшнимъ*. Тамъ общій обстоятельственный смыслъ предлога и качественный смыслъ глагола взаимно опредѣляются другъ другомъ и составляютъ одно новое понятіе о дѣйствіи съ особымъ обстоятельственнымъ оттѣнкомъ продолжительности; здѣсь же обстоятельственный смыслъ предлога соединяется съ значеніемъ глагола внѣшнимъ образомъ и опредѣляетъ дѣйствіе точно также, какъ опредѣляетъ его отдѣльно стоящее нарѣчіе; напр. *выходить* лѣсъ, *выходить* ребенка — здѣсь предлогъ *вы* въ своемъ общемъ обстоятельственномъ смыслѣ: *вонъ* содержитъ еще намекъ на большую или меньшую продолжительность дѣйствія, которая опредѣляется цѣлью самого дѣйствія *ходить;* слѣд. опредѣляя дѣйствіе, она сама опредѣляется его смысломъ; а потому соединеніе приставки *вы* съ глаголомъ въ этомъ случаѣ можно назвать *внутреннимъ*. Но въ выраженіи, «*выходить* изъ комнаты», приставка *вы*, не пріобрѣтая ничего отъ смысла дѣйствія

для своего самоопредѣленія, остается съ своимъ общимъ обстоятельственнымъ значеніемъ: *вонъ* — и потому опредѣляетъ дѣйствіе *внѣшнимъ* образомъ, какъ нарѣчіе: *вонъ*, *наружу*: *ходить вонъ изъ комнаты*.

Но вернемся къ предлогу *за*. Мы видѣли, что предлогъ *за* въ соединеніи съ глаголами можетъ выражать обстоятельственный смыслъ *начала* и *конца* дѣйствія. *Начало* же и *конецъ*, по отношенію къ дѣйствію, могутъ имѣть значеніе *причины* и *цѣли* дѣйствія. *Причиною* дѣйствія называется все то, что порождаетъ его; *цѣлію* — все то, къ чему оно стремится. Причина, какъ точка исхода дѣйствія, можетъ считаться его началомъ; *цѣль* же, какъ точка конца дѣйствія, можетъ считаться *концомъ* его. Поэтому многіе глаголы, сложные съ приставкою *за*, скрываютъ въ своемъ значеніи намекъ на причину, или цѣль. Въ сущности *причина* или *цѣль* одно и тоже: цѣль — конечная причина дѣйствія; причина — начальная цѣль (для чего начинается дѣйствіе); одно предполагаетъ и объясняетъ другое. Связь между причиною и цѣлью такая же, какая между началомъ и концомъ. Если уже есть начало, то непремѣнно долженъ быть и конецъ; такъ точно, если уже есть причина къ дѣйствію, то непремѣнно есть и цѣль для него. Въ этомъ отношеніи одно съ другимъ можетъ быть смѣшиваемо, какъ одно другимъ обусловливающееся, или какъ одно въ другомъ содержащееся; а потому русскій глаголъ весьма разумно пользуется предлогомъ *за*, какъ общимъ намекомъ на ту точку, на тотъ предѣлъ, *позади* котораго есть начало, а *послѣ* котораго — конецъ. Если начало лежитъ по сю сторону предѣла, а конецъ по ту сторону; то предлогъ *за*, самъ по себѣ, собственно не отличаетъ ни той, ни другой стороны, а выражаетъ лишь общій типическій намекъ на обстоятельство того, что можетъ быть *позади* и *послѣ*; такъ напр.: въ глаголахъ съ самостоятельнымъ значеніемъ, каковы: *заговориться*, *зачитаться*, *задуматься* и др. Здѣсь предлогомъ *за* выражается такое дѣйствіе, которое стоитъ на первомъ планѣ, а лицо позади его; *я заговорился* — здѣсь дѣйствіе заслонило собою мою личность, я забылъ о себѣ и предался вполнѣ извѣстному дѣйствію.

7. **Изъ**. Предлогъ *из* заключаетъ въ себѣ общій намекъ на обстоятельственное движеніе — *откуда*. Онъ соединяется съ однимъ только родительнымъ падежомъ; слѣд., обстоятельственный смыслъ предлога *изъ* находитъ себѣ соотвѣтствіе только въ

смыслѣ падежа родительнаго. Извѣстно, что родительнымъ падежомъ безъ предлога выражается вообще *ограниченіе*, которое можетъ имѣть множество оттѣнковъ въ рѣчи: то оно представляется опредѣленіемъ по качеству, то — по количеству, то — по принадлежности, и т. п. Что ограничивается, или опредѣляется родительнымъ падежомъ, то уже и *исключается*; а что исключается, то и *отрицается* и т. д. Всѣ эти оттѣнки значенія родительнаго падежа еще точнѣе опредѣляются обстоятельственнымъ смысломъ движенія — *откуда*, обозначаемымъ посредствомъ предлога *изъ*. Но такъ какъ общее обстоятельственное движеніе — *откуда* можетъ также обозначаться и другими предлогами; какъ-то: *отъ*, *вы*, *у*, то слѣдуетъ отличать смыслъ движенія—откуда въ предлогѣ *изъ* отъ подобнаго же смысла другихъ предлоговъ. Это отличіе состоитъ въ томъ, что предлогъ *изъ* выражаетъ движеніе *извнутри*, а не откуда бы то ни было, т. е. онъ отличаетъ свой общій обстоятельственный смыслъ (движенія — откуда) указаніемъ на внутреннюю сторону чего либо, какъ на среду исхода (начала) движенія. Таково его *типическое* значеніе. Соединяясь съ родительнымъ падежомъ, или сливаясь съ глаголомъ, предлогъ *изъ* принимаетъ, конечно, разные оттѣнки значенія, но эти послѣдніе всегда соотвѣтствуютъ смыслу его общаго употребленія.

Заключая въ себѣ общій намекъ на *движеніе извнутри* и употребляясь только съ родительнымъ падежомъ, предлогъ *изъ* можетъ разнообразить свой типическій смыслъ въ рѣчи тѣми значеніями, которыя принадлежатъ смыслу падежа родительнаго; такъ наприм.: *движеніе извнутри* можетъ соединяться съ значеніемъ *ограниченія*, *исключенія* и *отрицанія* и т. п. Соединяясь съ глаголомъ, предлогъ *изъ* скрываетъ въ себѣ съ одной стороны общій намекъ на обстоятельственное движеніе — извнутри, съ другой — сродный ему смыслъ ограниченія, или исключенія. Поэтому глаголъ, сложный съ предлогомъ *изъ*, выражаетъ такое дѣйствіе, проявленіе котораго обусловливается или обстоятельственнымъ движеніемъ его извнутри; напр.: *исходить*, *извлекать*, *исчезать*, *извести*; или исключеніемъ изъ круга общаго простаго дѣйствія; напр.: *избаловать*, *избить* — дѣйствія исключительныя относительно дѣйствій: *баловать*, *бить*. Дѣйствіе же становится исключительнымъ тогда, когда проявленіе его представляется окончательнымъ въ какомъ либо отношеніи, когда оно выходитъ, такъ сказать, изъ себя и пере-

стаетъ быть дѣйствіемъ обыкновеннымъ, слѣд., предлогомъ *изъ* сообщается дѣйствію стремленіе выйдти изъ предѣловъ своего общаго проявленія. Такимъ образомъ, исключительность дѣйствія, обозначаемая предлогомъ *изъ*, въ этомъ случаѣ представляется для сознанія ничѣмъ инымъ, какъ лишь крайнимъ предѣломъ самого проявленія дѣйствія. А такъ какъ проявленіе дѣйствія можетъ достигать крайняго предѣла только тогда, когда оно исчерпывается во всемъ своемъ объемѣ; то поэтому приставкою *из*, выражается вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣлость объема дѣйствія въ его проявленіи; напр.: «радъ будешь, какъ долгъ *избудешь*», т. е. когда долгу не будетъ вовсе. «Добро наживай, а худо *избывай*», т. е. старайся совсѣмъ отдѣлаться отъ худа: «*жить*, богатѣть, добра наживать, да лихо *избывать*» и т. п.

Далѣе предлогъ *изъ*, указывая на крайній предѣлъ проявленія дѣйствія, вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ невольно признать отрицаніе дѣйствія за этимъ предѣломъ, т. е. что далѣе уже нѣтъ болѣе того же дѣйствія, или, что внѣ этого предѣла дѣйствіе исключается въ своемъ проявленіи. Отсюда понятно, почему всѣ глаголы съ приставкою *из* содержатъ въ своемъ значеніи нѣкоторый оттѣнокъ отрицанія, а въ иныхъ это послѣднее выступаетъ даже, какъ новое значеніе глагола; какъ напр.: гл. *винить* — и *извинить; извинить* — значитъ отрицать вину.

Мы сказали, что приставкою *изъ* выражается стремленіе дѣйствія выйдти изъ предлоговъ своего общаго проявленія. Спрашивается: чѣмъ же опредѣляется объемъ дѣйствія, или крайній предѣлъ его проявленія? — предметомъ; напр.: *изсохнуть*, *изсыхать*. Предметъ сохнетъ до тѣхъ поръ, пока дѣйствіе не охватитъ своимъ проявленіемъ всего предмета. Этого оттѣнка въ значеніи не имѣетъ родственная по смыслу предлогу *изъ* приставка: *вы*. *Высохнуть*, *высыхать*, очевидно, не тоже что, *изсохнуть*, *изсыхать*. Выраженіе, «*предметъ высохнетъ*, *высыхаетъ*» значитъ только то, что извѣстное свойство предмета — *сохнуть* выходитъ наружу, и притомъ высыханіе можетъ происходить въ какой либо части даннаго предмета, тогда какъ глаголомъ *изсохнуть*, *изсыхать* выражается проявленіе свойства во всемъ объемѣ предмета такъ, что въ другой разъ въ томъ же предметѣ оно повториться не можетъ. Точно также глаголы: *извратить*, *извращать*, означаютъ такое дѣйствіе, которое доводится до крайняго предѣла въ какомъ либо пред-

метѣ. Отсюда вытекаетъ новое свойство значенія приставки *изъ* въ соединеніи съ глаголами; а именно: оно можетъ сообщать проявленію дѣйствія значеніе количественное въ представленіи; т. е. дѣйствіе съ приставкою *изъ* представляется сравнительно съ тѣмъ же дѣйствіемъ но съ другою приставкою, превосходящимъ послѣднее по количеству своего проявленія. Эта количественность проявленія дѣйствія особенно видна изъ сравненія глагола: *изогнуть* съ глаголами: *вогнуть*, *выгнуть*, *догнуть*, *загнуть*, *нагнуть*, *погнуть*, *пригнуть*, *согнуть*, *отогнуть*, *перегнуть*. Всѣ эти глаголы выражаютъ такое дѣйствіе, которое проявляется въ одномъ какомъ либо направленіи; тогда какъ: *изогнуть* — имѣетъ смыслъ дѣйствія проявляющагося во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ. Дѣйствіе *гнуть* стремится къ проявленію во всемъ своемъ объемѣ; а цѣлость объема дѣйствія, въ этомъ случаѣ можетъ представляться лишь количественно въ разнообразіи направленія; напр: *не сгибай крюкомъ*, *а изогни змѣйкою*.

И такъ, общій обстоятельственный смыслъ приставки *изъ*, заключающійся въ типическомъ намекѣ на *обнаруженіе дѣйствія въ крайнемъ предѣлѣ его проявленія*, слагается, такъ сказать, изъ слѣдующихъ частныхъ значеній: во 1-хъ — направленія извнутри, во 2-хъ—исключенія, въ 3-хъ—стремленія къ крайнему предѣлу, въ 4-хъ—отрицанія и въ 5-хъ—количественности проявленія дѣйствія. На формы глаголовъ она оказываетъ тоже вліяніе, что и другіе предлоги: принимая приставку *изъ*, глаголъ можетъ перемѣщаться по значенію дѣйствія изъ высшей степени въ нисшую, т. е. изъ абсолютно-продолженной въ относительно-краткую; потомъ, она вызываетъ къ жизни такія формы глагола, которыя безъ нея не употребительны въ языкѣ; напр: *винить* не имѣетъ ф. *винять*; съ предлогомъ же *изъ* употребляется ф. *извинять*. Наконецъ, согласно съ разнообразными оттѣнками значенія, которыми опредѣляется общій типъ обстоятельственнаго смысла предлога *изъ*, и съ значеніемъ самого глагола въ его живомъ употребленіи, приставка *изъ* можетъ сообщать дѣйствію значеніе переносное.

8) На и 9) Надъ. Предлогъ *на* въ соединеніи съ глаголами иногда смѣшивается по своему значенію съ сложнымъ предлогомъ: *надъ*; напр.: *набавлять* и *надбавлять*, *набавить* и *надбавить*. Различіе между ними слѣдующее: предлогъ *на* выражаетъ общій намекъ на обстоятельство *верха*; предлогъ же *надъ* — на обсто-

ятельство такого верха, который свыше настоящаго предѣла чего либо. Это видно изъ соединенія въ предлогѣ *надъ* значенія двухъ отдѣльныхъ предлоговъ: *на* и *до*. *До* выражаетъ предѣлъ, *на* — верхъ. Слѣд., вмѣстѣ они выражаютъ обстоятельство верха свыше предѣла. Такъ и въ глаголахъ: *набавлять* и *надбавлять* различіе состоитъ въ томъ, что набавлять можно до предѣла; а *надбавлять* — свыше предѣла. Глаголъ *наблюдать* имѣетъ двоякое сочетаніе съ формами падежей: съ винительнымъ: *наблюдать что* (наблюдать правила) — здѣсь предлогъ *на* употребленъ въ своемъ собственномъ смыслѣ; — и *наблюдать надъ чѣмъ* — здѣсь предлогъ *на* употребленъ въ смыслѣ предлога *надъ*, въ чемъ удостовѣряетъ его повтореніе въ полной формѣ. Смѣшеніе ихъ основывается на томъ, что оба они выражаютъ общій намекъ на обстоятельство *верха*. Представленіе о *верхѣ* можетъ быть отвлеченное и вещественное. Въ отвлеченномъ представленіи *верхомъ* можетъ быть все то, что выходитъ изъ-подъ уровня и становится внѣ его. Сюда относятся представленія объ излишкѣ, обиліи, превосходствѣ по качеству и количеству чего либо. Въ вещественномъ же представленіи *верхъ* есть наружная сторона, поверхность предмета. Поэтому предлогъ *на*, сливаясь съ глаголомъ, сообщаетъ дѣйствію или смыслъ обилія, достаточности, или смыслъ общаго, простаго направленія къ наружной сторонѣ предмета. Напримѣръ: *набить* цѣну; *набить* карманъ; *народу на площади биткомъ набито*. *Набиться* — напроситься на что (излишекъ дѣйствія), *набрать* грибовъ. *Наболѣть*, *набросать*. *Намѣчать* — дѣлать мѣтки на поверхности чего. *Натереть* ногу; — *наговорить* пословицъ, *навѣдаться*, *навѣдываться* — сообщить достаточно вѣстей о комъ, или о чемъ либо. (Значеніе верха въ смыслѣ превосходства видно изъ употребленія предлога *на* при прилагательномъ имени: *нáбольшій*).

Но это общее типическое значеніе предлога *на* принимаетъ многіе оттѣнки въ употребленіи его съ падежами: винительнымъ и предложнымъ. (Историч. Грам. Ѳ. И. Буслаева. Ч. II. § 251, стр. 273—274). Предлогъ *на* вм. *въ*:

На бою тебѣ смерть не писана. (мѣсто).
На Миколу вешняго, т. е. въ день Св. Николая 9 мая. (время).
Крестьянинъ *на зарѣ* съ сохой
Надъ полосой своей трудился. (время).
— вм. *для*;

На что меня несчастнаго молодца спородила? (цѣль).

—

Синему морю *на* тишину,
А всѣмъ добрымъ людямъ *на* послушанье.

—

На богатаго ворóта настежъ, *на* убогаго запоръ.
(Посл. Д. 57).

Замѣчательно употребленіе предлога *на* тамъ, гдѣ можно поставить *творительный* падежъ безъ предлога для обозначенія обстоятельственнаго образа дѣйствія, или орудія; напр.:

Онъ пьетъ чашу да *на одинъ духъ* (духомъ).

Драться (*на*-кулачки) *на* кулакахъ, *на* рапирахъ (вм. кулаками, рапирами).

Вм. *съ*, *отъ*: брать *на* комъ деньги (простое отнош. между предлогомъ и дѣйствіемъ).

Предлогъ *на*, заключая въ себѣ общій намекъ только на верхнюю, наружную сторону, выражаетъ и тѣ обстоятельственныя отношенія, въ которыхъ замѣняетъ собою другіе предлоги, наружнымъ образомъ, т. е. онъ служитъ какъ бы только къ указанію на то, или другое обстоятельственное отношеніе между дѣйствіемъ и предметомъ. Поэтому тамъ, гдѣ смыслъ рѣчи требуетъ общаго, внѣшняго указанія на предметъ, какъ на какое-либо обстоятельство дѣйствія, употребляется предлогъ *на*. Другими словами, чтобы указать на предметъ вообще, какъ на мѣсто, время, цѣль, орудіе, основаніе дѣйствія можетъ быть употребленъ предлогъ *на* вмѣсто всѣхъ предлоговъ, которыми точнѣе обозначаются эти обстоятельства. Оттого предлогъ *на* употребляется даже тамъ, гдѣ обстоятельственное отношеніе предмета къ дѣйствію могло бы выражаться простымъ косвеннымъ падежомъ безъ предлога, какъ, напримѣръ: падежомъ творительнымъ, имѣющимъ преимущественно обстоятельственное значеніе. Оттого, съ другой стороны, предлогъ *на* и замѣняетъ собою другіе предлоги только тогда, когда обстоятельство представляется сознанію общимъ, не требующимъ точнаго опредѣленія. Такъ напримѣръ, когда смыслъ рѣчи требуетъ точнаго опредѣленія обстоятельства цѣли, выражаемаго предметомъ, тогда постоянно употребляется предлогъ *для* съ рóдительнымъ падежомъ — и замѣна его предлогомъ *на* оказывается невозможною; напр.:

Преступникъ призванъ въ судъ *для объясненія*
Судейскаго рѣшенья,
Которымъ съ общаго сужденья
Приговорили: женъ отдать ему всѣхъ трехъ.

—

Порядокъ же кротовъ хорошъ, да *для* него.

—

Но когда требуется только *указать* на обстоятельство цѣли, а не выразить его точнѣе, тогда можно употребить *на* вм. *для*; напр.: «онъ работаетъ на меня», вм. «для меня». «Онъ шьетъ *на* меня сапоги», т. е. я прошу его шить для меня сапоги всегда, когда мнѣ нужно; но въ выраженіи: «онъ шьетъ *для* меня сапоги» находится оттѣнокъ болѣе опредѣленнаго обстоятельственнаго смысла и цѣли; именно: или, что тѣ сапоги, которые онъ шьетъ въ данную минуту, назначены исключительно для меня, или, что онъ дѣлаетъ это только для меня; однимъ словомъ, *я* въ данномъ примѣрѣ являюсь такимъ лицомъ, которое служитъ непремѣнною, исключительною цѣлью дѣйствія.

Что касается до того, съ какимъ падежомъ долженъ стоять предлогъ *на* — съ винительнымъ, или предложнымъ; то это зависитъ отъ смысла рѣчи: если смыслъ рѣчи требуетъ представить дѣйствіе въ движеніи къ предмету, то обыкновенно предлогъ *на* соединяется съ падежомъ винительнымъ; если же смыслъ рѣчи требуетъ представить дѣйствіе пребывающимъ въ покоѣ относительно предмета, служащаго для него обстоятельственнымъ опредѣленіемъ, то — съ предложнымъ; напр.: *смотрѣть на зарю* и *работать на зарѣ*.

Согласно съ значеніемъ двухъ падежей, съ которыми предлогъ *на* употребляется въ рѣчи, и глаголы имѣютъ двоякое значеніе.

Въ однихъ *на* выражаетъ направленіе дѣйствія на что либо; напр.: *набросать* (на что?) *насмотрѣться* (на что?) *набѣжать* (на что?) и т. п. Въ другихъ проявленіе дѣйствія на чемъ либо; напр.: *находиться* (на чемъ? гдѣ?). Но въ томъ и другомъ случаѣ предлогомъ *на* сообщается дѣйствію смыслъ довольства, обилія; поэтому можно сказать вообще, что глаголъ, сливаясь съ приставкою *на*, опредѣляется *обстоятельствомъ верха* — въ смыслѣ обилія; напр.:

Натѣшился, *напился* котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ.

И такъ предлогъ *на* въ сліяніи съ глаголами имѣетъ два значенія: вещественное и отвлеченное. Вещественное значеніе онъ имѣетъ тогда, когда глаголъ опредѣляется имъ для выраженія своего обстоятельственнаго отношенія къ наружной сторонѣ чего либо; отвлеченное — тогда, когда глаголъ опредѣляется имъ для выраженія обилія самого дѣйствія. Оба эти значенія однако имѣютъ тѣсную связь между собою; ибо и то и другое указываютъ на отношеніе къ представленію о *верхѣ* дѣйствія. Въ одномъ имѣется въ виду обстоятельство верха дѣйствія относительно предмета; въ другомъ — относительно самого же дѣйствія. Съ одной стороны предлогъ *на* выражаетъ или направленіе, или сосредоточеніе дѣйствія относительно предмета, въ смыслѣ указанія на обстоятельственное значеніе послѣдняго; съ другой — опредѣляетъ дѣйствіе указаніемъ на его же собственное обиліе, или на силу проявленія.

Что касается предлога *надъ*, то онъ отличается лишь тѣмъ отъ предлога *на* въ сліяніи съ глаголами, что всегда опредѣляетъ дѣйствіе обстоятельственнымъ проявленіемъ его свыше предѣла, или на верхней сторонѣ послѣдняго; напр.: *надсадить кого*, *надстроить*, *надписать* и пр. или *надломить*, *надорвать*, т. е. съ краю, съ верхняго предѣла, не углубляясь внутрь предмета. Глаголъ *надоумить* собственно значитъ: сообщать кому либо мысль, до которой онъ не дошелъ бы своимъ умомъ слѣд. мысль, которая, такъ сказать, оказывается выше ума того, кому она сообщается. Дѣйствіе представляется проявляющимся свыше предѣла. Оттого иногда глаголы, сложные съ *над* въ переносномъ значеніи выражаютъ лишеніе силъ въ предметѣ дѣйствующемъ; напр. *надрываться*, *надсадиться*.

10. О, объ и 11. Отъ. «*О*, *объ* съ *предложнымъ* падежомъ, въ собственномъ значеніи, имѣетъ смыслъ *кругомъ чего*, *около*, въ переносномъ показываетъ предметъ рѣчи, или разсужденія (говорить *о чемъ)*, и въ старинномъ языкѣ — причину (напр.: *о чемъ* = почему, для чего).»

«О мѣстѣ теперь уже не употребляется этотъ предлогъ съ предложнымъ; но ко времени — переносится, напр. *о святкахъ*.»

«Съ *винительнымъ* въ собственномъ значеніи, имѣетъ смыслъ смежности; напр.: «жить съ кѣмъ *объ* стѣну, *объ* дворъ, идти *объ* руку;» также — предѣла дѣйствію: «ударить *о* земь, *объ*

землю». «Палецъ *о* палецъ ударить»; въ перенесеніи ко времени, означаетъ соотвѣтствіе: «*объ* эту пору, *объ* это время». (Истор. Грам. Ѳ. И. Буслаева Ч. II, стр. 275 § 251). Отсюда видимъ, что предлогъ *о*, *объ* употребляется отдѣльно съ двумя падежами: *предложнымъ* и *винительнымъ*. Употребляясь съ первымъ, онъ заключаетъ въ себѣ обстоятельственный смыслъ *сосредоточиванія около*, или *кругомъ чего либо*. Обстоятельственное служеніе его въ рѣчи представляется въ видѣ *круга*, обнимающаго собою какое либо отношеніе предмета къ дѣйствію: отношеніе времени, причины, предмета дѣйствія, мѣры и т. п. Употребляясь съ послѣднимъ падежомъ, онъ выражаетъ обстоятельственный смыслъ *касательности*, т. е. когда предметъ или дѣйствіе касается (въ какомъ либо отношеніи) объема другаго предмета; напр. *удариться объ стѣну*, здѣсь дѣйствіе представляется касающимся объема стѣны въ какой либо точкѣ. *Рука объ руку* одинъ предметъ представляется касающимся другаго. *Обыкновенно объ эту пору волки бродятъ* здѣсь дѣйствіе представляется касающимся объема извѣстнаго времени. Эти два главныя значенія предлога вполнѣ согласны съ природою вещей. Въ природѣ одно тѣло можетъ касаться другаго или въ нѣсколькихъ, или во всѣхъ точкахъ объема. Въ послѣднемъ случаѣ одно тѣло окружаетъ, охватываетъ собою другое. Вотъ почему въ смыслѣ предлога *о* заключается намекъ на *объемность*, *окруженіе* и на *касательность* одного предмета, или дѣйствія къ другому предмету. Въ геометріи также понятіе о касательной линіи выходитъ изъ понятія о кругѣ, или кривой линіи. Если дѣйствіе, или предметъ представляется только касающимся другаго предмета по объему, то это значитъ, что объемъ одного предмета исключаетъ объемъ другаго по физическому свойству непроницаемости тѣлъ. Поэтому и предлогу *о*, какъ увидимъ, свойственно выражать отрицательное отношеніе между предметомъ и дѣйствіемъ въ смыслѣ непроницаемости ихъ объемовъ; напр. *ослышаться* — т. е. слышать не то, — здѣсь дѣйствіе коснулось слуха, скользнуло по немъ такъ, что слухъ остался непроницаемымъ для извѣстнаго слова, или извѣстной рѣчи. Объемъ рѣчи, слова, или мысли не обнялъ собою слуха, а коснулся до послѣдняго лишь нѣсколькими своими точками, и потому оставилъ неполное впечатлѣніе, — и дѣйствіе: *слышать* по своему объему стало исключающимъ другой объемъ: объемъ слова или рѣчи, а потому получило въ этомъ смыслѣ значеніе отрицательное. Точно также: *обойти кого*

наградой — дѣйствіе представляется по своему объему исключающимъ объемъ предмета, или лица, до котораго оно касается.

Говорила вдова таковы слова:
А мѣсто мнѣ-ка-ва было по люби,
А чарой меня не *óбнесли*
И пьяница глупая не насмѣялася.

Обнести чарой — тоже что *обойдти кого чѣмъ*. Смыслъ исключенія, который сообщается дѣйствію предлогомъ *о*, состоитъ въ томъ, что предметъ, или дѣйствіе стремится постоянно вытѣснить удалить другой предметъ изъ пространства, занимаемаго его объемомъ. Поэтому отрицательное значеніе предлога *о* въ соединеніи съ глаголами можетъ имѣть оттѣнокъ *удаленія*, т. е. что дѣйствіе ставитъ предметъ внѣ своего объема; напр. *оставитъ домъ* т. е. *перестатъ жить въ немъ* — дѣйствіе представляется удаляющимъ предметъ, ставящимъ послѣдній внѣ своего объема. Въ этомъ значеніи предлогъ *о* близко подходитъ къ предлогу *отъ*.

Соображая положительную и отрицательную сторону значенія предлога *о*, можно вывести слѣдующее заключеніе объ общемъ его смыслѣ: предлогъ *о* вообще выражаетъ намекъ на *обстоятельство окруженія*, и языкъ весьма удачно выразилъ его такимъ звукомъ, который въ произношеніи требуетъ окруженія устныхъ органовъ, а въ письмѣ обозначается круговымъ начертаніемъ.

Относительно употребленія предлога *о* съ падежами замѣтимъ, что онъ, подобно предлогу *за*, соединяется въ народномъ языкѣ, кромѣ винит. и предложнаго, еще съ родительнымъ; напр.:

Не дано тебѣ яичко о Христова-дни,
Такъ прими-тко яичко о Петрова-дни.
(Рыбн. Ч. 2. стр. 200).

Такое употребленіе хотя рѣдко, однако не отрицается языкомъ, и служитъ, по нашему мнѣнію, лучшимъ доказательствомъ того, что предлоги не управляютъ падежами, а прибавляются къ падежамъ для выраженія какого либо обстоятельственнаго значенія. Въ приведенномъ примѣрѣ: «не дано тебѣ яичко о Христова дни» — родительный падежъ «*Христова дни*» выражаетъ отношеніе принадлежности яичка извѣстному дню, и служитъ опредѣленіемъ предмета — *яичко*; точно также, какъ въ выраженіи: *домъ отца* — род. падежъ *отца* служитъ

опредѣленіемъ предмета — *домъ*. Но слова: «*Христова дни*», по смыслу рѣчи, должны выражать не одно только отношеніе принадлежности, но и тотъ объемъ времени, котораго касается дѣйствіе *дано*,—а потому для выраженія этого оттѣнка родительнаго падежа и употребленъ предлогъ *о*. Такъ точно предлогъ *между*, *промежду* въ народномъ языкѣ, кромѣ родит. и творит. падежей, соединяется часто съ винительнымъ; напр: *онъ бьетъ-то дядьку промежду уши*, какъ будто бы этимъ выражается та мысль, что онъ бьетъ *то мѣсто*, на которомъ уши, т. е. слово *уши* употреблено въ значеніи вообще извѣстнаго мѣста головы; но чтобы точнѣе обозначить, что онъ бьетъ не самыя уши, а промежутокъ ихъ, употребленъ предлогъ *промежду*. Еще предлогъ *мимо* въ народномъ языкѣ почти постоянно употребляется съ винительнымъ падежомъ, тогда какъ въ языкѣ книжномъ *мимо* соединяется всегда съ родительнымъ. Все это требуетъ особаго спеціальнаго изслѣдованія о значеніи предлоговъ въ русской рѣчи. Мы пока ограничиваемся объясненіемъ ихъ въ самыхъ главныхъ особенностяхъ употребленія. Обратимся опять къ глаголамъ сложнымъ съ предлогомъ *о*, *объ*.

Глаголы сложные съ предлогомъ *о*, или *объ*, имѣютъ два значенія: *положительное* и *отрицательное*, смотря потому, имѣетъ ли предлогъ *о*, соединяясь съ глаголомъ, значеніе: *вокругъ*, или — *около* въ смыслѣ *мимо*; напр.: *обходить* — кругомъ — значеніе положительное; *обходить* — мимо — значеніе отрицательное. *Обойти кругомъ стола*; *обойти кого наградой*. Въ первомъ случаѣ дѣйствіе представляется обнимающимъ предметъ со всѣхъ сторонъ, кругомъ, и потому для ясности можетъ быть названо *дѣйствіемъ-средою*; напр.:

> Моя ли Чайная Часовична
> Сидитъ-то во теремѣ высокомъ
> За трема замочками нѣмецкими;
> Ее красное солнышко не *оппечетъ*,
> Буйные вѣтры не *óввѣютъ* (обвѣютъ),
> Частые дожжички не *óбмочатъ*,
> Добрые людюшки не *óбгалчатъ*.

(Рыбн. Ч. 2, стр. 120, ст. 20).

Во второмъ — дѣйствіе представляется только касающимся объема предмета и идущимъ мимо его; напр.: *оступиться*, *ослышаться*.

Предлогъ *отъ*, употребляется съ однимъ родительнымъ падежомъ и выражаетъ намекъ на обстоятельственное направленіе — откуда, слѣд. можетъ сообщать обстоятельству, выражаемому имъ вмѣстѣ съ падежомъ, смыслъ движенія. Отличается онъ отъ предлога *изъ* тѣмъ, что послѣднимъ выражается обстоятельственный намекъ на движеніе *извнутри*, тогда какъ *отъ* указываетъ на точку начала, находящуюся не *внутри*, а на поверхности, на объемѣ предмета: *выходить изъ дому* и *выходить отъ него*, а не *изъ него*. Поэтому предлогомъ *отъ* обозначается какъ бы точка прикосновенія, или точка касательной линіи, идущей отъ нея далѣе. На этомъ основаніи предлогъ *отъ*, какъ мы видѣли, имѣетъ сродство съ предлогомъ *о*. Стало быть, общій смыслъ предлога *отъ* можно опредѣлить такимъ образомъ: предлогъ *отъ* заключаетъ въ себѣ *обстоятельственный смыслъ движенія отъ точки прикосновенія*. Точка прикосновенія, отъ которой идетъ движеніе, есть начало движенія. Начало же въ смыслѣ отвлеченномъ есть ничто иное, какъ причина дѣйствія. Слѣд. предлогомъ *отъ* въ соединеніи съ родительнымъ падежомъ можетъ выражаться обстоятельство причины.

Послѣ этого не трудно понять смыслъ этого предлога и въ сліяніи его съ глаголами. Одни глаголы принимаютъ предлогъ *отъ* для выраженія обстоятельственнаго движенія дѣйствія — откуда, отъ какой нибудь точки, или среды; напр.: *отбить отбивать* (отъ чего? откуда?) *отговорить* (отъ чего?) *отлучиться*, *отказаться*, *отдѣлаться* и пр. другіе — для опредѣленія своего дѣйствія обстоятельствомъ причины; напр.: *отблагодарить* (за что)? *отдарить* (т. е. дарить за подарокъ). Гл. *отважиться*, *отваживаться* — движеніе отъ чего. (Кор. *важить* нѣм. *wagen*, лат. *vagari* — блуждать. *отважиться* — отрѣшиться отъ неопредѣленнаго состоянія духа, рѣшиться на что. Рус. *вага* — тяжесть, тягота, вѣсъ; *важить* — тяготѣть; *важиться* — склоняться къ чему, подаваться на что; *важкій* — вѣскій. *Отважиться* — отрѣшиться отъ того, что тяготитъ душу). Съ смысломъ движенія дѣйствія *отъ чего* соединяется смыслъ удаленія его отъ начала, а слѣд. и исчезновенія относительно послѣдняго; теряется начало, является конецъ. Какъ тѣсно связано обстоятельственное опредѣленіе начала дѣйствія съ концомъ его, мы видѣли уже въ предлогѣ *за* — и потому весьма естественно, что и предлогъ *отъ* содержитъ подобное же свойство въ своемъ общемъ обстоятельственномъ смыслѣ; напр.: гл. *отбѣлить* —

значитъ кончить бѣлить, но конецъ этого дѣйствія представляется сознанію лишь подъ условіемъ *удаленія дѣйствія отъ своего начала* и гл. *отбѣлить* собств. значитъ: начать и кончать *бѣлить; отдѣлать* — начать и кончить дѣлать; *отслужить* — начать и кончить служить. Этого не имѣетъ предлогъ *за*. Отсюда иногда глаголомъ, сложнымъ съ предлогомъ *отъ*, выражается въ переносномъ смыслѣ то отдаленное, конечное дѣйствіе, котораго причина заключается въ простомъ дѣйствіи; напр.: *отсидѣть ноги* не то, что *отсидѣть извѣстное время гдѣ нибудь. Отсидѣть* ноги — дѣйствіе *отсидѣть* представляется конечнымъ относительно дѣйствія *сидѣть*, какъ причины, т. е. дѣйствіе *сидѣть* было причиною того ощущенія, которое выражается конечнымъ дѣйствіемъ *отсидѣть*. Какъ бы то ни было, вездѣ предлогъ *отъ* является имѣющимъ обстоятельственный смыслъ удаленія отъ начала, какъ точки отправленія.

12. **По.** Предлогъ *по* употребляется съ тремя падежами: *дательнымъ*, *винительнымъ* и *предложнымъ*. Такое разнообразное соединеніе съ падежами говоритъ само за себя въ пользу широкаго обстоятельственнаго смысла предлога, а слѣд. — и — способности, (по нѣкоторымъ оттѣнкамъ своего значенія), занимать мѣсто другихъ предлоговъ. И дѣйствительно, онъ нерѣдко замѣняетъ собою предлоги: *въ* — «гулять *по* лѣсу» (т. е. *въ* лѣсу); *на* — «смотря *по* времени» (т. е. смотря *на* время); *о* или *объ* — «грустить *по* комъ» (т. е. грустить *о* комъ); *за* — «идти *по* грибы» (идти за грибами) и т. п. Совмѣщая въ себѣ оттѣнки обстоятельственнаго значенія нѣсколькихъ предлоговъ, онъ отбрасываетъ отъ своего собственнаго смысла тѣ ихъ исключительныя значенія, которыми они рѣзко отличаются между собою. Такъ напр. извѣстно уже, что предлогомъ *въ* собственно указывается на *внутреннюю сторону* чего либо, какъ обстоятельства; предлогомъ *на* — на *верхнюю* сторону; *о* — на *кругъ; за* — на *заднюю* сторону и т. д. предлогъ *по*, замѣняя эти предлоги въ рѣчи, не указываетъ ни на одну изъ вышеупомянутыхъ сторонъ обстоятельствъ, а служитъ къ обозначенію предѣловъ, границъ, или вообще объема обстоятельства. Другими словами, предлогомъ *по* опредѣляется объемъ самого обстоятельства безъ всякаго отношенія къ той, или другой сторонѣ его. А потому гдѣ обстоятельство мѣста, или времени, или цѣли и т. д. опредѣляется по объему, а не по отношенію къ той или другой сторонѣ, тамъ предлогъ *по* употребляется вмѣ-

сто другихъ предлоговъ. Напр.: «ходить *по* дому» значитъ ходить гдѣ угодно — внутри и снаружи, вверху и внизу и пр.; но дѣло въ томъ, что обстоятельство мѣста здѣсь точнѣе опредѣляется по своему объему предлогомъ *по*, чѣмъ напр. въ выраженіи: *ходить дома*. Предлогомъ *по* точнѣе обозначается предѣлъ, граница, объемъ обстоятельства мѣста для дѣйствія *ходить*, чѣмъ простою формою падежа безъ предлога. Замѣчательно, что предлогъ *по* можетъ стоять вмѣсто: *въ*, *за* и *на* только послѣ глаголовъ, выражающихъ движеніе; напр.: *гулять по саду*, *идти по воду*, *бѣжать по землѣ*, или: гулять въ саду, идти за водою, бѣжать на землѣ. Но какъ скоро предлогъ *по* употребляется послѣ глаголовъ, не имѣющихъ смысла движенія, то всегда указываетъ на количественное значеніе обстоятельства, которымъ опредѣляется дѣйствіе; такъ напр.: нельзя сказать объ одномъ столбѣ, что *онъ стоитъ по дорогѣ* безъ того, чтобы выраженію не придать переноснаго значенія, т. е. *по дорогѣ* здѣсь будетъ означать *по направленію*, гдѣ уже предлогъ *по* будетъ указывать не на объемъ обстоятельства мѣста, такъ сказать, въ покоѣ, но на объемъ обстоятельства мѣста въ движеніи. А въ такомъ случаѣ, какъ замѣчено выше, предлогъ *по* употребляется весьма удобно. И такъ, принимая каждое слово въ его собственномъ значеніи, мы не можемъ сказать: *столбъ стоитъ по дорогѣ*, говоря объ одномъ предметѣ. Тоже выраженіе, только въ формѣ множественнаго числа, становится вполнѣ возможнымъ; напр.: *столбы стоятъ по дорогѣ*. Точно также нельзя сказать: *я лежу по лавкѣ* — и можно: *мы разлеглись по лавкѣ*. Нельзя: *я бросилъ узелъ по лавкѣ*, *по полу* — и можно: *я разбросалъ что либо по лавкѣ*, *по полу* (т. е. во многихъ мѣстахъ). Однимъ словомъ, видно, что во 1-хъ предлогъ *по* соединяетъ дѣйствіе съ его обстоятельствомъ по смыслу *движенія*; во 2-хъ что отношеніе къ объему обстоятельства, обозначаемое предлогомъ *по*, тѣсно связано съ отношеніемъ къ *количеству*. А такъ какъ представленіе о *количествѣ* тѣсно связано съ представленіемъ о *порядкѣ*, *постепенности*, *послѣдовательности* — гдѣ нѣтъ порядка, тамъ нѣтъ количества, а есть масса, куча, хаосъ — то предлогу *по* свойственно указывать вмѣстѣ съ объемомъ обстоятельства на связь его (т. е. объема) съ количествомъ и послѣдовательностью. Послѣдовательность принимается здѣсь въ самомъ обширномъ значеніи, какъ вещественнаго, такъ и нравственнаго, отвлеченнаго

содержанія. Вотъ въ короткихъ словахъ характеристическія особенности типическаго смысла предлога *по* въ отдѣльномъ употребленіи.

Въ сліяніи съ глаголами предлогъ *по* обнаруживаетъ эти особенности еще яснѣе. Смыслъ движенія, столь родственный предлогу *по*, заключается уже въ томъ понятіи о дѣйствіи, которое выражается глаголомъ. Стало быть, предлогу остается только указывать на разные обстоятельственные оттѣнки объема дѣйствія. Мы видѣли, что въ смыслѣ предлога *по* отношеніе къ объему тѣсно связано съ отношеніемъ къ количеству,— и потому предлогъ *по*, сливаясь съ глаголомъ, прежде всего ограничиваетъ дѣйствіе по объему *количественно;* напр.: *быть* и *побыть*, *дѣлать — подѣлать; читать* и *почитать*, *веселиться* и *повеселиться*, *прыгать* и *попрыгать*, *двигать* и *подвигать* и т. д. Глаголы, сложные съ предлогомъ *по*, выражаютъ дѣйствіе уменьшенное по объему сравнительно съ тѣми же простыми глаголами. Въ этомъ случаѣ глаголы съ приставкою *по* можно сравнить съ уменьшительными существительными именами: *домъ — домикъ*, *бѣгать — побѣгать.* Если предлогъ *по* по своему обстоятельственному смыслу оказываетъ такое вліяніе на объемъ дѣйствія, то, очевидно, вліяніе это должно простираться и на качественность его, или на продолжительность. Уменьшая дѣйствіе по объему, онъ сокращаетъ его продолжительность. Поэтому-то нѣкоторые глаголы абсолютно-краткой степени не принимаютъ предлога *по*: онъ былъ бы совершенно лишнимъ; напр.: продолженная степень *кричать* принимаетъ предлогъ *по*: *покричать*, но абсолютно-краткая степень, *крикнуть,* не нуждается въ немъ; не говорится: *покрикнуть*.

Тѣже глаголы, которые въ абсолютно-краткой степени соединяются съ предлогомъ *по*, прямо указываютъ на свое ограниченіе по объему проявленія; напр.: *двинуть — подвинуть.* Послѣдній глаголъ прямо выражаетъ предлогомъ *по*, что дѣйствіе должно проявиться не только кратко, быстро, но и слабо, или мало; *подвинуть* значитъ двинуть немножко, чуть-чуть. Но количественность объема дѣйствія, обозначаемая предлогомъ *по*, выражается не однимъ только уменьшеніемъ дѣйствія по объему, но и увеличеніемъ его. Оно состоитъ въ томъ, что дѣйствіе представляется повторяющимся нѣсколько разъ; напр. *потаскать*, «онъ много добра *потаскалъ* у меня», т. е. мало по малу, въ нѣсколько пріемовъ. Такимъ образомъ, благодаря предлогу *по*

русскій глаголъ можетъ выражать количественное значеніе дѣйствія тамъ, гдѣ въ другихъ языкахъ необходимо прибѣгать къ нарѣчіямъ, опредѣляющимъ объемъ проявленія дѣйствія.

Далѣе, предлогъ *по* опредѣляетъ дѣйствіе по объему относительно послѣдовательности; напр. *побѣлѣть*, *побогатѣть* и т. п. дѣйствіе *бѣлѣть*, или *богатѣть* послѣдовательно достигаетъ до своего полнаго объема въ проявленіи. Этотъ оттѣнокъ последовательности ярче выступаетъ при сравненіи съ глаголами; напр.: *побогатѣть* и *разбогатѣть*, *погорѣть* и *сгорѣть*. *Разбогатѣть* — можно вдругъ, *побогатѣть* — мало по малу. *Погорѣть* — имѣетъ смыслъ постепеннаго уничтоженія отъ дѣйствія огня одного предмета за другимъ, пока не уничтожилось все до конца; а *сгорѣть* — не имѣетъ этого смысла постепенности дѣйствія. Впрочемъ, обстоятельство послѣдовательности, обозначаемое предлогомъ *по* въ соединеніи съ глаголами, имѣетъ самое обширное значеніе. Такъ, нерѣдко глаголъ принимаетъ предлогъ *по* для выраженія того, что дѣйствіе совершается, какъ бы слѣдуя кому, или чему либо въ вещественномъ, или нравственномъ отношеніи; напр.: *пойдти по комъ*.

По матери *пошелъ* по Аннѣ Алѣксѣевнѣ,
Покойница съ ума сходила восемь разъ.

Грибоѣдовъ.

А также: *потакать* кому и т. п.

Наконецъ объемъ можетъ опредѣляться предлогомъ *по* относительно своихъ крайнихъ предѣловъ проявленія начала и конца. Такъ, въ иныхъ глаголахъ, по видимому, предлогомъ *по* указывается преимущественно на конечный предѣлъ; напр.: *позеленѣть*, — и въ этомъ случаѣ онъ противуполагается по смыслу предлогу: *за: зазеленѣть*. *Зазеленѣть* — начать зеленѣть; *позеленѣть* — кончить зеленѣть. Въ другихъ же указывается, какъ бы, преимущественно на начальный предѣлъ дѣйствія; напр.: *побѣжать*, *пойдти*, противуположно предлогу *за: забѣжать*, *зайдти*. *Побѣжать* — *пойдти* — какъ бы начать дѣйствіе; а *забѣжать*, *зайдти*, окончить его. Но вообще, предлогъ *по*, опредѣляя дѣйствіе по объему относительно предѣловъ послѣдняго, скорѣе указываетъ на конецъ продолжительности дѣйствія, чѣмъ на начало; тогда какъ предлогъ *за* указываетъ скорѣе на начало дѣйствія, чѣмъ на конецъ его. Какъ въ предлогѣ *по* намекъ на начало, такъ въ предлогѣ *за* намекъ на ко-

нецъ дѣйствія оказываются скорѣе переноснаго, чѣмъ собственнаго значенія.

Кромѣ предлога *за* предлогъ *по* имѣетъ себѣ соперника еще по нѣкоторому сходству значенія въ предлогѣ *на*. Какъ предлогъ *по* опредѣляетъ объемъ дѣйствія по количеству его проявленія, такъ предлогъ *на* опредѣляетъ дѣйствіе по обилію его проявленія — и потому иногда они могутъ замѣнять другъ друга въ сліяніи съ глаголами. Но вообще: предлогъ *по* — выражаетъ преимущественно уменьшительное значеніе дѣйствія; предлогъ же *на* — увеличительное.

13. **Подъ, подо.** Предлогъ: *подъ*, *подо* — сложный. Онъ состоитъ изъ двухъ предлоговъ: *по* и *до*, подобно предлогу *надъ надо*, состоящему изъ *на* и *до*. Оба предлога: *подъ* и *надъ* соединяются съ одинаковыми падежами, винительнымъ и творительнымъ. «*Надъ*, говорится въ Историч. Грам. Ѳ. И. Буслаева. Ч. II стр. 274, при глаголахъ движенія требуетъ винительнаго, а при глаголахъ пребыванія — творительнаго. Нынѣ употребляется только съ творительнымъ; напр. *надъ берегомъ*, *надъ тучами;* а въ старину съ обоими, напр. съ винительнымъ: поимъше же его воини ведоша надъ брегъ рѣкы. Супр. рук. 117. «*Надъ тучи* онымъ простирайся». Лом. Од. 2. — *Подъ* (ibid. стр. 278) употребляется съ *винительнымъ* при глаголахъ движенія, и съ *творительнымъ* при глаголахъ пребыванія: «*идти подъ Царьградъ, стоять подъ Царьградомъ*». Обстоятельственный смыслъ предлога *подъ* объясняется изъ смысла тѣхъ простыхъ предлоговъ, изъ которыхъ онъ составленъ. Предлогомъ *по* ограничивается *объемъ* обстоятельства, когда онъ соединяется съ падежами, и — дѣйствія, когда сливается съ глаголомъ; предлогомъ *до* обозначается *крайній предѣлъ* того и другаго. Слѣдовательно, взятыя вмѣстѣ, они выражаютъ *крайній предѣлъ ограниченія объема* какъ обстоятельства, такъ и дѣйствія, т. е. ограниченіе объема съ оттѣнкомъ указанія на предѣлъ, къ которому ограниченіе должно приближаться; напр. *подогнать* — выражаетъ не просто дѣйствіе *погнать*, ограниченное по объему своего проявленія, но назначаетъ еще какъ бы предѣлъ самому ограничиванію. Чтобы опредѣлить значеніе этого предѣла, нужно припомнить, что смыслъ его, содержащійся въ предлогѣ *до*, зависитъ отъ того предлога, съ которымъ *до* соединяется. Извѣстно, что *до* соединяется съ двумя предлогами: *на* и *по*, которые по значенію противоположны между собою: *на*—выражаетъ оби

ліе, *по* — ограниченіе; потому, *до*, соединяясь съ первымъ (т. е. *на*), указываетъ на *высшій* предѣлъ; соединяясь со вторымъ (т. е. *по*), имѣющимъ противоположное значеніе, онъ самъ получаетъ значеніе *нисшаго* предѣла. Такимъ образомъ, *подъ* намекаетъ на ограниченіе объема обстоятельства, или дѣйствія, съ указаніемъ на обстоятельство *низа* вообще. Понятію о *низѣ*, *нижней*, *нисшей* сторонѣ, разумѣется, придается здѣсь самое широкое значеніе въ вещественномъ и нравственномъ отношеніи; въ гл. *подставить* — предлогъ *подъ* ограничиваетъ дѣйствіе «ставить» обстоятельствомъ проявленія его снизу. Здѣсь *низъ* имѣетъ вещественное значеніе — мѣста, пространства. *Поддѣлаться* — предл. *под* ограничиваетъ дѣйствіе «*дѣлаться*» указаніемъ на нисшую сторону его проявленія въ нравственномъ смыслѣ; гл. *поднять* — *под* сообщаетъ дѣйствію смыслъ движенія снизу.

И такъ предлогъ *подъ*, *подо*, въ сліяніи съ глаголомъ, выражаетъ прежде всего *крайній предѣлъ ограниченія объема дѣйствія*; напр.: *подходить*, (какъ бы: *по* + *до* + *ходить)*, *подогнать*, *подступать* — *(по* + *до* + *ступать)*. Потомъ, если этотъ предѣлъ есть обстоятельство *низа* вообще, то, при глаголахъ движенія, предлогъ *подъ* сообщаетъ дѣйствію значеніе стремленія снизу вверхъ; напр.: *поднять*, *подбросить*; — при глаголахъ же пребыванія, относительнаго покоя, сообщаетъ дѣйствію значеніе направленія къ основанію, къ нижней сторонѣ предмета; напр.: *подложить*, *подставить*. Точно также и въ нравственномъ смыслѣ предлогъ *подъ* въ сліяніи съ глаголами опредѣляетъ дѣйствіе указаніемъ на нисшую сторону его проявленія; напр.: въ гл. *подсказать* дѣйствіе *сказать* проявляется съ нисшимъ значеніемъ; *подучить*, *подговорить*. Въ этихъ случаяхъ предлогъ *подъ* представляется сложившимся болѣе плотно изъ предлога *по* и *до*, чѣмъ когда выражается имъ вообще крайній предѣлъ ограниченія объема дѣйствія; потому что въ этомъ послѣднемъ значеніи онъ способенъ къ разложенію на свои составныя части, чтобы обозначить свой смыслъ при глаголѣ яснѣе; какъ напр.: въ гл. *подходить* значеніе предлога *подъ* обнаруживается яснѣе, когда онъ разлагается на свои части: *по*+*до*+*ходить*. Но въ гл. напр.: *подставить* предлогъ *под* не разлагается; ибо смыслъ глагола *подставить* совсѣмъ не объясняется смысломъ: *по* + *до* + *ставить*. Въ гл. *подучить* кого сдѣлать что нибудь; предлогъ *подъ* — не разлагается; но въ гл. *подучить* урокъ — смыслъ его яснѣе въ разложеніи: *по* +

до + учить. Нечего и говорить о томъ, что предлогъ *подъ* по значенію противуполагается предлогу *надъ*. *Подъ* — вообще опредѣляетъ дѣйствіе обстоятельствомъ нисшей среды, а *надъ* — высшей.

14. **Пре, пере.** Предлогъ *пере* ц. с. *пре*, употребляющійся слитно, подобно предлогамъ *вы*, *раз* и *роз*, есть ничто иное, какъ надглагольная (адвербіальная) приставка, имѣющая соотвѣтствующее себѣ полное нарѣчіе *черезъ*; напр.: «тутъ стоялъ заборъ, онъ *пере*скочилъ *черезъ* — и былъ таковъ». Поэтому обстоятельственный смыслъ этой приставки можетъ быть объясняемъ лишь посредствомъ нарѣчія *черезъ* ц. с. *чрѣсъ* и *чрѣзъ*. Существенная разница между надглагольною приставкою *пере* и полнымъ нарѣчіемъ *черезъ* состоитъ въ томъ, что она менѣе опредѣленна по своей формѣ, чѣмъ послѣднее; и потому обстоятельственное значеніе ея можетъ быть гораздо разнообразнѣе, смотря по смыслу глагола, съ которымъ она сливается. Другими словами, приставка *пере* есть тоже нарѣчіе, только не получившее въ языкѣ ни опредѣленнаго яснаго значенія, ни законченной этимологической формы. Въ ней выражается лишь общій намекъ на обстоятельство, но не само обстоятельственное понятіе. Вотъ ея значенія въ сліяніи съ глаголами: 1) *черезъ* (trans): *перескочить*, *переѣхать*, *перейдти* и т. д. здѣсь приставка *пере* сообщаетъ дѣйствію значеніе превосходства передъ тѣмъ предметомъ, надъ которымъ оно проявляется. Дѣйствіе выше предмета. 2) *снова*: *передѣлать*, *переписать*, *перечитать*. Здѣсь приставкою *пере* указывается или на повтореніе, или на переходъ дѣйствія къ лучшему, высшему своему проявленію. Слѣд., опять таки выражается смыслъ превосходства дѣйствія, только не надъ предметомъ, а надъ дѣйствіемъ. 3) *слишкомъ: перепугать* кого — значитъ очень сильно, слишкомъ напугать кого. И тутъ дѣйствіе *перепугать кого*: «*онъ перепугалъ меня до смерти*» превосходитъ по своему проявленію всякое другое подобное же дѣйствіе, какъ то: *испугать*, *напугать*, *попугать*. 4) Сюда относятся всѣ глаголы съ приставкою *пере*, сообщающею смыслъ превосходства своему дѣйствію надъ всякимъ другимъ, съ которымъ оно встрѣчается; напр.: *переврать*, *перебить* рѣчь, *прекратить* споръ и т. п. Однимъ словомъ, приставкою *пере*, *пре* сообщается дѣйствію смыслъ превосходства въ какомъ нибудь обстоятельственномъ отношеніи. Притомъ съ понятіемъ о превосходствѣ дѣйствія по обстоятель-

ству его проявленія соединяется понятіе о переходѣ, или движеніи дѣйствія; потому что нарѣчіе *черезъ*, соотвѣтствующее приставкѣ *пере*, употребляясь въ смыслѣ предлога, сочиняется, какъ извѣстно, всегда съ однимъ только *винительнымъ* падежомъ (для выраженія обстоятельства), который имѣетъ смыслъ *движенія — куда*. Оттого, нѣкоторые глаголы сложные съ приставкою *пере*, соединяя съ смысломъ превосходства смыслъ движенія, выражаютъ также переходъ дѣйствія отъ одного своего проявленія къ другому — и потому дѣйствіе представляется *повторяющимся*; напр.: *перебить посуду* — т. е. бить посуду до тѣхъ поръ, пока дѣйствіе не возьметъ верхъ надъ количествомъ предметовъ. И такъ, общее заключеніе о значеніи приставки *пере* или *пре* можно выразить слѣдующимъ образомъ: приставкою *пере* или *пре* выражается общій намекъ на качественное и количественное превосходство дѣйствія въ какомъ нибудь обстоятельственномъ отношеніи; или, иначе, приставка *пере* выражаетъ намекъ на *обстоятельственность качественнаго и количественнаго превосходства дѣйствія*. Недаромъ таже приставка соединяется и съ именами прилагательными для выраженія превосходства качества: *премилый*, *преумный*, *предобрый* и проч.

15. **Предъ, предо.** Предлогъ: *предъ*, *предо* — сложный: состоитъ изъ надглагольной приставки *пре*, *пере* и предлога *до*. Онъ употребляется отдѣльно съ тѣми же падежами, съ которыми употребляются и другіе предлоги одинаковаго съ нимъ образованія: *надъ*, *подъ*, т. е. съ винительнымъ и творительнымъ. Обстоятельственный смыслъ его ясенъ. *Предъ* или *передъ* выражаетъ цѣлое понятіе объ обстоятельствѣ и употребляется, какъ имя существительное: *передъ;* а потому значеніе его въ сліяніи съ глаголами не требуетъ особыхъ объясненій. Вотъ примѣры сложныхъ съ нимъ глаголовъ: *предсказать*, *предчувствовать*, *предвкушать*, *предлагать*, *предпочитать* и пр. Онъ всегда можетъ быть отдѣленъ отъ глагола или въ видѣ нарѣчія: *впередъ*, или въ видѣ отдѣльнаго предлога: *предъ;* напр.: *предсказать* = сказать *впередъ; предчувствовать* = чувствовать *впередъ*; *предвкушать* = вкушать *впередъ*; или: *предлагать* = полагать *предъ* кѣмъ; *предпочитать* = почитать *предъ* кѣмъ и т. д. Очевидно, связь этого предлога съ глаголомъ слабѣе, чѣмъ связь тѣхъ предлоговъ, которыхъ смыслъ менѣе опредѣлененъ самъ по себѣ.

16. **При.** Предлогъ *при* соединяется съ однимъ *мѣстнымъ* (пред-

ложнымъ) падежомъ; слѣд. обстоятельственный смыслъ его не допускаетъ движенія. А потому, сливаясь съ глаголомъ, онъ обозначаетъ ту точку, на которой останавливается, или сосредоточивается дѣйствіе; напр.: *придумать*, *придумывать* — здѣсь предлогомъ *при* обозначается точка, на которой дѣйствіе *думать* останавливается, или около которой оно сосредоточивается. Эта остановка, или сосредоточиваніе дѣйствія гдѣ либо, можетъ еще представляться въ видѣ *приложенія* дѣйствія къ средѣ своего проявленія; — и въ этомъ отношеніи предлогъ *при* можно сравнить съ знакомъ + въ математикѣ. Общее дѣйствіе (т. е. отдѣльное отъ предлога) прилагается посредствомъ предлога къ какой либо средѣ, которою можетъ быть или *предметъ*, или *дѣйствіе*. Если средою проявленія дѣйствія служитъ предметъ, то предлогъ *при*, сливаясь съ глаголомъ, сообщаетъ этому последнему смыслъ приложенія дѣйствія къ предмету подъ условіемъ какого либо обстоятельства; напр. *прибрать посуду*, *книги*, *деньги* и пр. *Посуда*, *книги*, *деньги* — предметъ-среда, къ которой прилагается общее дѣйствіе: *брать*. Но это общее дѣйствіе: *брать* прилагается къ даннымъ предметамъ посредствомъ предлога *при*, который въ этомъ случаѣ сообщаетъ дѣйствію *брать* — особый обстоятельственный смыслъ: *прибрать посуду*, *книги* не значитъ тоже, что *брать посуду*, *книги*; ибо въ выраженіи: *прибрать посуду*, *книги* — посуда берется не съ тѣмъ только, чтобы ее взять; но съ тѣмъ, чтобы дѣйствіе *брать* проявилось сообразно съ обстоятельствомъ какой либо цѣли, какъ-то: сбереженія, или приведенія въ извѣстный порядокъ. Эта цѣль, съ которою совершается дѣйствіе, и представляетъ въ данномъ случаѣ ту точку, на которой останавливается, или около которой сосредоточивается дѣйствіе. Выражается она въ языкѣ предлогомъ *при*. Если средою проявленія дѣйствія служитъ само же дѣйствіе, то предлогъ *при*, сливаясь съ глаголомъ, сообщаетъ ему смыслъ *возрастанія*, *увеличенія*, *накопленія*; напр. «въ рѣкѣ *прибыло* воды на поларшина». Здѣсь *бытіе* воды въ рѣкѣ представляется возрастающимъ, увеличивающимся, накопляющимся. Общее дѣйствіе *быть* служитъ здѣсь само для себя пунктомъ сосредоточиванія, — точкою, на которой постоянно останавливается движеніе *бытія;* а потому, это послѣднее (т. е. дѣйствіе *быть*) и преставляется для сознанія увеличивающимся, или накопляющимся. Но въ томъ и другомъ случаѣ предлогъ *при* опредѣляетъ дѣйствіе обстоятель-

15

ствомъ *сосредоточиванія;* напр.: *прилипнуть*, *прилипать* — къ чему либо. Очевидно, здѣсь общее дѣйствіе: *липнуть* опредѣляется предлогомъ *при*, который указываетъ на сосредоточиваніе дѣйствія въ извѣстномъ пунктѣ предмета. Сосредоточиваніе дѣйствія, какъ мы видѣли, можетъ имѣть двоякій смыслъ, смотря по тому: — выражается-ли имъ отношеніе между дѣйствіемъ и предметомъ, или *другимъ дѣйствіемъ;* — или отношеніе дѣйствія къ самому себѣ. Въ первомъ случаѣ сосредоточиваніе имѣетъ значеніе *приложенія* дѣйствія; во второмъ — возрастанія, накопленія, или увеличенія дѣйствія. Этотъ обстоятельственный смыслъ *сосредоточиванія*, сообщаемый дѣйствію предлогомъ *при*, особенно ясно обнаруживается въ значеніи глаголовъ: *прiѣлось*, *прибѣгалось*, *притупились* сабли острыя и т. п. у Крылова:

Прекрасно, что и говорить!
А все *прискучится*, какъ не съ кѣмъ молвить слова.

Во всѣхъ этихъ глаголахъ дѣйствіе представляется сосредоточивающимся около самаго себя въ какомъ нибудь предметѣ.

Пока они судили да рядили,
Да войска разводили
Онъ ни гугу — и щи и кашу все *прiѣлъ*.

Крыловъ.

Здѣсь предлогомъ *при* выражается сосредоточиваніе, такъ сказать, двухъ дѣйствій: *(ѣсть щи* и *ѣсть кашу)* въ одно. Употребленъ онъ весьма изобразительно въ данномъ случаѣ.

17. **Про.** Предлогъ *про* въ отдѣльномъ употребленіи соединяется съ однимъ винительнымъ падежомъ; слѣд. обстоятельственному смыслу его свойственны тѣ значенія, которыя свойственны падежу винительному. Извѣстно, что винительному падежу свойственно выражать съ одной стороны — *движеніе-куда;* съ другой — *мѣру* дѣйствія. Все это вполнѣ обозначается обстоятельственнымъ смысломъ предлога *про* въ сліяніи его съ глаголами. И дѣйствительно, сливаясь съ глаголомъ, онъ прежде всего опредѣляетъ дѣйствіе по его стремительности, или по его движенію впередъ; напр.: *простираться*, *продвигать*, *проходить* и пр. во всѣхъ этихъ глаголахъ чувствуется смыслъ движенія дѣйствія впередъ. Отличается предлогъ *про* по своему обстоятельственному значенію отъ предлога *предъ*, который также можетъ выражать движеніе дѣйствія впередъ, тѣмъ, что первый

имѣетъ болѣе *пространственное* значеніе, а второй *временное*; другими словами — *про* болѣе соотвѣтствуетъ обстоятельственному смыслу словъ: *впередъ*, *далѣе*; а *предъ* — болѣе соотвѣтствуетъ обстоятельственному смыслу словъ: *напередъ*, *прежде*; напр.: *прорекать*, *пророчествовать* почти тоже, что *предрекать*, *предсказывать*; однако есть и оттѣнокъ различія: въ гл. *прорекать* — предлогъ *про* сообщаетъ дѣйствію *говорить, рещи* — смыслъ движенія впередъ, или — стремленія рѣчи, словъ къ тому, что впереди; въ глаголѣ же *предрекать* предлогъ *предъ* сообщаетъ дѣйствію тотъ смыслъ, что оно проявляется *прежде* того, къ чему относится. Это стремленіе дѣйствія, или движеніе впередъ можетъ представляться *внутреннимъ* и *внѣшнимъ*, смотря по тому отношенію, въ которомъ находятся между собою предметъ и дѣйствіе. Если дѣйствіе представляется совершающимся внутри предмета, то движеніе впередъ, или его стремленіе, будетъ *внутреннимъ* — и въ такомъ случаѣ предлогъ *про* по своему обстоятельственному смыслу соотвѣтствуетъ словамъ: *сквозь*, *насквозь; нарывъ прорвался* т. е. сквозь кожу. *Прорвать цѣпь непріятеля; прорвать платье.*

У Тришки на локтяхъ кафтанъ *прорвался*.

Здѣсь дѣйствіе: *рвать*, *рваться* представляется совершающимся внутри предмета, или въ предметѣ, и потому стремленіе дѣйствія, выражаемое предлогомъ *про*, можетъ быть названо *внутреннимъ* и соотвѣтствующимъ обстоятельственнымъ словамъ: *сквозь*, *насквозь*.

Въ руки яблочко взяла
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку *про*кусила,
И кусочекъ *про*глотила...

(Пушкинъ. Сказка о Мертв. Царевнѣ.)

Въ гл. *прокусила* — *про* соотвѣтствуетъ обстоятельству *сквозь*, *насквозь;* въ глаголѣ *проглотила* — *про* — стремленіе дѣйствія глотать: *впередъ*, *далѣе*.

Если дѣйствіе представляется совершающимся внѣ предмета, то движеніе впередъ, или его стремленіе, выражаемое предлогомъ *про*, будетъ *внѣшнимъ*, — и въ такомъ случаѣ предлогъ *про* по своему обстоятельственному смыслу соотвѣтствуетъ слову *мимо*; напр. «*Промчались* дни; Маріи нѣтъ...» Здѣсь *про* соотв. *мимо*: *дни мчались мимо*. «*Про*йдя два три дома,

вы увидите» и пр. Предлодлогомъ *про* выражается движенiе дѣйствiя впередъ, мимо предмета. Въ нравственномъ смыслѣ предлогъ *про* съ значенiемъ *мимо* сообщаетъ нѣкоторый смыслъ лишенiя; напр.: *проглядѣть*, *просчитать*, *простить* (деньги), *проболтать* (вечеръ), *проспать* прекрасное утро и т. п. Во всѣхъ этихъ глаголахъ заключается смыслъ лишенiя.

Но предлогъ *про*, совмѣщая въ себѣ эти частные оттѣнки движенiя, вмѣстѣ съ тѣмъ намекаетъ и на объемъ, или мѣру движенiя въ проявленiи дѣйствiя. Подобно другимъ предлогамъ онъ также ограничиваетъ, опредѣляетъ дѣйствiе, но только сообразно съ своимъ общимъ обстоятельственнымъ значенiемъ, т. е. *по объему движенiя*; напр.: въ гл. *проговорить* — предлогъ *про* опредѣляетъ дѣйствiе *говорить* по *объему его движенiя*; т. е. дѣйствiе *говорить* представляется продолжающимся столько, сколько требуетъ рѣчь отъ ея начала до конца; *прочитать* — предлогъ *про* опредѣляетъ дѣйствiе *читать* — по объему его движенiя, т. е. начало и конецъ дѣйствiя «*читать*» совпадаетъ съ объемомъ предмета, подлежащаго чтенiю. *Просохнуть*, *просыхать* — здѣсь объемъ движенiя дѣйствiя точно также совпадаетъ съ объемомъ того, что подлежитъ дѣйствiю «сохнуть». Объемъ же движенiя дѣйствiя опредѣляется обстоятельственными словами: *сквозь* и *мимо*; т. е. гдѣ начинается и окончивается представленiе обстоятельствъ *сквозь* или *мимо*, тамъ начинается и оканчивается *объемъ движенiя впередъ*, выражаемаго предлогомъ *про*. Напр.: *пробѣжать* двѣ улицы, значитъ, какъ бы *бѣжать сквозь двѣ улицы*, слѣд. объемъ движенiя дѣйствiя бѣжать такъ великъ, какъ велико представленiе объ обстоятельствѣ *сквозь двѣ улицы*.

И такъ, обстоятельственнымъ смысломъ предлогъ *про* опредѣляетъ *объемъ*, или *предѣлы движенiя дѣйствiя впередъ*. Объемъ, или предѣлы движенiя впередъ характеризуются двумя главными обстоятельственными словами: *сквозь* и *мимо*. Первымъ словомъ обозначается внутреннее движенiе; — вторымъ — внѣшнее. Послѣднее придаетъ часто дѣйствiю въ нравственномъ отношенiи смыслъ лишенiя — и потому смыслъ отрицательный. Стало быть, внутреннее движенiе впередъ, выражаемое предлогомъ *про*, придаетъ напротивъ дѣйствiю смыслъ положительный. Въ этомъ состоитъ типическое значенiе предлога *про* въ слiянiи съ глаголами. Замѣчательно, что предлогъ *про* не соединяется съ формами краткой степени тѣхъ глаголовъ, которые не могутъ

выражать сами по себѣ движенія впередъ; такъ напр.: можно сказать: *пролежать*, *простоять*, *просидѣть*; но никакъ нельзя: *пролечь*, *простать*, *просѣсть*. Гл. *проснуться* (про + сп-ну-ться), выражаетъ движеніе въ переходѣ изъ одного состоянія въ другое.

18. Раз. Приставка *раз*, служащая корнемъ прилагательнаго *разный*, выражаетъ при глаголѣ движеніе дѣйствія въ разныя стороны; напр.: *раскрашивать*, *расписывать*, *раздуматься*, *распускать-ся*, *раз-сказать* (т. е. не просто *сказать*, а входить въ подробности предмета). Поэтому обстоятельственный смыслъ ея при глаголахъ можно назвать вообще *обстоятельственностью дѣленія* дѣйствія. Дѣлясь, или направляясь въ разныя стороны, дѣйствіе лишается единства, сосредоточенности въ самомъ себѣ, и потому ослабляется и разрѣшается нерѣдко по смыслу въ отрицаніе самого себя; напр.: *раздумать* — значитъ *думать* и мало по малу ослаблять это дѣйствіе относительно какого либо предмета до того, что дѣйствіе прекращается, отрицая свою продолжительность: *раздумать* — перестать думать о чемъ либо. Если же дѣйствіе съ приставкою *раз* не разлагается само по смыслу, то разлагаетъ предметъ, ему подлежащій; напр. *раздѣлить*, *разсѣчь*, *разложить*. *Раздѣлать* — уничтожать дѣйствіе *дѣлать*, разлагать его въ предметѣ. Однимъ словомъ, приставкою *раз* опредѣляется дѣйствіе по *обстоятельственности разложенія* его въ проявленіи.

19. Съ, со. Предлогъ *съ*, *со* употребляется отдѣльно съ тремя падежами: *родительнымъ*, *винительнымъ* и *творительнымъ*. Соединяясь съ родительнымъ падежомъ, онъ опредѣляетъ вообще *движеніе съ поверхности* (откуда?) — съ винительнымъ — выражаетъ *мѣру;* съ творительнымъ — *совокупность* (Историч. Грамм. ч. II, стр. 281). Здѣсь творительный падежъ является какъ бы посредникомъ, примиряющимъ, или соединяющимъ въ себѣ обстоятельственное движеніе откуда, выражаемое родительнымъ падежомъ, съ обстоятельственнымъ движеніемъ — куда, выражаемаго падежомъ винительнымъ. Но, соединяясь съ послѣднимъ, предлогъ *съ* не выражаетъ прямаго смысла движенія — куда, а указываетъ только на него косвеннымъ образомъ чрезъ опредѣленіе *мѣры* движенія. Вотъ почему, когда нужно выразить движеніе — откуда съ оттѣнкомъ, какъ далеко оно простирается, т. е. съ оттѣнкомъ мѣры, величины, пространства, въ старинномъ и народномъ языкѣ предлогъ *съ* соединяется съ винительнымъ, вмѣсто родительнаго падежа; напр.

Ахъ вы вѣтры, вѣтры буйные,
Вы буйны вѣтры осенніе,
Потяните вы *съ эту сторону*,
Съ *эту сторону*, *со восточную.*

Движеніе — откуда противуполагается движенію-куда, и потому предлогъ *съ*, заключая въ себѣ смыслъ перваго, не можетъ выражать послѣдняго, но можетъ лишь измѣряться имъ, какъ своимъ продолженіемъ. Въ каждой точкѣ своего продолженія движеніе — откуда остается самимъ собою. Гдѣ оно останавливается, тамъ является точка соединенія, или совпаденіе начала съ концомъ его. Эту связь, это соединеніе точки начала съ точкою конца движенія — откуда выражаетъ обстоятельственный смыслъ предлога *съ* посредствомъ своего употребленія съ падежомъ творительнымъ, въ которомъ всѣ оттѣнки обстоятельственнаго употребленія предлога *съ* приводятся, такъ сказать, къ одному знаменателю. На основаніи этого мы можемъ опредѣлить общій обстоятельственный смыслъ предлога *съ* такимъ образомъ: предлогъ *съ* выражаетъ обстоятельство *совокупности* движенія. Этотъ обстоятельственный смыслъ предлога *съ* обнаруживается нагляднѣе въ сліяніи его съ глаголами. Возьмемъ глаголъ: *сбить*, *сбивать.* Въ этомъ глаголѣ предлогъ *съ* сообщаетъ дѣйствію двоякое значеніе, напр.: *сбивать кого съ толку* — смыслъ движенія дѣйствія откуда, именно съ поверхности предмета «*толкъ*». *Сбивать масло*, смыслъ соединенія частицъ предмета въ одно новое цѣлое. Въ первомъ случаѣ предлогъ *съ* стремитъ дѣйствіе въ сторону; во второмъ — направляетъ дѣйствіе къ соединенію его проявленій въ одномъ цѣломъ. *Сбирать*, *собрать* — здѣсь предлогъ *съ* примиряетъ свои два значенія, соединяетъ ихъ въ одно, т. е. выражаетъ въ одно и тоже время направленіе дѣйствія откуда и стремленіе его къ сосредоточенію, или къ проявленію себя въ совокупности. Короче, сообщаетъ дѣйствію смыслъ стремленія, такъ сказать, къ совокупному проявленію. Сообщая глаголу смыслъ движенія дѣйствія, онъ ставитъ значеніе дѣйствія въ соотвѣтствіе съ значеніемъ употребленія предлога *съ* съ падежомъ родительнымъ; сообщая же глаголу смыслъ совокупности дѣйствія, централизируя, такъ сказать, послѣднее, предл. *съ* ставитъ значеніе дѣйствія въ соотвѣтствіе съ значеніемъ своего употребленія съ падежомъ творительнымъ. Это соотвѣтствіе разнообразія значеній глагола съ

разнообразіемъ употребляемыхъ падежей при одномъ и томъ же предлогѣ, было уже замѣчено К. С. Аксаковымъ въ его брошюрѣ «о русскихъ глаголахъ». Онъ говоритъ (стр. 41): «разнообразіе значенія, придаваемаго глаголу предлогомъ, соотвѣтствуетъ разнообразію требуемыхъ падежей»... «такъ напр. въ глаголѣ *сношу* видны всѣ три значенія предлога *съ*. *Сношу* съ горы — *съ* пад. родител.; *сношу* и вернусь — *съ*, пад. творит.; наконецъ *сношу*, т. е. будетъ по силамъ (это значеніе виднѣе въ *снесу*, которое употребительнѣе, но смыслъ уже не совсѣмъ тотъ). Тутъ въ третьемъ случаѣ, предлогъ *съ* въ *сношу* требуетъ въ рѣчи винительнаго падежа: *со что*; здѣсь въ предлогѣ *съ* выражается мѣра, сравненіе». Мысль весьма основательная и плодотворная при изученіи нашихъ сложныхъ глаголовъ съ предлогами. Мы старались не выпускать ее изъ виду при объясненіи всѣхъ предлоговъ, сливающихся съ глаголами. Но мы не можемъ согласиться съ тою мыслію автора, что предлогъ сообщаетъ дѣйствію *мгновенность*. Объясняя двойственность значенія предлога *съ* въ глаголѣ: *слетаю* (*слетаю* откуда и *слетаю* — куда нибудь), онъ говоритъ: «*слетаю* въ однократномъ смыслѣ, значитъ: полечу и ворочусь; дѣйствіе является оконченнымъ и представляется, какъ мгновеніе. Здѣсь предлогъ *съ* опредѣляетъ дѣйствіе, придавая ему понятіе возвращенія самаго на себя и вмѣстѣ оттѣнокъ мгновенности». Мы думаемъ во 1-хъ что понятіе о возвращеніи дѣйствія самого на себя едва ли не произвольно приписано значенію предлога *съ* при глаголѣ *слетаю:* можно слетать безъ возвращенія назадъ; во вторыхъ, живой смыслъ глагола *слетаю* вовсе не выражаетъ мгновенности. Гораздо вѣрнѣе, по нашему мнѣнію, значеніе предлога *съ* въ этомъ случаѣ объяснять такимъ образомъ: предлогъ *съ* въ глаголѣ *слетаю* — куда нибудь выражаетъ совокупность начала съ концомъ движенія дѣйствія.

Такое значеніе предлога *съ* особенно видно въ глаголахъ: *связывать*, *связать*; *соединять*, *соединить*; *совокуплять*, *совокупить* и т. п. Соединяя начало съ концомъ движенія дѣйствія, предлогъ *съ*, дѣйствительно, служитъ къ представленію сокращаемости дѣйствія, но не мгновенности его проявленія. Представимъ себѣ дѣйствіе, продолжительность котораго неограничена, неопредѣлена; напр. *дѣлать*, *бѣгать*, и предположимъ, что продолжительность дѣйствія *дѣлать* опредѣляется какимъ либо обстоятельствомъ: мѣстомъ, временемъ, или какимъ ни-

будь предметомъ; напр. мнѣ нужно дѣлать какую нибудь вещь. Я принимаюсь за нее и оканчиваю дѣйствіе лишь тогда, когда у меня выйдетъ изъ рукъ та вещь, о которой задумалъ, — и я говорю: я *сдѣлалъ* то-то. Понятно, что дѣйствіе *«сдѣлалъ»* здѣсь не можетъ быть мгновеннымъ; но продолжительность его опредѣляется съ одной стороны тѣмъ мигомъ, когда я началъ дѣлать, принялся за дѣло; съ другой — тѣмъ мигомъ, когда я кончилъ дѣлать; слѣд. общее дѣйствіе *дѣлать* является между точкою своего начала и точкою своего конца. Обѣ эти точки соединяются въ той вещи, или въ томъ дѣлѣ, надъ которымъ проявляется дѣйствіе. Такимъ образомъ, эта вещь, или это дѣло будетъ, такъ сказать, центромъ тяжести для начала и конца дѣйствія, — тою средою, въ которой начало дѣйствія сходится съ концемъ его. Вотъ эту-то точку соединенія въ дѣйствіи начала съ концомъ языкъ и выражаетъ въ предлогѣ *съ*, сливая его съ глаголомъ. Оттого и кажется, что предлогъ *съ* придаетъ дѣйствію значеніе оконченности. Точно также объясняется и глаголъ *бѣгать* съ предлогомъ *съ: сбѣгать*. Положимъ, что мнѣ дается опредѣленное время побывать гдѣ нибудь и вернуться назадъ. Мигъ моего отправленія будетъ началомъ дѣйствія, мигъ прибытія — концомъ его. Сближеніе, соединеніе этихъ двухъ крайнихъ предѣловъ продолжительности дѣйствія я выражаю посредствомъ предлога *съ* и говорю: *я сбѣгалъ*, *или сбѣгаю*. Изъ этихъ двухъ глаголовъ: *сдѣлать* и *сбѣгать* между прочимъ видно, что средою сближенія, соединенія крайнихъ точекъ продолжительности дѣйствія можетъ быть или *предметъ:* (*сдѣлать* что нибудь), или само же дѣйствіе (*сбѣгать*). Но въ томъ и другомъ случаѣ сближеніе крайнихъ точекъ продолжительности дѣйствія ведетъ къ представленію о постепенной *сокращаемости* дѣйствія, — чего никакъ нельзя вывести, придавъ предлогу *съ* свойство сообщать дѣйствію мгновенность проявленія; а между тѣмъ въ языкѣ есть много глаголовъ, которые именно посредствомъ того же предлога *съ* получаютъ смыслъ сокращаемости; напр.: *свѣчи сгораютъ*, *вода сбываетъ*. Далѣе предлогъ *съ*, указывая на связь, на соединеніе двухъ крайнихъ точекъ продолжительности дѣйствія, служитъ, очевидно, и къ опредѣленію самихъ точекъ, или предѣловъ проявленія дѣйствія. Эти крайнія точки, или предѣлы продолжительности дѣйствія, обозначаютъ собою *мѣру* дѣйствія, а потому предлогомъ *съ* сообщается дѣйствію еще смыслъ *мѣры* его проявленія; напр.:

сносить горе; *справляться съ врагомъ*; *состоять часовъ пять на ногахъ*; *сравняться съ кѣмъ въ знаніи.*

И такъ, общій обстоятельственный смыслъ предлóга *съ* въ сліяніи съ глаголами проявляется въ слѣдующихъ трехъ значеніяхъ: 1) въ *движеніи откуда*; (*сбѣгáть* съ горы, *слетáть* съ дерева). 2) въ *соединеніи предѣловъ движенія*; (*сбѣгать*, *сдѣлать*, *сгорáть)* и 3) въ *мѣрѣ* движенія (*сносить* горе). — Общій смыслъ его есть связь движенія — откуда съ мѣрою проявленія его въ дѣйствіи.

Относительно образованія формъ степеней глагола предлогъ *съ* представляетъ слѣдующее замѣчательное свойство: когда онъ, сливаясь съ глаголомъ, указываетъ на соединеніе двухъ крайнихъ точекъ продолжительности дѣйствія, то всегда прилагается къ абсолютно-продолженной степени простаго глагола, и, низводя ее въ *краткую* степень, не допускаетъ уже образованія степеней абсолютно-продолженной и краткой съ тѣмъ же значеніемъ дѣйствія. Это видно изъ приведенныхъ примѣровъ: *летáть* и *бѣгать*. Глаголы эти имѣютъ слѣдующія степени: относительно краткую *летѣть*, *бѣчь* или *бѣжать*; абсолютно-продолжительную: *летàть*, *бѣгать*; кратную: *лéтывать*, *бѣгивать*.

Летѣть, летать, летывать.

Слетать (куда нибудь).

Нельзя въ томъ же значеніи сказать: *слетѣть* куда нибудь и

бѣчь, бѣжать, бѣгать, бѣгивать.

Сбѣгать (куда нибудь).

Другихъ степеней въ томъ же значеніи, глаголъ не допускаетъ.

Еще примѣры:

брòсить, бросàть, брàсывать.

Сбросàть (начать и кончить бросать, а не сбрасывать).

Катить, катать, катывать

скатàть (въ знач. начать и кончить катать).

Ѣздить, ѣзжать, ѣзживать

съѣздить и пр.

Напротивъ, если приставка *съ* выражаетъ лишь стремленіе дѣйствія, движеніе его съ мѣста, то она прилагается ко всѣмъ формамъ степеней глагола. *Слетѣть* (откуда?) *слетать*, *слетывать*; *сбѣчь*, *сбѣжать*, *сбѣгàть*, *сбѣгивать*; *сбросить*, *сбро-*

сать, *сбрасывать; скатить*, *скатать*, *скатывать; съѣздить*, *съѣзжать*, *съѣзживать* и пр.

Этотъ фактъ указываетъ лишь на то, что предлогъ имѣетъ свойство опредѣлять, ограничивать своимъ обстоятельственнымъ смысломъ качественность русскаго глагола, или продолжительность дѣйствія. Но съ особенною ясностію это общее свойство предлоговъ проявляется въ предлогѣ *съ* только потому, что его обстоятельственный смыслъ наиболѣе служитъ къ опредѣленію дѣйствія посредствомъ связи соединенія крайнихъ предѣловъ продолжительности въ одну точку. Поэтому было бы крайне опрометчиво приписывать замѣченное нами свойство предлога *съ* (соединяться съ одною абсолютно-продолжительною степенью глагола, когда обозначаетъ собою соединеніе предѣловъ продолжительности дѣйствія), тому, что предлогомъ *съ* выражается оконченность дѣйствія. Не соединяется онъ въ этомъ случаѣ съ другими степенями именно потому только, что онѣ и безъ него указываютъ на опредѣленную продолжительность.

20. **У.** Предлогъ *у* соединяется съ однимъ родительнымъ падежомъ, которымъ съ одной стороны выражается *ограниченіе* съ другой — *движеніе-откуда*; и потому обстоятельственному смыслу предлога *у* должно быть свойственно также значеніе ограниченія и движенія откуда. Но этимъ общимъ значеніемъ онъ еще не отличается отъ другихъ предлоговъ, употребляющихся съ однимъ родительнымъ падежомъ. Какъ ограниченіе, такъ и движеніе — откуда имѣютъ въ предлогѣ *у* свой отличительный, особенный оттѣнокъ значенія, который выходитъ изъ представленія о принадлежности, или ближайшей зависимости между предметами, или предметомъ и дѣйствіемъ. Напр. «возьми-ка *у меня* щенка любаго». Здѣсь предлогомъ *у* опредѣляется направленіе (откуда) дѣйствія *возьми* отъ лица: *у меня*; но направленіе-откуда въ этомъ случаѣ представляется возможнымъ лишь потому, что между лицомъ и предметомъ дѣйствія — *щенкомъ* находится ближайшая связь, или принадлежность: «щенокъ принадлежитъ мнѣ и потому у меня можно взять его». Точно также въ выраженіи: «*у насъ* запляшутъ лѣсъ и горы», т. е. *отъ нашей музыки* (въ баснѣ Крылова «Квартетъ»), предлогомъ *у* выражается направленіе дѣйствія *запляшутъ* — откуда, отъ чего? отъ музыки, которая принадлежитъ намъ, или зависитъ отъ насъ. *У насъ* запляшутъ лучше, чѣмъ *отъ насъ* запляшутъ въ данномъ случаѣ. Въ народномъ яз.

У меня замаленька да было хожено,
У меня замаленька да было боротось.

Предлогомъ *у* съ родительнымъ падежомъ выражается ограниченіе дѣйствій: *хожено*, *боротось* по отношенію ихъ принадлежности первому лицу, или ближайшей зависимости отъ перваго лица.

Точно также предлогомъ *у* выражается отношеніе *ближайшей зависимости дѣйствія отъ его ограниченія*. Ограниченіе же дѣйствія, обозначаемое предлогомъ *у*, можетъ имѣть два главныхъ значенія: значеніе сосредоточиванія дѣйствія, на какомъ либо его предѣлѣ, или извѣстной цѣли, напр. *убѣждать*, *уговариватъ*, *унимать*, *убивать*, *укладывать*, *уписывать* и пр., — и значеніе исключенія дѣйствія, удаленія его отъ своего средоточія; напр. *убывать*, *угонять*, *уходить*, *убѣгать* и пр. Такимъ образомъ, предлогъ *у*, сливаясь съ глаголами, опредѣляетъ дѣйствіе обстоятельствомъ ближайшей зависимости отъ среды проявленія, и намекаетъ на тотъ предѣлъ, или ту среду, по отношенію къ которой дѣйствіе представляется сосредоточивающимся, или удаляющимся. Это разнообразіе значеній глаголовъ, сложныхъ съ предлогомъ *у*, вполнѣ соотвѣтствуютъ разнообразію значеній родительнаго падежа, съ которымъ онъ употребляется отдѣльно.

Что касается до значенія предлоговъ *противу* и *низ* въ соединеніи ихъ съ глаголами, то эти предлоги выражаютъ вполнѣ опредѣленныя понятія объ обстоятельствѣ: *противъ* употребляется, какъ нарѣчіе; напр. я не могу ничего сказать *противъ*; *низъ* имѣетъ даже значеніе имени существительнаго.

Мы видимъ, что предлоги оказываютъ въ русскомъ языкѣ двоякое вліяніе на глаголы, со стороны *значенія* и со стороны *формы*. Въ первомъ случаѣ глаголъ, соединяясь съ предлогомъ, измѣняетъ свое значеніе не только, какъ понятіе объ извѣстномъ дѣйствіи; напр.: *вести кого подъ руку* и *извести кого зельемъ*, но и какъ степень своей качественности; напр. *говорить* — степень абсолютно-продолженная; а съ предлогомъ напр. *за*, или *про*, или *на*: *заговорить*, *проговорить*, *наговорить* — значеніе степени абсолютно-продолженной измѣняется въ значеніи степени относительно-краткой. Во второмъ случаѣ, простой глаголъ, соединяясь съ предлогомъ, получаетъ способность къ образованію новой *формы*; напр. гл. *вѣрить* не имѣетъ ф. *вѣрять*; но принимая предлогъ тотчасъ, становится способномъ къ упо-

требленію и въ формѣ *вѣрять*: напр. *довѣрить* и *довѣрять*. Мало того, есть глаголы, которые вовсе не употребляются безъ предлога, хотя, повидимому, имѣютъ полное право на свое употребленіе; напр. глаголъ *ложить* не употребителенъ безъ предлоговъ; а съ предлогами онъ имѣетъ даже двѣ формы: *изложить*, *излагать; приложить*, *прилагать; положить*, *полагать* и пр. Такая живая связь предлоговъ съ глаголами составляетъ замѣчательную особенность языка русскаго.

Въ другихъ языкахъ не замѣтно такого тѣснаго, взаимнаго самоопредѣленія между глаголомъ и предлогомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сущность дѣйствія, выражаемаго глаголами языковъ иностранныхъ, есть *время*, а сущность дѣйствія русскаго глагола есть *продолжительность*, то предлоги, соединяясь съ глаголами, должны были бы оказывать такое же вліяніе въ другихъ языкахъ на *время дѣйствія*, какое они оказываютъ въ русскомъ на *продолжительность* дѣйствія. Но, сколько намъ извѣстно, ни въ одномъ изъ языковъ иностранныхъ предлогъ, соединяясь съ глаголомъ, не оказываетъ никакого вліянія на значеніе дѣйствія по времени, тогда какъ въ русскомъ языкѣ предлогъ, сливаясь съ глаголомъ, почти постоянно низводитъ дѣйствіе простаго глагола изъ степени абсолютно-продолженной въ относительно-краткую, а изъ степени кратной въ абсолютно-продолженную; напр.: *говорить* — абсолютно-продолженная, *говаривать* — кратная степень, съ предлогомъ *за: заговорить* — относительно-краткая; *заговаривать* — абсолютно-продолженная, *спать* — абсолютно-продолженная степень; *сыпать* — кратная степень; *проспать* — относительно-краткая; *просыпать* — абсолютно-продолженная степень; относительно-краткая: *ломить*, абсолютно-продолженная степень: *ломать*, кратная: *ламывать*, съ предлогомъ *надъ надломить* — абсолютно-краткая, *надломать* — относительно-краткая, *надламывать* — абсолютно-продолженная. *Катить*, *катать*, *катывать* и *скатить*, *скатать*, *скатывать* и пр.

Притомъ, предлогъ не имѣетъ въ иностранныхъ языкахъ такой вспомогательной силы къ образованію новой формы глагола, какую мы находимъ въ соединеніи его съ русскимъ глаголомъ. Правда, въ глаголахъ напр. латинскаго языка звуковая сторона измѣняется по требованію законовъ благозвучія отъ присоединенія предлога; напр. гл. *capere* брать, соединяясь съ предлогами, измѣняетъ звуки *a* на *i;* напр. *accipere*, *recipere* и т. п. но дѣло здѣсь только и ограничивается звуковою стороною, т. е.

требованіями благозвучія; тогда какъ въ русскомъ языкѣ *предлогъ* нисколько не измѣняетъ звуковой стороны слова, а служитъ къ тому, чтобы дать право гражданства въ употребленіи такой формѣ простаго глагола, которая безъ предлога вовсе не употребляется. Эта особенность русскаго языка, указывающая на живую связь между предлогомъ и глаголомъ, зависитъ отъ качественности значенія русскаго глагола, которая служитъ основаніемъ для образованія формъ степеней дѣйствія.

Теперь обратимся къ рѣшенію слѣдующихъ вопросовъ: во-первыхъ, почему русскій глаголъ, соединяясь съ предлогомъ, становится способнымъ переходить, по значенію дѣйствія, изъ одной степени въ другую, — и вовторыхъ, почему онъ становится способнымъ къ образованію такихъ формъ, въ которыхъ онъ безъ предлога не употребляется.

Мы знаемъ уже, что русскій глаголъ имѣетъ качественное значеніе, которое состоитъ въ *продолжительности проявленія* дѣйствія; и что предлоги, сливаясь съ глаголомъ, опредѣляютъ дѣйствіе *обстоятельственностью* его проявленія. Стало быть, переходъ дѣйствія изъ одной степени въ другую зависитъ отъ того отношенія, въ которое станутъ между собою качественность глагола съ обстоятельственностью предлога при взаимномъ ихъ сліяніи. Очевидно, что, чѣмъ отношеніе между обстоятельственностью предлога и качественностью глагола будетъ ближе, тѣмъ продолжительность дѣйствія будетъ опредѣленнѣе, ограниченнѣе; и напротивъ, чѣмъ обстоятельственность предлога будетъ менѣе относиться по своему смыслу къ качественности глагола, тѣмъ продолжительность дѣйствія будетъ неопредѣленнѣе. Обстоятельственность предлога будетъ тѣмъ ближе къ качественности, чѣмъ яснѣе будетъ выражать предѣлы продолжительности дѣйствія, и тѣмъ далѣе отъ послѣдней, чѣмъ менѣе будетъ указывать на ея предѣлы. Возьмемъ напр. глаголъ *ходить* и соединимъ его съ предлогомъ *про*. Обстоятельственность этого предлога можетъ очень близко относиться къ качественности глагола, если только пространственное значеніе предлога *про*, выражаемое обстоятельствомъ *сквозь* или *мимо*, послужитъ, по смыслу рѣчи, къ обозначенію предѣловъ продолжительности дѣйствія; напр. *я прохожу тамъ не болѣе двухъ часовъ.* Здѣсь, очевидно, пространственное значеніе предлога *про* тѣсно связано по смыслу рѣчи съ временемъ; стало-быть, продолжительность дѣйствія *ходить* представляется здѣсь опредѣленною посредствомъ предлога *про*

и поставленною въ зависимость отъ обстоятельства времени. Такимъ образомъ въ данномъ примѣрѣ обстоятельственность предлога и качественность глагола являются въ самомъ тѣсномъ отношеніи между собою. Быстрота и медленность дѣйствія опредѣляются извѣстнымъ предѣломъ времени, за которымъ онѣ исчезаютъ для представленія. Слѣд. абсолютная продолжительность дѣйствія *ходить* становится уже относительною продолжительностью въ гл. *проходить*, а потому переходъ степени изъ высшей въ нисшую представляется необходимымъ по смыслу глагола. Если же обстоятельственность предлога *про* по смыслу будетъ заключать только пространственное значеніе *сквозь* или *мимо*, которое, смотря по значенію глагола, весьма слабо само по себѣ можетъ опредѣлять продолжительность дѣйствія; то переходъ глалола *ходить* изъ степени абсолютно-продолженной въ степень относительно-краткую не будетъ уже необходимостью, и глаголъ *проходить* можетъ оставаться на той же степени, на которой онъ былъ въ простой формѣ *ходить*, напр. *я прохожу грамматику; прохожу улицу*, *двѣ* и пр. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ быстрота и медленность проявленія дѣйствія остаются независимыми отъ обстоятельственнаго значенія предлога, слѣд. дѣйствіе *проходить* относительно своей продолжительности можетъ оставаться при такомъ же значеніи, какое имѣетъ оно и въ простой своей формѣ: *ходить*. Точно также объясняется отношеніе предлога къ глаголу и въ слѣдующихъ примѣрахъ: *носить* и *доносить: доношу это платье, сошью новое*. Здѣсь переходъ степеней очевиденъ. *Онъ доноситъ обо всемъ, что ни случается, кому слѣдуетъ.* Здѣсь нѣтъ перехода. Отсюда понятно, почему тѣже самые глаголы, сливаясь съ другими предлогами, могутъ оставаться по значенію дѣйствія на той-же степени продолжительности; а именно, потому что обстоятельственность этихъ предлоговъ не опредѣляетъ качественности данныхъ глаголовъ; какъ напр.: *прихожу*, *приношу*, *подхожу*, *подношу* и пр. Предлогами здѣсь выражается только обстоятельственность направленія дѣйствія, а не обстоятельственность его качественности. Другое дѣло, если тотъ же глаголъ взятъ въ степени относительно-краткой: *нести*, *идти*. Тутъ уже предлогъ, какое бы ни имѣлъ обстоятельственное значеніе, служитъ къ опредѣленію, или ограниченію продолжительности дѣйствія; потому что глаголъ въ относительно-краткой степени выражаетъ самъ собою дѣйствіе опредѣленное, ограниченное, и, одѣваясь еще

предлогомъ, онъ болѣе ограничиваетъ свою качественность обстоятельственностью своего направленія, — отчего становится уже способнымъ перейдти изъ степени относительно-краткой въ степень безусловно-краткую; напр.: *нести* и *поднести*, *идти* и *найдти; несу* и *поднесу*, *иду* и *найду*. Иногда глаголъ сливается такъ съ предлогомъ, что этотъ послѣдній какъ бы теряетъ самостоятельность своего обстоятельственнаго значенія и уже въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ не можетъ быть отдѣленъ отъ глагола; въ такомъ случаѣ онъ, разумѣется, не можетъ имѣть никакого вліянія на переходъ степеней, напр. въ выраженіяхъ: *проходить грамматику*, *приносить пользу;* предлоги: *про* и *при* слились до того съ глаголами: *ходить* и *носить*, что не могутъ быть отдѣлены отъ нихъ; ибо нельзя сказать: *ходить грамматику*, *носить пользу;* а также въ выр. *доносить на кого*, или *о чемъ*, нельзя сказать: *носить на кого*, или *о чемъ*, въ томъ же смыслѣ. Въ этомъ случаѣ предлогъ уже ни въ какомъ смыслѣ не опредѣляетъ качественности дѣйствія, а самъ входитъ въ смыслъ этой качественности, и проявляемость (или реальность дѣйствія) въ глаголѣ сложномъ остается на той же степени, на которой находится и въ простомъ глаголѣ. Такимъ образомъ, отношеніе между глаголомъ и предлогомъ въ русскомъ языкѣ представляется въ трояковъ видѣ:

1) Когда *обстоятельственность* предлога опредѣляетъ *качественность* глагола; напр.: *доносить платье* т. е. носить до извѣстной поры.

2) Когда *обстоятельственность* предлога опредѣляетъ *проявляемость* (реальность проявленія) дѣйствія; напр.: *дѣлать* и *поддѣлать*; *ходить* и *проходить* (т. е. мимо чего, или сквозь что).

3) Когда *обстоятельственность* предлога, сливаясь съ качественнностью глагола, теряется или исчезаетъ въ этой послѣдней; напр.: *поносить* кого бранью.

Въ первомъ случаѣ переходъ абсолютно-продолженой степени простаго глагола въ относительно-краткую степень сложнаго, и кратной степени простаго въ абсолютно-продолженную степень сложнаго, — или вообще опредѣленіе продолжительности дѣйствія является необходимымъ. Отношеніе этого рода между предлогомъ и глаголомъ въ русскомъ языкѣ — самое обыкновенное и можетъ быть признано общимъ свойствомъ русскаго глагола; *дѣлать* — *сдѣлать*, *продѣлать*, *надѣлать; писать* — *написать*, *пописать*, *списать* и пр.

Во второмъ случаѣ опредѣленіе продолжительности представляется случайнымъ, какъ напр.: *вязать — вяжу* и *подвязать — подвяжу; гонять — гоняю* и *прогонять — прогоняю*. Здѣсь опредѣляемость и неопредѣляемость продолжительности дѣйствія зависитъ отъ вліянія уже смысла самого глагола на соединяющійся съ нимъ предлогъ.

Въ третьемъ случаѣ сокращеніе продолжительности быть не можетъ; ибо глаголъ сложный съ предлогомъ является здѣсь съ такимъ значеніемъ, котораго онъ вовсе не имѣетъ въ своемъ простомъ видѣ; напр. *читать книгу* и сложный: *почитать кого* стоятъ по своему значенію, какъ отдѣльные глаголы. Сюда относятся преимущественно такіе глаголы, которые могутъ быть названы глаголами *переноснаго* значенія.

Впрочемъ всѣ эти три случая отношенія между глаголомъ и предлогомъ могутъ быть весьма удобно подведены подъ два главныхъ способа ихъ соединенія. Первый способъ соединенія состоитъ въ томъ, что предлогъ, сливаясь съ глаголомъ, служитъ элементомъ опредѣляющимъ дѣйствіе обстоятельственностью своего смысла. Сюда относится то, что сказано было выше о первыхъ двухъ случаяхъ. Второй способъ соединенія предлога съ глаголомъ состоитъ въ томъ, что предлогъ, сливаясь съ глаголомъ, служитъ элементомъ образующимъ только понятіе о дѣйствіи и не имѣющимъ никакого обстоятельственнаго смысла. Но тотъ и другой способъ соединенія убѣждаютъ насъ въ томъ, что между предлогомъ и глаголомъ находится самое тѣсное, живое, внутреннее отношеніе въ языкѣ русскомъ.

И такъ мы видимъ, что предлогъ, соединяясь съ глаголомъ, или удерживаетъ свое обстоятельственное значеніе, или нѣтъ. Отсюда слѣдуетъ, что языкъ не налагаетъ на него непремѣнной обязанностя опредѣлять глаголъ по значенію и по качественности дѣйствія, т. е. предлогъ можетъ опредѣлять своимъ обстоятельственнымъ смысломъ значеніе и качественность дѣйствія, можетъ и не опредѣлять ни того, ни другаго. Стало-быть, всякое желаніе подчинить языкъ въ этомъ случаѣ строгимъ опредѣленнымъ правиламъ будетъ напраснымъ усиліемъ съ нашей стороны стѣснить его свободу въ живой рѣчи. Мы можемъ сказать только то, что въ русскомъ языкѣ предлогъ, сливаясь съ глаголомъ и удерживая свое обстоятельственное значеніе, можетъ оказывать вліяніе на существенное значеніе глагола, т. е. опредѣлять его качественность. На этомъ основывается замѣчатель-

ное свойство русскаго глагола, именно: переходъ степеней дѣйствія. А такъ какъ *переходъ степеней дѣйствія* не всегда оказывается непремѣннымъ слѣдствіемъ соединенія русскаго глагола съ предлогомъ; то слѣдуетъ заключить, что живая, внутренняя связь между предлогомъ и глаголомъ въ русскомъ языкѣ не ограничивается однимъ только вліяніемъ предлога на глаголъ, но проявляется и въ обратномъ вліяніи значенія глагола на обстоятельственный смыслъ предлога. Это особенно видно изъ тѣхъ сложныхъ глаголовъ, въ которыхъ предлогъ, по своему собственному значенію, не можетъ выражать предѣловъ продолжительности дѣйствія, а между тѣмъ иногда опредѣляетъ эту послѣднюю; напр. возьмемъ предлогъ *подъ*, который въ своемъ обстоятельственномъ смыслѣ не заключаетъ ни малѣйшаго оттѣнка, похожаго на предѣлъ продолжительности. Онъ выражаетъ лишь извѣстное направленіе дѣйствія. Качественность дѣйствія остается внѣ его вліянія, совершенно неопредѣленною. Между тѣмъ, предлогъ *подъ*, соединяясь съ одними глаголами, не опредѣляетъ продолжительности дѣйствія; соединяясь же съ другими, опредѣляетъ ихъ продолжительность; напр. *подбѣгать* — *подбѣгаю; подходить* — *подхожу*; *подносить* — *подношу*. Здѣсь, очевидно, *подъ* не оказываетъ никакого вліянія на продолжительность дѣйствія; а въ гл. *поддѣлать* — *поддѣлаю; подписать* — *подпишу* и т. п. тотъ же предлогъ *подъ* опредѣляетъ, или сокращаетъ для представленія, продолжительность дѣйствія. Чѣмъ это объяснить, какъ не вліяніемъ значенія самого глагола на обстоятельственный смыслъ предлога? Предлогъ *подъ*, выражая извѣстное направленіе при глаголахъ: *бѣгать*, *ходить*, *носить*, не имѣетъ значенія предѣла для продолжительности этихъ дѣйствій; но соединяясь съ глаголами: *дѣлать*, *писать* и т. п. онъ получаетъ отъ значенія ихъ смыслъ предѣла (цѣли), къ которому стремится дѣйствіе, и потому становится способнымъ опредѣлять качественность глагола, или продолжительность дѣйствія. Такимъ образомъ, мы видимъ, что отношеніе между предлогомъ, удерживающимъ свое обстоятельственное значеніе, и глаголомъ, съ которымъ онъ сливается, представляетъ тоже самое явленіе, которое было выше замѣчено нами и въ отношеніи между предлогомъ, употребляемымъ отдѣльно, и какимъ нибудь падежомъ. Какъ тамъ общій обстоятельственный смыслъ предлога опредѣляетъ общій смыслъ падежа, и въ свою очередь опредѣляется смысломъ послѣдняго; такъ и здѣсь, общій

обстоятельственный смыслъ предлога можетъ опредѣлять дѣйствіе и въ свою очередь опредѣляться этимъ послѣднимъ. Это взаимное опредѣленіе глагола предлогомъ и предлога глаголомъ можно назвать взаимнымъ самоопредѣленіемъ двухъ началъ (обстоятельственности и качественности русскаго глагола) въ одномъ цѣломъ понятіи о дѣйствіи каждаго сложнаго глагола. Вотъ все, что мы можемъ пока сказать о томъ особенномъ отношеніи глагола съ предлогомъ, которымъ нашъ русскій языкъ отличается отъ другихъ языковъ. Для ясности повторимъ наши выводы вкратцѣ.

1) Предлогъ въ русскомъ языкѣ не механически соединяется съ глаголомъ, но сливается съ нимъ внутренне.

2) Обстоятельственный смыслъ предлога можетъ опредѣлять дѣйствіе по смыслу и качественности послѣдняго, и въ свою очередь опредѣляется смысломъ и качественностью глагола.

3) Предлогъ, сливаясь съ глаголомъ и опредѣляя его качественность, переводитъ дѣйствіе простаго глагола изъ высшей степени продолжительности въ нисшую.

4) Переходъ этотъ возможенъ только въ тѣхъ степеняхъ, въ которыхъ продолжительность дѣйствія не достигаетъ крайняго предѣла своей продолжительности; такъ напримѣръ: изъ абсолютно-кратной — въ относительно-кратную; напр.: *говаривать* — ст. абсолютно-кратная; *поговаривать* — относительно-кратная, или вообще изъ кратной въ продолженную; напр.: *говаривать* — кратная степень дѣйствія; съ предлогомъ *за*, *при*, *на*: *заговаривать*, *приговаривать*, *наговаривать* — продолженная степень. Далѣе, — изъ продолженной степени въ какую либо краткую степень; напр.: *говорить* — *говорю* — степень продолженная; *заговорить*, *наговорить* — *заговорю*, *наговорю* — представляется для сознанія степенью относительно-краткою; ибо въ нихъ опредѣляется предѣлъ продолжительности предлогами: *за*, *на* и т. п. Но краткія степени и съ предлогами остаются въ томъ же положеніи: *прыгнуть* и *спрыгнуть*. Въ нихъ предлогъ уже не можетъ имѣть значенія предѣла продолжительности; потому что крайній предѣлъ продолжительности заключается уже въ самомъ дѣйствіи; въ этомъ случаѣ обстоятельственный смыслъ предлога ограничивается лишь опредѣленіемъ обстоятельственнаго направленія дѣйствія.

Это свойство замѣчено многими русскими филологами, но объяснялось ими, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удовлетвори-

тельно. Они строили на немъ систему видовъ и временъ съ совершеннымъ (окончательнымъ) и несовершеннымъ (неокончательнымъ) значеніемъ, т. е. они выпустили изъ виду живую связь обстоятельственнаго смысла предлоговъ съ значеніемъ глагола, отъ которой зависитъ сила и изобразительности послѣдняго въ русской рѣчи, и старались пріурочить значеніе сложнаго глагола къ сухой, однообразной формѣ оконченности и неоконченности дѣйствія. Болѣе вѣрное объясненіе этого свойства русскаго глагола находится, по нашему мнѣнію, въ сочиненіи К. С. Аксакова: «о русскихъ глаголахъ». Онъ говоритъ объ этомъ слѣдующее (стр. 37): «Значеніе предлога, осуществляясь и утверждаясь на глаголѣ, приноситъ ему свое опредѣленіе, отъ чего проистекаютъ измѣненія, смотря по тому, къ *какой формѣ* глагола присоединяется предлогъ. Какъ скоро предлогъ присоединяется къ многократной формѣ, то, проникая весь глаголъ новымъ единымъ оттѣнкомъ, онъ сливаетъ въ немъ *моменты* въ одно цѣлое и образуетъ въ немъ новое дѣйствіе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ освобождаетъ въ немъ *понятіе дѣйствія вообще*, слѣдовательно, понятіе дѣйствія неопредѣленнаго; поэтому изъ многократной степени возводитъ онъ глаголъ въ степень неопредѣленную, изъ отглагольной формы въ глагольную, изъ прошедшаго въ настоящее; напр.: *прыгивалъ* — степень многократная — присоединяется къ глаголу предлогъ: *при*, — вмигъ глаголъ проникается однимъ цѣльнымъ значеніемъ, и образуетъ новое понятіе дѣйствія, именно: дѣйствіе неопредѣленное: *припрыгиваю*. Далѣе: какъ скоро предлогъ присоединяется къ формѣ неопредѣленной, въ которой дѣйствіе все же есть (не то, что въ многократной), то, проникая глаголъ своимъ извѣстнымъ, частнымъ значеніемъ, онъ обращаетъ дѣйствіе въ *моментъ* и возводитъ глаголъ изъ степени неопредѣленной въ однократную, — изъ времени *настоящаго въ будущее;* напр.: *прыгаю* — степень неопредѣленная, — присоединяется предлогъ *за*, глаголъ вмигъ опредѣляется частнымъ значеніемъ и обращается въ моментъ: *запрыгаю*. Присоединясь къ формѣ однократной, предлогъ придаетъ глаголу только новую опредѣленность и ускоренность, напр.: *прыгну;* присоединяется къ глаголу *съ*, и образуется: *спрыгну*. Значеніе предлога при глаголѣ, сейчасъ нами разсмотрѣнное, очень замѣчательно, и едва ли можетъ быть найдено въ другомъ какомъ нибудь языкѣ (мы не говоримъ о языкахъ соплеменныхъ).» Но и это объясненіе, осно-

ванное на *моментальности*, которую авторъ признаетъ за качественность значенія русскаго глагола, сбивается тою же моментальностью съ вѣрнаго пути и ставитъ самого автора въ противурѣчіе съ самимъ собою. Спрашивается: какимъ образомъ предлогъ, проникая глаголъ новымъ *единымъ* (?) оттѣнкомъ значенія, можетъ сливать моменты? Предлогъ, соединяясь съ глаголомъ, сливаетъ свое значеніе съ значеніемъ дѣйствія. Правда. Но если бы предлогъ служилъ дѣйствительно къ сліянію моментовъ, изъ которыхъ, по мнѣнію автора, слагается значеніе дѣйствія; то онъ самъ необходимо заключалъ бы въ себѣ значеніе, сродное моментальности; и — такъ какъ авторъ приписываетъ въ этомъ случаѣ предлогу извѣстное, частное значеніе, то обстоятельственность моментальности была бы единственнымъ смысломъ предлога въ сліяніи съ глаголами, — чего допустить нѣтъ никакой возможности. Положимъ, предлогъ *за* можетъ обозначать моментъ начала; напр.: *заговорить* — значитъ начать говорить; но вѣдь тотъ же глаголъ: *заговорить* имѣетъ и другое значеніе: *заговорить рану кровавую*. Здѣсь уже предлогъ *за* вовсе не выражаетъ начальнаго момента дѣйствія; а скорѣе — конечный моментъ; въ формѣ же: *заговаривать* — не выражаетъ ни того, ни другаго. А предлоги: *въ*, *отъ*, *объ*, *безъ*, *на* и др. какую могутъ выражать моментальность? Кромѣ того, если предлогъ сливаетъ моменты въ одно цѣлое, то, очевидно, это цѣлое есть ничто иное, какъ сумма моментовъ, которая, относительно дѣйствія, представляется вообще подъ формою *времени*. И дѣйствительно, авторъ въ своемъ объясненіи прибѣгаетъ къ помощи прошедшаго, настоящаго и будущаго дѣйствія, которое ничѣмъ инымъ не можетъ выражаться въ языкѣ, какъ формою времени; но извѣстно, что въ томъ же сочиненіи авторъ рѣшительно отвергаетъ временныя формы въ русскомъ глаголѣ. Ясно, что объясненіе автора о переходѣ степеней заключаетъ въ себѣ то, что противорѣчитъ его же собственному и, прибавимъ, весьма справедливому убѣжденію. Но всего страннѣе, что предлогъ, присоединяясь къ однократной степени глагола, можетъ придавать глаголу какую-то новую опредѣленность и ускоренность. Если однократная степень глагола сама по себѣ выражаетъ *мигъ* дѣйствія, мгновенное его проявленіе; то какую же новую ускоренность можетъ придать предлогъ, соединяясь съ нею? Что можетъ быть еще короче мига, момента для воображенія? На основаніи всего этого мы не можемъ вполнѣ со-

чувствовать объясненію автора, касающемуся перехода степеней дѣйствія. Тѣмъ не менѣе, слѣдующее замѣчаніе автора, что «не всѣ равно предлоги придаются ко всѣмъ тремъ степенямъ» — совершенно справедливо. Этотъ выводъ, хотя также основанъ на теоріи моментальности, однако не противорѣчитъ нисколько и нашему взгляду на качественное значеніе русскаго глагола въ смыслѣ продолжительности. Поэтому объясненіе вывода можетъ быть принято нами лишь съ нѣкоторыми измѣненіями. Такъ авторъ говоритъ: «Предлогъ *по* присоединяется къ *многократной: прыгивалъ* «(мы сказали бы: просто *къ кратной*)» и дѣлаетъ возможнымъ *неопредѣленную* (по нашему: *продолженную*) степень: *попрыгиваю*; присоединяется къ неопредѣленной: *прыгаю*, и образуетъ *однократную* степень (по нашему: *краткую*): *попрыгаю*; но этотъ предлогъ, имѣя значеніе послѣдовательности вообще, не можетъ присоединяться къ *однократной* (краткой) степени: *прыгну*, нельзя сказать: *попрыгну*. Здѣсь уже нуженъ другой предлогъ, своимъ значеніемъ не противорѣчащій значенію *мгновенности*» (мы сказали бы: не противорѣчащій значенію быстроты, краткости проявленія дѣйствія).

Русскій глаголъ, опредѣляясь обстоятельственно посредствомъ предлоговъ, часто не довольствуется однимъ, но соединяется съ двумя и тремя предлогами за разъ; напр: *попризадуматься*, *попріутихнуть*, *обезпечить*, *опрокинуть* и т. п. этого требуетъ изобразительность дѣйствія, самая живая сторона употребленія глагола.

На основаніи этой живой, внутренней связи глагола съ предлогомъ, о которой мы только что говорили, становится понятнымъ и то вліяніе, которое оказываютъ предлоги на формы глагола.

Подъ формами глагола мы разумѣемъ здѣсь не всѣ его формы, а только тѣ, которыя представляютъ собою видоизмѣненія одной *существительной* формы русскаго глагола.

Извѣстно что существительная форма русскаго глагола измѣняется *по степенямъ* и *значенію* дѣйствія. Мы не будемъ здѣсь входить собственно въ этимологію самихъ формъ — это должно составить предметъ особеннаго изслѣдованія — но укажемъ лишь на зависимость формъ степеней и формъ значенія дѣйствія отъ предлоговъ.

Было замѣчено выше, что простой глаголъ, употребляющій-

ся въ одной только формѣ абсолютно-продолженной степени, соединяясь съ предлогомъ, получаетъ способность къ образованію новой формы; напр. гл. *вѣрить* безъ предлога не отступаетъ отъ этой формы въ употребленіи; но соединяясь съ предлогомъ, напр. *по*, онъ тотчасъ представляется уже въ двухъ формахъ для употребленія 1) въ ф. *повѣрить* и 2) въ ф. *повѣрять*. Причина этого замѣчательнаго явленія въ русскомъ языкѣ заключается въ томъ, что *предлогъ* можетъ опредѣлять качественность глагола, или ограничивать неопредѣленную продолжительность дѣйствія. Вслѣдствіе этого глаголъ безъ предлога имѣвшій значеніе неопредѣленное относительно своей продолжительности, соединясь съ предлогомъ, вдругъ получаетъ значеніе опредѣленности, ограниченности и тотчасъ сходитъ со степени абсолютно-продолженной на степень краткую относительно прежней. Получивъ же чрезъ *предлогъ* значеніе опредѣленной продолжительности, глаголъ вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ и новое значеніе въ смыслѣ понятія о дѣйствіи; но понятіе о дѣйствіи, какъ понятіе, которое въ силу своего общаго значенія стремится къ отвлеченности, не можетъ оставаться въ той формѣ глагола, которая имѣетъ значеніе опредѣленности, ограниченности реальности дѣйствія — и потому необходимо требуетъ новой формы, которую языкъ образуетъ съ помощію преимущественно звука *а*, обозначающаго продолжительность. Когда мы говорили о степеняхъ русскаго глагола, то имѣли случай доказать единство и необходимость абсолютно-продолженной степени для каждаго глагола. Стало быть, если предлогъ, присоединяясь къ глаголу, низводитъ его изъ степени абсолютно-продолженной въ краткую; то необходимо, чтобы степень кратная простаго глагола перешла въ степень абсолютно - продолженную; если же простой глаголъ не имѣетъ степени кратной, то является необходимость создать новую форму глагола.

Но кромѣ этого образованія новой формы абсолютно-продолженной степени для сложнаго глагола, предлогъ оказываетъ вліяніе на формы глагола по значенію дѣйствія. Извѣстно, что русскій глаголъ имѣетъ двѣ формы 1) на *тъ* и 2) на *тъся*. Первою формою преимущественно обозначается относительное значеніе дѣйствія, второю — самостоятельное. Предлогъ, присоединяясь къ формѣ относительнаго значенія, часто измѣняетъ ее въ форму значенія самостоятельнаго; напр.: гл. *сѣсть* съ предлогомъ *у* принимаетъ форму: *усѣсться*; *лечь* — *разлечься; смо-*

трѣть—всмотрѣться; *глядѣть*, *вглядѣтся* и т. п. формы: *усѣсть*, *разсѣсть*, *улечь*, *разлечь*, *всмотрѣть*, *вглядѣть* — неупотребительны въ языкѣ. Между тѣмъ, тѣже самыя глаголы, соединяясь съ другими предлогами, какъ извѣстно, удерживаетъ свою форму на *ть*. Отсюда видно, что нѣкоторые предлоги съ нѣкоторыми глаголами, могутъ соединяться только въ формѣ самостоятельнаго значенія послѣднихъ. Это служитъ новымъ доказательствомъ того, что каждому глаголу въ русскомъ языкѣ присущи обѣ формы дѣйствія: на *ть* и на *ться*, и предлогъ, ограничивая значеніе глагола, простираетъ свою опредѣляющую силу до того, что оказывается способнымъ различать по самой формѣ относительность и самостоятельность дѣйствія. Если глаголъ, соединяясь съ предлогомъ, не можетъ, по смыслу, ни въ какомъ случаѣ выражать относительности дѣйствія, то при точнѣйшемъ опредѣленіи своего частнаго значенія предлогомъ, онъ стремится къ точнѣйшему опредѣленію и своего общаго значенія прямаго, или возвратнаго (относительнаго, или самостоятельнаго) по формѣ. Оттого глаголы *усѣсться*, *разлечься* и др. не знаютъ формъ *усѣсть*, *разлечь*. Такъ всецѣло смыслъ глагола и смыслъ предлога сопроникаются между собою въ языкѣ русскомъ! Подобнаго явленія мы не встрѣчаемъ въ другихъ языкахъ, несоплеменныхъ русскому.

Итакъ, если предлоги оказываютъ несомнѣнное вліяніе на значеніе и формы простыхъ глаголовъ, то смѣшеніе этихъ послѣднихъ съ сложными также странно въ нашей грамматикѣ, какъ странно то узкое воззрѣніе, по которому предлогамъ приписывается сухое, отвлеченное значеніе оконченности въ соединеніи ихъ съ глаголами. Это воззрѣніе лишаетъ изобразительный русскій глаголъ всей жизни и всѣхъ его красокъ въ рѣчи.

VI.

О прилагательныхъ формахъ русскаго глагола.

Прилагательныя формы, или, такъ называемыя, *причастія*, представляютъ весьма замѣчательную сторону развитія русскаго глагола. Въ нихъ прежде всего поражаетъ разнообразіе окончаній, свидѣтельствующее самымъ очевиднымъ образомъ о той

связи, которая существуетъ въ русскомъ языкѣ между глаголомъ и именемъ прилагательнымъ по значенію. Какъ глаголъ черезъ прилагательную форму можетъ усвоить себѣ значеніе чисто-прилагательнаго имени; напр. *родить* — *родимый*, *ро́дный* и *родно́й*; *открыть* — *открытый* (открытое лицо); *почѐсть* — *почтенный*; *любить* — *любимый* (любимѣе, самый любимый); *умѣть* — *умѣлый*; *горѣть* — *горѣлый*; *бывать* — *бывалый*; *жить* — *жилой* и др., такъ, наоборотъ, прилагательное имя, чрезъ краткую форму съ окончаніемъ средняго рода, или съ безразличнымъ окончаніемъ, можетъ принимать значеніе глагола; напр.:

И, *полно*, что за счеты!...
Лишь стало бы охоты.

Здѣсь «*полно*» отъ прилагательнаго *полный*, *ая*, *ое* имѣетъ значеніе глагола въ абсолютно-личной формѣ на *и*.

Нѣтъ, не *смѣшно*, когда маляръ негодный
Мнѣ пачкаетъ мадонну Рафаэля.

Здѣсь «*смѣшно*» отъ прилагательнаго *смѣшной*, *ая*, *ое* имѣетъ также значеніе глагола: потому что качество, выражаемое имъ, по смыслу рѣчи представляется присущимъ предмету подъ условіемъ извѣстной продолжительности. Извѣстно, что каждое прилагательное имя съ краткимъ окончаніемъ можетъ имѣть значеніе глагола, когда стоитъ на мѣстѣ сказуемаго въ предложеніи. Такимъ образомъ, глаголъ въ развитіи своихъ формъ преобразуется въ имя прилагательное; имя прилагательное въ сокращеніи своихъ формъ преобразуется въ глаголъ. Въ грамматикахъ прилагательныя формы отъ глагола носятъ названіе *причастій* по переводу съ греческаго μετοχή. Мы будемъ называть ихъ или просто *прилагательными формами глагола*, или *отглагольными прилагательными именами*. Изслѣдованіе этихъ формъ по стольку, по скольку оно опредѣляется задачею нашего труда — уяснить смыслъ формъ русскаго глагола — главнымъ образомъ требуетъ рѣшенія слѣдующаго вопроса: какія эти формы и что ими выражается въ языкѣ русскомъ?

Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ съ большею ясностію и возможною полнотою, считаемъ необходимымъ указать прежде не только на существующія нынѣ формы, но и на тѣ, которыя существовали въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ.

Причастія того древняго ц. Славянскаго языка, который мы находимъ въ Остроміровомъ Евангеліи (1056 — 1057), по изслѣдованіямъ А. Х. Востокова, раздѣляются по формѣ своей на *дѣйствительныя* и *страдательныя*. И тѣ и другія имѣютъ два времени: *настоящее* и *прошедшее*. Какъ дѣйствительныя, такъ и страдательныя причастія настоящаго и прошедшаго времени имѣютъ три рода: *мужескій*, *женскій* и *средній* — и двоякое окончаніе: *усѣченное* и *полное*. Въ томъ и другомъ окончаніи они склоняются, какъ имена прилагательныя. Но есть одна причастная форма въ древнемъ ц. славянскомъ языкѣ на *лъ*, которая измѣняется только по числамъ: *единственному*, *двойственному* и *множественному* съ указаніемъ на роды, не принимая никакихъ другихъ измѣненій для обозначенія всѣхъ падежныхъ отношеній. Такъ для муж. *лъ*, женск. *ла*, средн. *ло*; въ двойственномъ числѣ для муж. *ла*, женскаго и средн. *лѣ*; во множественномъ для муж. *ли*, средн. *ла*, женск. *лы*; напр.: *пришьлъ еси погубитъ насъ* (Лук. IV, 31), *аще и бѣста вѣдала, то не бѣста пришла* (стр. 60 Лавр. Спис. о двухъ волхвахъ). Эту форму А. Х. Востоковъ называетъ спрягаемою; ибо она служитъ въ древнемъ ц. славянскомъ языкѣ только для образованія прошедшихъ временъ дѣйствительнаго залога и никогда не употребляется въ прилагательномъ значеніи. Другія формы причастій въ древнемъ ц. славянскомъ языкѣ слѣдующія:

Дѣйствительнаго залога.

Настоящаго времени.

Усѣченное значеніе.	*Полное окончаніе.*
Муж. — ѧ, ꙑ, ѩ (наше *а* или *я*, ы)	+ *и* (наше *й*)
Сред.	не встрѣчается.
Женск. — *щи*	*щѫꙗ* (наше *щая*)

Прѣмѣры:

страждѧ, *несꙑ*, *имѣѩ*, *любѧ*, *стоѩ*; *страждѫщи*, *несѫщи*, *имѣѭщи*, *любѧщи*, *стоѩщи*; — полное: *страждѧи* (страждяй), *несꙑи* (несый), *любѧи*; *страждѫщи* (страждущая) *любѧщи* (любящая) и др.

Прошедшаго времени.

Усѣченное оконч.	*Полное оконч.*
М. — *въ*, *ъ*, *ь*	+ *и* (наше *й*)
Ср. — *шеѥ* (полное)	*шеѥ* (шее)
Ж. — *ши*	не встрѣчается.

Примѣры:

Страдавъ или *страждь*, *несъ*, *оставивъ*=*оставль*, *въшьдъ* (вшедъ), *обрѣтъ*; *падъшеѥ* (падшее), *рождьшеѥсѧ* (рождьшееся); *страдавъши* (страдавши), *въшьдъши* (вшедши), *рекъши*; *любивъıи* (любивый); *въшьдъıи* (вшедый).

Страдательнаго залога

Настоящаго времени.

Усѣчен. оконч.	*Полное оконч.*
Муж. — мъ	+ *и*
Средн. — мо	+ ѥ (е)
Женск. — ма	+ ꙗ (я)

Примѣры:

Поѥмъ (поемъ), *несомъ*, *любимъ*, *поѥмъıи* (поемый), *несомъıи* (несомый); *поѥмо* (поемо), *несомо*, *поѥмоѥ* (поемое) и проч.; *поѥма*, *несома*, *несомаꙗ* (несомая) и др.

Прошедшаго времени.

Усѣчен. оконч.	*Полное оконч.*
Муж. — *нъ*, *тъ*	+ *и* (й)
Средн. — *но*, *то*	+ ѥ (е)
Женск. — *на*, *та*	+ ꙗ (я).

Примѣры:

зъванъ (званъ), *биѥнъ* (біенъ), *распꙗтъ*, *зъванъıи* (званый); *биѥно* (біено), *биѥноѥ* (біеное), *распѧто*, *распѧтоѥ*; *зъвана*, *зъванаꙗ* и др.

Сравнимъ же эти формы съ новѣйшими:

Причастія настоящаго времени.

Усѣч. древн.: М. ѧ, ıѧ, ꙑ Новыя: *а*, *я* *): пиша, читая. Нѣтъ ы.

Эти окончанія для всѣхъ родовъ, какъ и народное окончаніе *чи* (сидючи).

Жен. *щи*

Средн. какъ муж. родъ

Полн. древн.: Муж. *ѧи*, ıѧи, ъıи; новыя: *щій*: читаıѧй, читающій.

Жен. — *щѧꙗ* *щая.*

Средн. — *щеѥ* *щее*,

Причастія прошедшаго времени.

Усѣч. древн.: Муж. — *въ*, *ъ*, *ь* Новыя: — *въ*, *ъ* (читавъ, шедъ) и

*) Тѣ самыя формы, которыя въ грамматикахъ извѣстны подъ именемъ *дѣепричастій*.

Женск. *ши* — *ши* (читавши, шедши)

Средн. — для всѣхъ трехъ родовъ.

Полн. древн.: Муж. + *и*; Новыя: Муж. — шій (древн. читавый, нов. читавшій и пр.)

Жен. шиꙗ — Женск. — шая

Сред. еѥ — Средн — шее

Причастія же страдательныя совершенно сходны между собою какъ древнія, такъ и новыя.

Изъ этого сравненія древнихъ формъ съ новыми узнаемъ во 1-хъ, что языкъ сохранилъ почти въ томъ же видѣ прилагательныя формы глагола отъ начала письменности до нашихъ временъ; во 2-хъ, что тѣ формы, которыя въ нашихъ позднѣйшихъ грамматикахъ называются *дѣепричастіями*, были и есть тоже самое, что причастія; но только въ первоначальномъ своемъ видѣ; въ 3-хъ, что причастія съ полнымъ окончаніемъ образовались посредствомъ прибавленія личныхъ мѣстоименій третьяго лица: *и* (онъ), ꙗ (она), ѥ (оно) къ причастіямъ съ краткимъ окончаніемъ, или къ, такъ называемымъ нынѣ, *дѣепричастіямъ*. (Нѣкоторые объясняютъ слово: *дѣепричастіе* такимъ образомъ: такъ какъ они происходятъ отъ причастій (будто бы?), потому и называются дѣепричастіями, *дѣтьми причастій*, по старинному *причастодѣтіями* *). Толкованіе въ высшей степени произвольное: исторія языка признаетъ ихъ скорѣе родителями причастій, чѣмъ дѣтьми — что ясно видно изъ представленной нами таблицы древнихъ причастій ц. сл. языка. Мы считаемъ ихъ тѣмъ, что они есть дѣйствительно, т. е. краткими прилагательными формами глагола, употребляющимися то съ значеніемъ прилагательнымъ вмѣсто полныхъ формъ, то съ значеніемъ обстоятельственнымъ, подобно краткимъ формамъ прилагательныхъ именъ вообще; какъ напр.: *хорошо*, *дурно*, *худо* и т. п.)

Имѣя въ виду всѣ прилагательныя формы глагола въ краткомъ и полномъ ихъ видѣ, посмотримъ теперь, что онѣ выражаютъ въ русскомъ языкѣ. До сихъ поръ существуетъ въ грамматикахъ мнѣніе, что онѣ выражаютъ *залогъ* и *время*. Грамматика учитъ насъ, что причастія въ русскомъ языкѣ *по формѣ*

*) (См. Первую часть грамматики русскаго языка, Этимологію изд. 2-е. Тетрадь II. Москва. Въ университет. Типографіи 1845 г. стр. 88). То, что онѣ нѣкогда выражали въ языкѣ древнемъ ц. славянскомъ условно, могло измѣниться съ теченіемъ времени.

бываютъ: *дѣйствительнаго* и *страдательнаго* залога, и по той же формѣ *настоящаго* и *прошедшаго* времени. Посмотримъ сначала на прилагательную форму глагола, какъ на обозначеніе *залога*.

Разбирая значеніе залоговъ въ русскомъ глаголѣ, мы указали на ихъ несостоятельность передъ лицомъ языка и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли случай убѣдиться въ неустойчивости точки зрѣнія грамматики на дѣленіе залоговъ. Мы видѣли, что залоговъ насчитывалось болѣе двухъ, а именно: 1) дѣйствительный 2) страдательный, 3) средній, 4) возвратный, 5) взаимный и 6) общій; но въ причастныхъ формахъ оказывается ихъ только два: *дѣйствительный* и *страдательный*. Куда дѣвались всѣ остальные? На этотъ вопросъ, разумѣется, всего легче отвѣчать такимъ образомъ: глаголы получали грамматическое значеніе того, или другаго залога, по *общему значенію* выражаемыхъ ими дѣйствій; причастія же, очевидно, раздѣляются въ грамматикахъ на дѣйствительныя и страдательныя не по значенію, а по *формѣ*. Но, къ сожалѣнію, такой отвѣтъ ни на волосъ не объясняетъ дѣла. Мы уже видѣли, что и въ дѣленіи глаголовъ по залогамъ играло роль не одно ихъ значеніе, но и форма. Притомъ, если причастія необходимо дѣлить только по формѣ, то почему же пропущена *форма возвратнаго залога*, которая считалась при объясненіи залоговъ глагола за особенную форму въ тѣхъ же грамматикахъ? По справедливости слѣдовало бы уже учить, что *причастія* бываютъ по формѣ: *дѣйствительныя*, *страдательныя* и *возвратныя*. Но въ такомъ случаѣ прилагат. форма по названію своего залога часто будетъ противорѣчить названію залога того глагола, отъ котораго она происходитъ. Очевидно, что названіе формы не можетъ быть тожественно съ названіемъ залога. Такимъ образомъ, нельзя не видѣть той же сбивчивости въ дѣленіи причастій по формѣ, которую замѣтили выше при дѣленіи глаголовъ на залоги. Но въ прилагательныхъ формахъ глагола эта сбивчивость является съ бо́льшею очевидностію. Причастія дѣйствительныя названы такъ по формѣ; причастія же страдательныя по значенію. Языкъ, дѣйствительно, представляетъ два разряда формъ по значенію; но только эти значенія формъ выражаютъ совсѣмъ не то, что выражаютъ залоги. Доказательствомъ служитъ частое смѣшеніе въ языкѣ грамматическихъ формъ дѣйствительнаго и страдательнаго причастій. Если окончаніями; *щій*, *шій*, *лый* выражается дѣйствительное значеніе (даже въ томъ обширномъ смыслѣ, который принятъ грамматикою — извѣстно, что

подъ эти окончанія подходятъ прилагательныя формы глаголовъ: дѣйствительнаго, средняго, возвратнаго, взаимнаго и общаго залоговъ), то, очевидно, въ употребленіи языка они не должны смѣшивать свое значеніе съ страдательнымъ, которое выражается окончаніями: *мый*, *ный*, *тый* — и на оборотъ. Обратимся къ языку: наблюдаетъ-ли онъ дѣйствительно различіе между ними въ томъ смыслѣ, какъ учитъ грамматика. Вотъ примѣры: «нашли они келью *забыдящую*» (у Кир. вып. 4, № 29 стр. 364). Здѣсь ф. *забыдящую* соотвѣтствуетъ ф. *забытую*.

«Милостивый братецъ мой и убогій Лазарь!
Не памятовай, братецъ мой, грубости моей,
Выступи, родимой мой, изъ рая ты вонъ,
Обмочи ты въ море, братъ, а мизинный свой перстъ,
Окропи, родимый мой, смердныя мои уста,
Отиши ты, братецъ мой, *тепимый* огонь.

(Безс. ч. 1 вып. 1 стр. 53 стих. 80).

ф. *Тепимый* отъ тепить — теплиться; вм. *тепящій* или *тепящійся*.

Грозимый Царю, Харoване! (№ 37 стр. 378).

Грозимый страд. форма вмѣсто грамматическаго дѣйствительнаго *грозящій*, или прилагат. *грозный*, которое опять таки имѣетъ страдательную же форму.

Унимаетъ его матушка *родимая*.

Нужно бы сказать по грамматикѣ: *родящая*, или *родившая*

Выходилъ со гридни со столовыя,
Заходилъ въ конюшенку *стоялую*.

ф. *Стоялый* здѣсь вовсе не имѣетъ дѣйствительнаго значенія. А вотъ и въ дѣйствительномъ значеніи таже форма:

Полагали скатерти браныя,
Посадили за столики дубовыя,
Поставляли напиточки *стоялые*.

—

Дай добра коня *неѣзжалаго*,
Сѣделечко новое *несиживалое*.

(Безс. ч. I, вып. 3, № 125).

ф. *лый* вм. *ный*. т. е.

Дай добра коня неѣзженаго,
Сѣделечко новое, несиживаное.

Обѣ эти формы на *лый* однако употребительны въ народномъ языкѣ. Нѣтъ никакого основанія отвергать ту или другую фор-

му. Мы не думаемъ, чтобы въ этомъ случаѣ нужна была поправка, на которую указываетъ г. Издатель, въ сноскѣ: «*несиживаное*». Если онъ оскорбился формою: *несиживалое*, то слѣдовало бы не менѣе оскорбиться въ этихъ стихахъ и формою: коня *неѣзжалаго*. Но, допустивши одну, слѣдовало допустить и другую; тѣмъ болѣе, что на основаніи нашихъ грамматикъ нѣтъ никакой возможности браться за поправку формъ языка народнаго; потому что въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы бóльшую часть формъ и выраженій уничтожить въ языкѣ народномъ и потомъ отречься отъ живаго, не школярнаго, изученія и пониманія русской рѣчи. Вотъ ф. *неѣзжалый*, не въ страдательномъ, а въ дѣйствительномъ значеніи:

Не пропускаетъ онъ (татаринъ) ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни *ѣзжалаго* добраго молодца.

(Кир. вып. 4 стр. 99 ст. 42)

По старому-ли въ Кіевѣ звонятъ,
Просятъ-ли милостыню *спасенную*?

(Кир. вып. 4. № 4).

Милостыня спасенная, т. е. которая спасаетъ, слѣд. *спасающую* по грамматикѣ.

Дай мнѣ своего добра коня *неѣзжалена*.

(Безс. ч. I, вып. 3, № 124).

Ф. Страдательная вмѣстѣ съ дѣйствительной:

Неѣзжалъ — неѣзжалый,
Неѣзжаленъ — неѣзжаленый.

—

Благовѣрные Борисъ и Глѣбъ,
Со радостію листъ принимаютъ,
Предъ матерью стоя прочитали:
«О, матерь наша *порожденная*!
Воздай намъ свое благословеніе,
Намъ ѣхать во Черниговъ градъ
Ко старѣйшему брату Свету-Полку».
Возопіетъ мать ихъ *порожденная*:
«Благовѣрные князья Борисъ и Глѣбъ!» и пр.

ф. *порожденная* соотвѣтствуетъ по значенію формѣ *породившая*.

«Употребленіе страдательныхъ причастій, особенно прошедшаго времени, такъ распространено въ нашемъ языкѣ, что они могутъ быть производимы не только отъ дѣйствительныхъ, но и отъ среднихъ глаголовъ» говоритъ почтенный авторъ Исторической Грамматики (Ч. II, § 179).

Слѣдовательно, языкъ нашъ не различаетъ прилагательныя формы глагола по залогамъ дѣйствительному и страдательному, и грамматическія рамки, придуманныя для значенія прилагательныхъ формъ русскаго глагола, оказываются слишкомъ узкими. Поэтому volens nolens мы должны отказаться отъ нихъ, если хотимъ изучать свой языкъ на его родной, народной почвѣ, въ которой лежитъ его корень, источникъ его жизни. Мы не можемъ основывать своихъ выводовъ на одной, такъ называемой, образованной рѣчи, какъ скоро идетъ дѣло о пониманіи языка въ его цѣломъ объемѣ, а не въ какой нибудь отдѣльной деликатной его части. Что не согласно съ народною рѣчью, то не согласно съ духомъ всего языка, а слѣд. негодно для науки.

Теперь обратимся къ другому вопросу не менѣе важному, къ вопросу *о времени*. Извѣстно, что наша грамматика приписываетъ окончаніямъ прилагательныхъ формъ глагола значеніе временъ и, твердя нѣсколько вѣковъ одно и тоже, по пословицѣ: «капля камень долбитъ» пріучила насъ вполнѣ раздѣлять это мнѣніе, которое, какъ гвоздь, засѣло въ нашу голову. Она учитъ, что причастія дѣйствительнаго и страдательнаго залоговъ имѣютъ два времени: *настоящее* и *прошедшее*. Первое выражается формами: *щій* и *мый*, а второй — фф. *шій*, *ный*, *и тый*. Дѣепричастія имѣютъ только форму *дѣйствительнаго залога* (опять странность) *настоящаго времени*: *а*, *я*, *чи*; — *прошедшаго:* *ъ*, *въ*, *ши*. *Лежа*, *сидя*, *умѣючи* — настоящее время; *ходивъ*, *несши* — прошедшее. Что же касается до формы страдательной, то она образуется чрезъ дѣепричастія: *будучи* и *бывъ* съ причастіемъ страдательнаго залога.

Такъ какъ грамматическія дѣепричастія ничто иное, какъ тѣже причастія, только въ усѣченной формѣ; то для ясности мы будемъ говорить объ нихъ нераздѣльно съ причастіями полными. Вотъ общая таблица временныхъ формъ причастій по грамматикѣ:

Формы настоящаго времени:

а (лежа) *я* (сидя) *чи* (умѣючи), *щій* (читающій), *мый* (любимый).

Формы прошедшаго времени:

ъ (шедъ), *въ* (ходивъ), *ши* (несши) *лъ* (писалъ), *шій* (хотѣвшій) *ный* (данный), *тый* (крытый).

Посмотримъ, дѣйствительно ли этими формами выражается время. Если грамматика раздѣлила прилагательныя формы по

временамъ такъ, какъ показано въ вышеприведенной нами таблицѣ; то ясно, что мы должны считать каждую форму, кончащуюся, напр. на *а*, *я*, *щій*, *мый* — формою *настоящаго времени*, а каждую форму на *ъ*, *въ*, *ши*, *лъ*, *шій*, *ный*, *тый* — формою *прошедшаго времени*. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Если въ употребленіи языка окажется, что, дѣйствительно, каждая форма на *а*, *я*, *щій*, *мый* употребляется съ значеніемъ настоящаго времени, то мы поневолѣ должны признать справедливость грамматики въ обозначеніи временъ прилагательными формами глагола; если же этого не окажется, то мы также по неволѣ должны будемъ отказаться отъ ея ученія.

Прежде всего намъ кажется страннымъ, отчего это нѣтъ прилагательныхъ формъ для обозначенія будущаго времени? Если нѣтъ ихъ въ новѣйшихъ западныхъ языкахъ, то отсюда никакъ не слѣдуетъ, что ихъ не должно быть въ славянскомъ и русскомъ. Есть же будущія причастія въ греческомъ и латинскомъ языкахъ. Каждый языкъ имѣетъ свой смыслъ, свое строеніе. Грамматика, отвергая причастія будущаго времени, не отказывается однако встрѣчать въ языкѣ прилагательныя формы глагола съ будущимъ значеніемъ, но, разумѣется, смотритъ на нихъ, какъ на исключенія. Вотъ что мы читаемъ въ Историч. Грамм. (Изд. 1863 г. Ч. 1 § 53, стр. 105.) «Общеупопребительный языкъ причастія будущаго времени на *щій* не допускаетъ, за исключеніемъ *буду-щій*, которое первоначально имѣло значеніе настоящаго времени; что явствуетъ изъ дѣепричастія *будучи*, какъ оно дѣйствительно и употреблялось, напр. въ Волынск. лѣт. XV в. и какъ доселѣ въ Малорус. *буду-чій* — настоящій.»

«Примѣч. 2. Какъ въ древнерусскихъ памятникахъ, такъ и у новѣйшихъ писателей встрѣчаемъ, хотя и весьма рѣдко, въ *видѣ исключенія* изъ общаго правила, причастія *настоящаго времени* на *щій* отъ глаголовъ совершеннаго и однократнаго вида, въ значеніи *будущаго времени*. Напр.: въ *Шестодневѣ* I. Екс. Болг. *придѫщии*, т. е. который имѣетъ придти; въ языкѣ лѣтописей: «*на придущемъ вѣцѣ*» т. е. въ будущемъ вѣкѣ, Лавр. лѣт. 74. Въ новой литературѣ, напр. у Жуковскаго: «братьевъ моихъ истребленье, тогда неизбѣжно *падущихъ*». Такъ какъ мы не понимаемъ исключеній въ языкѣ, то изъ приведеннаго мѣста Историч. Грамматики можемъ вывести слѣдующія заключенія: во 1-хъ, что прилагательная форма глагола можетъ быть употреблена въ языкѣ съ значеніемъ будущаго времени; во 2-хъ, что

отглагольная прилагательная форма на *щій* можетъ имѣть два значенія: настоящаго и будущаго времени. Если *придущій*, *падущій* имѣютъ значеніе будущаго времени, то, почему нельзя отнести къ такому же значенію формы: *загребущій*, *распадущій*, *забудущій*, которыя приведены, какъ прилагательныя имена, въ той же грамматикѣ на той же страницѣ? Образованіе ихъ совершенно одинаково съ ф. *придущій*. Руки *загребущи*, которыя имѣютъ загрести, или готовы загрести, разумѣется, то, что онѣ еще не загребаютъ: стало быть и въ ф. *загребущій* позволительно видѣть причастіе будущаго времени. *Кости мои распадущи*, т. е. которыя распадутся, имѣютъ распасться — опять смыслъ будущаго времени. Словомъ, въ русскомъ языкѣ отглагольная прилагательная ф. на *щій* можетъ обозначать и настоящее и будущее время. Это уже одно даетъ право сомнѣваться въ томъ, что ф. на *щій* есть форма времени; — еще болѣе въ томъ, что ею *непремѣнно* выражается настоящее время. Но если мы припомнимъ примѣръ изъ народнаго языка:

«Что ворона *залетящая*,

Что корова *заблудящая*», въ которомъ прилагательная форма на *щій* употреблена съ значеніемъ *прошедшаго* времени, вм. *залетѣвшая*, *заблудшая;* то сомнѣніе наше невольно стремится къ рѣшительному отрицанію временнаго значенія отъ ф. *щій*. Таже грамматика подтверждаетъ наше мнѣніе, какъ нельзя лучше, слѣдующими словами (§ 199 стр. 152. ч. II. примѣч. 5): «Писатели *часто* употребляютъ причастіе настоящее вм. прошедшаго продолженнаго; напр. Дм. «Увидя старика, *входящаго* съ сумою, собака лаять начала» (З. 100); Пушк. «Презирая опасности, ему *угрожающія*, поѣхалъ обозрѣвать сѣтующую свою епархію. 8, 209». Разумѣется, слѣдовало бы по грамматикѣ употребить въ данныхъ примѣрахъ формы: *входившаго*, *угрожавшія*, *сѣтовавшую*. И такъ, относительно ф. *щій* мы видимъ, что русскому языку свойственно обозначать ею и настоящее, и будущее, и прошедшее время, — что языкъ нашъ пользуется этою формою свободнѣе, чѣмъ предписываетъ ему грамматика. Мы заговорили объ этой формѣ прежде другихъ только потому, что усомнились въ отсутствіи будущаго времени между прилагательными формами глагола. Отрицаніе (грамматикою) смысла будущаго времени въ русскихъ причастіяхъ оказывается особенно несправедливымъ на формѣ *мый*, въ которой грамматика какъ будто не подозрѣваетъ и возможности обозначать бу-

дущее время. Относительно временнаго ея значенія мы находимъ въ Историч. Грамматикѣ только вотъ что (ч. I, стр. 108): «Причастія *настоящаго* времени *страдательнаго* залога образуются съ помощію звука *м*, собственно отъ глаголовъ дѣйствительнаго залога; напр. *дѣлать* — *дѣлаемый*, *читать* — *читаемый*; *впрочемъ* иногда (чуть ли не всегда) и отъ среднихъ; напр. *бываемый*, *неизсякаемый*, *входимый*». «Примѣч. 5. Причастія наст. страд. залога собственно принадлежатъ церковно-славянскому яз. и только по вліянію его употребляются въ нашемъ образованномъ и книжномъ. Просторѣчіе даетъ имъ видъ прилагательныхъ; напр. въ Древн. Русск. стих.: «а *незнаемы* люди къ нему появилися» 155; въ Духовн. стих. «тьма *несвѣтимая*» 18, 27. Волог... пословица: «*ношамое* носится, *держамое* держится» Даль 91. Прекрасно. Во 1-хъ, если эта форма въ книжномъ и образованномъ языкѣ употребляется рѣдко, и то только по вліянію яз. ц.-слав., а въ просторѣчіи ей придается значеніе прилагательныхъ именъ — какъ справедливо замѣчаетъ почтенный авторъ; — то, почему бы не признать ее въ грамматикѣ *прилагательнымъ отглагольнымъ именемъ?* но во 2-хъ, неужели о временномъ значеніи этой формы только и можно было сказать, что она обозначаетъ настоящее время? Эта форма чаще, чѣмъ ф. на *щій*, имѣетъ по смыслу и по образованію значеніе будущаго времени; такъ напр. если форма *поправлю*, *исправлю* — *поправимъ*, *исправимъ* по грамматикѣ признается за форму будущаго времени, то, почему же производная отъ нея форма: *поправимый*, *исправимый* не можетъ имѣть значенія будущаго времени? Точно также: *неуловимый* — отъ *неуловимъ*, *неувидимый* — отъ *не увидимъ*, *уязвимый* — отъ *уязвимъ*, *родимый* — отъ *родимъ*, *сокрушимый* — отъ *сокрушимъ*, *удержимый* — отъ *удержимъ* и пр.

И смерть вынимала пилы *неувидимы*

(Кир. Вып. 4, стр. 120, ст. 67).

Очевидно, ф. *мый*, подобно формѣ *щій*, можетъ имѣть значеніе настоящаго и будущаго времени по смыслу. Стало быть, сама по себѣ, форма на *мый* не есть форма извѣстнаго какого либо времени.

Точно также не означаютъ времени и краткія формы на *а* и *я*. Это мы находимъ и въ Исторической Грамматикѣ (ч. I, § 55, стр. 103, изд. 1863 г.) именно въ слѣдующихъ словахъ: «Русскій разговорный языкъ употребляетъ окончаніе дѣепричастія

настоящаго времени *я* (и *а*) въ глаголахъ совершеннаго и однократнаго вида, вмѣсто окончанія дѣепричастія *прошедшаго* времени. *Такую замѣну окончаній* встрѣчаемъ какъ въ другихъ памятникахъ, такъ и у позднѣйшихъ образцовыхъ писателей.» Мы, разумѣется, не видимъ и не можемъ видѣть здѣсь никакой замѣны. «Прим. 2 (ibidem.) напр. въ Волын. лѣт. XV в. *возмѧ* вм. взявъ; у Ломон. «земныхъ *оставя* низкость мѣстъ.» од. II; «злыхъ совѣты *раззоря*» од. II; у Ф. Визина: «*завезя* жену домой, ѣздилъ я въ университетъ» 428; «развѣ мы *спустя* рукава живемъ» 70; у Карамзина «*оставя* на время новую свою обитель, явился очамъ ихъ» II, 135—136; и почтенный старецъ сидѣлъ, *приставя* къ уху мѣдную трубку» II, 32; у Пушкина въ V томѣ: *поставя 38*, *допустя 45*, *представя 40*, *бросся 89*, *услыша 201* и пр. (вм. поставивъ, допустивъ, представивъ, бросивъ, услышавъ).» Кажется, убѣдительнѣе этого ничего нельзя представить въ доказательство той мысли, что окончанія *а* и *я* не имѣютъ ровно никакого вліянія на обозначеніе времени.

Что же изъ всего сказаннаго до сихъ поръ слѣдуетъ? То, что отглагольныя прилагательныя формы на *а*, *я*, *щій*, *мый* не обозначаютъ собою не только настоящаго времени, но и никакого вообще времени, короче, *не имѣютъ временнаго значенія*.

Обратимся теперь къ тѣмъ формамъ, которымъ грамматика приписала значеніе *прошедшаго* времени. Здѣсь точно также находимъ смѣшеніе формъ: окончанія прошедшихъ причастій безпрестанно употребляются съ значеніемъ настоящихъ. Обратимся опять къ той же грамматикѣ (ч. II § 199 стр. 152 примѣч. 6). «Дѣепричастіе *прошедшее* продолженнаго вида, вм. *настоящаго* употребительнѣе въ языкѣ народномъ, нежели въ нынѣшнемъ книжномъ, напр. въ пѣсн. «къ чему ты рано садъ разцвѣтаешь, *разцвѣтавши* (вм. разцвѣтая) садъ засыхаешь» «съ нимъ *ѣхавши* разсказываютъ». Др. Рус. стих. 262; «Не хвались-ко ты въ городъ *ѣхавши*, а похвастай-ка *выѣхавши*». Народн. пѣсн. И позднѣйшіе писатели позволяютъ себѣ прибѣгать къ дѣепричастію прошедшему продолженнаго вида вм. настоящаго, *отъ такихъ глаголовъ, которые въ дѣепричастіи настоящаго времени уже не употребляются.*» (Что же за причина, что языкъ, постоянно нуждаясь въ формѣ настоящаго времени отъ самыхъ употребительныхъ, какъ увидимъ, глаголовъ, утратилъ ее?...) «напр. *ѣсть* — *ѣвши*: у Крыл. «Волкъ, *ѣвши*, ни

когда костей не разбираетъ». Впрочемъ, иногда *бывши* употребляется вм. *будучи;* напр. у Крылова:

«Да чѣмъ же ты, жужу, въ случай попалъ,
Безсиленъ *бывши* такъ и малъ?»

«Иногда дѣепричастіе прошедшее продолженнаго вида соединяется союзомъ *и* съ дѣепричастіемъ настоящаго времени, употребляясь въ смыслѣ этого послѣдняго; напр.: у Дмитр.

«И прибылъ наконецъ калѣкою домой,
Тащa свое крыло и *волочивши* ногу».

«Наконецъ (ibidem, примѣч. 7) сочетаніе причастія прошедшаго времени совершеннаго вида съ дѣепричастіемъ настоящаго времени *будучи* — у писателей: у Ф. Визина. «Сей самый фейерверкъ, *будучи повторенъ*, кончилъ свое торжество свѣтлой недѣли» 455 у Кар. «гулялъ при свѣтѣ лунномъ подъ вѣтвями каштановыхъ деревъ, *будучи углубленъ* въ пріятную задумчиоость»; у Жук. «*будучи призванъ* онъ на престолъ отцовскій» у Пушк. «*будучи отрѣзанъ* отвсюду.» — Очевидно, формы: *повторенъ*, *углубленъ*, *призванъ*, *отрѣзанъ* по грамматикѣ, какъ формы прошедшаго времени, не могутъ соединяться съ формою *будучи*, которая отнесена грамматикою къ настоящему времени; а между тѣмъ такое сочетаніе встрѣчается часто въ языкѣ. Отсюда слѣдуетъ, что языкъ либо не соединяетъ съ формою *нъ* непремѣнно значенія прошедшаго времени, либо не соединяетъ съ формою *будучи* непремѣнно значенія настоящаго времени. Судя по всѣмъ даннымъ, вмѣстѣ взятымъ, слѣдуетъ убѣдиться, что, дѣйствительно, языкъ не соединяетъ ни съ какою прилагательною формою глагола значеніе извѣстнаго, опредѣленнаго времени.

Послѣ всего этого мы по неволѣ должны отказаться отъ застарѣлаго ученія грамматики, что русскій языкъ въ отглагольныхъ прилагательныхъ формахъ обозначаетъ окончаніями *залогъ* и *время*. Отсюда уже само собою слѣдуетъ, что всѣ правила нашей грамматики о послѣдовательности временныхъ формъ въ русскомъ языкѣ оказываются совершенно не нужными.

Мы уже имѣли случай убѣдиться, что русскій глаголъ не имѣетъ и не терпитъ формъ (что доказывается историческимъ развитіемъ ихъ) для обозначенія временъ въ своихъ личныхъ окончаніяхъ, тоже самое видимъ теперь и въ его прилагательныхъ окончаніяхъ. Правда, въ то время, когда создавался, такъ сказать, грамма-

тически языкъ древне-церковно-славянскій для перевода св. книгъ съ яз. греческаго, нельзя было обойдтись безъ формъ обозначающихъ время, залогъ, какъ требовала рѣчь греческая, и потому очень естественно было или создать новыя формы для обозначенія временъ, или приписать существующимъ въ языкѣ формамъ то, или другое значеніе времени. Но мы видимъ, что все то, что вошло въ языкъ условнымъ образомъ, мало по малу вытѣснилось изъ него силою его собственнаго генія. Напр.: фф. съ звукомъ *с* для будущаго времени и *хъ* — для прошедшаго. Поэтому, то, что можно допустить относительно яз. церковнославянскаго, не можетъ быть принято для языка русскаго, народнаго. Да и сама грамматика въ своемъ болѣе полномъ лучшемъ изложеніи, признавая въ формахъ русскаго глагола временныя значенія, указываетъ въ то же время на множество исключеній въ языкѣ, которыя по тому только и считаются исключеніями, что противорѣчатъ установившейся теоріи, не находя въ ней удовлетворительнаго для себя объясненія.

Снявъ такимъ образомъ съ прилагательныхъ формъ глагола лежавшее на нихъ гнетомъ значеніе залоговъ и временъ, мы стали лицо къ лицу передъ тою свободою, передъ тѣмъ широкимъ просторомъ образованія и употребленія формъ, которымъ преимущественно отличается нашъ родной языкъ, гибкій въ своихъ формахъ, сильный и изобразительный.

Постараемся же теперь объяснить значеніе прилагательныхъ формъ глагола согласно съ живымъ употребленіемъ ихъ въ рѣчи. Начнемъ ab ovo.

Извѣстно, что полныя прилагательныя формы глагола образовались изъ краткихъ. Слѣд. сущность значенія первыхъ можетъ быть объяснена лишь изъ сущности значенія послѣднихъ. Окончанія древнихъ краткихъ формъ слѣдующія: ѧ (или ѩ), ꙑ, *ъ*, а также *лъ*, *мъ*, *нъ*, *тъ* для муж.; *ла*, *ма*, *на*, *та* для женскаго рода, и *ло*, *мо*, *но*, *то* — для средняго рода. Напр.: *любѧ*, *сꙑ*, *шедъ*, *бꙑвъ*, *бꙑлъ — ла*, *ло*; *любимъ* — ма, — мо; *рожденъ*, *— на*, *— но; крытъ*, *— та*, *— то*. Изъ этихъ окончаній древнихъ одни остались безъ измѣненія до сихъ поръ въ языкѣ, другія измѣнились, или вовсе вышли изъ употребленія. Къ послѣднимъ относятся окончанія: ѧ и ꙑ. Ѧ перешло въ *а* и *я*; ѩ въ *я*; напр.: *пишѧ — пиша*, *любѧ — любя*; *читаѩ* — читая, ꙑ вышло изъ употребленія. Такъ какъ *я* есть тоже *а*,

только смягченное посредствомъ *j*, то можно сказать, что звукъ *а* общій для образованія формы на *а* и на *я*. Форма на *ъ* съ предыдущимъ придыханіемъ *в* послѣ тематической гласной глагола и чистая на *ъ*, безъ придыханія, послѣ тематической согласной — осталась безъ измѣненія до сихъ поръ въ русскомъ языкѣ. Какъ прежде *бъі-в-ъ*, *шед-ъ*, *нес-ъ*, такъ и нынѣ: *бы-в-ъ*, *шед-ъ*, *нес-ъ*. Остальныя окончанія: *лъ*, *мъ* и т. д. живутъ въ языкѣ безъ малѣйшей перемѣны; потому что въ нихъ искони очень ясно обозначился *родъ*, а слѣд. и ясное прилагательное служеніе. Значеніе ихъ зависитъ отъ смысла образовательныхъ согласныхъ: *л*, *м*, *н*, *т*. Значеніе же прилагательныхъ краткихъ формъ на *а*, *я*, и *ъ*, очевидно, зависитъ отъ значенія этихъ звуковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что древнія краткія причастія на ѧ, ъі, и ъ имѣли прилагательное значеніе и измѣнялись по родамъ, числамъ и падежамъ. (См. Историч. Грам. Ч. 1, § 54, стр. 102, изд. 1863 г.) Спрашивается: почему они, подобно другимъ причастіямъ, не сохранили своего *прилагательнаго* значенія, а получили впослѣдствіи значеніе *обстоятельственное*? Первоначально эти краткія формы употреблялись съ глаголомъ *быть* на равныхъ правахъ со всѣми другими усѣченными формами въ такъ называемыхъ описательныхъ формахъ спряженія; напр.: въ О. Ев. *ѥсть ищѧи* и *судѧ*; въ исправл. *ѥсть ищѧ* и *судѧ* (т. е. есть ищущій и судящій = ищетъ и судитъ); *бѣ учѧ* (былъ учащій=училъ) *вѣдъі бѫди* (будь вѣдающій, вѣдай); также какъ ф. на *лъ*: *азъ есмь читалъ*. *Онъ бы читалъ* = онъ (былъ) читалъ. (Подобная форма встрѣчается и въ народныхъ пѣсняхъ: «*а* на стрѣлочкѣ *была была* грамотка» (Безс. Ч. 1 в. 3, № 125). Съ теченіемъ времени вспомогательный глаголъ *быть* сталъ пропускаться, и формы на *а* и *ъ* стали лицомъ къ лицу съ предметомъ, требующимъ отъ своего прилагательнаго въ русскомъ языкѣ яснаго родоваго опредѣленія.

Посмотримъ, дѣйствительно-ли окончанія краткихъ прилагательныхъ формъ на *а* или *я* — что все одно и тоже — и на *ъ* съ предыдущимъ придыханіемъ *в* послѣ тематическихъ гласныхъ глагола, какъ напр.: *люби-в-ъ*, и безъ придыханія послѣ тематическихъ согласныхъ глагола, какъ напр.: *шед*+*ъ*, — отличаются ясностію родоваго обозначенія прилагательной формы. Если найдемъ, что окончанія: *а* и *ъ* не обозначаютъ ясно рода, то,

разумѣется, они не въ состояніи удержаться въ употребленіи на одинаковой степени прилагательнаго обозначенія съ другими краткими прилагательными формами, которыми родъ предмета опредѣляется ясно, каковы напр.: формы на *лъ*, *ла*, *ло*; *мъ*, *ма*, *мо* и пр. Далѣе. Если они не въ состояніи удержаться въ употребленіи языка на степени прилагательнаго обозначенія, то необходимо должны получить новое назначеніе въ языкѣ, свойственное ихъ прилагательной природѣ, подобно вообще прилагательнымъ именамъ съ усѣченнымъ окончаніемъ. Наконецъ,— и это самое главное, — если окончаніями краткихъ прилагательныхъ формъ глагола на *а* и *ъ* языкъ не обозначаетъ рода, то, стало быть, онъ обозначаетъ ими что либо иное. И такъ, прежде всего нужно убѣдиться въ томъ, что окончанія на *а* и *ъ* — вовсе *не родовыя* окончанія краткихъ прилагательныхъ формъ глагола. Убѣдиться въ этомъ не трудно. Наши окончанія краткихъ прилагательныхъ формъ глагола: *а* и *я* тожественны съ первоначальными: ѫ и ѭ, которыя въ древнемъ ц. славянскомъ языкѣ пользовались значеніемъ родовыхъ окончаній. Между тѣмъ неясность ихъ родоваго обозначенія видна ужъ изъ того, что тѣже самыя окончанія употреблялись какъ въ мужескомъ такъ и въ среднемъ родѣ; напр.: муж. *хвалѫ* и средн. *хвалѫ*. Иногда же средній родъ обозначался, какъ въ Остр. Ев. полнымъ окончаніемъ: *щеѥ*, въ которое, очевидно, вошелъ еще согласный звукъ *щ*=*ст*. Короче сказать, окончаніе: ѫ или ѭ не содержитъ въ себѣ ничего способствующаго къ образованію дальнѣйшихъ родовыхъ окончаній. Такъ окончаніе женскаго рода *щи*: *хвалѫщи*; *сѫщи* (нынѣшнее: *чи*) прямо указываетъ на свое образованіе изъ другой формы, въ которую входитъ звукъ *щ*. Носовые звуки до того неясны и несвойственны русскому языку, что давнымъ давно стали исчезать изъ письменности и замѣняться ясными гласными звуками: *а*, *я*. Древнее носовое ѫı (*сѫı* отъ *сѫть* — sunt — ens), какъ еще менѣе опредѣленное, совсѣмъ не перешло въ русскій языкъ при образованіи краткой прилагательной формы глагола. Оттого для образованія краткихъ прилагательныхъ формъ женскаго рода, понадобилась форма родительнаго падежа мужескаго рода съ перемѣною окончанія *а* на *и*; напр.: *живъı* род. п. *живѫща* — отъ него форма женскаго рода: *живѫщи*; *глаголѫ* род. п. *глаголѭща* — женск. род. *глаголѭщи*; *сидѫ* род. п. *сидѫща* — ж. р. *сидѫщи*. Но и это окончаніе весьма неясно обозначало родъ. Извѣстно, что звукъ *и* легко переходитъ въ *ь*,

какъ въ сущ.; *мати = мать;* слѣд. въ сущности другое окончаніе мужескаго рода на *щь: живущь*, *глаголющь*, *сидящь* ничѣмъ не отличается отъ окончанія женскаго рода на *щи;* поэтому въ народномъ языкѣ форма на *чи*, соотвѣтствующая древней формѣ причастія женскаго рода на *щи*, употребляется безъ всякаго различія, какъ для мужескаго, такъ и для женскаго рода: «*стоючись, Добрыня призадумался*». Отсюда слѣдуетъ, что какъ ц.-слав. краткія формы на ѧ, ѩ и ꙑ, такъ и русская фф. на *а*, *я* и *чи* вовсе не обозначаютъ рода въ своихъ окончаніяхъ.

Къ нимъ же относится и краткая прилагательная форма на *ъ* или *въ*, которая, не смотря на свое твердое окончаніе *ъ*, оказывается точно также неясною относительно родоваго обозначенія. Она также не отличала въ древнемъ ц. сл. языкѣ мужескаго рода отъ средняго; муж. *бивъ* и сред. *бивъ*, муж. *шедъ* и средн. *шедъ*. Кромѣ того, *ъ* всякій разъ замѣняется мягкимъ *ь*, какъ скоро долженъ стоять послѣ согласнаго смягченнаго звука, которымъ заканчивается тема глагола, напр.: *остави-ти*. Усѣченная прилагат. форма въ этомъ случаѣ: *оставл-ь*, гдѣ звукъ *л* есть ничто иное, какъ согласное смягченіе, требующее за собою соотвѣтствующаго мягкаго краткаго звука *ь*. Правда, есть и другая форма: *остави-в-ъ*, въ которой допускается твердое окончаніе *ъ;* но здѣсь, очевидно, между мягкимъ тематическимъ окончаніемъ глагола и краткимъ твердымъ *ъ* вставляется для удобства произношенія придыханіе: *в*. Стало быть, звукъ *ъ* указываетъ здѣсь не столько на родовое значеніе, сколько на то, что форма глагола должна выражать кратчайшую законченность своей темы. Оттого форма женскаго рода *(ши)* образуется и въ этомъ случаѣ изъ косвеннаго падежа чрезъ измѣненіе звука *а* на *и* точно также, какъ мы видѣли выше при образованіи прилагательной формы женскаго рода на *щи*. Этимъ самымъ въ обоихъ случаяхъ языкъ прямо указываетъ, что родовой признакъ разбираемыхъ нами формъ, какъ формъ прилагательныхъ, долженъ быть заимствованъ внѣ того окончанія, которое послужило къ образованію формы непосредственно изъ темы глагола. Окончанія же: ѧ, ѩ, ꙑ, ъ или нынѣшнія: *а*, *я*, *ъ*, какъ первыя непосредственныя окончанія производныхъ формъ, долженствующихъ стать прилагательными, только *условно* принимались въ языкѣ за окончанія мужескаго рода; а такъ какъ языкъ собственно не различаетъ ими ни мужескаго, ни женскаго рода, то, по своей неопредѣленности, они

удобно служатъ и для обозначенія рода средняго. Далѣе, какъ древняя ц. сл. форма причастія женскаго рода *щи*, не ясно обозначая родъ, часто употреблялась въ значеніи рода мужескаго и средняго, подобно русской, народной ф. на *чи*, такъ точно и ф. причастія женскаго рода на *ши* — отъ краткой на ъ стала относиться въ дальнѣйшемъ развитіи языка ко всѣмъ родамъ безразлично.

И такъ, первоначальныя окончанія краткихъ прилагательныхъ формъ глагола: ѧ, ѩ, ꙑ, ъ и въ, разбираемыя въ строгомъ смыслѣ, не представляли родовыхъ знаковъ мужескаго рода, а принимались за таковые въ языкѣ лишь *условно*. Дѣйствительно, если наши *а* и *я* тожественны съ первоначальнымъ ѧ; а ъ и *въ* въ сущности ничто иное, какъ одно и тоже окончаніе ъ, то легко доказать, что обоимъ окончаніямъ ѧ и ъ приличнѣе обозначать безразличіе рода, или, что тоже, имѣть значеніе средняго рода въ языкѣ, чѣмъ — мужескаго, или женскаго, требующихъ болѣе яснаго родоваго обозначенія. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ языкѣ имена средняго рода именно образуются посредствомъ этихъ окончаній, т. е. посредствомъ ѧ и *о*. Послѣдній звукъ въ краткомъ своемъ произношеніи есть ничто иное, какъ ъ. Относительно перваго окончанія, т. е. ѧ именъ средняго рода М. Н. Катковъ въ разсужденіи «*объ элементахъ и формахъ славянорусскаго языка*» на стр. 129 говоритъ: «имена средняго рода на ѧ, напр.: отрочѧ (тема отрачѧт = отрочент) *совершенно одинаково устроены* съ причастными формами». Относительно же втораго окончанія на ъ слѣдуетъ замѣтить, что оно въ данномъ случаѣ выражаетъ краткость звука *о*, который въ своемъ ясномъ, опредѣленномъ видѣ служитъ для образованія именъ средняго рода.

Теперь, если первоначальныя краткія прилагательныя формы глагола не имѣли яснаго родоваго значенія въ своихъ окончаніяхъ, то понятно, что съ теченіемъ времени онѣ должны были мѣшаться при опредѣленіи именъ мужескаго, женскаго и средняго рода, а съ опущеніемъ вспомогательнаго глагола *быть* и съ окончательнымъ смѣшеніемъ рода, онѣ должны были все болѣе и болѣе слабѣть въ своемъ прилагательномъ значеніи, замѣняясь мало по малу или полными прилагательными формами глагола, или такими краткими, въ которыхъ родовое обозначеніе было ясно опредѣлено окончаніями. Чѣмъ болѣе слабѣло ихъ прилагательное употребленіе, тѣмъ далѣе отходили онѣ отъ предмета,

для котораго первоначально могли служить въ языкѣ опредѣленіемъ. Удаляясь отъ предмета, онѣ примыкали ближе къ дѣйствію. Переставъ опредѣлять имена существительныя, онѣ начали опредѣлять глаголы, т. е. получили значеніе *обстоятельственное*. Не слѣдуетъ однако думать, что по смыслу своего новаго обстоятельственаго значенія, онѣ утратили всякую связь, всякое отношеніе съ предметомъ и сдѣлались тожественны съ нарѣчіями. Въ этомъ отношеніи много грѣшитъ наша грамматика. Она признаетъ ихъ вполнѣ нарѣчіями и считаетъ неправильными выраженія въ родѣ: *онъ ушедши*. Между тѣмъ въ народномъ языкѣ употребленіе краткой прилагательной формы на *чи* до сихъ поръ указываетъ на ея непосредственное отношеніе къ предмету, при опредѣленіи его дѣйствія. Тоже самое мы видимъ и въ тѣхъ краткихъ прилагательныхъ формахъ глагола, которыя оканчиваются на *а*, *я*, *ъ*, и, по значенію, отождествляются нашею грамматикою съ нарѣчіями. Напр. *онъ стоя пишетъ* — форма *стоя* (дѣепричастіе настоящаго времени по грамматикѣ) опредѣляетъ дѣйствіе *пишетъ* по вопросу: *какъ?* но вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ и предметъ дѣйствующій, указывая на его положеніе, какъ на *признакъ*, исходящій изъ него и принадлежащій ему въ той же степени, какъ и дѣйствіе. Выраженіе: «*онъ стоя пишетъ*» заключаетъ въ себѣ смыслъ выраженія: «*онъ стоящій пишетъ*. Напротивъ, выраженіе «*онъ хорошо пишетъ*» вовсе не заключаетъ въ себѣ смысла выраженія: *онъ хорошій пишетъ*». Тамъ признакъ дѣйствія есть въ тоже время и признакъ самого предмета дѣйствующаго; здѣсь же признакъ дѣйствія остается лишь признакомъ этого послѣдняго. Тамъ краткая прилагательная форма, принимая обстоятельственное значеніе при другомъ дѣйствіи, напоминаетъ все-таки о своемъ прилагательномъ значеніи при томъ предметѣ, къ которому относится опредѣляемое ею дѣйствіе; здѣсь же обстоятельственное значеніе остается однимъ опредѣленіемъ дѣйствія и не имѣетъ никакой связи съ предметомъ. Вотъ почему нашъ языкъ не исключаетъ возможности употребленія въ обстоятельственномъ значеніи и такой краткой прилагательной формы глагола, которая способна ясно обозначать родъ и число, какъ напр. форма на *лъ*, *ла*, *ло*, *ли*. Припомнимъ прекрасное выраженіе: «и всѣ на пиру *пріутихли* — сидятъ». Форма *пріутихли*, очевидно, имѣетъ обстоятельственное значеніе и служитъ опредѣленіемъ дѣйствія *сидятъ*, какъ будто бы сказано было «и всѣ на пиру

пріутихнувъ сидятъ» т. е. какъ сидятъ? — пріутихнувъ или пріутихли. Между тѣмъ наша грамматика не считаетъ эту краткую прилагательную форму глагола наравнѣ съ другими, такъ называемыми дѣепричастіями, а считаетъ, странно сказать, формою прошедшаго времени изъявительнаго наклоненія. Причина понятна: — создавъ новую часть рѣчи изъ нѣкоторыхъ краткихъ прилагательныхъ формъ глагола (почему же не изъ всѣхъ?) подъ названіемъ *дѣепричастій*, она придала этимъ послѣднимъ исключительное значеніе *нарѣчій*.

Наконецъ мы приходимъ къ вопросу *о значеніи* разбираемыхъ нами краткихъ формъ глагола. Мы видѣли, что русскій языкъ не обозначаетъ ими ни *залога*, ни *времени*, ни *рода*; спрашивается: что же онѣ выражаютъ собою въ нашемъ языкѣ? Разсматривая ихъ этимологію, мы замѣчаемъ прежде всего, что звуками *а, я, в*, заканчивается тема глагола (его тулово), съ тѣмъ, чтобы, судя по первоначальному ихъ служенію въ языкѣ, придать глаголу прилагательную форму. Въ темѣ же глагола заключается какъ извѣстно, понятіе о дѣйствіи, которое (т. е. понятіе) отличается въ русскомъ языкѣ *качественностью* значенія. Стало быть, краткія прилагательныя формы на (*а* или *я*), *в* общія всѣмъ глаголамъ, заканчиваютъ собою *общее* значеніе дѣйствій, т. е. *качественность* съ цѣлію сообщить этой послѣдней прилагательное служеніе въ языкѣ. Подъ качественностію русскаго глагола мы разумѣемъ *продолжительность дѣйствія*, о чемъ говорено было выше. Слѣд. формами *а* и *в* заканчивается *продолжительность* дѣйствія, но уже не какъ дѣйствія, а какъ признака, т. е. *продолжительность прилагательная*. Такимъ образомъ, прилагательная продолжительность опредѣляется двумя типическими краткими формами въ русскомъ языкѣ: *а* и *в*, соотвѣтствующими двумъ краткимъ типическимъ формамъ въ древнемъ ц. славянскомъ языкѣ: ѧ и ъ. По этимъ двумъ окончаніямъ различается смыслъ, или значеніе каждой изъ нихъ. Понятно что сущность значенія формы на *а* должна относиться къ сущности значенія формы на *в* точно также, какъ сущность гласнаго полнаго звука къ сущности полугласнаго, краткаго звука. Гласный звукъ продолжаетъ произношеніе, полугласный краткій звукъ прерываетъ его. Слѣд. полный гласный звукъ *а*, который можетъ протягиваться въ произношеніи неопредѣленно, относится къ полугласному-краткому *в*, который имѣетъ опредѣленное мигомъ произношеніе, точно также, какъ неопредѣлен-

ность продолжительности къ своей опредѣленности. Отсюда, краткія прилагательныя формы глагола, образуемыя посредствомъ звуковъ *а* и *ъ*, будутъ выражать: одна (форма на *а*) *неопредѣленность прилагательной продолжительности*: другая (*ъ*) *опредѣленность прилагательной продолжительности*. Но мы знаемъ уже, что качественность глагола, или продолжительность дѣйствія, можетъ опредѣляться *предлогомъ*. Поэтому, если продолжительность дѣйствія опредѣлилась уже предлогомъ, то глаголъ, переходя въ прилагательное служеніе чрезъ краткія формы *а* и *ъ* можетъ принимать въ русскомъ языкѣ ту, или другую форму; напр.: *услыша* и *услышавъ*, *поговоря* и *поговоривъ*; *проспя* и *проспавъ* и т. д. Мало того, глаголъ, опредѣлившись въ своей продолжительности даже простою краткою формою, можетъ также принимать ту или другую краткую прилагательную форму; напр. краткая степень: *бросить*—въ прилагат. смыслѣ: *брося* и *бросивъ*. Однимъ словомъ, мы видимъ ясно, что окончанія *а* и *ъ* послужившія первоначально къ образованію прилагательныхъ формъ глагола, прежде нежели ясно обозначить родъ, стремились опредѣлить, согласно съ духомъ языка, *продолжительность прилагательнаго дѣйствія*. И такъ окончаніе *а* или *я* выражаетъ *неопредѣленность продолжительности глагола, принявшаго на себя прилагательное служеніе въ рѣчи;* окончаніе *ъ* или *въ*, напротивъ, выражаетъ *опредѣленность проджительности дѣйствія въ его прилагательномъ служеніи*. Но если продолжительность дѣйствія уже опредѣлилась предлогомъ, или формою краткой степени, то, глаголъ, смотря по требованіямъ благозвучія, можетъ избирать для выраженія своего прилагательнаго служенія либо ту, либо другую форму.

На основаніи такого пониманія краткихъ прилагательныхъ формъ глагола; *а*, *я*, *въ*, *ъ*, мы не только не видимъ неправильностей и исключеній тамъ, гдѣ видитъ ихъ наша грамматика, но находимъ даже, что въ этихъ неправильностяхъ и исключеніяхъ выражается духъ, смыслъ нашего языка, такъ напр. по грамматикѣ не слѣдовало бы Карамзину писать такимъ образомъ: «робкіе въ бѣдствіяхъ, надменные въ успѣхахъ, низкіе душею, *трепетавъ* за себя болѣе, нежели за отечество, *и мысля*, что все труднѣйшее уже сдѣлано, — что остальное легко и не превышаетъ силы ихъ собственнаго ума, или мужества, ближніе царедворцы въ тайныхъ думахъ немедленно начали внушать Василію, сколь юный князь Михаилъ для него опасенъ и

пр.» (т. XII, гл. IV), Здѣсь, какъ видимъ, союзомъ *и* соединилъ авторъ И. Г. Р. дѣепричастіе прошедшаго времени «*трепетавъ*» съ дѣепричастіемъ настоящаго времени «*мысля*» — что не согласно съ правилами грамматики.

Правда, опредѣленность продолжительности дѣйствія, обозначаемая предѣлами его проявленія, можетъ по смыслу рѣчи относиться или къ тому предѣлу, которымъ дѣйствіе закончилось, или къ тому, съ котораго оно начнется — и вслѣдствіе этого дѣйствіе въ ф. глагола и въ ф. прилагательной можетъ принимать значеніе прошедшаго, или будущаго момента точно также, какъ неопредѣленность продолжительности можетъ быть условно отнесена къ неопредѣленности настоящаго момента, или времени; но изъ этого не слѣдуетъ, что сама форма имѣетъ значеніе того или другаго времени.

Русскій глаголъ, принимая на себя прилагательное служеніе, не могъ, конечно, остановиться въ образованіи прилагательныхъ формъ на тѣхъ неясныхъ окончаніяхъ, о которыхъ мы только что говорили. Чтобы проявиться дѣйствіемъ въ смыслѣ признака ясно и опредѣленно, ему необходимы также ясныя и опредѣленныя окончанія для обозначенія рода. Этого неотступно требуетъ предметъ, опредѣляемый своимъ же собственнымъ дѣйствіемъ, какъ признакомъ; этого требуетъ наконецъ и сущность значенія русскаго глагола, какъ дѣйствія-качественнаго. Будучи качествомъ предмета, проявлящимся въ этомъ послѣднемъ подъ условіемъ продолжительности, русскій глаголъ необходимо долженъ имѣть такую прилагательную форму, которая бы ясно указывала на дѣйствіе, какъ на признакъ предмета съ значеніемъ продолжительности. Притомъ такъ какъ этотъ признакъ представляется въ непосредственной связи съ своимъ предметомъ, какъ дѣйствіе съ своимъ лицомъ дѣйствующимъ, то, очевидно, новая прилагательная форма должна нуждаться единственно лишь въ ясномъ обозначеніи рода. Такую форму представляетъ въ русскомъ глаголѣ ф. на *лъ*. Опредѣляя собою лишь предметъ дѣйствующій, она не имѣетъ нужды ни въ какихъ падежахъ, кромѣ именительнаго.

Спрашивается: что эта форма на *лъ* - особенная, отличная отъ предыдущихъ, или находится въ родствѣ съ которою-нибудь изъ нихъ? На этотъ вопросъ—безъ малѣйшаго колебанія можно отвѣчать, что краткая форма на *лъ* имѣетъ непосредственную связь съ ф. *въ* или *ъ*, о которой говорили выше; такъ что обѣ эти формы

почти тожественны. Протоіерей Павскій, авторъ «филологическихъ наклоненій», считаетъ *букву л* за придыханіе равное знаку *praeteriti* (преходящаго) *х*, *ш*, также причастному *в*. Но мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе М. Н. Каткова, который говоритъ (Объ Элементахъ и Формахъ Сл.-Р. яз. стр. 235), «мнѣніе Павскаго въ томъ отношеніи весьма правдоподобно, что сводитъ причастный суффиксъ *л* съ причастнымъ же *в*. Буква *л* можетъ легко произойти въ нашемъ языкѣ изъ б. *в*, такъ что формы *ходивъ* и *ходилъ* были бы въ сущности одной и той же формою, только раздвоенною употребленіемъ. Сл. *служивый* и *служилый* и т. п. У малоруссовъ и нѣтъ другой формы, кромѣ *ходивъ*, *бывъ*». И далѣе въ примѣч. «Замѣчательно», продолжаетъ авторъ: «что въ бывшихъ областяхъ Великаго Новгорода, особенно въ Архангельской губерніи, вмѣсто наконечнаго *лъ*, слышится просто: *о*, вм. *бывалъ*, *бывао*, *ходилъ* — *ходіо*, *игралъ* — *играо* (совершенно по сербски). Въ бѣлорусскомъ выговорѣ *о* сбивается на *у*, *ходіу* и др. Зная склонность Новгородскаго и Бѣлорусскаго выговора вокализировать букву *в*, можемъ видѣть въ этомъ новое подтвержденіе тому, что причастія на *в* и *л* стоятъ между собою во взаимности». Это мнѣніе подтверждается самимъ смѣшеніемъ прилагательной формы на *лъ* съ прилагательною на *въ* въ живомъ употребленіи языка: онъ *вставши* вм. *вставъ* или *всталъ*. Какъ ф. на *въ* употреблялась съ глаголомъ *быть*, такъ и ф. на *лъ* употребляется до сихъ поръ въ народномъ языкѣ съ тѣмъ же глаголомъ и пр. (Рыбн. т. 2 № 120).

Приходитъ онъ (т. е. Владиміръ) къ дочери возлюбленной:

— Ты ей же дочь моя возлюбленная!

— *Пріѣхалъ есть* посолъ земли Ляховицкія

— Объ добромъ дѣлѣ — объ сватовствѣ

— На тебѣ, любимыя на дочери;

— Что же мнѣ съ посломъ будетъ дѣлати?

Наконецъ, какъ звукъ *в*, такъ и звукъ *л* часто выпадаютъ: *пекъ* — *пекши* и *пекъ* — *пекла; несъ* — *несши* и *несъ* — *несла* и т. п. Словомъ, форма на *лъ* почти тожественна съ формою на *въ*. Разница заключается только въ томъ, что первая ясно обозначаетъ родовое различіе; а вторая — нѣтъ. Поэтому и значеніе ихъ должно быть также одно и тоже. Но въ формѣ на *лъ* вслѣдствіе ясности обозначенія рода яснѣе обозначается и предѣлъ продолжительности.

Отъ разсмотрѣнныхъ нами краткихъ прилагательныхъ формъ глагола перейдемъ къ полнымъ: *щій*, *шій* и *лый*. Мы видимъ, что полныя окончанія образовались посредствомъ ясныхъ согласныхъ: *щ*, *ш* и *л*. О сродствѣ звука *л* съ звукомъ *в* было говорено выше. Посмотримъ, что такое звуки: *щ* и *ш*. Какъ объяснить ихъ необходимость и значеніе? Предлагаемъ слѣдующее мнѣніе: такъ какъ первоначальныя краткія формы на *а* и *ъ* не имѣли яснаго родоваго значенія, а служили вообще лишь указаніемъ на *прилагательное* употребленіе глагола въ рѣчи (т. е. на способность дѣйствія опредѣлять предметъ, или другое дѣйствіе), то онѣ оказались недостаточными для того, чтобы изъ нихъ развить *полныя* прилагательныя формы съ яснымъ обозначеніемъ рода. Тѣмъ болѣе, что гласная природа ихъ не способна къ точнѣйшему обозначенію смысла формъ ясныхъ, опредѣленныхъ. И потому для языка явилась необходимость прибѣгнуть къ посредствующимъ согласнымъ звукамъ, которые бы съ одной стороны указывали на *опредѣленность* и *неопредѣленность продолжительности*, съ другой на *относительность* значенія дѣйствія въ его прилагательной формѣ. Мы полагаемъ, что выборъ языка палъ на звуки: *щ* и *ш*, на основаніи слѣдующихъ данныхъ: звукъ *щ*, соотвѣтствующій двойному *шт*, содержитъ въ себѣ элементы звуковъ *с* (*ш* = смягченному *с*), и *т*; слѣд. *щ* = *ст* звуками же *с* и *т* опредѣляется 3-е лицо въ глаголѣ *есть*, какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа: *есть* и *суть*; но такъ какъ ф. *сущій* происходитъ непосредственно отъ ф. *суть*, то въ звукѣ *щ* главнымъ началомъ должно признать звукъ *т*, который, такъ сказать, скрылъ въ себѣ звукъ *с* и чрезъ смягченіе перешелъ въ звукъ *щ*. Поэтому можно сказать, что звукъ *т*, преобразившійся чрезъ сліяніе съ звукомъ *с* и чрезъ смягченіе въ звукъ *щ*, послужилъ главнымъ элементомъ въ образованіи прилагательной формы на *щій*. Звукомъ же *т* въ личной формѣ глагола указывается на 3-е лицо, т. е. вообще связь дѣйствія съ предметомъ, или на *относительность* значенія дѣйствія. Эту относительность значенія прежде всего и нужно было удержать въ полной прилагательной формѣ глагола. Поэтому языкъ и воспользовался звукомъ *щ*, какъ смягченнымъ *т* для образованія ф. на *щій*. Но такъ какъ этотъ звукъ (*т*) въ личной формѣ глагола не имѣлъ вліянія на опредѣленіе продолжительности дѣйствія, то онъ оказался наиболѣе свойственнымъ той краткой прилагательной формѣ, которою

продолжительность дѣйствія неопредѣляется, т. е. ф. *а* или *я*. Поэтому: отъ *пиша* — *пишущій*, *сидя* — *сидящій*, *читая* — *читающій*.

Далѣе, слѣдовало выбрать такой звукъ, которымъ бы опредѣлялась продолжительность. Языкъ выбралъ зв. *ш* — на слѣдующихъ основаніяхъ. Продолжительность дѣйствія, какъ извѣстно, можетъ опредѣляться двумя предѣлами, изъ которыхъ одинъ — моментъ начала, другой — моментъ конца. Стало быть, предѣлъ въ своемъ общемъ (для того и другаго момента) значеніи можетъ относиться или къ тому моменту, которымъ дѣйствіе закончилось, или къ тому, съ котораго оно начнется. Въ первомъ случаѣ онъ будетъ ограничивать прошлую продолжительность; во второмъ—будущую. Такимъ образомъ, предѣлъ въ общемъ своемъ значеніи есть соединеніе смысла прошедшаго съ смысломъ будущаго времени. Звукъ *ш* вполнѣ соотвѣтствуетъ этому значенію предѣла. Онъ можетъ быть или смягченнымъ звукомъ *х*, которымъ въ древнемъ ц. славянскомъ языкѣ обозначались прошедшія времена, т. е. законченность бо̀льшей или меньшей продолжительности; или смягченнымъ звукомъ *с*, которымъ обозначалось нѣкогда будущее время. Слѣд. по своей природѣ звукъ *ш* является предѣломъ, соединяющимъ звуки *х* и *с*, имѣющіе два противуположныя значенія. Поэтому, вѣроятно, языкъ выбралъ звукъ *ш* для образованія полныхъ прилагательныхъ формъ изъ той краткой, которою первоначально намѣтилъ предѣлъ продолжительности, т. е. изъ ф. на *ъ*.

Звукъ *щ*, не обозначая предѣла продолжительности, далъ возможность употреблять форму на *щій* преимущественно въ смыслѣ настоящаго времени, т. е. самаго неопредѣленнаго момента; звукъ же *ш*, обозначая вообще предѣлъ, далъ возможность употреблять форму на *шій* преимущественно въ смыслѣ прошедшаго времени, т. е. самого опредѣленнаго момента. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы формы: *щій* и *шій* обозначали сами по себѣ какое либо извѣстное время. Но такъ какъ обѣ эти формы образовались изъ тѣхъ звуковъ, которые участвуютъ въ формахъ дѣйствія относительнаго, т. е. непосредственно исходящаго изъ предмета, или связаннаго съ нимъ; то прилагательныя формы: *щій* и *шій* указываютъ на то, что качество, выражаемое ими, должно пониматься въ *относительномъ* значеніи, т. е. имѣющимъ непосредственное отношеніе къ своему предмету.

Окончаніе *щій*, не заключая въ себѣ начала опредѣляющаго

продолжительность, является способнымъ сообщать дѣйствію въ прилагательной формѣ значеніе вполнѣ прилагательнаго имени. Дѣйствительно, если мы будемъ вникать въ значеніе прилагательной формы глагола на *щій*, то легко замѣтимъ нѣкоторую двойственность; напр.: *читающій*, *пишущій*, *говорящій* — съ одной стороны могутъ означать: *кто читаетъ*, *пишетъ*, *говоритъ* подъ условіемъ продолжительности; съ другой — могутъ означать вообще свойство, способность читать, писать, говорить. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ ф. *щій* получаетъ значеніе чисто прилагательнаго имени. Оттого эта форма часто переходитъ въ ф. на *чій*, которою выражается свойство, качество предмета. (Звуки *щ* и *ч* родственны между собою: *нощь* — *ночь*, *пещь* — *печь*), а ф. на *чій* иногда замѣняется формою *щій*; напр.:

Изъ за озера Заонежскаго
Летятъ птицы заморскія,
Соловей птица *свистущая*,
Орелъ птица говорящая.

(Опис. Олонецкой губ., стр. 201. В. Дашкова.)

Ф. *Свистущая* вм. *свистучая* — по требованію благозвучія. Приведемъ нѣсколько примѣровъ того и другаго окончанія.

Увидѣлъ онъ матушку *сидящую*
Подъ окошечкомъ слезно плачучись.

—

Напрасно бить удалыхъ добрыхъ молодцевъ,
Проливать крови *горючія*,
Оставлять сиротать малыхъ дѣтушекъ;
Скитаться женамъ молодыимъ.

—

Дюкъ ѣдетъ сзади ступой *бродучею*,
Ѣдетъ ступой, коня обдерживаетъ.

(Рыбн. т. II, № 28.)

Ударилъ Илья Сокольника кулакомъ во бѣлы груди.
И подынулъ его выше лѣса *стоячего*,
Пониже облаки *ходячіи*.

(Рыбн. т. II, № 69.)

Пріѣзжалъ Егорій къ волхамъ *ѣдучіимъ*,
Пріѣзжалъ Егорій къ птицамъ *клевучіимъ*.

(Безсонов. ч. I, в. 2, стр. 475.)

По послѣднему денечку
Нанесло тучку черную

Со громами со *трескучими*,
Со молніями со *сверкучими*.
(В. Дашкова. Описаніе Олонецк. губ., стр. 204).

Услыхала Марья, лебедь бѣлая,
Наливали чару питья *забудущаго*,
Выбѣгала на крылечко переное,
Подносила Михайлы Потыку сыну Иванову.
(Рыбн. II, № 17.)

А и нонѣ ты, Терентьище,
А и бродишь по чисту полю,
Что корова *заблудящая*,
Что ворона *залетящая*.

—

Въ *зрящій* пятокъ пріуспокоился.
(Кирѣевск. вып. 4, № 29, стр. 397.)

Лиса прибѣжала въ городъ Козельскъ:
Въ городѣ во Козельскѣ
Сидитъ красное чадо
Пѣтухъ на дубу.
«Охъ ты пѣтухъ — пѣтушокъ,
«Спущайся ты на *низящее*,
«Съ *низящаго на землящее*,
«Я твою душу
«На небеса взнесу».
(Сказки Афанасьева. Вып. 3, стр. 72).

Очевидно, лиса съ намѣреніемъ называла предметъ по его качеству, или свойству, чтобы озадачить пѣтуха. Въ ея словахъ есть какъ бы укоръ пѣтуху, что не можетъ самъ подняться на небеса, куда онъ стремится, и вмѣстѣ съ тѣмъ, — хитрая уловка сманить его внизъ обѣщаніемъ вознести его душу. *Низящее* — что тянетъ къ низу, *землящее* — къ землѣ.

Совсѣмъ другое представляютъ прилагательныя формы глагола на *щій*. Нѣтъ ни одного примѣра, который бы указывалъ на неопредѣленность значенія этой формы, на близкую связь ея съ именемъ прилагательнымъ. Каждая отглагольная форма на *щій* заставляетъ мыслить законченность большей, или меньшей продолжительности. Далѣе этого значенія ф. на *щій* не пошла въ языкѣ Очевидно, что такого односторонняго значенія она не могла бы удержать въ живомъ употребленіи, если бы не имѣла другой формы, которая, выражая также законченность (опредѣленность) продолжительности, обращаетъ ее (т. е.

законченность) въ постоянный признакъ предмета и употребляется исключительно въ смыслѣ прилагательнаго имени. Эта форма — *лый*. Она выражаетъ качество, присущее предмету; но это качество есть слѣдствіе того дѣйствія, которое закончилось въ предметѣ подъ условіемъ большей или меньшей степени продолжительности; напр.: *онъ — человѣкъ бывалый*. Онъ *бывалъ* и потому сталъ человѣкомъ *бывалымъ*. Признакъ, или качество *бывалый* представляется слѣдствіемъ дѣйствія *біванія*, законченнаго подъ условіемъ абсолютной продолжительности. *Пожилой* — т. е. человѣкъ уже старый, въ которомъ этотъ признакъ является слѣдствіемъ дѣйствія: *житъ*. Въ этой формѣ языкъ находитъ средство связать полныя прилагательныя формы, выражающія законченную, или опредѣленную продолжительность, непосредственно съ именемъ прилагательнымъ. Такимъ образомъ, то, чего не достаетъ формѣ *шій*, языкъ восполняетъ формою *лый*. Послѣдняя имѣетъ степени сравненія: *смѣть — смѣлъ, смѣлый, смѣлѣйшій, самый смѣлый*. Будучи способною переходить совершенно въ имя прилагательное, она часто забываетъ выражать непосредственность своего отношенія къ предмету, и потому иногда замѣняетъ по смыслу ф. на *ный*; напр.

Дай добра коня *неѣзжалаго*,
Сѣделечко новое *несиживалое*.

—

Ты сходи-ка, братецъ, соколикъ мой,
Въ *постоялую* конюшенку.

(Опис. Олон. губ. В. Дашкова, стр. 204).

Мы сказали, что въ формѣ *лый* законченность продолжительности становится постояннымъ признакомъ, слѣд. глаголъ переходитъ въ имя прилагательное; но такъ какъ каждое прилагательное имя можетъ въ свою очередь принимать смыслъ глагола, то форма *лый*, принимая краткую форму средняго рода, т. е. какъ бы отказываясь отъ своего родоваго прилагательнаго служенія, получаетъ въ языкѣ значеніе самостоятельнаго дѣйствія, которое уже не выражаетъ непосредственной связи съ предметомъ, какъ съ лицомъ дѣйствующимъ; напр.:

Какъ во славномъ во городѣ во Муромѣ,
Въ томъ селѣ Карачаевѣ
У родителя у батюшка,
Какъ была кобыла-то обжорлива:

Жрала по возу сѣна къ выти,
По лохани пила варенины:
Жрала-жрала, такъ *ее и треснуло*:
Такъ тебя, удалаго молодца, какъ не треснетъ!

ф. *треснуло*, подобно ф. *треснетъ*, выражаетъ такое дѣйствіе, которое какъ бы самостоятельно проявляется въ предметѣ. Подобныя выраженія встрѣчаются часто; напр.: *его стошнило, чтобъ тебя розорвало*! и т. п. Здѣсь уже видимъ *стремленіе* дѣйствія чрезъ прилагательную форму получить значеніе самостоятельности проявленія. Ибо полная самостоятельность дѣйствія съ законченною продолжительностію выражается въ языкѣ тою же формою только съ прибавленіемъ частицы: *сь*; напр.: *жилось — заломилось*, худобою въ міръ *пустилось* (Посл. Даль, стр. 287) или: У моего то братца съ Чурилушкой
Платьемъ *помѣнялося*,
А добрымъ конямъ *побраталося*.
(Рыби Т. II, № 23, стр. 125.)

Вотъ нѣсколько примѣровъ употребленія прилагательной формы *лый:*

«Жилъ новый король еще три году, до народа государь былъ добрый, бѣднымъ добро сотворитъ, а *служилымъ* людямъ жалованье выдаваетъ». (Рыбн. Ч. 1, стр. 274.)

Здѣсь ф. *служилый* вм. обыкновенной: *служивый*.

—

О, я радъ на тебе, мать, работáти,
Сы Небенаго волю творити,
Болотныя воды испивати,
Ѣсть и *сгнилую* колоду искушати.

ф. *сгнилую* вм. обыкнов. *сгнившую*. Различіе между тою и другою формою понятно.

Стоятъ лѣса темные отъ земли да дó неба
И *стиглому* и *сбѣглому* проходу нѣтъ.

ф. *стиглый* — отъ *стиг(л)ъ*, *стегла*, *стигло*. Кор. *стиг* — гл. *стичь* (стиг + ть, какъ мочь = мог + ть) въ сложныхъ; *настичь*, *постичь*.

Общее замѣчаніе относительно разобранныхъ нами формъ слѣдующее: какъ скоро прилагательныя формы глагола получаютъ въ рѣчи значеніе прилагательнаго имени, то грамматически формы ихъ смѣшиваются, но по своему живому значенію онѣ строго остаются вѣрными выражаемому ими понятію

объ отглагольномъ качествѣ. Такъ напр.: ф. *щій* употяе [illegible] ебл по грамматикѣ вм. *шій*; ф. *лый* вм. *шій* и *ный*; *мый* вм. *щій*; *ный* вм. *лый* и т. п. *Залетящая* вм. *залетѣвшая* (лучше: залетѣлая); *служилый* вм. *служивый* или *служившій*; *родимый* вм. *родящій* или *родившій*; *наливное яблочко* вм. *налившееся яблочко*; *ѣзжалый конь* вм. *ѣзженый конь* и т. п. Неужели все это неправильности?

Перейдемъ къ дальнѣйшимъ прилагательнымъ формамъ глагола.

Мы видѣли, что формы, о которыхъ шла рѣчь, выражаютъ тѣсную связь, или непосредственное отношеніе между предметомъ и его дѣйствіемъ — качествомъ. Онѣ образуется отъ глаголовъ съ окончаніемъ *тъ*. Но есть другая форма съ частицею *ся*, значеніе которой въ русскомъ языкѣ намъ уже извѣстно. Эти глаголы имѣютъ тѣже самыя прилагательныя формы, какъ и глаголы нѣ *тъ*, только прибавляютъ къ прилагательному окончанію частицу *ся*. Отъ смысла этой послѣдней зависитъ, конечно, и смыслъ качества, выражаемаго прилагательною формою. На сколько *ся* поднимаетъ глаголъ въ самостоятельномъ значеніи его дѣйствія, на столько, разумѣется, эта частица придаетъ самостоятельности и значенію прилагательной формы этого дѣйствія. Напр.: *что говоритъ — говорятее; что говорится — говорящееся; что говорило — говорившее; что говорилось — говорившееся; что читаетъ — читающее; что читается — читающееся; что читало — читавшее; что читалось — читавшееся. Слово произносящееся*, или *произносившееся трудно* и т. п.

Прилагательныя формы: *мый*, *ный*, *тый*, употребляясь въ языкѣ преимущественно предъ другими прилагательными формами глагола въ смыслѣ именъ прилагательныхъ, могутъ быть названы по всей справедливости *отглагольными прилагательными именами съ значеніемъ самостоятельнаго качества*. Постараемся объяснить это значеніе изъ самыхъ формъ. Начнемъ съ формы на *мый*, которой значеніе опредѣляется звукомъ *м*. Объ этомъ звукѣ М. Н. Катковъ на стр. 119 своего разсужденія: «Объ элементахъ и формахъ Ц. славянскаго языка» говоритъ, по поводу образованія падежей, слѣдующее: «всѣ косвенные падежи образуются изъ корня *та* (ma-cja), являющагося и въ именительномъ *средняго рода (тат* и *тad)*, который въ сущности и не долженъ имѣть прямаго падежа, ибо первона-

чально сужденъ быть *типомъ существъ безличныхъ*. Характеръ средняго рода есть преимущественно б. *м*, первоначально знакъ падежа винительнаго, или же онъ вовсе не имѣетъ характера». И такъ звукомъ *м* выражается *безотносительность вообще*. Служа знакомъ средняго рода, онъ, очевидно, отказывается различать родъ — и слѣд. выражаетъ *безотносительность* рода. Служа знакомъ винительнаго, т. е. косвеннаго падежа, онъ отказывается отъ обозначенія предмета дѣйствующаго, — и слѣд. выражаетъ *безотносительность* лица. Такимъ образомъ, будучи безотносительнымъ къ лицу и роду и входя въ образованіе прилагательной формы, звукъ *м*, остается безотносительнымъ и къ качеству — и слѣд. ничего иного обозначать не можетъ, кромѣ *безотносительности качества*, выражаемаго прилагательнымъ словомъ. Поэтому, если прилагательная форма образуется посредствомъ звука *м* отъ глагола, то ясно, что она не можетъ выражать ничего иного, кромѣ *безотносительности отглагольнаго признака*. Всякое другое значеніе, приданное этой отглагольной прилагательной формѣ, будетъ произвольнымъ относительно ея существеннаго смысла и стѣснительнымъ относительно ея употребленія въ живой рѣчи. Дѣйствительно, ей приписываютъ значеніе *страдательнаго* залога и тотчасъ же встрѣчаютъ противорѣчіе этому значенію въ формахъ: *бываемый*, *изсякаемый*, *родимый*, *терпимый*, *угасаемый*, *сгараемый*, *повелѣваемый*, *грозимый* и пр. Ей приписываютъ значеніе настоящаго времени и тотчасъ же встрѣчаютъ множество формъ на *мый*, образовавшихся, по грамматикѣ, непосредственно изъ *будущаго* времени; напр.: родимый — отъ *родимъ*, *уязвимый* — отъ *уязвимъ*, *поправимый* — отъ *поправимъ*, *увидимый* — отъ *увидимъ*, *опалимый* — отъ *опалимъ* и пр. Ясно, что значеніе залога и времени приписаны произвольно, не на основаніи ея собственнаго существеннаго значенія въ языкѣ, но на основаніи того смысла, съ которымъ она часто употребляется въ рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, выражая безотносительность отглагольнаго качества, она не иначе можетъ стать опредѣленіемъ предмета, какъ подъ вліяніемъ воли лица говорящаго — отнести это качество къ предмету, или нѣтъ; — и потому *отношеніе* ея къ предмету является пассивнымъ, страдательнымъ, именно потому, что форма сама по себѣ имѣетъ значеніе безотносительное. Точно также безотносительность ея значенія послужила поводомъ къ тому, что сочли ее формою *настоящаго* времени. Безотноситель-

ность — отвлеченна, неопредѣленна, какъ отвлеченно, неопредѣленно — настоящее время, или настоящее мгновеніе. Пользуясь сближеніемъ безотносительности значенія формы съ неопредѣленностью значенія настоящаго времени, весьма естественно было придать въ живой рѣчи формѣ *мый* смыслъ настоящаго времени.

На основаніи безотносительности своего значенія звукъ *м*, входя въ образованіе прилагательной формы отъ глагола безотносительно же продолженной степени, въ которой онъ можетъ имѣть общее, отвлеченное значеніе, а не какъ дѣйствіе проявляемое вещественно, сообщаетъ и отглагольному качеству значеніе *возможности*, но не дѣйствительности; напр.: *питаемое* — то, что *можетъ* питаться, а не то, что питается. *Почитаемое* — что можетъ почитаться, а не — что почитается и т. п.

Остается сказать о формахъ: *ный* и *тый*, самыхъ употребительныхъ въ живомъ народномъ языкѣ. Оба суффикса *ный* и *тый* участвуютъ въ образованіи именъ прилагательныхъ отъ корней предметнаго значенія, напр.: *ум-ный*, *чест-ный*, *глав-ный*, *дум-ный*, *чум-ный*, *люд-ный*, *слав-ный*, *труб-ный* и пр.; точно также: *бога-тый*, *горба-тый*, *полося-тый*, *перна-тый*, *борода-тый*, *рога-тый* и пр. Мы видимъ, что всѣ эти прилагательныя имена, образовавшіяся посредствомъ суффиксовъ *ный* и *тый*, выражаютъ *качество отвлеченное отъ предмета* и ставшее *безотносительнымъ къ этому послѣднему;* ибо нельзя сказать: *бородатая борода*, *умный умъ* и т. п. Стало быть, суффиксы: *ный и тый* содержать въ себѣ значеніе *абсолютной отвлеченности.* Но такъ какъ значеніе самихъ суффиксовъ опредѣляется значеніемъ звуковъ согласныхъ *н* и *т*, то эти послѣдніе въ данномъ случаѣ, очевидно, ничего иного выражать не могутъ, кромѣ *отвлеченности.* И дѣйствительно, извѣстно, что звукамъ *н* и *т* въ нашемъ языкѣ обязано происхожденіе мѣстоименій третьяго лица: *онъ* и древнѣйшее *тъ*, отъ которыхъ происходятъ указательныя: *оный* и *тотъ*, указывающія на предметъ отдаленный, или удаленный отъ лица говорящаго. Поэтому, если звуки *н* и *т* служатъ для образованія мѣстоименій 3-го лица, въ которыхъ указаніе на лицо не конкретно, а отвлеченно, т. е. въ которыхъ частное указаніе на лицо возводится на степень *общаго* указанія на предметъ; то необходимо признать, что эти звуки содержатъ въ себѣ смыслъ *отвлеченности.* Но отвлеченность общаго представленія, или по-

нятія отъ своего вещественнаго (конкретнаго) проявленія въ частномъ, отдѣльномъ бытіи, или дѣйствіи, есть ничто иное, какъ отдаленность общаго отъ частнаго. Слѣд. съ *отвлеченностію* значенія звуковъ *н* и *т* непосредственно связывается представленіе объ *отдаленности*. Зная существенное значеніе звуковъ *н* и *т*, участвующихъ въ образованіи прилагательныхъ формъ глагола на *ный* и *тый*, не трудно понять и существенное значеніе этихъ послѣднихъ. Если посредствомъ окончаній *ный* и *тый* образуются изъ существительныхъ именъ прилагательныя съ значеніемъ *качества*, *отвлеченнаго отъ предмета*; то тѣже окончанія, служащія для образованія прилагательныхъ формъ глагола, необходимо должны сообщать и этимъ послѣднимъ значеніе *качества*, *отвлеченнаго отъ дѣйствія*. Качество, отвлеченное отъ дѣйствія, ставитъ уже самое дѣйствіе въ отдаленіи отъ себя. — Такимъ образомъ, продолжительность дѣйствія находитъ для себя предѣлъ въ томъ моментѣ, съ котораго началось отвлеченное представленіе о дѣйствіи въ смыслѣ качества, или признака. Поэтому, дѣйствію въ отвлеченномъ отъ него качествѣ можно по смыслу рѣчи придать значеніе дѣйствія прошедшаго. Вотъ почему отглагольнымъ прилагательнымъ именамъ на *ный* и *тый* приписывается вообще грамматикою значеніе *прошедшаго* времени, тогда какъ формы *ный* и *тый* сами по себѣ не имѣютъ никакого временнаго значенія. Это видно изъ именъ прилагательныхъ, образовавшихся посредствомъ ихъ не отъ глаголовъ, а отъ именъ существительныхъ: *умный*, *вѣрный* и т. п. Точно также произвольно приписывается имъ значеніе страдательнаго залога. Страдательное и дѣйствительное значеніе этихъ прилагательныхъ формъ зависитъ, очевидно, отъ того отношенія, въ которомъ они будутъ находиться къ своему опредѣляемому предмету, по смыслу рѣчи; такъ напр.: въ выраженіи *почтенный человѣкъ* между прилагательнымъ отглагольнымъ именемъ: *почтенный* и предметомъ: *человѣкъ* можетъ быть двоякое отношеніе. Если слово *почтенный* — принять въ смыслѣ постояннаго признака предмета, о которомъ идетъ рѣчь; то отношеніе между прилагательною формою: *почтенный* и ея опредѣляемымъ предметомъ: *человѣкъ* будетъ, конечно, *дѣйствительное*. Если же признакъ *почтенный* придается предмету *человѣкъ* лишь подъ условіемъ посредствующаго новаго лица; напр.: *человѣкъ почтенный тобою* и пр., то, разумѣется, отношеніе между *почтенный* и *человѣкъ* будетъ зависимое, *пассивное*

или страдательное. Однимъ словомъ, формы *ный* и *тый* могутъ имѣть и не имѣть страдательнаго значенія; слѣд. ясно, что въ нихъ самихъ его и нѣтъ вовсе, но что онѣ могутъ заимствовать его изъ смысла рѣчи. Чтобы добраться до смысла языка, до пониманія его духа, нужно прежде всего понять существенный смыслъ самихъ формъ, и—стараться очистить ихъ отъ всѣхъ тѣхъ значеній, которыя являются случайными. Всего опаснѣе въ этомъ случаѣ вѣрить въ послѣднія. Чтобы устранить возраженія, которыя могутъ быть намъ сдѣланы на основаніи уже извѣстной теоріи причастій, и вмѣстѣ съ тѣмъ подробнѣе вникнуть въ смыслъ разбираемыхъ нами прилагательныхъ формъ глагола, считаемъ не только полезнымъ, но даже необходимымъ разобрать мнѣнія о формахъ *ный и тый* двухъ извѣстныхъ ученыхъ Ѳ. И. Буслаева и К. С. Аксакова.

«Причастія *прошедшаго* времени *страдательнаго* залога», говоритъ почтенный авторъ Исторической Грамматики (ч. I, § 55, стр. 109, изд. 2-е): «образуются помощію звуковъ *н* и *т*; напр.: *да-ть*, *да-нъ*; *мы-ть*, *мы-тъ* (мовенъ); *забыть*, *за-бве-нъ (незабвенный)* и *за-бы-тъ*. Существительное *бы-тъ* есть ничто иное, какъ причастіе прошедшаго времени страдательнаго залога отъ гл. *быть;* въ средн. родѣ, *быто* употреблялось въ древне-русскомъ языкѣ, какъ существительное въ значеніи имущества; напр.: Изборяне грабиша *быто* Московское и Псковское (Кар. Ист. Госуд. Р. VI прим. 513).»

«Для образованія *полнаго* окончанія причастій съ суффиксомъ *н*, къ этому звуку присовокупляется еще *н*, какъ знакъ имени прилагательнаго; напр.: *данъ*, *дан-ный* (какъ въ формахъ: *скрытный*, *знат-ный)*. Нѣкоторыя причастія на *нный*, переходя въ прилагательныя, удерживаютъ и послѣднее *н* въ усѣченномъ видѣ, т. е. оканчиваются въ муж. родѣ на *ененъ*, вм. *нъ*, въ женск. р. на *нна* и т. д. Напр. отъ глагола *кры-тъ* съ предлогами *по* и *от*, причастіе *покровенъ*, и прилаг, *от-кровененъ*».

К. С. Аксаковъ (Русская бесѣда, 1859 г. № 5, стр. 98) говоритъ: «*полное* окончаніе причастій на *нъ* образуется просто, какъ въ прилагательныхъ, чрезъ наращеніе окончанія *(добр-ъ, добр-ый)* и безъ всякаго удвоенія *н*. Въ древнемъ ц. сл. языкѣ именно такъ образуются причастія полнаго окончанія (*зъ-ванъ, зъ-ваный*). Чрезъ удвоеніе же *н*, — точно авторъ правъ, причастіе получаетъ значеніе прилагательнаго; напр.: *возлюбленый* — это причастіе, *возлюбленный* — это уже прилагательное.

И такъ, одинъ ученый думаетъ, что *полное окончаніе* причастій должно быть съ удвоеннымъ *н* (т. е. *нный)*; другой, напротивъ, настаиваетъ на томъ, что оно непремѣнно должно быть съ однимъ *н*, т. е. *ный*; и что чрезъ удвоеніе *н* причастіе страдательное становится прилагательнымъ именемъ. Но первый допускаетъ только переходъ причастій съ удвоеннымъ *н* въ прилагательныя имена. Мы думаемъ, что, смотря съ извѣстной уже точки зрѣнія на форму *ный*, т. е. какъ на причастіе страдательнаго залога прошедшаго времени, оба ученые правы. Въ пользу мнѣнія Ѳ. И. Буслаева можно привести формы: *забвенный*, *рождённый*, *покорённый*, *пробуждённый*, *покаянный*. *данный* и др. въ смыслѣ полныхъ причастій, которыя не употребляются съ однимъ *н* (если звукъ *е* произносится чисто, а не какъ *ё*). Если же *е* произносить, какъ *ё*, т. е. не протяжно, а кратко, то, пожалуй, можно сказать (по народному выговору): *рождёный*, *покорёный*, *пробуждёный* и пр. Стало быть, дѣло будетъ зависѣть здѣсь отъ произношенія, отъ выговора. Въ пользу мнѣнія К. С. Аксакова можно привести формы: *обиженый* (вм. обиженный), *ощипаный* (вм. ощипанный), *любленый* (вм. любленный), *кормлёный*, *поёный* и др. въ смыслѣ причастій, съ удвоеннымъ же *н* въ смыслѣ именъ прилагательныхъ. Тѣмъ не менѣе одно мнѣніе противорѣчитъ другому: однимъ признаются за *полныя причастія* страдательнаго залога прошедшаго времени тѣ формы, которыя другимъ относятся къ именамъ прилагательнымъ. Причиною этого противорѣчія — *напрасное* стараніе ученыхъ провести рѣзкую черту *по формѣ* между такъ называемыми причастіями страдательнаго залога прошедшаго времени и именами прилагательными отглагольными. Мы говоримъ — *напрасное*, — потому что русскій яз. рѣшительно не поддается этой операціи. Это чувствуютъ оба автора приведенныхъ мнѣній; и одному пришлось признать формы съ удвоеннымъ *н* — именами прилагательными, отличивъ ихъ отъ причастій только удареніями: (см. Ист. Грм. ч. I, § 55, стр. 110): *приблúженный*, *полóженный*, *унúженный* — причастія; а *приближéнный*, *положéнный*, *униженный* — прилагательныя. Другому пришлось признать именами прилагательными такія формы, которыми, по его мнѣнію, должны отличаться причастія, именно съ однимъ *н*, напр.: *ученый*, *смышленый*, при которыхъ нѣтъ формъ: *ученный*, *смышленный*. И такъ, если прилагательныя формы равно могутъ образоваться изъ глаголовъ, какъ посред-

ствомъ удвоенія *н*, такъ и посредствомъ одного только *н*, и имѣть значеніе прилагательнаго имени; то, очевидно, всякое стремленіе разграничить въ языкѣ какія то причастія страдательнаго залога прошедш. времени отъ именъ прилагательныхъ — напрасно и безполезно. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что разграниченіе состоялось, какое же изъ него можно вывести заключеніе, объясняющее духъ языка, его живой, а не форменный смыслъ? — не знаемъ. Для науки остается одинъ вѣрный выводъ, что въ русскомъ языкѣ есть прилагательныя формы, которыя образуются изъ глаголовъ посредствомъ суффикса *н* точно также, какъ посредствомъ того же суффикса образуются прилагательныя формы и отъ именъ существительныхъ; напр.: *вод-а, — вод-ный; пламень — пламенный, камень — каменный; торжество — торжественный* и пр. Далѣе, — что этотъ суффиксъ весьма употребителенъ въ языкѣ для образованія формъ прилагательныхъ, какъ это особенно видно изъ тѣхъ словъ, въ которыхъ онъ, повидимому, стоитъ безъ всякой нужды; напр.

Скоро богатый Лазарю отремлявъ,
Грубнымъ словомъ Лазарю отказавъ.

(Калѣки Перехож. Безс. № 25.)

Ф, *грубный* вм. *грубый*.

Тутъ скидывался Добрыня скоро у окошечка,
Показывалъ матери *родимную знадебку*.

—

Ф. *родимную* вм. *родимую*.

Наконецъ, что отъ глагольныхъ корней происходятъ именно прилагательныя имена на *ный*, а не причастія страдательнаго залога прошедшаго времени, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго примѣра. Въ народномъ языкѣ есть глаголъ *стрѣлить* отъ него прямо прилагательное имя: *стрѣльный* (Кирѣев. Вып. 3, стр. 55 и 68).

Нѣтъ на свѣтѣ меня *стрѣльнѣе*, т. е. никто на свѣтѣ лучше меня не стрѣляетъ. Отъ гл. *мѣтить*

А коли по мѣтамъ-то стрѣлять,
Дакъ *мѣтнѣ* меня нѣтъ во всемъ Кіеви.

Фф. *стрѣльнѣе*, *мѣтнѣе* предполагаютъ фф. *стрѣльный*, *мѣтный* которыя образовались непосредственно отъ темъ глагольныхъ.

Что касается до того значенія, которое придается формѣ на

ный, то оно можетъ быть и страдальное и нестрадательное, смотря по смыслу употребленія.

Объясняя прилагательную отглагольную ф. на *ный* такимъ образомъ, мы остаемся при ней, какъ при формѣ, имѣющей свое существенное значеніе въ языкѣ, и не дѣлаемъ ни одного шагу въ сторону; между тѣмъ какъ объясненіе ея то причастіемъ страдательнаго залога прошедшаго времени, то прилагательнымъ именемъ, возможно лишь подъ условіемъ уклоненія отъ существеннаго смысла самой формы и исканія этого смысла не въ ней самой, а въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ она можетъ находиться въ рѣчи. Такъ, грамматика приписываетъ ей страдательное значеніе, а языкъ даетъ слѣдующіе примѣры:

Ужь какъ слышитъ ёнъ (Дюкъ) молву неправедливую,
Неправдливую молву, *неутѣшную*,
Что во тоемъ ли во градѣ во Кіевѣ
Ужь давно сидитъ — богатствомъ прохваляется
Гусенко Пленковичъ со товарищьми.

(Рыбн. II, № 26, стр. 131.)

Сравните выраженія: *вдова неутѣшная* (т. е. которую нельзя утѣшить) и *молва неутѣшная* (т. е. которая не утѣшаетъ). Одна и таже форма здѣсь по грамматикѣ будетъ имѣть и страдательное значеніе и дѣйствительное.

По старому ли во Кіевѣ звонятъ,
Просятъ ли милостыню *спасенную?*

(Кир. Вып. 4, № 4.)

Сравните выраженія: городъ, *спасенный* отъ непріятеля (т. е. который спасся отъ непріятеля) и *милостыня спасенная* (т. е. которая спасаетъ).

Онъ какъ налилъ чару зелена вина,
Мѣрой въ полтора ведра,
Вѣсомъ только въ полтора пуда,
Спустилъ онъ свой *перстень обрученный*,
Которымъ перстнемъ обручалися...

(Рыбн. II, стр. 31, стихъ 375.)

Сравните: *перстень обрученный* и *женихъ обрученный*.

О, матерь наша *порожденная*;

(Безс., Ч. I, вып. 3, № 143.)

На возраженіе:—ф. на *ный* по своей сущности есть причастіе *страдательнаго залога прошедшаго времени* и соотвѣтствуетъ въ другихъ языкахъ *participiis passivis*, а что если она впослѣдствіи

отъ употребленія могла принять значеніе дѣйствительное или просто прилагательнаго имени; то это нисколько не противорѣчитъ ея существенно-страдательному значенію; — отвѣчаемъ: еслибы дѣйствительно ф. *ный* въ сущности имѣла страдательное значеніе, а не болѣе широкое значеніе качества, *отвлеченное* отъ дѣйствія, то какимъ логическимъ путемъ языкъ дошелъ до того, что одною и тою же формою и не рѣдко въ одномъ и томъ же словѣ сталъ выражать и дѣйствительное и страдательное значеніе? Какимъ образомъ сущность страдательнаго значенія могла обратиться въ сущность значенія дѣйствительнаго? Извѣстно, что дѣйствіе прямо противуположно страданію, какъ *я* противуположно не *я*. Какимъ же образомъ не *я* могло обратиться въ *я* — и обратно? Такую метаморфозу можно допустить въ словѣ только подъ условіемъ измѣненія его формы, т. е. когда слово отказывается отъ своей прежней формы и принимаетъ другую; но чтобы одна и таже форма могла обозначать собою два совершенно-противуположныхъ значенія — это для насъ непонятно. Тогда какъ принимая эту форму за качество, отвлеченное отъ дѣйствія, или, что тоже, за дѣйствіе, перешедшее въ понятіе объ отвлечснномъ качествѣ, — мы не встрѣтимъ ни въ одномъ примѣрѣ противорѣчія такому пониманію. Дѣйствіе, понятое въ смыслѣ отвлеченнаго качества, можетъ войдти по смыслу рѣчи и въ страдательное и въ дѣйствительное отношеніе съ тѣмъ предметомъ, которому послужитъ опредѣленіемъ. О томъ, что значеніе формы *ный* шире, чѣмъ то, которое придано ей грамматикою, догадывается К. С. Аксаковъ въ слѣдующихъ словахъ: «любопытно» говоритъ онъ: «обратить вниманіе на *совершенно особаго рода причастіе* (еще!) употрбляющееся, какъ прилагательное,—часто съ однимъ *н*.» (Что, какъ уже извѣстно, противорѣчитъ его теоріи). «Имѣя форму причастія страдательнаго, слова эти употребляются, какъ *прилагательныя*, скорѣе въ смыслѣ *дѣйствительнаго*; напр.: *смышленый* (слово, приводимое г. Буслаевымъ)—это тотъ, кто самъ смыслитъ, кто имѣетъ способность смыслить, а не тотъ (или то), кого (или что) смыслятъ; такъ *моленное*, *благословенное перстосложеніе* — то, которое для молитвы, для благословенія, — молящееся, благословляющее, — которымъ молятся, которымъ благословляютъ: но никакъ не то, которое благословляютъ, или которому молятся. Такъ *останый* отъ *остаться* (или даже: *остать*) вм. остающійся, остальной; *останый день*

(святокъ напр.). Это показываетъ, что значеніе причастій страдательныхъ» (а все таки страдательныхъ!) «*было* гораздо шире» (да оно какъ было, такъ и есть) «было и при глаголахъ среднихъ (на что указываетъ справедливо г. Буслаевъ) и получало иногда особый смыслъ при переходѣ причастія въ прилагательное. Подробное объясненіе этого явленія надѣемся когда нибудь представить». Мы думаемъ, что это явленіе произошло болѣе оттого, что на русскій языкъ сразу нахлобучили чужую грамматику и съ тѣхъ поръ не даютъ ему выйдти изъ подъ вліянія греческихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ грамматикъ. Тамъ говорится о причастіяхъ страдательныхъ, которыя переводятся по русски прилагательными именами на *мый*, *ный*, и *тый;* — такъ вотъ поэтому и назвали эти формы *причастіями страдательными.* Съ этимъ названіемъ онѣ и щеголяютъ до сихъ поръ. «Скажемъ только», продолжаетъ К. С. Аксаковъ: «что въ языкѣ нашемъ встрѣчается замѣчательное обстоятельство: является употребленіе, повидимому, неправильное (напр.: здѣсь причастіе страдательное, образующееся при глаголахъ средняго рода...) и становится *изъ нагляднаго и дѣйствительнаго отвлеченнымъ представленіемъ дѣйствія или качества*, обращающимся въ общую характеристику и въ изображеніе общаго свойства, въ понятіе переносное.» Съ этою мыслію нельзя не согласиться: она вполнѣ подтверждается живою русскою рѣчью. Но на стр. 102, по случаю объясненія ф. *тай* (вожатай), которую авторъ считаетъ тоже причастіемъ страдательнаго залога, читаемъ: «Дѣйствительный, а не страдательный смыслъ этого причастія образовался здѣсь, вѣроятно, точно также, какъ образовался онъ при другой формѣ причастія страдательнаго на: — *ный*. Мы уже замѣтили эту особенность и сказали, что *видимая неправильность употребленія* даетъ возможность слову получить отвлеченный смыслъ, значеніе *свойства*, значеніе метафорическое. *Видимая неправильность* бываетъ разнородная: въ причастіи страдательномъ — становится, или глаголъ средній; напр.: *смыслить — смышленый*»; (но по грамматикѣ гл. *смыслить* дѣйствительный: *смыслишь ли ты что нибудь*?) «или возвратный, въ смыслѣ почти средняго; такъ напр.: *возиться — воженый*, *воженый* (про ребенка) есть не тотъ, кого возятъ, но кто возится и т. д.» — И такъ К. С. Аксаковъ считалъ подобныя формы въ языкѣ *видимыми неправильностями.* Не знаемъ, какъ должно понимать это выраже-

ніе: понимать ли его въ буквальномъ смыслѣ, — или такъ, что подъ выраженіемъ: *видимая неправильность* нужно разумѣть: *невидимая правильность*. Послѣднее было бы болѣе согласно съ общимъ, здравымъ взглядомъ автора на языкъ и на грамматику. Но во всякомъ случаѣ, позволительно видѣть въ выраженіи: *видимая неправильность* (если форма *ный* бываетъ отъ среднихъ глаголовъ и т. п.) уступку правиламъ грамматики. Къ чему называть *неправильностію* (*видимою* или *невидимою*) то, что въ рѣчи пользуется полнымъ правомъ употребленія, наравнѣ съ другими самыми правильными выраженіями? формы: *сиженый*, *хоженый*, *ѣзженый*, *тлѣнный* (отъ тлѣть) *плытый* (было и *плыто*, до не добыто), *вытый*, *бытый*, *житый* и пр. и пр. убѣждаютъ, что въ русскомъ языкѣ форма *ный* или *тый* не есть привилегія на производство для однихъ только, по грамматикѣ, дѣйствительныхъ глаголовъ — и потому подобныя формы ни подъ какимъ видомъ не могутъ считаться *неправильностями* въ языкѣ.

Чаще всего въ народномъ языкѣ ф. *ный* встрѣчается тамъ, гдѣ слѣдуетъ выразить полную отвлеченную самостоятельность дѣйствія. Напр.:

На той на радости на великія,
Какъ поѣхалъ онъ впередъ по чисту полю,
Какъ наѣхалъ онъ на ступь лошадиную:
Проѣхано впереди его у богатыря,
У лошади-то *скакано*,
Вывертывана копытами мать сыра земля,
Какъ сильными рѣшатами.

(Рыбн. II, № 30, стр. 163).

Вотъ примѣръ, приводимый Ѳ. И. Буслаевымъ и г. Шафрановымъ:

У дороднаго добра молодца
Много *было* на службѣ *послужено;*
На печи было въ волю *полежано;*
Съ кнутомъ за свиньями *похожено*;
Много цвѣтнаго платья *поношено*;
По подоконью онучей было *попрошено*;
И сахарнаго куска *поѣдено*;
У ребятъ корокъ *поотъимано*;
На добрыхъ коняхъ *поѣзжено*.

Въ этомъ примѣрѣ самымъ нагляднымъ образомъ выражается

отвлеченность глагольнаго качества. Дѣйствіе перешло въ такой признакъ, въ такое качество, которое имѣетъ какъ бы свою самостоятельность въ проявленіи. Въ цѣлой рѣчи на первомъ планѣ стоитъ не предметъ дѣйствующій, а отвлеченный, такъ сказать, итогъ, оставшійся отъ каждаго отдѣльнаго дѣйствія въ видѣ самостоятельнаго, отвлеченнаго качества.

Такъ мы понимаемъ значеніе прилагательной формы глагола на *ный.* Тоже самое выражаетъ и другая форма: *тый.* Сравнивая эти формы между собою по употребленію ихъ въ языкѣ, мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе Ѳ. И. Буслаева, который говоритъ слѣдующее (ч. I, § 55, стр. 109, изд. 2-ое). «Нынѣ глаголы раздѣлены между суффиксами *н* и *т*: одни пользуются звукомъ *н*; напр.: *нес-ти*, *нес-е-нъ*, *кова-ть*, *кова-нъ*; другіе — звукомъ *т*; напр.: *гну-ть гну-тый*, *жа-ть* (жѧти), *жа-тъ.* Но первоначально они свободнѣе принимали и тотъ и другой суффиксъ, какъ это видно: 1) изъ сличенія языка русскаго съ ц. славянскимъ; напр.: въ формахъ: *у-би-тъ* и *оу-би-ѥ-нъ*, *наду-тъ* и *на-дъм-е-нъ;* 2) изъ древне-русскаго и народнаго; напр.: *зва-тый*, *зна-тый*, и нынѣ употребительныя: *зва-нъ*, *узна-нъ; одѣ-нъ*, и нынѣ употребительное *одѣ-тъ;* и 3) изъ производства, напр. отъ глагола: *пѣт-ь* два существительныхъ... старинное *пѣтіе* и нынѣ употребительное *пѣ-ні-е*». Вотъ замѣчательный примѣръ:

Они будутъ тепломъ до *обогрѣны*,
И отъ темныя ночи *пріукрыты.*
(Безсон. № 1, стр. 116.)

ф. *обогрѣнъ* и *обогрѣтъ.* Есть, правда, нѣкоторый оттѣнокъ: послѣдняя форма имѣетъ болѣе, такъ сказать, осязательное значеніе, чѣмъ первая. Качество, отвлеченное отъ дѣйствія, въ ф. *тый* представляется болѣе нагляднымъ, осязаемымъ, ощущаемымъ, чѣмъ въ соотвѣтственной ей формѣ *ный*: *открытый* и *откровенный.* Оттого вѣроятно, ф. *тый,* удобнѣе и перешла въ языкѣ изъ значенія качества въ значеніе предмета; *оратай*, *вожатай* и *вожатый*, *глашатай*, *женатый* (а не жененый).

Я дамъ тому *провожатыехъ*
И вдвое дамъ *сбережатыхъ.*
(Кир. Вып. 2.)

—

А *зватаго* приказалъ брать
Со всякаго по десяти рублевъ.
(Кир. Вып. 4.)

здѣсь, очевидно, *зватое* — деньги за приглашеніе, за почетъ. Вообще значеніе формы *ный* относится къ значенію формы *тый* такъ, какъ суффиксъ *н* относится къ суффиксу *т*. *Н*—не имѣетъ той твердости, (постоянства), какую имѣетъ зв. *т*. *Н* — звукъ плавный, носовой, легко переходящій въ другіе звуки. *Т* — напротивъ, не легко измѣняется въ другіе звуки. Короче, — звукъ *т* вещественнѣе, осязаемѣе для произношенія, чѣмъ звукъ *н;* и потому, если образуются отъ одного глагола двѣ прилагательныя формы на *ный* и *тый*, то въ первой — качество отвлеченнѣе, чѣмъ — во второй.

Оканчивая объясненіе значенія прилагательныхъ формъ глагола на *ный*, нельзя не замѣтить, что эта форма пользуется въ языкѣ двоякимъ производствомъ: во первыхъ отъ темъ степеней глаголовъ; напр.: *видѣ-ть* — *видѣ-нъ*, *видѣ-ный* и *видѣ-нный; видыва-ть* — *видыва-нъ*, *видыва-нный*; *слыша-ть* — *слыша-нъ*, *слыша-ный* и *слыша-нный*; *слыхива-ть* — *слыхива-нъ* и *слыхива-нный; слыха-ть* — *слыха-нъ* и *слыха-нный*; *чти-ть* — *чте-нъ* и *чте-нный* (почтенный), *чита-ть* — *чита-нъ* — *чита-ный* и *чита-нный* и пр.; во вторыхъ — отъ корней глагольныхъ: *вид* — *вид-ный*, *слыш* — (собств. *слух*) *слыш-ный*; *чт* — (съ вставкою бѣглаго *е*) *чет-ный* (по-чет-ный). Понятно, что прилагательныя формы, происходящія отъ глагольныхъ корней, въ которыхъ скрыто понятіе о дѣйствіи, должны имѣть иное значеніе, чѣмъ тѣ, которыя образуются изъ цѣлыхъ темъ глагольныхъ. Въ послѣднихъ съ понятіемъ о дѣйствіи соединяется представленіе о продолжительности послѣдняго, — и потому въ нихъ должно быть болѣе глагольнаго значенія, нежели въ тѣхъ прилагательныхъ формахъ, которыя образовались непосредственно отъ корней глагольныхъ; ибо въ корнѣ нѣтъ еще той существенной особенности глагольнаго понятія, по которой это послѣднее становится дѣйствіемъ въ собственномъ смыслѣ. Поэтому формы на *ный*, образуясь прямо изъ корня, даютъ глаголу непосредственно значеніе прилагательнаго имени и выражаютъ *качество*, отвлеченное не отъ самого дѣйствія, а отъ понятія о дѣйствіи. А такъ какъ глагольный корень можетъ равно служить для образованія какъ глагола, такъ и именъ: существительнаго и прилагательнаго; то прилагательныя имена, образовавшіяся прямо изъ глагольныхъ корней, могутъ примыкать, съ одной стороны, къ прилагательнымъ именамъ, образовавшимся изъ глаголовъ, какъ напр.: прилаг. имя: *ученый* отъ *учи-ть*; съ другой — къ при-

лагательнымъ именамъ, образовавшимся изъ именъ существительныхъ, какъ напр.: *ум-ный* отъ существ. *умъ*. Но какъ бы то ни было, замѣчательно то, что прилагательныя имена: *видный*, *слышный*, происходя отъ глагольныхъ корней, удерживаютъ свойства глаголовъ этихъ корней, какъ скоро принимаютъ краткую форму на *о*, въ которой прилагательная форма можетъ быть взята безотносительно къ предмету и слѣд. можетъ получить значенiе глагола. Это видно изъ того, что какъ глаголы: *видѣть* и *слышать* соединяются съ винительнымъ падежомъ, такъ и прилагательныя: *видный* и *слышный* въ формѣ: *видно*, *слышно* соединяются также съ винительнымъ падежомъ; напр.: «*слышно* ли вамъ *музыку?*» «Мнѣ отсюда лучше *видно картину*». Этотъ фактъ замѣчателенъ въ томъ отношенiи, что онъ указываетъ самымъ нагляднымъ образомъ на непосредственную связь глагола съ прилагательнымъ въ русскомъ языкѣ. Этою связью объясняется слѣдующiй оборотъ: «у меня же пито, да *меня же бито*, или «за мое же жито, да *меня* же *бито*» (Даль, стр. 122), который сильно противорѣчитъ правиламъ нашей грамматики. Тѣмъ не менѣе отъ него вѣетъ духомъ русскаго языка, который любитъ самую широкую свободу въ употребленiи формъ, сознавая, что въ нихъ нѣтъ ничего условнаго, что̀ могло бы стать преградою между мыслiю и мѣткимъ примѣненiемъ къ ней живой формы.

Разсмотрѣвъ всѣ прилагательныя формы русскаго глагола и найдя, что почти каждою изъ нихъ онъ способенъ непосредственно переходить въ прилагательное имя, мы должны однако признать, что между ними особенно отличаются свойствомъ сближать глаголъ съ прилагательнымъ преимущественно двѣ формы: одна изъ нихъ имѣетъ относительное значенiе, другая — безотносительное, отвлеченное. Первая форма — *лый;* вторая — *ный*. Первою выражается дѣйствiе — признакъ, непосредственно связанное съ предметомъ, какъ бы составляющее съ послѣднимъ одно нераздѣльное цѣлое; второю выражается дѣйствiе — признакъ, отрѣшенное отъ предмета и приписываемое послѣднему только какъ слѣдствiе того дѣйствiя, которому подвергался предметъ. Другими словами, первою выражается качество предмета, какъ слѣдствiе такого дѣйствiя, которое принадлежитъ самому же опредѣяемому предмету; второю выражается качество предмета, какъ слѣдствiе такого дѣйствiя, которое не принадлежитъ опредѣляемому имъ предмету.

Далѣе. Такъ какъ въ силу непосредственной связи между глаголомъ и именемъ прилагательнымъ весьма естественно русскому языку употреблять отглагольныя прилагетельныя имена краткой формы въ значеніи глагольномъ; то, конечно, всего приличнѣе языку предпочесть для этого употребленія такія формы, въ которыхъ связь глагола съ прилагательнымъ оказывается ощутительнѣе; другими словами, — такія формы, въ которыхъ переходъ глагола въ прилагательное имя и — прилагательнаго имени въ глаголъ представляется для него наиболѣе удобнымъ. Понятно, что такими формами должны быть формы: *лъ*, (лый) и *нъ* (ный). И дѣйствительно, какъ та, такъ и другая форма употребляется въ языкѣ предпочтительнѣе передъ другими въ чисто глагольномъ значеніи. Въ этомъ заключается причина той ошибки, въ которую впала наша грамматика, признавъ форму на *лъ* прямо глаголомъ прошедшаго времени изъявительнаго наклоненія.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что въ русскомъ языкѣ глаголъ по своему внутреннему сродству съ именемъ прилагательнымъ, (которое, какъ извѣстно, можетъ употребляться и какъ существительное имя, и какъ глаголъ съ самостоятельнымъ значеніемъ въ смыслѣ подлежащаго и сказуемаго) имѣетъ такой просторъ для самостоятельнаго употребленія въ рѣчи, какого не представляетъ ни одинъ изъ языковъ западныхъ. На этомъ свойствѣ русскаго глагола основывается сила, сжатость и выразительность рѣчи, а вовсе не теорія *безличныхъ глаголовъ*. Возьмемъ примѣръ: «не дорого *пито*, а дорого *быто*» — какой смыслъ для русскаго языка будетъ имѣть признаніе формъ: *пито* и *быто* въ данномъ выраженіи *безличными* глаголами? Здѣсь, очевидно, по смыслу рѣчи формы *пито* и *быто* должны быть признаны подлежащими. По какой же грамматикѣ безличные глаголы достигаютъ такой полной самостоятельности въ употребленіи? Вѣдь если бы мы сказали: не дорого *питье*, а дорого *бытье*, то никому бы не пришло въ голову считать подобныя выраженія безличными, не смотря на то, что они почти тожественны по значенію съ вышеприведенными выраженіями: *не дорого пито, а дорого быто*. Вся разница въ томъ, что въ словахъ: *питье и бытье* заключается болѣе отвлеченный, собирательный смыслъ отъ дѣйствій: *пить* и *быть*, чѣмъ въ словахъ: *пито* и *быто*. Съ какой же стати называть послѣднія выраженія безличными? Принимая ихъ за краткія придагательныя формы

глагола съ самостоятельнымъ значеніемъ, нечего и думать о томъ, обозначается ими, или нѣтъ, лицо дѣйствующее. Это было бы похоже на то, если бы мы отъ существительнаго имени, происшедшаго отъ глагола, стали требовать обозначенія лица перваго, втораго, или третьяго, и, не найдя, конечно, ни того, ни другаго, ни третьяго, вздумали назвать отглагольныя существительныя имена безличными глаголами, и считать самыя выраженія безличными. Если же мы не называемъ отглагольныя существительныя имена — безличными глаголами; то не имѣемъ никакого права считать и отглагольныя имена прилагательныя — безличными глаголами. Короче, безличные глаголы внесены къ намъ въ грамматику, по примѣру грамматикъ иностранныхъ. Въ русскомъ языкѣ безличные глаголы представляются какимъ-то миѳомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое *безличные* глаголы въ нашей грамматикѣ? Приведемъ данныя изъ самой грамматики для рѣшенія этого вопроса. Въ грамматикѣ А. Х. Востокова 1852 г. стр. 84 читаемъ: «*личными* называются глаголы во *всѣхъ* лицахъ и родахъ (?) употребляемые; *безличными* же употребляемые *только* въ 3-мъ лицѣ безъ мѣстоименія личнаго, или безъ существительнаго, означающаго предметъ дѣйствующій, и принимающіе въ прошедшемъ времени только *средній родъ*». Въ этомъ состоитъ сущность всѣхъ безличныхъ глаголовъ, которыхъ въ русскомъ языкѣ образуется очень много по вышеприведенной грамматикѣ. Въ Обще-сравнительной Академической Грамматикѣ 1852 г. на стр. 79 говорится: «Глаголы, употребляемые *только* въ 3-мъ лицѣ безъ мѣстоименія, или безъ субъекта явно выраженнаго, называются *безличными*». Значитъ,— тоже самое. Но на стр. 291 читаемъ: «глаголы личные, когда подлежащее при нихъ представляется неопредѣленно и какъ будто совсѣмъ выпускается изъ виду, поставляются или въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа, или во 2-мъ лицѣ единственнаго числа и тогда получаютъ они значеніе *безличныхъ* глаголовъ.» § 390. «Въ значеніи *безличныхъ* глаголовъ у насъ употребляется также *прилагательное неопредѣленное* средняго рода ед. ч. напр.: *должно*, *прилично*». Стало быть, не одно 3-е лицо, но и 2-е лицо единственнаго числа глаголовъ можетъ принимать значеніе безличнаго глагола. Въ Историч. Грамматикѣ Ѳ. И. Буслаева § 200, стр. 154, мы находимъ, что въ русскомъ языкѣ для обозначенія безличнаго глагола между прочимъ употребляется «*неопредѣленное* наклоненіе

съ явнымъ или подразумѣваемымъ вспомогательнымъ глаголомъ; напр. *ему ѣхать*, *идти дождю стрѣлами*.» Прим. 10. «Нѣкоторые глаголы въ неопредѣленномъ наклоненіи совершенно приняли характеръ безличныхъ. Таковы рѣченія *знать* и *чуть*, причисляемыя — первое къ *союзамъ*, а второе — къ *нарѣчіямъ*; у Пушк. *знать* самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.» и пр. Тамъ же § 196. «Означая *необходимость* или *возможность* дѣйствія, неопредѣленное наклоненіе употребляется какъ сказуемое *безличное*, при которомъ подразумѣвается *лъзя*, *нельзя*, *должно* и т. д.» Мы видимъ уже, что къ лицамъ 2-му и 3-му изъявительнаго наклоненія присоединяется не только средній родъ формъ прилагательныхъ, но и *неопредѣленное* наклоненіе для обозначенія *безличнаго* глагола. На стр. 158 (ibidem.) еще читаемъ слѣдующее: «исчисленныя въ этомъ § формы безличнаго глагола выражаютъ мысль болѣе или менѣе *отвлеченно*; потому-то пользуются или 3-мъ лицомъ глагола, означающимъ указаніе на неизвѣстнаго дѣйствователя, или среднимъ родомъ, или неопредѣленнымъ наклоненіемъ и *существительнымъ*, выражающими понятіе не столь наглядно, какъ выражаетъ самый глаголъ, или наконецъ *нарѣчіями*, т. е. словами произведенными отъ именъ.» «Чтобы придать бóльшую *живость* безличному глаголу, мы измѣняемъ его въ *личный*, и полагаемъ именно во 2-мъ лицѣ единственнаго числа изъявительнаго наклоненія, или въ *повелительномъ*, означая такимъ образомъ отношеніе къ лицу слушающему и пр.» И такъ наша русская грамматика признаетъ, что *безличный* глаголъ у насъ выражается во 1-хъ самими формами глагола; во 2-хъ разными другими частями рѣчи, какъ-то: существительными именами, нарѣчіями, союзами. Но посмотримъ на глагольныя формы, какія изъ нихъ употребляются для выраженія безличнаго глагола. Изъ выписанныхъ нами данныхъ видимъ, что безличный глаголъ въ русскомъ языкѣ выражается: 1 *неопредѣленнымъ* наклоненіемъ. 2) *Изъявительнымъ* наклоненіемъ въ формахъ 2-го и 3-го лицъ. 3) *Повелительнымъ* наклоненіемъ, и наконецъ 4) *прилагательными* формами. Приведемъ примѣры изъ русскихъ пословицъ и дополнимъ то, чего недостаетъ по грамматикѣ къ формамъ, выражающимъ въ русскомъ языкѣ безличные глаголы. Будемъ употреблять названія формъ общепринятыя по грамматикѣ.

Во 1-хъ *безличные* глаголы въ формѣ *неопредѣленнаго* наклоненія:

Знать по всему, что не *быть* талану (Дал. стр. 31).

—

Сладки твои рѣчи, да не *лизать* ихъ (стр. 52).

—

Сколько ни *вертѣться*, а не куда *дѣться*: на небо высоко, въ воду глубоко (стр. 104).

—

Отъ жали не *плакать стать* (стр. 111).

Во 2-хъ *безличные* глаголы въ формѣ изъявительнаго наклоненія *1-го лица*.

У кого денежки *вижу*, — души своей не *слышу* (стр. 56).

—

Люблю дружка: укуся пирожка да въ запазушку.

—

Чье *кушаю*, того и *слушаю* (стр. 119).

—

Живемъ — хлѣбъ *жуемъ*, а ино и *посаливаемъ* (стр. 48).

—

Живемъ рано, а *съемъ* поздно. (стр. 91)

—

За добро *постоимъ*, а на зло *настоимъ* (стр. 112).

—

Какъ ни *бьемся*, а къ вечеру *напьемся* (стр. 141).

—

Во 2-мъ лицѣ единств. числа.

Прежде вѣку не *помрешь* (стр. 25).

—

Кому скоромнымъ кускомъ подавиться, хоть вѣкъ *постись*, комаромъ *подавишься* (стр. 46).

—

Въ 3-мъ лицѣ.

Кому *паитъ*, у того и быкъ доитъ (стр. 46).

(замѣч. ф. *доитъ* вм. *доится*).

—

Гдѣ *куснетъ*, тамъ и *зудитъ* (стр. 174).

—

При соли *хлебнется*, къ слову *молвится* стр. 176).

—

Богатому сладко *ѣстся*, да плохо *спится* (стр. 62).

—

На кого *подыметъ*, *а на* меня *опуститъ* (стр. 33).

—

Замѣчательно употребленіе глагола *хотитъ* вм. *хочется*, или *захотѣлось*:

Стосковалося у молодца по свою родимую сторонушку,
Посмотрѣть *хотитъ* отцовскаго помѣстьица,
Хоть растетъ тутъ зеленая крапивушка.
(Рыбн. II, стр. 265).

—

Въ 3-хъ въ формѣ *повелительнаго* наклоненія:

Бойся не *бойся*, безъ року смерти не будетъ (стр. 27).

—

Жди, какъ волъ, обуха (стр. 28).

—

Поминай, какъ звали (стр. 39).

—

Богаты, такъ *здравствуйте*, а убоги, такъ *прощайте* (стр. 55).

—

Родись, *крестись*, *женись*, *умирай* — за все денежки *подай*! (стр. 55).

—

Въ 4-хъ, причастія: 1) *Мужескаго* рода:

Думаешь *поймалъ*, — анъ самъ *попался* (стр. 41).

—

Зажилъ въ сажѣ — и глазъ не знать (стр. 64).

—

2) *Женскаго рода:*

Не о томъ дѣло, зачѣмъ *съѣла*, а о томъ, что намъ не *дала* (стр. 43).

—

Что *напекла*, то и *съѣла* (стр. 66).

—

3) *Средняго рода:*

Одному *сбылось*, другому *грезилось* (стр. 36).

—

И *хожено* и *вожено*, да легче нѣтъ (стр. 39).

—

Не того *было хотѣлось*, да такъ *сталось* (стр. 40).

—

И такъ, если русскій глаголъ въ каждой формѣ можетъ упо-

требляться *безлично*, не такъ какъ глаголы иностранныхъ языковъ; то какіе же глаголы въ русскомъ языкѣ грамматика должна признать *безличными*? Не есть-ли это слѣдствіе того свойства русскаго глагола, по которому онъ можетъ имѣть значеніе самостоятельное въ рѣчи? (См. выше). Если формы: *спится*, *поется*, *хочется*, *можно*, *должно* и др. относятся по грамматикѣ къ безличнымъ глаголамъ; то почему нельзя отнести формы на *лъ*, или краткія: *хвать*, *бацъ*, *толкъ* и пр. также къ глаголамъ безличнымъ? Вѣдь въ этихъ формахъ дѣйствительно не обозначается лица. — *Мнѣ спится*, *ему поется*, *вамъ хочется* и пр. Обозначено-ли лицо въ этихъ примѣрахъ, или нѣтъ? Очевидно, обозначено. Однако глаголы эти считаются безличными. Тутъ явное противорѣчіе. Чтобы избѣжать его въ наукѣ, одно средство — отказаться отъ безличныхъ глаголовъ въ русскомъ языкѣ и признать въ нихъ самостоятельность значенія. Это вѣрнѣе и соотвѣтственнѣе смыслу русскаго глагола, а главное — ближе къ жизни и духу русскаго языка и дальше отъ схоластики въ наукѣ. Тогда не придется писать о *замѣнахъ* личнаго оборота безличнымъ, какъ будто бы языку естественно и пріятно замѣнять опредѣленное неизвѣстнымъ, и какъ будто бы рѣшительно все равно сказать: *я хочу* и *мнѣ хочется*, *я сплю* и *мнѣ спится*, *я могу* и *мнѣ можно* и др. Очевидно, что въ одномъ случаѣ играетъ главную роль лицо, предметъ дѣйствующій, а въ другомъ, — само дѣйствіе. Какая же тутъ замѣна? Тогда не пришлось бы доказывать ученику, что выраженіе: *мнѣ хочется* — безличное, не смотря на то, что тутъ же стоитъ личное мѣстоименіе 1-го лица: *мнѣ;* — а выраженіе: *я хочу* — личное. Живое пониманіе никакъ не можетъ почувствовать разницы относительно лица, къ которому относится дѣйствіе въ выраженіяхъ: *мнѣ спится* и *я сплю*, и, чтобы одолѣть эту трудность науки, оно должно отказаться отъ самого себя, отъ здраваго смысла, и искать объясненія въ отвлеченныхъ, сухихъ опредѣленіяхъ. Но тотъ же здравый разсудокъ найдетъ тотчасъ разницу между данными выраженіями, когда скажутъ, что въ одномъ выраженіи имѣетъ главнѣйшее значеніе предметъ дѣйствующій, а въ другомъ — само дѣйствіе.

VII.

Какимъ образомъ выражаются времена въ русскомъ глаголѣ.

Прежде нежели приступимъ къ рѣшенію вопроса о томъ, какимъ образомъ выражаются времена въ русскомъ глаголѣ, считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о глаголахъ: *есть* и *быть*.

Обыкновенно глаголы: *есть* и *быть* смѣшиваются между собою такъ, что глаголъ *есть* считается одною изъ формъ глагола *быть*; именно — формою 3-го лица настоящаго времени; но это — совершенно несправедливо. *Есть* — такой же самостоятельный глаголъ, какъ и глаголъ *быть*. *Есть* и *быть* — двѣ существительныя формы разныхъ глаголовъ.

Глаголъ *есть* выражаетъ самое общее понятіе о бытіи, какъ о дѣйствительномъ и самомъ необходимомъ признакѣ всего существующаго въ природѣ. Все, что ни существуетъ, все, что ни происходитъ въ природѣ, выражается прежде всего въ томъ, что оно *есть*. Все въ природѣ *есть:* или какъ предметъ, или какъ дѣйствіе. Глаголъ *есть*, понимаемый въ смыслѣ бытія — дѣйствія, не измѣняется по степенямъ продолжительности. Какъ бы скоро или медленно ни проявлялось бытіе — дѣйствіе, оно во всякомъ случаѣ уже *есть*. Это общее бытіе — дѣйствіе, какъ необходимый признакъ всего существующаго, равно присуще лицу, какъ предмету вообще, и дѣйствію. Оно ничѣмъ не отличаетъ лица отъ предмета, или предмета дѣйствующаго отъ предмета дѣйствія въ природѣ, — и потому оно не должно отличать лица отъ предмета вообще и въ языкѣ. Каждое лицо, будь оно первое, второе, или третье, прежде всего *есть*, какъ лицо существующее въ природѣ. Каждый предметъ, будь онъ дѣйствующій, или не дѣйствующій, прежде всего *есть*, какъ предметъ существующій въ природѣ. Этотъ смыслъ глагола *есть* понятъ какъ нельзя лучше въ нашемъ языкѣ, живомъ, народномъ, но не книжномъ. Въ народномъ языкѣ глаголъ *есть* остается неизмѣняемымъ для всѣхъ трехъ лицъ. Вотъ примѣры:

Я есть города Мурома, села-то *есть* Карачаева.

(Рыбн. II, стр. 8).

Говоритъ удалый — добрый молодецъ,
Что — *я есть* изъ града, изъ Кiева,
Молодой Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ.
(ibid. стр. 73).

Что же *ты*, Василій, не веселъ *есть*?
(ibid. стр. 110).

«Ай ты ей, король Политовскiй!
Зови каликъ въ палаты бѣлокаменны,
Корми каликъ теперь до сыта,
Да и пой каликъ теперь до пьяна,
Да и дари каликъ теперь до люби:
Это *есть* не калики перехожiи,
А *есть* русски могучiи богáтыри».
(ibid. стр. 76).

Мы говоримъ: «*есть люди*, которые» и пр. Никто не скажетъ: *суть люди*, которые. . — что было бы по грамматикѣ правильнѣе. Если въ народномъ языкѣ употребляются грамматическія формы: *еси*, *есмь* и пр., то — по вліянію церковно-славянскаго языка, для котораго первая грамматика была составлена по образцу греческой. Какъ не свойственно глаголу *есть* измѣняться въ русскомъ языкѣ по лицамъ, видно изъ того, что мы, допуская въ свою рѣчь форму *есть*, рѣшительно отвергаемъ формы: *есмь*, *еси*, *есмы*, *есте* — и стараемся избѣгать даже формы *суть*. Всѣ эти измѣненія противны духу нашего языка, который любитъ примѣнять преимущественно существенное значеніе формы къ смыслу живой рѣчи и вездѣ избѣгаетъ того, что отзывается условностью. Языкъ осмыслилъ глаголъ *есть*, какъ общую форму съ самымъ общимъ значеніемъ бытія — дѣйствія; — и потому не любитъ измѣнять этому существенному значенію формы ради грамматической условной правильности для обозначенія лицъ. И такъ, собственно въ русскомъ языкѣ глаголъ *есть* не измѣняется, какъ дѣйствіе, т. е. какъ общій признакъ бытія всего существующаго. Съ другой стороны, такъ какъ русскій языкъ не довольствуется однимъ лишь отвлеченнымъ значеніемъ, то, придавъ глаголу *есть* значеніе вещественное, онъ измѣняетъ его, какъ понятіе о вещественномъ бытіи вообще. Онъ соединяетъ въ глаголѣ *есть* понятіе о бытіи, какъ признакѣ, съ понятіемъ о бытіи, какъ предметѣ. Глаголъ есть является для него въ тоже время и именемъ существительнымъ. Въ смыслѣ послѣдняго онъ измѣ-

няется по падежамъ; напр.: «дѣвичье нѣтъ дороже *естя*». «Изъ нѣта не выкроешь *естя*». «По *естю* старецъ келью строитъ» и пр. (Толков. слов. Дал. вып. 5). Русскій глаголъ *есть* въ томъ смыслѣ, который онъ имѣетъ въ живомъ народномъ языкѣ, не имѣетъ подобныхъ себѣ глаголовъ въ другихъ языкахъ, и составляетъ по своему значенію и употребленію особенность языка русскаго.

Глаголъ *быть* имѣетъ иное, болѣе тѣсное значеніе бытія: онъ выражаетъ понятіе о бытіи, какъ о дѣйствіи только, т. е. какъ о такомъ качествѣ предмета, которое проявляется подъ условіемъ продолжительности. Какъ дѣйствіе, глаголъ *быть* измѣняется по степенямъ и имѣетъ три главныя степени: краткую — *быть*, продолженную — *бывать* и кратную — *бывывать*. Онъ измѣняется, подобно всѣмъ глаголамъ, по формамъ: *существительной*, *личной* и *прилагательной*. Употребленіе глагола *быть* во всѣхъ этихъ формахъ представляетъ много замѣчательнаго въ народномъ языкѣ; но мы оставляемъ все это пока въ сторонѣ, какъ нейдущее къ настоящему вопросу, къ рѣшенію котораго мы приступаемъ.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго видно, что русскій глаголъ ни одною формою, ни однимъ внѣшнимъ признакомъ не обозначаетъ времени. Какимъ же образомъ выражаются времена въ русскомъ глаголѣ? Для рѣшенія этого весьма важнаго вопроса обратимся къ существенному значенію русскаго глагола и ко всему тому, что было выше сказано о его формахъ.

Существенное значеніе русскаго глагола заключается въ его *качественности*. Подъ качественностью дѣйствія разумѣется *продолжительность* его проявленія, которая опредѣляется тремя главными степенями: *краткою*, *продолженною* и *кратною*. Выше было сказано, что понятіе о продолжительности дѣйствія не слѣдуетъ смѣшивать съ понятіемъ о времени; потому что ни время не зависитъ отъ продолжительности дѣйствія, ни продолжительность дѣйствія не зависитъ отъ времени; слѣд. между ними нѣтъ тѣсной, непосредственной связи. Дѣйствіе можетъ проявляться кратко и продолжительно; но въ томъ и другомъ случаѣ можетъ одинаково относится къ каждому изъ трехъ главныхъ моментовъ времени: прошедшему, настоящему и будущему. Стало-быть, временное значеніе той или другой формы русскаго глагола зависитъ отъ смысла рѣчи. Тѣмъ не менѣе мы постараемся указать на *возможное* соотвѣтствіе между формами русска-

го глагола и тѣми значеніями времени, которыя имъ свойственно принимать въ рѣчи.

Если мы будемъ измѣнять существительную форму степеней въ личныя и прилагательныя формы, то замѣтимъ, что первыя двѣ степени преимущественно предъ послѣднею употребляются въ *личной* формѣ, какъ *опредѣленной*, такъ и *неопредѣленной;* послѣдняя же степень, напротивъ, употребляется преимущественно въ формѣ *прилагательной*. Это явленіе въ русскомъ глаголѣ объясняется такимъ образомъ: если дѣйствіе непосредственно связано съ лицомъ, то, не смотря на свое качественное значеніе, оно должно представляться для сознанія преимущественно дѣйствіемъ, т. е. обнаруженіемъ воли лица, потому что въ этомъ заключается существенный признакъ дѣйствія, какъ дѣйствія. А такъ какъ обнаруженіе воли представляется возможнымъ для сознанія только до тѣхъ поръ, пока дѣйствіе не кончилось (потому что съ окончаніемъ дѣйствія оканчивается для сознанія и обнаруженіе воли); то глаголъ долженъ быть наиболѣе способнымъ принимать личную форму въ такихъ степеняхъ продолжительности, въ которыхъ представленіе продолжительности наименѣе соединяется съ представленіемъ о законченности дѣйствія; слѣд. въ *краткой* и *продолженной* степени. Краткою выражается быстрота дѣйствія; продолженною же — медленность, или, такъ сказать, растяженіе дѣйствія. Правда, съ представленіемъ о быстротѣ дѣйствія соединяется представленіе о его законченности; но въ тоже время эта законченность тѣсно связана также съ представленіемъ о началѣ дѣйствія. Въ краткости проявленія дѣйствія начало и конецъ представляются непосредственно связанными между собою: нельзя мыслить конца дѣйствія безъ его начала, а потому законченность въ этомъ случаѣ не можетъ представляться главною сущностью проявленія дѣйствія; ибо она есть слѣдствіе начала и быстраго обнаруженія воли лица дѣйствующаго при самомъ началѣ дѣйствія: *двину*, *хвачу* и пр. Стало быть, быстрота проявленія зависитъ отъ самого пріема, отъ зачала, а не отъ конца дѣйствія, такъ какъ дѣйствіе можетъ представляться законченнымъ и послѣ продолжительнаго обнаруженія воли дѣйствователя. Вотъ почему личная форма столько же употребительна въ русскомъ глаголѣ отъ краткой степени, сколько и отъ степени продолжительной. — Нѣчто иное представляетъ *кратная* степень. Въ ней дѣйствіе представляется для сознанія проявляющимся подъ вліяніемъ уси-

ленной продолжительности, въ представленіе о которой входитъ представленіе о кратности. Кратность же указываетъ на продолжительность дѣйствія, проявляющуюся не въ первый разъ; слѣдовательно, продолжительность дѣйствія разлагается всегда на предыдущую и послѣдующую, изъ которыхъ первая необходимо представляется для сознанія законченною относительно послѣдней. Такимъ образомъ, смыслъ законченности является отличительнымъ признакомъ, необходимою сущностью представленія о кратной продолжительности дѣйствія. А такъ какъ съ представленіемъ о законченности дѣйствія соединяется представленіе о прекращеніи и воли дѣйствователя; то въ кратной степени непосредственность связи между дѣйствіемъ и лицомъ значительно ослабляется, и потому употребленіе кратной степени въ личной формѣ должно быть ограниченнѣе. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ безпрестанно въ языкѣ кратную степень дѣйствія въ формахъ: существительной и прилагательной; но весьма рѣдко въ формѣ личной. Мы говоримъ: *читывать*, *читывалъ*, *читыванъ*, *давывать*, *давывалъ*, *давыванъ* и пр. не говоримъ: *читываю*, *давываю* и т. п. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ отрицать категорически возможности и личныхъ формъ отъ нея въ языкѣ; ибо встрѣчаются примѣры ихъ употребленія, напр.:

Не *оставливай* горы золотыя,
Не *оставливай* садовъ-виноградовъ,
Не *оставливай* яблонь-кудрявыхъ и пр.
(Калѣки Перех. Безсон. I. 1. № 2.)

Мы говоримъ теперь только о томъ, въ какихъ формахъ болѣе употребительны тѣ, или другія степени дѣйствія, и желаемъ объяснить, по нашему крайнему разумѣнію, причину предпочтенія въ языкѣ однѣхъ формъ другимъ для разныхъ степеней глагола; но вовсе не желаемъ установлять правилъ для языка: это противорѣчило бы нашему собственному взгляду на его изученіе. Изъ сказаннаго до сихъ поръ слѣдуетъ только то, что *личныя* формы глагола болѣе свойственны *краткой* и *продолженной* степенямъ; а *прилагательныя* — *кратной* степени. Переходя отсюда къ объясненію того отношенія между временами и степенями дѣйствія, которое представляется возможнымъ для языка, мы должны замѣтить, что это отношеніе само собою распадается вслѣдствіе сдѣланнаго нами вывода на два отдѣла: 1) на отношеніе между временами и тѣми степенями глагола, которымъ болѣе свойственна личная форма, и 2) на отношеніе между временами и тою степенью глагола, которой болѣе свой-

ственна его прилагательная форма. Но говорить объ отношеніи временъ къ степенямъ по тѣмъ формамъ, въ которыхъ онѣ наиболѣе употребляются, значитъ находить возможное отношеніе между временами и самими формами глагола; поэтому, объяснять отношеніе времени къ краткой и продолженной степени дѣйствія—все тоже, что находить возможную связь времени въ русскомъ глаголѣ съ личными его формами; а объяснять отношеніе времени къ кратной степени дѣйствія—все тоже, что находить возможную связь времени съ прилагательною формою глагола.

Мы знаемъ, что личная форма глагола есть выраженіе той непосредственной связи дѣйствія съ лицомъ, въ которой дѣйствіе представляется обнаруженіемъ, или проявленіемъ воли лица; слѣдовательно, личное окончаніе свойственно дѣйствію лишь до тѣхъ поръ, пока дѣйствіе, какъ проявленіе воли лица, представляется продолжающимся непрерывно; потому что какъ скоро дѣйствіе прекратилось, то проявленіе воли дѣйствователя исчезаетъ для представленія — и личная форма перестаетъ быть необходимою. Дѣйствіе мыслимо продолжающимся непрерывно въ двухъ степеняхъ: *краткой* и *продолженной*. Оттого этимъ степенямъ преимущественно и принадлежитъ личная форма. Теперь, въ какомъ же отношеніи эта личная форма краткой и продолженной степени находится къ представленію о моментахъ времени? Извѣстно, что главныхъ существенныхъ моментовъ времени три: *прошедшій*, *настоящій* и *будущій*. Между ними два послѣдніе наиболѣе соовѣтствуютъ по смыслу личной формѣ краткой и продолженной степени. Притомъ, такъ какъ настоящій моментъ есть ничто иное, какъ граница между будущимъ и прошедшимъ, которая безпрерывно передвигается съ одной, такъ сказать, точки на другую; то настоящее время или вовсе не существуетъ, или представляется неопредѣленнымъ въ своемъ продолженіи. Вслѣдствіе этой неопредѣленности оно ближе всякаго другаго времени по смыслу можетъ быть отнесено къ личной формѣ продолженной степени дѣйствія; ибо личною формою этой степени выражается неопредѣленно продолжающаяся связь дѣйствія съ лицомъ дѣйствующимъ. Самый отвлеченный моментъ, конечно, тотъ, которымъ обозначается *настоящее время*. Самая отвлеченная продолжительность, конечно, — та, которою обозначается *абсолютно-продолженная степень* дѣйствія. На основаніи-то этихъ сходныхъ признаковъ между представле-

ніемъ о настоящемъ времени дѣйствія и представленіемъ о неопредѣленной степени его продолжительности языкъ весьма удобно можетъ придавать смыслъ настоящаго времени личной формѣ глагола абсолютно-продолженной степени; потому что логическая связь между этою формою и настоящимъ временемъ представляется языку вполнѣ возможною. Отсюда однако не слѣдуетъ выводить того заключенія, что продолженною степенью глагола въ личной формѣ выражается *только* настоящее время: мы видѣли много примѣровъ, въ которыхъ тою же степенью и въ той же формѣ выражаются и другія времена; мы вовсе не смѣшиваемъ степеней глагола съ временами, а говоримъ только о томъ, что *настоящее* время можетъ удобнѣе выражаться въ русскомъ языкѣ личною формою продолженной степени глагола, чѣмъ всякою другою формою; — что отношеніе между представленіемъ о настоящемъ времени и личною формою продолженной степени глагола возможнѣе по смыслу, ближе, тѣснѣе, чѣмъ между представленіемъ о настоящемъ времени и всякою другою формою. Далѣе этого заключенія мы нейдемъ и идти не можемъ.

Точно также не трудно объяснить возможность ближайшаго отношенія между *будущимъ* временемъ и личною формою *краткой* степени дѣйствія.

Краткою степенью глагола выражается быстрота дѣйствія, которое, очевидно, бываетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ непосредственнѣе за началомъ слѣдуетъ конецъ его проявленія. Слѣдовательно, безусловная быстрота проявленія должна представляться для сознанія тожествомъ, непосредственнымъ совпаденіемъ начала съ концомъ дѣйствія въ мигъ его проявленія. Представимъ же себѣ, что краткая степень дѣйствія выражается въ личной формѣ, съ которою, извѣстно, связано представленіе о непосредственной связи дѣйствія съ волею лица дѣйствующаго; спрашивается: при какомъ условіи эта непосредственность связи будетъ представляться дѣйствительною для сознанія въ краткомъ быстромъ проявленіи дѣйствія? Разумѣется, при томъ только условіи, когда дѣйствіе не началось, когда начало его находится еще внѣ настоящаго мгновенія и именно: послѣ него; потому что въ противномъ случаѣ теряется для сознанія непосредственность связи дѣйствія съ лицомъ дѣйствующимъ. Какъ скоро проявленіе дѣйствія представляется предшествующимъ настоящему мгновенію, или совпадающимъ съ этимъ послѣднимъ, то дѣйствіе можетъ представляться сознанію уже законченнымъ, а

слѣд. и непосредственность проявленія связи лица дѣйствующаго съ дѣйствіемъ, — прекратившеюся. Стало быть, личная форма краткой степени глагола можетъ сохранить для представленія смыслъ незаконченной продолжительности преимущественно въ томъ случаѣ, когда дѣйствіе не проявляется на самомъ дѣлѣ (in re ipsa), а представляется только въ возможности проявленія. Но такъ какъ смыслъ возможности дѣйствія принадлежитъ также и значенію будущаго времени; ибо каждое мгновеніе будущаго времени представляется не дѣйствительнымъ, но такимъ, которое *можетъ* перейдти въ дѣйствительность: — то языкъ на основаніи этого соотвѣтствія между личною формою краткой степени глагола и смысломъ будущаго времени можетъ придавать въ рѣчи личнымъ формамъ краткой степени глагола значеніе *будущаго* времени. Такимъ образомъ, личная форма краткой степени глаголовъ оказывается въ языкѣ наиболѣе способною для выраженія смысла будущаго времени; точно также, какъ личная форма продолженной степени — для выраженія смысла настоящаго времени. Но отсюда опять таки не слѣдуетъ выводить того заключенія, что личною формою краткой степени глаголовъ всегда выражается *только* будущее время. Ничуть не бывало: ею можетъ выражаться въ русскомъ языкѣ и настоящее и прошедшее. Вотъ личная форма краткой степени въ значеніи настоящаго времени.

Подруга каждая тутъ тихо толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:
— «Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него такъ, право, нѣтъ конца:
То *кувыркнется*,
То *развернется*,
То весь въ комокъ
Онъ такъ *сберется*,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ.

Крыловъ.

—

Вотъ мой чудакъ пустился вдругъ назадъ:
Оглянется; а тѣнь за нимъ ужъ гнаться стала.

Крыловъ.

Ф. *оглянется* вм. *оглянулся*.

Если по смыслу рѣчи нужно выразить быстроту дѣйствія

съ значеніемъ настоящаго или прошедшаго времени, то языкъ свободно употребляетъ также личную форму краткой степени.

Такъ какъ *краткая* степень выражаетъ *опредѣленную* продолжительность и такъ какъ она же въ личной формѣ оказывается способнѣе принять по смыслу рѣчи значеніе будущаго времени; то понятно, что значеніе будущаго времени находится въ соотвѣтствіи съ значеніемъ *опредѣленной* продолжительности. Стало быть, чѣмъ продолжительность дѣйствія болѣе опредѣляется по смыслу рѣчи, тѣмъ само дѣйствіе удобнѣе можетъ принять (въ личной формѣ) значеніе будущаго времени. Мы знаемъ уже, что продолжительность дѣйствія можетъ опредѣляться предлогами; поэтому глаголъ, одѣваясь предлогами, или приставками, и опредѣляясь въ своей продолжительности, можетъ переходить въ личной формѣ по смыслу рѣчи изъ настоящаго времени въ будущее; напр.: *несу — принесу; хвалю — похвалю* и пр. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что время зависитъ отъ предлога, или приставки; потому что въ 1-хъ предлогомъ или приставкою, какъ мы видѣли, не обусловливается необходимость выражать обстоятельство времени: во 2-хъ есть много глаголовъ, въ которыхъ, не смотря на предлоги, не происходитъ того передвиженія временъ, о которомъ мы замѣтили. Притомъ извѣстно также, что какъ глаголы простые, такъ и сложные могутъ въ одной и той же личной формѣ употребляться съ значеніемъ настоящаго и будущаго времени; напр. *образую, велю, прохожу, сношу* и пр. Указывая на передвиженіе временныхъ значеній, мы вовсе не думаемъ сочинять какого либо правила, по которому время ставилось бы въ зависимость отъ прилагаемой къ глаголу приставки, а говоримъ только то, что на основаніи соотвѣтствія между ограниченностью, заключающеюся въ представленіи о будущемъ времени, и ограниченностью значенія глагола, опредѣляемаго приставкою, языкъ удобно можетъ придавать въ живой рѣчи значеніе будущаго времени всякой личной формѣ такого глагола (сложнаго съ предлогомъ), которому въ простомъ его видѣ, онъ можетъ удобнѣе приписать значеніе времени настоящаго. Значеніе времени глагола въ рѣчи не зависитъ ни отъ степени продолжительности дѣйствія, ни отъ предлоговъ, сливающихся съ глаголомъ. Языкъ остается свободнымъ и въ этомъ отношеніи отъ формъ. Мы указываемъ лишь на возможность связи или отношенія между временемъ, какъ однимъ изъ важнѣйшихъ условій рѣчи, и лич-

ными формами краткой и продолженной степени въ русскомъ глаголѣ.

Посмотримъ теперь на отношеніе между прошедшимъ временемъ и прилагательною формою глагола, которая, какъ было замѣчено, наиболѣе свойственна кратной степени дѣйствія. Оно понимается въ русскомъ языкѣ слѣдующимъ образомъ: то дѣйствіе, которое было, не находится уже въ непосредственной связи съ волею лица, — оно стало внѣ ея. Напр.: *я пишу* — дѣйствіе непосредственно связано съ лицомъ и выражаетъ обнаруженіе моей воли. Предположимъ, что дѣйствіе кончилось и я уже болѣе не пишу; — понятно, что дѣйствіе кончилось именно потому, что я прекратилъ связь между своею волею и ея обнаруженіемъ. Лицо отказалось отъ дѣйствія въ извѣстный мигъ времени — и дѣйствіе прекратилось. То время, въ которое связь между лицомъ и дѣйствіемъ продолжалась, будетъ имѣть смыслъ прошедшаго момента въ отношеніи къ тому, которое слѣдуетъ за мигомъ прекращенія связи между лицомъ и дѣйствіемъ. Если между лицомъ и дѣйствіемъ прервана непосредственная связь, то, понятно, что глаголъ не имѣетъ уже нужды въ личной формѣ. Какъ скоро дѣйствіе прекратилось и воля лица перестала проявляться въ немъ непосредственно; то дѣйствіе тотчасъ принимаетъ уже значеніе признака, а лицо въ отношеніи къ дѣйствію становится простымъ предметомъ. Совершенно справедливо говоритъ К. С. Аксаковъ, что «русскій языкъ не считаетъ дѣйствія прошедшаго за дѣйствіе». (стр. 9.) Онъ считаетъ его за признакъ, за качество предмета, и потому выражаетъ *прилагательною* формою. Въ ней русскій языкъ находитъ средство выразить прекращеніе непосредственной связи дѣйствія съ лицомъ и замѣнить эту связь дѣйствія съ лицомъ новымъ отношеніемъ ихъ между собою, именно отношеніемъ признака къ предмету. Между всѣми прилагательными формами русскій языкъ выбираетъ такую, въ которой глаголъ всего ближе къ прилагательному имени и въ которой, слѣдовательно, отношеніе дѣйствія, какъ признака, къ лицу, какъ къ предмету, выражается вполнѣ отчетливо и ясно. Но такъ какъ отношеніе между дѣйствіемъ и лицомъ бываетъ дѣйствительное и отвлеченное; то въ первомъ случаѣ вполнѣ удовлетворяетъ форма прилагательная на *лъ*; во второмъ — *нъ*. Обѣ эти формы представляютъ самый ясный переходъ дѣйствія въ признакъ. На основаніи этого перехода дѣйствія въ признакъ языкъ можетъ

сообщать формамъ *лъ* и *нъ* смыслъ прошедшаго времени, приводя ихъ въ связь съ лицомъ дѣйствующимъ. Вотъ почему прилагательныя формы на *лъ* и *нъ* представляются наиболѣе удобными для выраженія дѣйствія въ прошедшемъ времени. Возможность отношенія между представленіемъ о прошедшимъ времени и значеніемъ прилагательныхъ формъ *лъ* и *нъ* объясняется слѣдующимъ образомъ: какъ прилагательною формою *лъ* выражается полный переходъ дѣйствія въ признакъ; такъ и прошедшимъ временемъ выражается полный переходъ мгновенія въ вѣчность. Какъ дѣйствіе относится къ признаку вообще, такъ мгновеніе относится къ вѣчности. Такимъ образомъ, переходъ дѣйствія въ признакъ находитъ себѣ соотвѣтствіе въ переходѣ мгновенія въ вѣчность. На основаніи этого соотвѣтствія языкъ нашелъ возможность сообщать въ живой рѣчи прилагательной формѣ *лъ* значеніе прошедшаго времени. Но отсюда не слѣдуетъ однако, что прилагательная ф. на *лъ* или *нъ* должна выражать *только* прошедшее время. Она не есть форма временная — и въ языкѣ часто встрѣчается съ значеніемъ настоящаго и будущаго времени. Но дѣло въ томъ, что русскій языкъ на основаніи соотвѣтствія между представленіемъ о прошедшемъ времени и значеніемъ прилагательной формы глагола удобнѣе можетъ сообщать формамъ *лъ* и *нъ* по смыслу рѣчи значеніе прошедшаго времени.

Формы, о которыхъ идетъ рѣчь, принадлежатъ всѣмъ степенямъ глагола, но особенно формѣ *кратной* степени. Объ этомъ было говорено выше.

Такимъ образомъ, вникая въ значеніе формъ русскаго глагола, мы объяснили ту возможную связь ихъ съ условіемъ времени, которую допускаетъ русскій языкъ въ живомъ употребленіи. Не забудемъ, что эта связь есть связь *возможная*, а не *дѣйствительная*. Она допускается лишь логически, а не фактически: ни одною формою русскій глаголъ не выражаетъ собственно времени. Только смыслъ, чаще соединяемый съ извѣстною формою глагола въ живой рѣчи, даетъ этой формѣ то, или другое значеніе времени. Другими словами, возможность связи извѣстнаго времени съ извѣстною какою-либо формою глагола основана единственно на смыслѣ самой рѣчи. Ошибка нашихъ грамматикъ, приписавшихъ русскому глаголу временныя формы, происходитъ между прочимъ и отъ того, что наши филологи думали уловить живой смыслъ рѣчи и свободу русскаго языка въ употребленіи формъ глагола въ опредѣленныя формы

временъ и приняли то, что имѣетъ въ языкѣ значеніе лишь возможной связи, за связь дѣйствительную и за фактическую форму времени. Отсюда правила для употребленія временъ съ безчисленнымъ множествомъ исключеній. Разумѣется, главная-то причина этого явленія все таки заключается въ неясномъ пониманіи духа русскаго языка вообще и смысла русскаго глагола въ особенности. Безъ сомнѣнія, находясь подъ вліяніемъ чуждыхъ грамматикъ, трудно и добраться до пониманія такого языка, который съ одной стороны любитъ силу, изобразительность и свободу въ оборотахъ, съ другой — не терпитъ никакой условной формальности въ рѣчи.

Разобравъ отношеніе временъ къ степенямъ и формамъ русскаго глагола, мы можемъ теперь предложить нѣкоторыя необходимыя замѣчанія относительно самихъ временъ. Начнемъ съ *прошедшаго*.

Прошедшее время въ русскомъ языкѣ, подобно всякому другому времени, можетъ быть выражаемо какъ личною, такъ и прилагательною формою. Когда употребляется какая либо личная форма съ значеніемъ прошедшаго времени, тогда рѣчь изобразительнѣе: дѣйствіе прошлое, законченное представляется подъ формою непосредственнаго проявленія живѣе для воображенія. Но обыкновенно значеніе прошедшаго времени придается языкомъ формѣ прилагательной *лъ*, *нъ* (тъ). Смотря по той степени глагола, отъ которой она образовалась, и общее значеніе прошедшаго времени получаетъ въ рѣчи частные оттѣнки; какъ напр. *крикнулъ*, *кричалъ*, *крикивалъ*. Формою *крикнулъ* выражается краткость прошлаго дѣйствія; формою *кричалъ* — неопредѣленность прошлаго дѣйствія; формою *крикивалъ* — кратность прошлаго дѣйствія. Первую называютъ въ грамматикахъ или *прошедшимъ однократнымъ* или *прошедшимъ совершеннымъ* временемъ. Вторую — *преходящимъ* или *прошедшимъ неопредѣленнымъ* и еще — *несовершеннымъ*. Третью — *давнопрошедшимъ* или *прошедшимъ многократнымъ*. Мы не будемъ разбирать этихъ названій, на сколько они соотвѣтствуютъ сущности дѣла. На основаніи того, что нами сказано о значеніи русскаго глагола и его формъ, не трудно замѣтить несостоятельность грамматическихъ названій временъ. Мы просто называли бы каждую изъ формъ: *крикнулъ*, *кричалъ*, *крикивалъ* прилагательною формою глагола такой-то степени съ

значеніемъ такого-то времени, смотря по смыслу рѣчи. Что сказано о формѣ *лъ*, то относится и къ формамъ *нъ* и *тъ*.

Настоящее время обозначается преимущественно предъ другими формами личною формою глагола каждой степени, выражая быстроту, или *краткость*, *неопредѣленность* и *кратность* настоящаго дѣйствія. Но кратность только въ смыслѣ усиленной продолжительности можетъ употребляться въ личной формѣ, и потому личная форма кратной степени встрѣчается рѣдко. И такъ настоящее время краткой степени будетъ: *двину*, *махну*, *крикну*, *свернусь* и др. а настоящее время продолженной степени: *махаю*, *кричу*, *двигаю*, *свертываюсь* и др.

Будущее время, подобно настоящему, принадлежитъ преимущественно личной формѣ краткой и продолженной степени. Но изъ этихъ степеней первая — наиболѣе свойственна будущему времени; вторая же степень въ личной формѣ, какъ наиболѣе свойственная настоящему времени, замѣняется въ рѣчи чаще существительною формою продолженной степени глагола съ личною формою краткой степени глагола *быть*.

Глаголъ *быть* употребляется въ русскомъ языкѣ во всѣхъ своихъ формахъ: *существительной* — быть, *личной* — буду и *прилагательной* — былъ, а, о, съ другими глаголами. Въ этомъ случаѣ онъ, отказываясь отъ своего самостоятельнаго значенія, служитъ другимъ глаголамъ значеніемъ своей формы. Краткость дѣйствія, выражаемая его формою, получаетъ въ соединеніи съ другимъ глаголомъ смыслъ *предѣла* того дѣйствія, съ которымъ соединяется въ рѣчи. Какъ предѣлъ другаго дѣйствія, глаголъ *быть* содержитъ въ себѣ представленіе о двухъ моментахъ: съ одной стороны — о томъ моментѣ, которымъ опредѣляется законченность дѣйствія; — съ другой — о томъ моментѣ, которымъ опредѣляется начало дѣйствія.

Въ существительной формѣ глагола *быть* оба эти момента находятся въ соединеніи между собою, или, лучше сказать, остаются въ безразличіи; но въ другихъ двухъ формахъ: *личной* и *прилагательной* — они различаются. Первою формою выражается тотъ моментъ, съ котораго дѣйствіе начнется; второю — тотъ, которымъ дѣйствіе заканчивается. Дѣйствіе, которое начнется — есть дѣйствіе *возможное*; дѣйствіе, которое закончилось есть дѣйствіе *необходимое*: говоримъ — *необходимое*; потому что оно не только *есть* (дѣйствительно), но и не мо-

жетъ не быть, какъ уже дѣйствіе совершившееся. Какъ *возможность*, такъ и *необходимость* проявленія дѣйствія представляются слѣдствіемъ значенія тѣхъ моментовъ, которые выражаются личною и прилагательною формою. Но мы сказали выше, что эти моменты въ *существительной* формѣ глагола *быть* находятся въ безразличіи, а потому глаголъ *быть*, присоединяясь въ существительной формѣ къ другимъ глаголамъ той же формы, сообщаетъ значенію этихъ послѣднихъ оттѣнокъ возможности и необходимости въ одно и тоже время. Но это, разумѣется, есть уже слѣдствіе того главнаго смысла служенія глагола *быть*, который состоитъ въ томъ, чтобы *опредѣлить* другое дѣйствіе, указать ему *предѣлъ* въ представленіи; напр.: «сколько ни браниться, а *быть помириться*» (Дал. стр. 272) т. е. сколько ни браниться, а есть предѣлъ ссоры въ примиреніи; сколько ни плакать, а *быть перестать*» т. е. сколько ни плакать а есть *предѣлъ* плачу въ дѣйствіи *перестать*. «Сколько ни тяни, а *быть*, что *надорваться*» (Дал. стр. 291) т. е. сколько ни тяни, а есть предѣлъ дѣйствію *тянуть* въ дѣйствіи *надорваться*. По духу нашего языка всякой глаголъ можетъ имѣть вполнѣ самостоятельное, существительное значеніе; слѣд. и употребленіе однихъ существительныхъ формъ глагола для выраженія цѣлой мысли весьма естественно и законно. Соображая это послѣднее замѣчаніе съ тѣмъ, что было выше сказано о значеніи гл. *быть* при другихъ глаголахъ, мы должны сказать, что ученіе нашей грамматики о томъ, что при употребленіи одного неопредѣленнаго наклоненія въ рѣчи нужно подразумѣвать: *можно*, *должно* — оказывается совершенно напраснымъ, и, главное, не соотвѣтствующимъ духу языка.

Глаголъ *быть* въ личной формѣ: *буду*, *будешь* и т. д. при другихъ глаголахъ выражаетъ тотъ моментъ, съ котораго начнется дѣйствіе. — Говоря о будущемъ времени, мы замѣтили, что оно, подобно настоящему, принадлежитъ преимущественно личной формѣ краткой и продолженной степени. Но такъ какъ продолженная степень по своей неопредѣленности болѣе соотвѣтствуетъ значенію настоящаго времени, то для обозначенія предѣла, съ котораго должна начаться неопредѣленная продолжительность дѣйствія, языкъ прибѣгаетъ къ личной формѣ глагола *быть*. Объяснить это не трудно на основаніи всего сказаннаго выше. Какъ будущее, такъ и прошедшее время опредѣляются каждое своимъ предѣломъ. Прошедшее опредѣляется

тѣмъ моментомъ, которымъ дѣйствіе закончилось; будущее — тѣмъ, съ котораго дѣйствіе начнется. Стало быть, чтобы указать на этотъ моментъ, необходимо прибѣгнуть къ личной формѣ какой либо *опредѣленной* степени глагола. Опредѣленныхъ степеней собственно двѣ: *краткая* и *кратная*. Послѣдняя, какъ извѣстно, рѣдко употребляется въ личной формѣ; — остается *краткая* степень. Но *краткая* степень въ личной формѣ удобно принимаетъ на себя въ рѣчи смыслъ будущаго времени такого однако дѣйствія, котораго продолжительность опредѣлена уже быстротою, краткостью проявленія по смыслу самой степени. Слѣд. выразить ею неопредѣленную продолжительность въ будущемъ времени невозможно; поэтому языку, за исключеніемъ уже *личной* формы *продолженной* степени, остается выбирать или *существительную* или *прилагательную* форму той же степени. Но прилагательная форма служитъ удобнѣе, какъ мы видѣли, для выраженія прошедшаго времени; слѣд. остается форма *существительная продолженной* степени. Но этою фор. хотя можно выразить неопредѣленную продолжительность дѣйствія, однако значеніе будущаго времени требуетъ еще указанія на лицо и на тотъ моментъ, съ котораго начнется дѣйствіе. Поэтому является необходимость обратиться къ вспомогательной личной формѣ краткой степени такого глагола, который бы съ одной стороны не могъ имѣть вліянія на значеніе главнаго дѣйствія; съ другой — содержалъ бы въ себѣ всѣ условія для возможной связи дѣйствія со смысломъ будущаго времени. Такимъ глаголомъ является глаголъ *быть* въ личной формѣ, или глаголъ *стать* или *начать*; ибо всѣ они указываютъ на моментъ, съ котораго начнется дѣйствіе. Вотъ почему русскій языкъ находитъ возможною связь между дѣйствіемъ неопредѣленнымъ въ своей продолжительности и смысломъ будущаго времени въ выраженіяхъ: *буду двигать*, *буду кричать*, *буду дѣлать*; *стану двигать*, *стану кричать*, *стану дѣлать*; *начну двигать*, *начну кричать*, *начну дѣлать*, и признаетъ всякое другое сочетаніе формъ въ этомъ случаѣ противнымъ своей природѣ; такъ напр.: русскій языкъ не допускаетъ выраженій: *буду двинуть*, или *двигивать*; *стану крикнуть*, или *крикивать*; *начну сдѣлать*, *буду сказать* и т. п. Ясно, что въ этомъ случаѣ глаголъ *буду* имѣетъ лишь значеніе предѣла, съ котораго начнется дѣйствіе неопредѣленное по своей продолжительности. Но какъ скоро глаголъ *быть* имѣетъ собственное, самостоятельное значеніе дѣй-

ствія, а не значенія предѣла для другаго дѣйствія, тогда онъ употребляется со всѣми степенями другихъ глаголовъ; напр.:

«Чѣмъ-то Ставра *будетъ повыкупить*,
«Какъ-то Ставра *будетъ повывести?*
«Не *выкупить будетъ* Ставра несчетной золотой казной,
«И не *вывести будетъ* силой могучей — богатырскою:
«*Повывести будетъ* Ставра догадками женскими».
(Рыбн. II, стр. 95.)

Какъ личной формѣ *буду* языкъ придаетъ по смыслу значеніе того момента, съ котораго начнется дѣйствіе, такъ *прилагательной* ф. *былъ* — онъ придалъ значеніе того момента, которымъ дѣйствіе закончилось. Это видно изъ употребленія ф. *былъ* съ другими прилагательными формами. *Книга читана* и *книга была читана*. Въ первомъ случаѣ качество *читана* просто приписывается книгѣ, какъ такой признакъ, съ которымъ предметъ останется навсегда. Въ послѣднемъ же — указывается на предѣлъ, на тотъ моментъ, послѣ котораго книга уже не читалась.

Глаголъ *быть*, употребляясь самостоятельно въ существительной формѣ, выражаетъ по смыслу своей степени *предѣлъ* собственнаго же дѣйствія. Но такъ какъ въ существительной формѣ *предѣлъ* не различаетъ моментовъ возможности и необходимости, то самостоятельный глаголъ *быть* выражаетъ въ рѣчи смыслъ и возможности и необходимости вмѣстѣ, неясно; напр.: *быть бѣдѣ*. Это выраженіе имѣетъ и тотъ смыслъ, что бѣда необходимо будетъ, — и тотъ, — что она можетъ быть и не быть. Тоже относится и ко всѣмъ другимъ глаголамъ существительной формы, употребляющимся самостоятельно въ рѣчи.

Этихъ замѣчаній о глаголѣ *быть* достаточно для полнаго объясненія вопроса объ отношеніи условія времени къ значенію формъ русскаго глагола.

Что касается до глагола *есть*, то онъ, какъ глаголъ вспомогательный, не оказываетъ и не можетъ оказывать по своему смыслу, который былъ объясненъ нами выше, никакого вліянія на значеніе формъ другихъ глаголовъ — и потому не употребляется въ соединеніи съ другими формами.

Въ заключеніе представимъ всѣ формы, въ которыхъ русскій глаголъ существенно измѣняется. Онъ имѣетъ:

1) *Существительную форму разныхъ степеней.*

2) *Опредѣленную личную форму:*

1-го л. *мъ, мъ, у, ю*
Ед. Ч. 2-го — шь.
3-го — тъ.

1-го — мъ.
Мн. ч. 2-го — те.
3-го — утъ (ютъ), атъ (ятъ).

3) *Неопредѣленную или общую личную форму:*
— *и*, — *й*, — *ь* — для всѣхъ лицъ и чиселъ.

—

4) *Сложную личную форму:*
— *мте*: пойдемте.

—

5) *Прилагательныя формы краткія:*
а. *Качество относительное —*
а, я, чи, въ, ши, лъ.

—

б. *Качество самостоятельное —*
мъ, нъ, тъ.

—

6) *Прилагательныя формы полныя:*
а. *Качество относительное —*
щій, шій, ный.

—

б. *Качество самостоятельное —*
мый, ный, тый.

Какъ видимъ, формъ — немного; за то употребленіе ихъ такъ разнообразно, что ни одинъ иностранный языкъ не въ состояніи соперничать въ этомъ отношеніи съ языкомъ русскимъ. Въ этихъ немногихъ формахъ нѣтъ ничего условнаго, ничего стѣсняющаго свободу ихъ употребленія. Языкъ, выработавъ эти немногія но существенныя формы глагола, остался чистъ отъ всякой формальности, силенъ и гибокъ въ своихъ оборотахъ. Въ немъ каждая форма полна жизни; каждое удачное употребленіе формы сообщаетъ свѣжесть и новый отсвѣтъ выраженію мысли. Изучая значеніе этихъ формъ, можно добраться до смысла, до живаго пониманія духа своего языка Въ этомъ состояла задача нашего труда. Насколько мы успѣли рѣшить ее, судить, конечно, не намъ.

КОНЕЦЪ.

Bayerische Staatsbibliothek München

ОПЕЧАТКИ.

Стр.:	*Строка:*		*Напечатано:*	*Должно читать:*
6	снизу	11	торжественный	тожественный
11	снизу	17	употреблении	употребленіи;
18	сверху	12	кака	какъ
21	сверху	8	нарѣчіе.	нарѣчія.
22	снизу	12	по установленію	но установленію
29	сверху	8	*не отвлеченное.*	*не отвлеченное*,
		9	*но реальное.*	*но реальное*,
37	сверху	18	за глаголами	за глаголомъ
65	снизу	12	очевидно	очевидно,
69	снизу	18	К. А. Аксаковъ	К. С. Аксаковъ
73	сверху	11	Посл. Даль	Посл. Даля.
87	сверху	13	Грамматикѣ»	Грамматикѣ
90	снизу	9	и отъ такъ	и, отъ такъ
113	сверху	17	къ такому-то , лицу	къ такому-то лицу,
114	снизу	1	оэгласиться	согласиться
119	сверху	19	при соединеніе	присоединеніе
130	сверху	9	совер,	совер-
133	сверху	1	загребешекъ?	за гребешокъ?
138	сверху	1	глагольныхъ	главныхъ
142	сверху	6	совѣмъ	совсѣмъ
145	снизу	4	(*двигивалъ, двигнулъ, двигивалъ*)	(*двигалъ, двигнулъ, двигивалъ*)
150	снизу	17	ионятіе	понятіе
168	сверху	3	въ смыслъ	въ смыслѣ
177	сверху	18	Въ двухъ словахъ; *пріутихли сидятъ*	Въ двухъ словахъ «*пріутихли сидятъ*»
183	сверху	12	и предметомъ; *вниманіе*	и предметомъ *вниманіе*
194	сверху	9	*и идти ва гору*	*и идти на гору*
	снизу	17	свого	своего
199	сверху	20	съ двумя падежами;	съ двумя падежами:
208	сверху	4	представляется	представляется,
216	снизу	12	*отважиться*	*Отважиться*
250	снизу	15	*распѩтъ*	*распѫтъ*

19n

22 54

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Nekrasov, Nikolaj Petrovič,

O značenii form russkago glagola

Sanktpeterburg 1865

L.rel. 2629 f
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10589451-7